

Гай Юлий
Орловский

Ричард Длинные Руки —
герцог

Гай Юлий Орловский

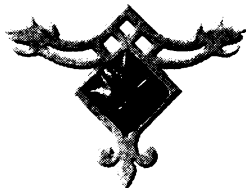

Длинные Руки —
герцог

Полуарства
за корону!

Баллады
о Ричарде
Длинные Руки

Ригард Длинные Руки
Ригард Длинные Руки — воин Господа
Ригард Длинные Руки — паладин Господа
Ригард Длинные Руки — сеньор
Ригард де Амальфи
Ригард Длинные Руки —
властелин трех замков
Ригард Длинные Руки — виконт
Ригард Длинные Руки — барон
Ригард Длинные Руки — ярл
Ригард Длинные Руки — граф
Ригард Длинные Руки — бурграф
Ригард Длинные Руки — ландлорд
Ригард Длинные Руки — пфальцграф
Ригард Длинные Руки — оверлорд
Ригард Длинные Руки — коннетабль
Ригард Длинные Руки — маркиз
Ригард Длинные Руки — гротграф
Ригард Длинные Руки — лорд-протектор
Ригард Длинные Руки — майордом
Ригард Длинные Руки — маркграф
Ригард Длинные Руки — лаугграф
Ригард Длинные Руки — фрейграф
Ригард Длинные Руки — вильдграф
Ригард Длинные Руки — раугграф
Ригард Длинные Руки — конунг

Ригард Длинные Руки —
герцог

Баллады
о Ричарде Длинные Руки

Гай Юлий Орловский

Ричард

Длинные Руки —
герцог

ЭКСМО
Москва
2010

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4
О-66

Оформление серии *А. Старикова*

Серия основана в 2004 году

В оформлении переплета использован
рисунок *В. Коробейникова*

Орловский Г. Ю.

О-66 **Ричард Длинные Руки — герцог : фантастический роман / Гай Юлий Орловский. — М. : Эксмо, 2010. — 480 с. — (Баллады о Ричарде Длинные Руки).**

ISBN 978-5-699-44060-3

Запоздало, очень запоздало сообразив, что высокие титулы дают вольностей мало, а забот много, Ричард пытается затормозить и как-то справиться с тем, что уже нахалал. Но остановиться в разбеге сразу трудно. Судьба заставляет принять и корону герцога. Начинается самое страшное испытание в его жизни. Впервые жизнь человечества повисает на остром лезвии его длинного меча!

УДК 82-312.9
ББК 84(2Рос-Рус)6-4

ISBN 978-5-699-44060-3

© Орловский Г. Ю., 2010
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2010

На небесах более радости об одном грешнике кающемся, нежели о девяти праведниках, не имеющих нужды в покаянии.

Евангелие от Луки

Часть I

Глава I

Тонкий узор из зеленых листьев стал прозрачно-красным. Я поднял тяжелые веки, несколько мгновений смотрел тупо и непонимающе, чего это утро прибежало так рано. Воздух уже резкий, свежий, с привкусом спелых ягод и оливкового масла. Поежиться и даже почесать нос не получится: правое плечо прижато головой спящей Боудеррии, рукой воительница цепко ухватила меня поперек туловища, а еще и ногой придавила, угнетательница.

Я долго и старательно отвоевывал свободу, выползая из-под нее, как червячок из-под камешка. Спит богатырски, молодец, точно не политик, хотя завтрашний день вообще-то уже настал.

Оставив ее похрапывать под защитой могучей оливы и опустившихся до самой земли роскошных ветвей, осторожно раздвинул стены этого зеленого шатра.

Аромат созревших ягод стал сильнее и более дразнящим. В трех шагах на покрытом крупными каплями росы камне скрючился нахохлившийся и наверняка озябший за ночь Торкилстон.

Я замедлил шаг и тихонько кашлянул. Он вздрогнул, ухватился за меч и резко повернул голову.

— Доброе утро, — сказал я бодро. — Как бдилось?

Он молча взглянул не то с осуждением, не то с завистью. Зато Ордоньес, что разводит костер ближе к ручью, улыбается во весь рот, глаза довольные, словно это сам вот так, и не объяснишь, что такое у меня редко, да и то больше по политически мотивированным... Э... мотивам.

— А вы свеженький, ваша светлость, — заметил он с некоторым изумлением. — Неужто в самом деле спали?

— В самом, — подтвердил я. — Вчера так набегались, сам знаешь, что ну прямо как брат и сестра, обнялись и заснули.

— Она еще спит?

— Да, — подтвердил я. — Ухайдакалась больше нас.

— Поздравляю, — воскликнул он. — Я думал, такого огра ничем не ухайдакать!.. Ладно-ладно, я тут кое-что из вчерашнего разогрел...

Я отмахнулся.

— В такой день и вчерашнее? Оставьте лесным зверушкам.

— Да в походе ж не перебирают...

— А у нас праздник, — ответил я бодро.

Он запнулся и смотрел, как я творю сочные бифштексы, копчености, тушеное, печеное и запеченное, вырезку, стейк, карбонад, ветчину, буженину, корейку, кровяные колбаски, крабовое мясо, икру, бекон, а потом перешел на всякие десертности...

— Ваша светлость, — взмолился он, — хватит! Я слюной захлебнусь. Верю, что у вас ночью силы не ubyло, у вас все не как у людёв... Нас же здесь всего восьмеро, считая и побежденных.

— Проигравших, — мягко поправил я.

— Так мягко?

Я кивнул.

— Все кончилось, Ордоньес. Сейчас даже проигравших нет.

— А что, им просто не та карта легла?

— Именно. Все недоразумения забыты, понял?

Он сказал с широкой улыбкой:

— Вообще-то мне всегда нравилось после драки потом вместе посидеть в таверне...

— Вот-вот, — сказал я. — Нам сообща строить прозрачное и абсолютно не коррумпированное общество! Какие могут быть счеты? В общем, зови этих будущих строителей к завтраку.

— Строителей, — повторил он задумчиво. — А они об этом знают?

— Не стоит пугать раньше времени, — предупредил я. — Надо мягко сперва, мягко.

Шагах в двадцати от нас красиво, мощно и с сухим треском полыхает картинно-красочный оранжевый костер с прыгающими по всей короне багровыми языками. Разожжен прямо на голых камнях, ни прутика хвороста, молодец Дрескер, то ли сохранил крохи сил, то ли уже восстанавливается...

Вильярд, обнаженный до пояса, расположился, как на коне, на поваленном дереве. В сильных руках трещит и противно скрежещет помятая кираса. Рядом с ее верным рыцарем прямо на земле сидит принцесса Алонсия, к моему изумлению, штопает, хоть и неумело, изорванную мужскую рубашку.

Я уважительно покачал головой: под толстыми пальцами героя кираса приобретает почти прежний вид, словно Вильярд продавливает пластилин, а не толстую стальную пластину.

Гном роется в мешке, старик спит сидя, прислонившись к большому пню, такому же трухлявому, как и он, шляпу надвинул на глаза, доносится похрапывание.

— Всем доброе утро! — сказал я жизнерадостно.

На меня посмотрели угрюмо и с неприкрытой злостью. Вильярд все же встал и отвесил учтивый поклон, благородное воспитание обязывает, а гном пробасил, не отрывая задницы от земли:

— Где Боудеррия?

— Зарезал и закопал под деревом, — сообщил я.

Алонсия поморщилась, мужские шуточки бывают грубоваты, а Вильярд пояснил, смягчая слова рыжебородого соратника:

— Мы собираемся сейчас... выступить.

— Как только подойдет Боудеррия, — уточнила принцесса.

Она все еще посматривала на меня со странным выражением, словно старалась понять, насколько же я глубоко страдаю от ее поступка, если даже принял утешение от ее телохранительницы. У гнома по его широкой морде ничего не поймешь, к тому же вся в бороде, только глаза и нос, маг все так же спит, раскрыв рот и чуть ли не роняя слюни.

— Выступить? — переспросил я. — Сейчас?

— Да, — ответил Вильярд за всех, в голосе прозвучала настроженность. — Если вы не против...

— Куда? — напомнил я. — Давайте позавтракаем вместе, затем все решим. До завтрака мысли какие-то суматошные, неупорядоченные и даже злые... Скачут, скачут. Сэр Торкилстон, помогите нашему адмиралу накрыть на стол!

Вильярд из-за потери Камня Мощи почернел лицом, но держится сдержанно, со мной холодно учтив, лишь пару раз в его взгляде промелькнуло безмерное удивление. Сам рыцарь, но от меня рыцарства почему-то не ждал, теперь нижняя челюсть постоянно отвисает, даже принцесса это заметила и недовольно хмурится.

Дрескер так измотался, что проснуться не может, гном держится в сторонке, мне доверять не торопится. Хуже всего Боудеррии, если уже проснулась, то сейчас явно думает, как объяснить соратникам свое поведение, похожее на предательство. Лишь принцесса цветет, ждет не дождется, когда меня черти унесут, чтобы жить и чирикать...

На десерт я насоздавал великое множество разнообразнейших конфет, деликатнейшего печенья, затем, расхраб-

рившись, напрягся, сосредоточился и... получилось!.. в руке холодит пальцы тонкая ножка настоящей хрустальной вазочки, которую сотни раз держал раньше, но только сейчас сумел воссоздать, а в ней порция изысканнейшего сливочного мороженого с шоколадом и орешками.

— Принцесса, — сказал я галантно, — это вам.

Она взяла достаточно уверенно, хотя и с неподвижным лицом, — страшится опозориться, как можно перед Вильярдом, — произнесла светски ровным голосом:

— Благодарю вас... сэръ Ричард. Вы необычайно любезны.

Вильярд и гном наблюдали с каменными лицами, но, как мне показалось, были польщены. По всем правилам стол накрывать должна проигравшая сторона, но мы постоянно подчеркиваем, что основной подвиг совершили они, прорубившись сквозь неисчислимыя полчища нежити и прочей гадости, а мы прошли, как хитрые лисички, следом.

Гном растолкал Дрескера, тот немедленно ожил, завидев незнакомые яства, даже выхватил у него буквально изо рта шоколадку, но не сожрал, а нюхал, лизал, смотрел через нее под углом на солнце, скреб ногтем.

Гном проворчал что-то нелестное в адрес высоколобых, вызвав одобрительные улыбки у всех, особенно у Ордоньеса и Торкилстона.

Лицо чародея покраснелось, он разрывался от желания все исследовать, поприставать ко мне с расспросами, но Вильярд бросает грозные взгляды, а гном посмотрел на мага и с нехорошей улыбочкой погладил рукоять исплинского топора.

Я хотел создать мороженого еще и еще, да чтоб все именно в хрустальных вазочках, нас много, но убоился, вдруг да это была просто удача, нам тоже не стоит позориться перед... пусть не противниками, но пока еще и не соратниками.

— Да пустяки, — ответил я запоздало, — уверен, ваше высочество, ваш великий маг сделал бы больше и лучше, но его ведут по жизни более высокие и благородные устремления, чем вот такие.... чревоугодныя. Но я всего лишь герцог, а не устремленный к свершениям познаватель и визнаватель, в чем с прискорбием и сознаюсь. А также что весьма и zelo завидую.

Дрескер кивал, очень довольный, заговорил старческим, но сильным голосом:

— Вы мудрый юноша и уже видите в жизни настоящие ценности. Уверяю вас, с возрастом не только станете больше ценить высокое, но и сами отринете то, чем так увлечены сейчас.

Ветви нашей могучей оливы раздвинулись, Боудеррия появилась во всем блеске женской силы. Словно догадавшись, на что намекает маг, бросила в его сторону недобрый взгляд и пошла к нам, гордо вскинув голову и красиво ставя ноги, как цирковая лошадь на манеже.

Алонсия радостно вскрикнула:

— Боудеррия!.. Я так за тебя волновалась!

Боудеррия бросила на меня косой взгляд.

— Да вот он камнем по голове... только сейчас очнулась.

— Да? — удивилась Алонсия. — Как хорошо!.. А то нам он сказал, что вообще зарезал.

Гном пробасил:

— И даже закопал.

Он подвинулся, Боудеррия села между ним и принцессой. На меня не смотрит, как будто между нами произошло нечто, хотя ничего же не было, хорошо помню: поболтали, обсудили всякие мелочи, повязались, потом заснули без всякого интима.

Маг передал ей кусок буженины, Боудеррия взяла, не глядя.

Вильярд посмотрел на меня исподлобья, перевел дыхание, я чувствовал, что ему нелегко сказать такое, и уже

раскрыл рот, чтобы помочь, но он сказал ровным голосом:

— Вчера вы сделали нам заманчивое предложение...

— Рад, — ответил я вежливо, — что вам понравилось.

Он сказал хмуро:

— Но как его исполнить?.. Нам нельзя возвращаться прежним путем. И я, и принцесса слишком заметны.

Я поклонился.

— Слишком — это сказано мягко. Вы чересчур велико-
лепны!

Он чуть нахмурился, не принимая комплимента.

— Нас схватят... а я не могу оказывать неповиновения.

Херлуф Сильвервуд — мой король!

Маг пробормотал:

— Сэр Вильярд прав. Если пробираться в его имение, придется ехать через всю страну.

Алонсия сказала жалобно:

— Эх, если бы мы догадались оставить дома Камни
Возвращения...

— Что еще за камни? — спросил я.

Дрескер посмотрел с чувством превосходства.

— Даже не слышали? Удивительно, где такие дикие лю-
ди живут.

Ордоньес сказал с суровым предостережением:

— Старик, не хама. Яшмовый Камень у нас, так что
дикие теперь вы.

Дрескер тяжело вздохнул.

— Есть такие парные камни, — начал объяснять он угасшим голосом, — как сросшиеся фасолины. Очень редкие, оставшиеся от древних народов, и очень дорогие. Ими старается запастись каждый, кому в опасное и далекое путешествие. Конечно, мало кому удастся.

— Мало кому удастся в опасное и далекое?.. — переспросил Ордоньес и довольно хохотнул. — Пусть идет к нам! Обеспечим.

— Нет, — поправил маг, — заполучить такие камни.

Если половинку оставить у себя дома, а вторую взять, то полдела сделано!

Я промолчал, начиная догадываться, Торкилстон же поинтересовался с любопытством:

— Это как?

— Когда очень уж прижмет, — объяснил Дрескер, — можно моментально вернуться. Неважно, сколько между камнями миль! Правда, камень сразу в пар, потому за такое хватаются в самом крайнем случае. Но и слишком затягивать нельзя. Если в опасности и точно не справишься, надо сразу.

— Почему? — спросил я. — А если хорошо отбиваться? Дрескер покачал головой.

— Перенос требует полной концентрации. Нельзя даже моргать, не то что махать мечом...

Ордоньес заметил мирно:

— Говорят, ты к этой дороге готовился долго...

— Правильно говорят, — ответил Дрескер гордо. — Я двенадцать лет планировал поход в это место.

— Значит, камни у вас есть?

Он пожал худыми плечами.

— Не у всех. Я столько собрать не сумел... Себе, конечно, оставил. Увы, возвращаться нельзя даже мне. Там наверняка уже ждут люди Его Величества. Другое дело, был бы у нас Камень Яшмовой Молнии... Король не решился бы. А так... Не смотрите на меня волчьими глазками. Вам эти камни не помогут. Переносят только тех, кто лично разделил пополам и оставил где-то половинку.

Ордоньес сказал почти с сочувствием:

— Двенадцать лет подготовки? Все как по маслу... и в самом конце такой облом! Звезды не подсказали, что появятся ну прям орлы? Правда всегда побеждает, не слышали? Ибо то, что побеждает, всегда оказывается правдой. Ладно, за то, что к Камню дорогу расчистили, я вас отвезу с почестями и комфортом. Принцессе свою каюту уступлю.

Боудеррия фыркнула:

— На пару часов?.. Какой самоотверженный.

— Молчи, горилла, — ответил Ордоньес. — Сюда плыли сутки. Осторожничали. Обратное, конечно, пойдет быстрее.

Я слушал внимательно, в голове тысячи вариантов, один гениальнее другого, но вслух не скажешь — дураком назовут.

— А если, — сказал я медленно, — не возвращаться?

На меня уставились с подозрением.

— А что? Поселиться здесь?

— Отсюда к Краю уже недалеко, — сообщил я. — А там внизу в скрытой туманом пропасти не бездна и не ад, как думали здесь раньше, а королевство Сен-Мари. Если найти способ слезть... Ну там на веревках... Или виноградные лозы сплести. Спартак спустил целое войско с Везувия, а вы чем не Спартаки! Боудеррия вот точно Спартак. Даже полтора Спартака.

Боудеррия проворчала:

— Поговори, поговори у меня.

Дрескер вздохнул.

— Виноградные на Краю не растут. Голая скала, все мертвое и выжженное. Потому в той части даже травы нет. А нет травы...

— Нет даже кузнечиков, — согласился Ордоньес.

Он призадумался, я знаком велел ему и Торкилстону молчать, колдун уже заглотил крючок, задача поставлена интересная, наверняка есть решение... а то и не одно... и в самом деле Дрескер долго хмурился, морщил лоб, вздыхал и покрхтывал, наконец сказал неуверенно:

— Мне силы восстанавливать несколько недель... А запасы волшебных снадобий так и вовсе годы. Но есть заклятие Сухого Листа, я его никогда не пользовал...

Вильярд спросил быстро:

— Что дает?

— Будете падать, — сказал Дрескер, — подобно сухому

листу с дерева. Покружит, повертит, но не разобьетесь. Голова разве что закружится... Ну, проблеваться еще придется... может быть.

Он замолчал, но заметно оживился, решая новую задачу. Исследователь и экспериментатор, черти бы его взяли, снова интерес к жизни бьет ключом, есть на ком попробовать, как это сработает, да еще с такой высоты...

Принцесса зябко передернула плечами, худые щеки стали мертвенного цвета.

— Это что же, — проговорила она жалобно, — надо прыгать в пропасть?

— Ага, — сказал Ордоньес со злорадным сочувствием, — с разбега!..

Она вскрикнула:

— Почему?

— Заклятия может не хватить, — объяснил Ордоньес с видом все знающего и по-гильгамешьи все выдавшего. — Надо долететь... в смысле допадать или пропадать без всякого заклятия хотя бы до половины пути. Так надежнее. Когда до дна останется каких-нибудь сотня ярдов, этот старый пень произнесет нужное заклинание. Если не собьется и не начнет сначала. И заклятие сработает! Скорее всего сработает, мы в него верим, хоть он не нашей команды. Я, со своей стороны, обязуюсь не отвлекать ничем более интересным. А то пожилые люди могут и забыть, чем занимаются.

Она вскрикнула и жалобно посмотрела на Дрескера. Тот нахмурился, покачал головой.

— Ну, я не сказал бы, что заклятия не хватит. Должно хватить. Другое дело... гм... сработает ли. Я еще не пробовал.

Торкилстон сказал мудро:

— Тогда надо сперва бросить в пропасть кошку. Если пойдет, как сухой лист, — хорошо, если камнем... кошек не жалко.

Дрескер буркнул:

— Замечательно. Только кто будет кошкой? Хотите, вас превращу?

Торкилстон отпрыгнул из положения сидя, злой и взъерошенный, схватился за рукоять меча.

— Но-но, что за шутки?

Дрескер пробормотал:

— Я полагал, вы отважнее.

— Просто не хочу быть кошкой для вас, — отрезал Торкилстон. — Другое дело для сэра Ричарда! Он мой сюзерен...

Я покачал головой.

— Насчет себя у меня... еще не решено. А вот вам точно спуститься надо.

Гном помалкивал, но чаще других прикладывался к бурдюку, на меня поглядывал настороженно и с неприязнью из-под косматых бровей. Я еще вчера поднатужился и сотворил самое лучшее вино, какое только пробовал в жизни, спасибо моей нынешней идеальной памяти, теперь этот здоровяк пьет в запас, понимая, что больше такого не попробует.

Алонсия расхрабрилась, все больше налегала на десерты, их целые россыпи из нежнейшего воздушного печенья, всевозможные суфле и прочие вкусности, совала Бодеррии мороженое и горячим шепотом уговаривала попробовать это и вот это, а потом еще и это...

Глаза у нее восторженные и чуточку виноватые: столько съела, а как будто еще ничего во рту не было, стыдно девушке благородного происхождения есть, как простолюдинка, но эти пирожные такие воздушнейшие, невесомые, изысканные, дразнящие...

Вильярд завтракал без спешки, с достоинством, абсолютно не делая различий между бифштексами, ветчиной, бужениной или колбасками. Мужчины не перебирают, питание у него, как я заметил, самое что ни есть сбалансированное: в одной руке бекон, в другой — вырезка, да-

же сочные сыры небрежно игнорировал. На скатерти еще вдоволь мяса, что требовать еще?

От вина не отказался даже Дрескер, Боудеррия осушила два кубка и уговорила принцессу сделать хотя бы глоток. Обе с великим удивлением рассматривали хрустальную вазочку, она поразила больше самого мороженого, еще какой диковинки...

Глава 2

Вильярд после завтрака сразу же принялся собирать дорожный мешок — совсем не моего типа вожак, я даже такое увлекательное занятие спихнул бы на гнома и Боудеррию, а то и Дрескера.

Принцесса, не удержавшись, вылизала остатки мороженого из вазочки, смущенная и покрасневшая, зато Боудеррия держится по-королевски, наблюдает за ней снисходительно, как за малым дитем, в мою сторону вовсе не смотрит, ресницы все время чуть припущены, а они у нее такие же длинные и густые, как и у Алонсии.

Дрескер сказал со вздохом:

— Мне обязательно надо побывать в вашем Сен-Мари! Столько там дивных вещей, оказывается...

Боудеррия поднялась с грациозностью, достойной королевской дочери, наконец вперила в меня старательно ничего не выражающий взгляд.

— Мы с принцессой в рощу. За нами не ходить.

Вильярд сказал обеспокоенно:

— Зачем? Вдруг там еще опасно...

Она покачала головой.

— Даже ночью было тихо. Мы только в Сумрачный Грот. Надо смыть кровь и слюни. Я даже не помню, с кем и дрались за последние дни.

Вильярд лишь поднял бровь на такое странное желание, гном фыркнул, настоящие мужчины моются, лишь попадая под дождь, а я подумал с сочувствием, что бедной

принцессе вчера было не до купаний, а ночью отсыпалась мертвым сном. Я же помылся, можно сказать, пока доставал спрятанный за стеной падающей воды Камень Яшмовой Молнии.

Торкилстон и Ордоньес наконец-то расправились с последними кусками сыра, довольно отрыгиваются, ничего не оставили, все подмели, молодцы, сыто переглянулись и с кряхтением пошли собирать мешки. Оба деликатно стараются держаться в сторонке и как бы в тени. Победой кичиться неблагородно, хоть и очень хочется, особенно трудно сдерживаться Ордоньесу, единственному среди нас неблагородного сословия.

Он весело поглядывал на меня, всего распирало от гордости, но первым подошел Торкилстон, огляделся по сторонам и сказал, понизив голос:

— Сэр Ричард, все собрано, мы готовы в обратный путь. Или куда скажете.

— Да, — согласился я, — и чем скорее, тем лучше. Мы все трое оставили свои дела «на минутку», чтобы удовлетворить любопытство. Пора обратно и как можно скорее.

Ордоньес услышал, подошел живо, рот до ушей, глаза блестят, как у кота, уворовавшего крупную рыбу.

— Вообще-то, — сказал он бодро, — это вы оставили на минутку, чтобы удовлетворить ваше любопытство! А я пошел за вами из другого любопытства.

— Какого? — спросил я.

Он ухмыльнулся.

— Я же говорил, вас брось в воду связанным, вынырнете со щукой в зубах! Хотел посмотреть, что за щуку ухватите.

— И как? — спросил я недовольно.

Он широко улыбнулся.

— Получить герцогство, а здесь еще и этот волшебный Камень! Это две огромные щуки.

Я поморщился.

— Дорогой друг, когда-то и мне казалось, что хапать титулы и владения — это счастье. Я тогда еще не знал, что

это в первую очередь принимать на себя обязанности, а на свою задницу неприятности. Герцогством управлять надо, а я такой орел, что собой управлять не научился. Большой шукой и подавиться — раз плюнуть.

Он сказал бодро:

— Не подавимся! Ладно, я пошел утаптывать вещички. Мне вообще-то хуже всего. Корабль у берегов Вестготии, а мне предлагают спуститься в Сен-Мари!.. Да еще каким-то сухим листом! Уже мурашки по коже, видите, какие крупные? Как жуки. Вот мои ахнут, когда приплыву за ними на «Морском Всаднике»!

— Так ближе, — напомнил Торкилстон.

Ордоньес отмахнулся.

— Знаю, но все равно... Тот старый пень уверяет, что пойдет с нами. Дескать, безопасно. Я почему-то не очень верю. В его возрасте жизнь не так уж и дорога. Правда, с другой стороны, это ж он расчищал дорогу сюда...

— Силен, — вздохнул Торкилстон.

— Силен, — согласился Ордоньес.

Он пошел к нашим мешкам, Торкилстон посмотрел ему вслед и сказал, еще больше понизив голос:

— Сэр Ричард... Вы как-то жаловались, нахапали всего и везде... не от жадности своей природной, конечно же, вы же сама святость, а от... гм... не то запасливости, не то бережливости, у вас же одни достоинства, как же иначе. Но теперь, мол, спина трещит и задние ноги подламываются.

— Ну? — спросил я настороженно.

— А что теперь с герцогством Хорнельдона? — спросил он.

Я стиснул челюсти. Приняв присягу лордов — это был единственный разумный шаг, даже сейчас так считаю, иначе там бы все пошло вразнос, волчья стая без вожака не может, начнут рвать друг другу глотки сразу же, но, Господи, а о себе подумал? Спешно спасал ситуацию, импровизировал, но интуитивно нашел то единственное, что мест-

ные лорды поняли и приняли. И даже король понял и принял, так что герцогство в самом деле мое, мое, мое. А что не в Сен-Мари, а в соседнем королевстве, так это обычная ситуация. Границы королевств колышутся, как псевдоподии амебы, то вытягиваются, то втягиваются в самое нутро, так сказать. Все зависит от лордов пограничных владений, которые присягают то одному королю, то другому.

Да, ко всему прочему, я еще и герцог, хотя это не отменяет того же маркграфства. У многих властителей титулы такие длинные, что, когда входят в тронный зал и торжественно шествуют к своему месту, титулы тащатся за ними, звякая и скрежеща, как высохшие позвонки допотопных ящеров.

Я буду даже не в первом десятке, всего лишь гаугграф в Турнедо, обычное хозяйство с замком в Амальфи, маркграфство в Сен-Мари, а теперь еще вот здесь герцогство. Все остальное: бургграф, пфальцграф, коннетабль, даже майордом — всего лишь должности, а не титулы. До настоящих рекорсменов мне далеко. У Потемкина, к примеру, перечисление титулов занимало две страницы...

Хотя, да, герцог — это вершина из того, что я нахапал. Когда-то визжал бы от счастья и ходил на ушах, подумать только — герцог, но сейчас на уме только железная дорога и могучий океанский флот. Торкилстон прав, в данный исторический момент герцогство не совсем то, что мне надо. И спина в самом деле хряснет, как раковина улитки под рыцарским сапогом.

Он продолжал смотреть серьезно и с ожиданием, я пробормотал, отводя взгляд:

— Раз уж не смог увернуться... то придется.

— Братъ?

— Уже взял, — напомнил я. — Теперь с этим взятым что-то делать надо. Это не купленная на базаре шапка, обратно не сунешь.

Он вздохнул.

— Хорошо, я тоже пойду утаптывать мешок.

Даже Дрескер, как все наши мужчины, старательно собирается в путь, только гном после плотного завтрака занялся одним из дел, что так любят мужчины: вытащил из мешка оселок и любовно водит им с жутким скрипом по лезвию топора, видимо, решил побриться.

Я поглядывал на него с интересом, гном хорош, хотя вообще-то это дварф. С понятием гнома у нас связано нечто мелкое, а этот хоть макушкой мне до пояса, но так же широк, костист, могуч, голова сидит прямо на плечах. Рыжая бородаща закрывает половину груди, а толстые мускулистые руки заканчиваются ладонями с лопаты размером.

Ввиду окончания боевых действий он снял рогатый шлем, кирасу и даже кольчугу, оставшись в безрукавной вязаной майке, выпуклые мышцы прорисовываются очень даже отчетливо.

Он перехватил мой взгляд, буркнул злобно:

— Ну? И что не нравится?

— Наоборот, — сказал я искренне. — Люблю крепких людей. Говорят, гномы эльфов сносят с одного удара?

Он сразу же довольно ухмыльнулся.

— С одного? С полудара!.. Совсем хилый народ... Что муху прибить, что эльфа.

— А ты куда отсюда? — спросил я. — С Вильярдом?

Он покачал головой.

— Вообще-то меня маг года три уламывал, золотые горы обещал. Наш народ поблизости, мы горный народ.туда и вернусь.

— Еще увидимся, — пообещал я.

Он сразу насторожился.

— С какой стати?

— Я теперь здешний герцог, — объяснил я. — Человек широких взглядов. На что взгляну — то и хапаю. Сейчас, к примеру, моей светлости требуется много железной руды. И, конечно, стали хорошего качества. Людишки не смогут делать так замечательно, как умеете вы, настоящие горно-литейные мастера. Орлы подземных нор! Так

что поручу вам, а людишек пошлю к вам на учебу. За хорошую плату, конечно. Платить буду из казны, не жалко.

Он потеплел, комплименты и слона на скаку остановят, но проворчал:

— Да как их обучишь? Тут понятие иметь надо.

— Будем вести отбор, — пообещал я. — Брать в ученики только понятливых. Дураков гнать в музыканты, певцы и прочие эльфы.

Ордоньес подошел, осторожно присматриваясь к гному и прислушиваясь. Брови поползли вверх.

— Ваша светлость, — сказал он, — вы и здесь начнете хозяйственные реформы?.. Ох, бедные гномы...

Гном проворчал:

— Почему бедные?

Я улыбнулся, отошел в сторону, а Ордоньес начал со вкусом рассказывать про мое успешное реформирование разбойничьего края в цивилизованный и сравнительно мирный маркизат, куда вскоре без страха будут приезжать даже из столицы.

Вообще-то я говорил экспромтом, но идея неплоха, гномы в самом деле лучшие на свете рудокопы. Им не надо затрачивать лишние усилия, чтобы прорубать высокие штольни. У них ноги вовсе не для бега на длинные или короткие дистанции, зато если обрушится кровля, гном скорее всего выберется живым, эдакий комок толстых плотных костей, обтянутых такими же твердыми мускулами и тугими жилами.

Насколько помню, у гномов всегда самый высокий уровень хэпэ, у людей и то вполовину меньше, не говоря уже о subtilных эльфах, чья выживаемость только в скорости да быстром беге.

Женщины вернулись из грота свеженькие, чистенькие, как две рыбы, даже ухитрились продрогнуть в холодной воде. Принцесса съежилась, а Боудеррия на правах боль-

ше старшей сестры, чем телохранительницы, бережно обнимала ее за плечи и похлопывала по спине широкой, как лопасть весла, ладонью.

Перехватив мой взгляд, Алонсия нахмурилась, освободилась из рук Боудеррии и пошла к Вильярду. Боудеррия вынужденно направилась ко мне, шаги скованные, при ярком свете дня ее уверенность испаряется, как туман на солнце.

— Дрескер что-то придумал? — спросила она нейтральным тоном.

— Нового пока ничего...

— Только прыгать в пропасть?

Я сказал с сочувствием:

— Да. Но не в пропасть. Просто сделать шаг через границу между королевствами. В новый мир, в новые возможности.

Она поморщилась.

— Ну да, просто шаг... А ты?

Она старалась не смотреть в сторону гигантской оливы, хотя та молчит и вообще делает вид, что мы ночью просто спали под сенью ее ветвей, но она даже этого не видела.

Я указал на гладкие валуны неподалеку, Боудеррия опустила первую, раз уж в самом деле все еще и при свете дня считаю ее больше женщиной, чем воином.

Я сел на соседний. Боудеррия старается смотреть ровно и бесстрашно, мы же в походе, спина прямая, плечи расправлены, живот подтянут, всегда готова к схватке и не забывает подчеркивать это каждым движением и взглядом.

— Ломаю голову, — ответил я. — Как та лиса на развилке... У меня не просто масса дел в Сен-Мари, а все криком кричат и требуют моего немедленного присутствия!.. Уже и так опаздываю. Не на танцы или пир, что можно как-то оправдать, а на войну, где могут и убить, а

это значит, должен туда просто бегом, чтоб ничего не подумали, тут никаких оправданий!..

Она кивнула, лицо понимающее, хотя взгляд все еще отводит либо смотрит поверх моего плеча.

— Тебе не просто на войну.

— Еще бы, — согласился я.

Она сказала обстоятельно:

— Тебе нужно вести войска. А в этом случае без тебя не обойдутся. Масса людей с оружием нуждается в вожаке.

— Конечно, — согласился я. — Это хорошо, что с тобой посоветовался. Теперь знаю, как поступить... Ладно, расскажи, как вы сумели пройти весь этот путь с такой кажущейся легкостью? Если сотни лет даже подумать не решались об этом Камне?

Она передернула плечами.

— Если бы знала, что нас ждало... Хотя этот старик приготовился очень хорошо и давно. Он только ждал таких сумасшедших. Или отчаявшихся.

— Вы не одни, — заверил я.

Она слабо улыбнулась, грубое лицо осветилось и стало почти женским.

— Вам в самом деле повезло.

Слушая ее рассказ, я понял, что насчет легкого пути к Сумрачному Гроту почудилось только мне. Мы прошли буквально фуксом, а они прорубывались, проламывались, прожигали стены, гном разбивал в щебень обухом зачарованного топора каменных големов, гранитных Хранителей Гор, а лезвием рассекал деревянных Хозяев Леса. Без него не прошли бы, как погибли бы в первый же день без мага Дрескера, он выжигал огнем целые поля нежити, закрывал магическим шатром от атаки тысяч огненных ос размером с птиц, остановил и заставил превратиться в лед мощный водопад целого горного озера, что неожиданно выплеснуло на них все запасы...

Сама Боудеррия постоянно спасала отряд благодаря звериному чутью, даже маг не замечал подкрадывающихся ночных чудовищ, а принцесса Алонсия трижды разгадывала тайные знаки на стенах, и перед ними открывался проход дальше. Сам же Вильярд всегда шел впереди и принимал на себя удары. Только своевременная и самоотверженная помощь отряда спасала ему жизнь, но не шкуру, ту дырявили много и часто.

— Да, — сказал я с объективностью спортсмена, — даже не знаю, сумели бы мы пройти через такое.

Она фыркнула:

— Вряд ли. Скорее всего, нет.

— Согласен, — сказал я. — Вы отважнее. А мы, что ж... умный в гору не пойдет.

— А что сделает?

— Обманет, — пояснил я. — Умный гору... обманет.

Она наморщила нос.

— Что-то слишком сложное. Камень еще не потерял?

— А ты еще не пробовала спереть? — спросил я с интересом.

Она поморщилась.

— Будто не знаешь, его не украсть. И даже подарить никак. Теперь навсегда твой.

— А что он делает?

Она пожала плечами.

— Если бы я знала. Все только и говорят, что в нем сокрыта неслыханная мощь. Болтают, он может сжечь целый мир. А как это, спроси Дрескера.

— Спрошу, — пообещал я. — Это верно, что ты тоже королевской крови? И даже наследница трона?

Ее лицо не изменилось, с полнейшим равнодушием пожала плечами снова.

— Мне все равно. Я слышала в детстве, на каждом островке, даже крохотнейшем, свое королевство. Так что оказаться с королевской кровью не так уж и сложно.

Я пробормотал:

— Ну, вообще-то, если правильно смотреть, то любой человек — король. Так сказал Господь, отдавая ему в управление весь мир.

Со стороны нашего костра донеслись топот и сопение, это Торкилстон и Ордоньес шумно бухают подошвами по пеплу, словно исполняют ритуальный танец, надо затоптать последние угольки, боги не любят, когда люди оставляют за собой огонь.

Оба уже с мешками за спиной, Вильярд в рыцарских доспехах, принцесса держится за его руку, как ребенок, что страшится потеряться. Дрескер потуже затянул толстый шнур на поясе халата, только гном остался сидеть с упертым в землю топором.

Боудеррия покосилась в их сторону и произнесла, понизив голос:

— Если бы ты, гад, хоть капельку нуждался во мне, я бы оставила здесь все и пошла за тобой.

— А принцесса?

Она поморщилась.

— Не видишь, Вильярд с нее пылинки сфукивает? Необходимости во мне уже нет...

— Да, — признал я, — он за ней, как мама за птенчиком.

Она выждала одно неуловимое мгновение, когда я еще не отвечу, но сделаю движение ответить, однако я молчал и не шевелился, и она поднялась резко и уверенно.

— Ладно, еще увидимся!

— А как же, — ответил я бодро. — Ну да!

Глава 3

Она отвернулась красиво и резко, словно в воинском танце, пошла к ним сильная и уверенная, спина прямая, а плечи разведены, шаг подчеркнуто тверд, а каждое движение исполнено силы.

Я молчал и не двигался, какая-то неловкость все-таки витает в воздухе, хотя и непонятно мне, грубому такому, из-за чего. Наконец я медленно вернулся к месту, где уже затоптали костер, там Дрескер объясняет скрипучим голосом:

— Отсюда до Края полдня пути. К обеду можем начать спуск. Если еще не передумали... Нет?

Вильярд огрызнулся:

— А у нас есть выбор?

Алонсия прижалась к нему и сказала преданно:

— Я с тобой.

Боудеррия сказала резко:

— Никто не передумал.

— Без вариантов, — согласился я.

Дрескер сказал торопливо:

— Только не надо на меня кричать. Прощайтесь с его светлостью и... отправляемся.

Я напомнил:

— Как спуститесь, топайте прямо в Геннегау. Это столица Сен-Мари, оно же Орифламме, Арндское королевство и что-то там еще. Идите прямо в королевский дворец! Он хоть и королевский, но отдавать пока не собираюсь, так что там мои люди... Надеюсь, пока что мои. Сэр Вильярд может сразу же догнать наше победоносное крестоносное войско. От его подвигов, я имею в виду благородного сэра Вильярда, а не войско, будет зависеть размер будущих земель и весомость титула. Не забудьте всем сказать, что вы мои друзья и под моей личной защитой!.. А то знаете ли... А вас, граф Ордоньес, попрошу задержаться.

Ордоньес спросил встревоженно:

— Что-то случилось?

Я сказал, морщась:

— Вспомнил, рыцари Вестготии уже ломаются на ваш корабль. В этом случае вам надо вернуться туда поскорее.

Он сказал горестно:

— Я бы всеми лапами «за», но... как?

Я ответил с тяжелым вздохом:

— Будем думать. А вы, дорогие друзья... это не оборот галантной речи, я в самом деле ко всем вам расположен нежно, нас этот опасный квест буквально сроднил... то-пайте!

Гном наконец поднялся, обнялся со всеми своими, затем вскинул на плечи вещевой мешок и пошел в сторону каменного гребня. Некоторое время еще постукивали валуны, будто гном на ходу пересчитывает их обухом топора, затем все стихло.

Торкилстон вскинул кулак в прощании, Вильярд и маг кивнули, принцесса жалко улыбнулась, а Боудеррия посмотрела на меня в упор и покачала головой.

В молчании мы с Ордоньесом смотрели, как они уходят, а когда скрылись, как и гном, только в другую сторону, Ордоньес спросил с жадной надеждой:

— Что-то придумали, ваша светлость?

— Нет еще, — ответил я честно. — Хотя мысль есть, но не знаю, как ее взнудать. Ладно, вернусь в Сумрачный Грот. Может быть, там этот тупой Камень поймет, что мне что-то надо. А вы, дорогой друг, сидите здесь и ждите. Ничему не удивляйтесь. Если случится что-то необычное... не сопротивляйтесь.

Он спросил с подозрением:

— Почему?

— Есть такая уловка, — объяснил я. — Расслабьтесь и получайте удовольствие. Чтобы потом победить.

Деревья расступились и тут же сомкнулись за спиной, словно тягучие темно-зеленые волны. Впереди та черная массивная скала, настолько блестящая, словно вода омывает ее и снаружи, у основания темная дыра с красиво изломанными краями. Изнутри доносится слабый плеск, будто там в бассейне прыгают крупные рыбы, изображая веселых лягушек.

Я нагнул голову, как раз по моему росту, навстречу пахнуло свежестью и водяной пылью. Дальше по стене

льется широкая свободная струя, гладкая, как зеркало, красиво обрушивается в выбитый за века небольшой бассейн в каменном основании.

Вчера, когда я протянул руку через струю водопада и коснулся спрятанного за нею Камня, все тело пронзило ощущение неизмеримой звездной мощи, что мирно спит, сложив лапки. Но как овладеть этой силой? Или я сумел сотворить мороженое в хрустальной вазе потому, что силенок прибавилось? Ладно, рискнем...

Ордоньес не отрывал взгляда от рощи, куда я ушел. Его затрясло, когда за спиной заскрежетали камни, а мощный удар ветра от моих крыльев едва не свалил с ног.

Я не стал складывать их на спину, проревел хриплым голосом:

— Молчи и повинуйся. Я — могучий демон, служу великому Ричарду, повелителю демонов земных, водных и небесных. Он велел отнести тебя на берег.

Ордоньес, бледный и заикающийся, попятился и упал навзничь, прижимая к груди дорожный мешок. Я протянул лапу и, едва он перевернулся и встал на четвереньки, безжалостно ухватил за пояс и, прыгнув в воздух, потащил в небо.

Ордоньес завопил:

— Погоди!.. Надо попрощаться!

— Молчи, смертный, — прорычал я.

Крылья с силой били по воздуху, поднимая нас выше и выше. Я сперва тревожился насчет прочности пояса, ловить на лету рискованно, из меня воздушный гимнаст пока неважный, но когда перешли в горизонтальный полет, чуточку успокоился.

Внизу поплыли чудовищные разломы, молодые горы, зеленые долины — жизнь берет свое, извилистые реки, голубое небо с облаками в зеркалах озер. Когда впереди намечался город, я тут же сворачивал, кто знает, что там

на вооружении. В стране, где есть драконы, обязательно есть и что-то противодраконье.

Ближе к побережью земля неощутимо ровно шла вниз с крохотным уклоном. Мелькнули роскошные сады, оливковые и кипарисовые рощи, развалины древней крепости, почти неотличимые от развалившихся от древности скал, затем почувствовался плотный влажный воздух огромного океана, и лишь тогда он выступил из-за горизонта лично, необъятный и величавый.

Немного погодя я рассмотрел корабль со спущенными парусами. «Морской Всадник» стоит на якоре, но на берег вытащена лодка, возле нее с десятков коней. Блеснуло солнце на металле доспехов, понятно, рыцари уже перебираются на корабль, мы вовремя, а то местные лорды ошутили бы себя обманутыми...

Нас заметили, кони начали взбрыкивать, пытаюсь порвать узду, рыцари схватились за мечи. Я поспешно опустил Ордоньеса в паре сотен ярдов на песок, мощно толкнулся задними лапищами и взмыл в воздух. Уменьшающаяся фигурка адмирала поднялась на задние конечности, я даже успел рассмотреть, как он принял гордую позу, — ну а как же, это же сколько можно придумать и как еще хвастаться. Молодец Ордоньес, моментально приходит в себя. Только такие и становятся вожаками.

К нему бросились двое матросов и один из рыцарей, а я развернулся и взял курс на Флоренж.

Совсем недавно я не смог по эту сторону Разлома, Края или Зуба Сатаны — как ни назови — перейти в нечто более крупное, чем худосочный птеродактиль. Сейчас вот лечу достаточно мощным драконом, сам могу что-то менять во внешности, самые прочные щитки уже перетащил со спины на пузо: лично для меня не так страшны нападения сверху — сражений за самку постараюсь избежать, а вот если жажахнут с крепостной стены самонаводящейся стрелой крупного калибра...

Господь не совершает чудес, и все то, что невежествен-

ные люди объявляют чудом, на самом деле является проделками дьявола.

Однако люди могут совершать чудеса, если они святые, подвижники или великомученики. Отчасти чудеса могут совершать и паладины, но только в качестве лекарей-исцелителей. Я просто чуть расширил свой ассортимент, я ведь уже больше, чем рядовой паладин. Немного больше, воину церкви надлежит быть скромным, но все-таки что-то могу и помимо того, что создать чашку горячего кофе или ломоть хлеба. Хотя, возможно, это в меня так прорастает сущность Темного Бога? У магов, волшебников, чародеев и прочих колдунов ассортимент не в пример богаче моего, хотя им нужны особые заклинания и различные зелья, талисманы, амулеты...

Значит ли это, что если обхожусь без талисманов, то это сила святости? Или, напротив, темности?

Внизу проплывают участки земли, изуродованные чудовищными катаклизмами. Вестготии досталось куда больше, чем Сен-Мари. Там только Ундерленды и частично Брабант отделены природой, а здесь чуть ли не каждое село смотрит на соседей через бездонную пропасть длиной в десятки миль.

Некоторые скалы торчат настолько странные, словно вбитые в землю исполинские гвозди в сотни ярдов высотой с широкими расплоснутыми шляпками. Я то и дело опускался и пролетал рядом, выворачивая шею так, что трещали позвонки, стараясь рассмотреть подробности во все драконьи глаза.

Однажды чуть не поплатился: вылетела огромная стая мелких, но злобных тварей, полуптиц-полугарпий. Меня били, кусали, ухитрялись втыкать в узкие щели между раздвигающимися костяными пластинками острые, как длинные шила, клювы.

Кожаные перепонки на крыльях, на что уж прочные, лопались с сухим шелкающим звуком. Я орал от боли и начинал падать, с трудом выравнивался, залечивая раны,

а на меня продолжали нападать и вырывать куски мяса, пока я не отдалился от их гнезд на полмили.

Перевалив через тонкую, но остро вздыбленную цепь гор, увидел далеко впереди роскошную долину без следов катаклизмов, пологие холмы, снова долину, а дальше вон тот прекраснейший город, что кажется выстроенным на холме, но на самом деле просто каждое следующее кольцо домов выше предыдущих, а в центре так вообще огромный палац из десятка зданий, вознесенных к небу...

Я перевел дыхание, какой же я молодец: и долетел благополучно, и не заблудился... Если кто и заметил, как я, растопырив натруженные крылья, пошел планировать к земле, то очень издали, и вряд ли сунется проверить, что это за дракон...

Все четыре лапы ударились о землю, а затем и я бухнулся брюхом и даже мордой, клацнули зубы. С минуту отдыхал, проверяя, не поломал ли кости при посадке, затем спешно начал перетекать в людскую личину, стало непривычно горячо, зато вроде бы пошло намного быстрее обычного.

Едва ощутил себя в теле человека, поводит языком по альвеолам и сказал негромко:

— Зайчик!.. Зайчик!.. Ко мне!.. Бобик, ко мне!.. Я жду вас.

Долго ничего не происходило, я вышел из-за холмов и пошел в сторону города. Стали видны на горизонте его башни, и только тогда вдали взметнулась пыль.

Сердце мое радостно екнуло. Зайчик появился темным пятнышком и моментально вырос в огромного черного коня с выпуклыми мышцами, роскошной гривой и мощной широкой грудью.

Адский пес опередил его в прыжке и, свалив меня на спину, облизал лицо горячим языком.

— Когда-нибудь так убьешь, — обвинил я. — А если бы за спиной камни?

Он ликующе махал хвостом и преданно смотрел в

глаза. Я потрепал его по толстой шее, любой вебрь позавидует, обнял арбогастра за голову и шепнул в оттопыренное ухо:

— Спасибо. Ты молодец.

Он фыркнул, что за телячьи нежности, но сам коснулся меня бархатными губами и жарко подышал в ухо.

— Возвращаемся, — объяснил я. — Не могу же пешком, аки скиталец? Так могут ходить только нищие и боги под прикрытием, но я ни то, ни другое. Я пока что нечто среднее... Пока что.

Бобик понесся впереди, взбрыкивая, как жеребенок, на всех четырех, Зайчик идет ровным галопом, понимает, мы на людях, стоптать можно, нехорошо. Можно, но нехорошо.

У ворот королевского сада прохаживаются взад-вперед роскошно разодетые чопорные стражи, больше похожие на вельмож при оружии, чем на воинов. При виде меня кто-то охнул, другой вскрикнул, и у всех глаза полезли на лоб.

Один едва не выронил копьё в испуге.

— Ваша светлость.. что это с вами?

Я оглядел себя, от рубашки окровавленные лохмотья, кольчуга уцелела от пояса и ниже, из штанов сбоку вырван клочок вместе с моей кожей, сейчас там засохшая кровь. Разве что сапоги уцелели, хотя и они в крови пополам с грязью.

— Что? — спросил я с удивлением. — Разве не так должен выглядеть настоящий мужчина?

Он застыдился и бросился поспешно распахивать ворота. Возле царских конюшен суетятся слуги, разломанные ворота красиво лежат на земле, вокруг носятся, как муравьи на пожаре, рабочие, ахают и квохчут придворные, красиво разводят руками и шепчутся, шепчутся, шепчутся...

Все повернулись на громкий стук копыт, я услышал испуганные крики; от нас разбегались, как вспугнутые куры. Растолкав придворных, вперед быстро вышел Ашворд,

бледный и помятый, быстро поклонился и смотрел на меня с вымученной улыбкой ко всему готового царедворца.

Я красиво соскочил на землю, улыбаясь как можно беспечнее, раскинул руки в широком жесте благодетеля всего человечества.

— Дорогой Ашворд, — сказал я с чувством, — как приятно видеть вас в добром здравии!.. И хорошем состоянии духа, конечно. Это ничего, что моя лошадка побежала на мой зов так... торопливо?

По его лицу было видно, насколько это «ничего», но сущность придворного взяла верх, и Ашворд ответил с задвленным вздохом, почти любезно:

— Да, очень даже торопливо. Не возжелала дожидаться, когда откроют ворота...

— А открыли бы?

Он посмотрел с удивлением.

— Конечно! Есть порода коней, что бегут на зов хозяина издалека... Хотя конечно, не так быстро, как ваш.

Один из придворных вставил желчно:

— И они не такие... дикие! Разве это конь?

Я уставился на него мрачным взором, придворный попятился, Ашворд торопливо пояснил:

— Ваша лошадка выбила ворота, придавив двух конюхов, их уже унесли. Ну, еще пятеро покалеченных, что пытались ее остановить, и плюс сбитый верх каменной стены, когда помчалась напрямик и слегка задела копытами при прыжке... Там рухнули четыре блока и насмерть задавили часового... Ну да ладно, пусть не спит на посту. А так все ничего, мы счастливы видеть вас, ваша светлость... пусть и не успели подготовиться.

Я отмахнулся.

— Вы же сами догадываетесь, для меня церемонии абсолютно лесом. Может быть, станут важны, когда остановлюсь и развосядусь, но сейчас я в непрерывном беге, к счастью для всего человечества... Как здоровье Его Величества? Я хотел бы сообщить ему новости.

Он посмотрел мне в глаза, я постарался держать лицо каменным, он проговорил с задвленным вздохом:

— Хорошо. Да, конечно... Думаю, для встречи с вами Его Величество отложит любые дела.

— Прекрасно, — ответил я с чувством. Как здорово доползти или доскакать до такого момента, когда короли откладывают даже самые спешнейшие дела ради разговора со мной. — Прекрасно! Тогда прямо шас.

Он учтиво повел рукой.

— Судя по вашему... виду, вам есть что рассказать, не так ли?

— Вы такой догадливый, сэра Ашворд! Чувствуется благородное воспитание. И манеры.

Он ответил сдержанно:

— Спасибо, сэра Ричард. Вы не желаете... хотя бы переодеться?

Я изумился:

— Зачем? Принцессы уже нет, а мужчинам все равно, как я одет. Не так ли, сэра Ашворд?

Он промямлил:

— Ну, если в высоком смысле, то да. Но если в придворном...

— Будем жить высокими образцами, — сказал я твердо. — По мне сейчас сразу видно, что живу по-мужски. Представляете, если бы весь мир жил так высоко?

Он вздрогнул.

— Представляю... Прошу вас за мной, сэра Ричард.

Глава 4

Конюхи, очень бледные и настороженные, повели Зайчика через темный провал на месте ворот конюшни. Доски звучно захрустели под его копытами, как молодой ледок.

Ашворд на ходу косился на меня, я заметил, что он старается не замечать мои лохмотья, у каждого свои при-

чуды, а это даже не причуда, а высокородная спесь; наконец, сказал умоляюще:

— Ну хоть два слова можно?

— Можно, — ответил я.

— Ну так... это... молвите! Умоляю.

Я сказал лаконично:

— Камень — мой.

Он споткнулся на ходу, я моментально подхватил его под локоть.

— Во дворцах всегда скользко, сэра Ашворд. То ли сопливых много, то ли еще чего...

— Благодарю вас, сэра Ричард... вы имеете в виду... тот самый Камень?

Я сказал так же небрежно:

— Я понимаю, мелочь, но раз уж погнался за принцессой, почему не взять хотя бы ценный камешек?.. Только вот не знаю, чем он ценен. В смысле, сколько за него заломить на рынке.

Он зябко передернул плечами.

— Лучше и не думайте о нем! Говорят, он способен превратить в пепел целое королевство!

Перед нами распахивали двери, в залах пронесся говор, вперед унеслась пара быстроногих слуг. Когда добрались до раззолоченных дверей королевской приемной, там уже высился церемониймейстер, громадный и величественный, посмотрел в нашу сторону и, точно высчитав расстояние, распахнул двери к королю с оглушительным ревом:

— Сэр Ричард к Его Величеству!

Не замедляя шага, я продолжил ход, как большой корабль, что не умеет останавливаться сразу. В кабинете ничто не изменилось, король Херлуф Сильвервуд восседает в кресле, положив руки на подлокотники, на голове рогатая корона, сам все в той же красной мантии до пола, скрывающей ноги. Мне показалось, что седины намного больше, чем я рассмотрел в прошлый раз, но все потому,

что волосы и так слишком светлые, почти бесцветные, а золотые лишь в моменты, когда на них падает луч солнца из окна.

Странно, корона выглядит настолько продолжением черепа, что я так и не увидел место разделения, а лицо еще больше выглядит отлитым из золота, желтое, во множестве морщинок, запавший рот, впалые щеки и обвисающие брыли, как у породистой собаки.

Усталые старческие глаза вспыхнули любопытством, всегдашние тоска и разочарование, без которых я уже не представлял короля, улетучились.

— Ваше Величество, — сказал я почтительно.

Думаю, в таких лохмотьях я выгляжу круче рыцаря в сверкающих доспехах; сам понимаю и тешусь спесью. Даже Ашворд, судя по его виду, наконец-то оценил мою смелую импровизацию, а король не стал ожидать другие знаки подчинения — я же иностранец, мне можно держаться несколько свободнее местных, те по факту уже вассалы; кивнул торопливо.

— Сэр Ричард!.. Я слышал там в саду какие-то крики... Это по поводу вашего прибытия?

Ашворд кашлянул за моей спиной, выдвинулся и встал сбоку.

— Осмелюсь ответить за сэра Ричарда, Ваше Величество. Это его собачка и коник радостно побежали встречать хозяина. И... кое-что развалили по дороге.

Я сказал виновато:

— Животные, Ваше Величество, как дети! Такие непосредственные, чистые, честные...

Король нетерпеливо кивнул:

— Да-да, я сам животных люблю больше своих придворных. И вообще, больше людей. Садитесь, сэр Ричард!..

— Благодарю вас, Ваше Величество.

— Рассказывайте, сэр Ричард. Рассказывайте! Вы же понимаете, насколько важной была ваша погоня.

Ашворд остался скромно у двери, голова склонена, руки в жесте покорности, только глаза быстро зыркают то на меня, то на короля. Я выдержал паузу, хотя и не театрал, стараюсь побыстрее сообразить, под каким соусом подать новости.

— Все получилось, — произнес я с дьявольской скромностью. — Все получилось, как и должно, разве могло быть иначе? Я бы несколько изумился. Камень Яшмовой Молнии у меня, что естественно. Я бы даже весьма оскорбился, если бы что не так! Вы правы, его мощь ужасающая, если верить непроверенным, но достаточно убедительным слухам. Людям лучше не прибегать... Но пусть все знают, что меня, как и гусей, лучше не дразнить. Я еще тот гусь. Это так, на случай. Что еще?.. На фоне того, что этот Камень наконец-то вытасчен из Грота и больше не будет приманивать туда дураков и авантюристов, все остальное так пустяково, что даже рассказывать Его Величеству весьма неловко...

Король вперил в меня старческий, но зоркий взгляд. Ашворд завозился и проговорил тихонько:

— Что с... убежавшими?

— Потерпев поражение, — сказал я небрежно, — они просят прощения у Вашего Величества, что поддались безумной любви и убежали.

Он спросил с раздражением в голосе:

— Кто просит?

— Ваша дочь, — ответил я, — прекрасная принцесса Алонсия, Ваше Величество. Она в самом деле прекрасна! Чувствуется, что многое взяла от вас. Чувствую, вы были в молодости еще тот орел!

Он не заулыбался польщенно, как я надеялся, — битый волк, все понимает, — спросил резко:

— Что с Вильярдом?

— Безумная любовь к вашей дочери, — объяснил я, — толкнула на зело безумный поступок! Она ведь прекрасна, ваша дочь! Сказано, пошла в вас, Ваше Величество...

Остальные тоже целы, что удивительно, все-таки дорога была очень непростой.

Ашворд сказал тихонько:

— Я давно знал, что Дрескер готовился туда много лет. Он все изучил, против всех напастей отыскал заклятия. Ему оставалось только подобрать участников, или дожидаться, пока созреют намеченные безумцы. Я только не мог представить, что этими сумасшедшими будут ваша дочь и Вильярд...

Я кивнул.

— Это все объясняет, да. Сознывая свою вину перед вами, они все решили наложить на себя епитимию и на время отправиться в странствия. Но это, Ваше Величество, уже частности и та-а-акие мелочи... Вы, как мудрый и дальновидный король, конечно же, понимаете, насколько важнее сейчас умиротворить клан герцога Хорнельдона! И крепкой дланью наконец-то утвердить там вашу власть.

Он молчал, уже подавляя гнев, но все еще раздраемый сомнениями. То, что исчезла постоянная и растущая угроза со стороны герцога, — великое счастье и облегчение, но чутье подсказывает, что я могу быть намного более опасным противником, чем вообще-то ленивый Хорнельдон. Только вот стану ли...

Ашворд опасливо поглядывал то на него, то на меня. Наконец король тяжело перевел дыхание, с силой ударил обеими ладонями по широким поручням кресла.

— Сэр Ричард, — произнес он все еще резким голосом, в котором хлопочет гнев, но уже стиснутый железной ладонью контроля, — сейчас это самое важное. Хотя мое сердце обливается кровью при таких новостях. Моя дочь убежала с этим... этим безродным...

Я промолчал, это он знал еще до того, как мы пустились в погоню, сейчас же таким образом заверяет, что целиком и полностью разделяет мое негодование.

Ашворд понял мое молчание и сказал нерешительно:

— Сейчас с этим ничего не поделаться, Ваше Величество. Потом, может быть, да... Сейчас я бы порекомендовал...

Король поморщился.

— Да знаю-знаю. Часть вассалов герцога Хорнельдона отбыла по домам, но некоторые остались и выжидают.

— Всё приходит в свое время для тех, — сказал я осторожно, — кто умеет ждать... С другой стороны, если ждать минуты, когда все, решительно все будет готово, — никогда не придется начинать.

Ашворд поспешно сказал:

— Простите, Ваше Величество, но сэр Ричард, к сожалению, прав. Готовы мы или нет, но прямо сейчас надо показать, что сэр Ричард вернулся.

— С победой, — напомнил король.

Я дополнил крайне почтительно:

— Выполняя ваше указание, Ваше Величество! И следовал все так, как вы мудро и указали!

Он не повел и бровью на откровенную лесть, но, думаю, сигнал понял: мутить воду не собираюсь.

Ашворд содрогнулся и сказал осевшим голосом:

— Главное, сэр Ричард вернулся с Камнем Яшмовой Молнии. Это тоже всем скажет о многом.

Король побарабанил пальцами по подлокотнику, и снова мне почудился стук дерева по дереву.

В отведенных мне покоях ничего не изменилось, разве что посреди зала уже раскорячилась на четырех медных лапах в виде разинутых львиных голов широкая медная бадья. Три женщины льют в нее из больших кувшинов горячую воду, четвертая добавляет холодную и часто опускает туда пальцы, всякий раз громко ойкает и торопливо льет еще.

Я сбросил одежду — чертовы гарпии не оставили цело-

го клочка, одни лохмотья, словно я принц и нищий, а еще Джекил и Хайд.

Служанки стыдливо отвернулись, пока я влезал в воду, а затем с энтузиазмом принялись растирать мне плечи, намылили голову, размяли шею.

Одна сказала удивленно:

— Ваша светлость, вы просто счастливчик! Одежда вся порезана, а на теле ни одной царапины!

— Это называется не счастливчик, — пояснил я, — а великий воин. Царапины оставляю я, а не мне, поняли?

Она хихикнула:

— Да-да, такие царапины, что руки-ноги отлетают, как веточки, верно?.. Наклонитесь чуть, я спину потру...

Я наслаждался купанием. Женщины щебечут, расхрипались, щечки уже порозовели, глазки хитрые, начали извечную игру с мужчиной, где у нас нет шансов выиграть; я отдался чувству покоя, но мысли то и дело возвращаются к Гайдерсгейму, где я сейчас должен мчаться впереди рыцарского клина и рассекать плотную лаву полуголых варваров. Зря я с этим герцогством, зря. Ухватил сдуру, как не взять, когда другие всю жизнь добиваются, а тут само приплыло прямо в руки? Не подумал, что герцогство тоже может оказаться бесплатным сыром.

Не потерять бы из-за него Сен-Мари, не так уж там моя власть и крепка. Да и Армландия осталась без наиболее боеспособных войск, соседи такое замечают сразу. Одна надежда, что за моими успехами следят очень внимательно и ревниво. В Армландию тут же введут войска хоть Гиллеберд, хоть Барбаросса, хоть еще кто почестоплюбивее, если я потерплю здесь поражение или хотя бы ввяжусь в тяжелую затяжную войну.

Но пока я от победы к победе, все будут выжидать, когда оступлюсь. Хуже то, что их ожидания вот-вот оправдаются. Я уже иду по краю бездны, а в тумане то и дело теряю границу твердой земли...

— Ваша светлость, приподнимитесь... вот так, спасибо, мы помоем и ваши... ноги...

Потом меня долго и старательно промакивали огромными, размером с Сен-Мари, мохнатыми полотенцами, а чопорные слуги вносили и растопыривали передо мной различные костюмы. Эти уже не спрашивают, почему сам цел. Видимо, целебные мази, отвары, корешки и прочие штуки, быстро заживляющие раны, достаточно доступны простому вельможному народу.

— Вот этот камзол, — сказал я. — И эти штаны!.. Нет, лучше эти. Сапоги без шпор? Убрать!

— Ваша светлость, — осмелился сказать один почтительно, — но шпоры порвут королевские ковры.

— Я долго не задержусь, — пообещал я, понимая, что это мгновенно доложат королю. — Его Величество может не беспокоиться... в его герцогстве будет порядок!

Одетого и обутого, меня передали другим слугам, а эти, постоянно и растерянно кланяясь, словно им еще не объяснили, как себя вести с победителем грозного Хорнельдона, отвели меня в коронный зал. Огромен, окна со стрельчатыми арками, дальняя часть визуально отделена колоннами, восемь столбов из золота, так это выглядит, хотя, конечно, просто отделка, а внутри наверняка камни. В той части расположено массивное кресло с неизменно высокой спинкой, колонны то ли держат свод, то ли показывают границу, за которую не стоит переступить, приближаясь к Его Величеству.

Церемониймейстер сказал громко и с радостным подъемом:

— Его Величество король Херлуф Сильвервуд!

Все зашевелились, сгибаясь в поклонах, и оставались в таком положении, пока король шествовал к креслу. Вышел он из двери в стене в той же части зала, отделенной колоннами — лицо напряженное, голова слегка втянута в плечи; торопливо подошел к креслу и опустился на сиде-

ные, как мне показалось, со вздохом облегчения, словно только в нем он в полнейшей безопасности.

На пару долгих мгновений я снова увидел прозрачную воду, охватившую его тело. На кистях рук и старческих пальцах задержалась, истаявая медленно, как туман на солнце.

Придворные выпрямили спины, на лицах почтение. Король окинул всех строгим, но отеческим взглядом. Я впервые ощутил, что, несмотря на его сломленный и разочарованный жизнью вид, он умеет быть жестоким и неуступчивым. Да и все понимают, что у него рухнула гора с плеч, когда герцог погиб так неожиданно и нелепо в одном шаге к абсолютной власти.

И, главное, король в самом деле впервые за долгие годы может не только перевести дух, но и действовать без оглядки на всеильного герцога.

Все ждали, а Херлуф, выдержав многозначительную паузу, коротко кивнул церемониймейстеру. Тот величественно развернулся и подал знак глашатаю.

Одетый в королевские цвета, что значит — не простой глашатай, а возвещающий королевскую волю, он важно развернул лист и заговорил важно:

— Мы, милостивый король Херлуф Сильвервуд, потомок Древних Королей, возлагаем на маркграфа и майордома Ричарда Длинные Руки титул герцога Вельденского и жалуем ему владения в Дасселе с замком Альтенбаумбург, а также земли Маркгрефлерланда и Монферратские! Обязанности предыдущего владельца, герцога Хорнелдона, переходят отныне герцогу Ричарду, а также все старые долги, счета и прочие удобства и неудобства. С этого дня перечисленные земли вверяются герцогу Ричарду, и только ему! Он обязан поддерживать закон и порядок, платить налоги в королевскую казну, заботиться о своих вассалах и простом люде.

Он закончил, и в торжественном молчании, когда ни-

кто не проронил ни слова и даже не шевельнулся, начал с шуршанием сворачивать свиток в трубочку.

Я вышел из толпы и, приблизившись к королю, преклонил перед ним колено. Двое пышно одетых приближенных подали ему роскошный меч в багряных ножнах с золотыми накладками в виде стилизованных молний.

Король, придерживая ножны одной рукой, с усилием потащил за рукоять, черную и с крупными рубиновыми камнями. Клинок вспыхнул на свету синеватым пламенем.

— Доблестный сэра Ричард, — сказал король и ударил меня мечом плашмя по правому плечу, потом по левому, — вы преклонили колено, будучи маркграфом, а подниметесь герцогом! Встаньте, сэра Ричард, герцог Вельденский!.. И можете принимать поздравления.

Последние слова он произнес совсем другим тоном, дружелюбным, это тоже больше на публику, пусть видят наши теплые отношения, совсем не те, что с предыдущим герцогом. И еще пусть почуют как бы намек на то, что король умеет ждать, вот за это время отыскал и вызвал героя, способного сразить неуязвимого соперника за трон, и теперь снова власть его крепка, как никогда раньше.

Я поклонился и сказал громко:

— Ваше Величество, я бесконечно вам признателен. И считаю себя в неоплатном долгу. Только укажите на ваших противников... и я смогу доказать вам свою дружбу.

Не знаю, заметил ли король, что я избегаю стандартных «ваш покорный слуга», «моя преданность» и подобных. Видимо, заметил, политики такое вылавливают в первую очередь, но не подал виду, улыбается отечески и благосклонно. Я и так сделал ему просто сказочный подарок. Буду или не буду претендовать на трон — еще неизвестно, но Хорнельдон уже протягивал к нему руку, собираясь освободить место для себя.

Король улыбнулся и повернул голову к следующему

пышно одетому вельможе, тот уже в нетерпении переступает с ноги на ногу.

— Что у вас, благороднейший лорд Балдершир?

— Я по поводу овдовевшей жены моего брата, урожденной Каринтийской из рода Фарентеров...

Я отступил в толпу, королю нужно вести прием дальше, меня окружили знакомые и незнакомые, поздравляют шумно, велеречиво, но я видел глубоко упрятанный страх за радушной улыбками. Хорнелдона знали, он собирался взять всего лишь трон, да и то потому лишь, что к этому подталкивали, а по мне видно, что молодой и горячий, а такие могут наломать дров.

А если учесть, что у меня отныне Камень Яшмовой Молнии...

Я благодарил, улыбался, многие видят меня впервые, нужно создать образ открытого и любезного человека, всегда готового к дружеской беседе и предпочитающего мирное разрешение любого спора.

Раньше я полагал, что король не может давать титулы герцогов, это прерогатива императоров, но король Херлуф Сильвервуд ни на секунду не усомнился в своем праве, а это значит, здесь власть короля вообще-то значит больше, чем в любом из королевств, в которых я побывал раньше. Это вообще-то хорошо, хорошо...

Громко топая, в зал вошел высокий поджарый мужчина в кирасе поверх бархатного кафтана, лицо жестокое, хмурое, нос перебит, шрам на левой брови, штаны из толстой кожи с мелкими вставками блестящей стали, а сапоги высокие, укрепленные металлическими полосками.

Шпory его опущены зубчатыми колесиками вниз, идет ровно и с достоинством, металлические зубчики при каждом шаге касаются гранитных плит пола, слышится приятный звон, одновременно мелодичный и в то же время с мужественной ноткой шагающего рыцаря.

Я залюбовался, зрелище очень эффектное и вообще красивое, затем вползла другая непрощенная мысль: а как пойдет по коврам?

Он приблизился и раскрыл было рот для приветствия, но я заулыбался во всю ширь и сказал дружески:

— Граф Генрих Гатер фон Мерзенгард! Рад вас видеть. Вы в числе первых принесли мне вассальную присягу, и я докажу всем, что вы сделали правильный выбор.

На него начали поглядывать завистливо, граф сдержанно, но довольно улыбнулся.

— Спасибо, ваша светлость. При всех тех подвигах, что вы свершили, я счастлив, что вы меня запомнили.

— Я никогда не забываю тех, — заверил я, — кто пошел за мной.

Нас слушают почтительно, ни одно мое слово не останется без внимания, на меня устремлены десятки пар глаз.

Граф Гатер чуть поклонился.

— Осмелюсь напомнить, ваша светлость, что как ни приятно здесь в королевском дворце слушать похвалы... но вам стоило бы поскорее отправиться в земли Дасселя. Там не все хотят видеть вас преемником владений герцога!

Я посмотрел ему в глаза.

— Насколько это серьезно?

Он не отвел взгляд, лицо сурово-спокойное, но повел плечами.

— Очень. К тому же сам замок...

— Альтенбаумбург? — спросил я, щеголяя памятью.

— Точно, ваша светлость.

— Что с ним? — спросил я настороженно.

— Старый замок, — обронил он негромко, оглянулся по сторонам и добавил совсем тихо: — Очень. Там древняя чертовщина. Еще с тех, Прежних. Говорят, строили не люди. Или не совсем люди. Герцог давно бы мог сбросить короля с трона и стать королем, но ему очень не хотелось покинуть замок... А столицу туда не перенесешь.

Придворные слушают, не шевелясь, но, судя по их лицам, для них это не новость. У многих в глазах жадное любопытство: как поступит новоиспеченный герцог?

Я быстро прикинул разные варианты, но все сводятся к одному: ехать нужно немедленно, пока не вспыхнул настоящий пожар.

— Сколько добираться?

— Трое суток, — ответил он незамедлительно. — Можно выехать даже сегодня. Как раз к вечеру окажемся у гостиницы Шести Мечей. Там хорошо кормят, а вино всегда превосходное. Оттуда, если выехать на рассвете и не слишком отдыхать по дороге, к ночи доскачем до постоянного двора в землях барона Френсиса Аулмера...

— А это кто?

— Последний из лордов на этом направлении, — пояснил он, — кто не является вашим вассалом. А дальше пойдут владения виконта Ноэля Джонстоуна, барона Альфреда Бриджстоуна, графа Дэйва Стерлинга... Это уже ваши вассалы, хотя еще и не принесли клятву.

Я сказал значительно:

— Принесут. У нас будет сильная воинская власть.

Его суровое лицо осветила скупая улыбка, сдержанная, мужественная, и сразу понятно, что истосковался по сильному вождю, по твердой власти, по амбициозному лидеру.

Я сказал решительно:

— Тянуть не будем. Все торжества откладываем. До.

— До чего? — спросил он.

— Просто «до», — ответил я значительно. — Там видно будет.

Он сказал быстро:

— Я распоряжусь насчет коней.

— Сколько нас?

— Не больше дюжины, — отрапортовал он. — Может быть, чуть больше за счет попутчиков, но до замка Альтенбаумбурга с вами доберется как раз дюжина... или чуть меньше.

— Прекрасно, — сказал я. — Как только соберетесь — выезжаем немедленно.

Он ушел быстрой целенаправленной походкой. Придворные, видя мое сосредоточенное состояние, потихоньку отходили в стороны, не нарваться бы, при дворах выживают только те, кто безошибочно чувствует, к кому когда можно подойти, а к кому ни в коем случае.

Ашворд появился словно из ниоткуда, красиво и подружески подхватил под руку, до предела галантный и невероятно учтивый, отвел слегка в сторону.

— Сразу в дела? — поинтересовался он с недоумением, как мне показалось, акцентированным. — А отдохнуть?

Не глядя, он протянул руку в сторону и ловко снял полную чашу с подноса проходящего слуги. Тот остановился на точно рассчитанное мгновение, чтобы я взял тоже, Ашворд ждал меня, вино в его сосуде, как говорится, с горкой, но не пролил и капли, хотя здесь расплескать, как, впрочем, и везде, в порядке вещей.

— Отдых, — сказал я, — это смена одного безделья другим. Но вообще-то отдыхать надо так, чтобы потом долго не хотелось.

Он улыбнулся.

— Вам так удается?

— Как видите!

Он кивнул, поставил чашу на поднос скользящего мимо другого слуги, опять же опустил ее не глядя, то ли настолько оцаредворен, то ли у него особое чутье, и потому видит и понимает больше, чем показывает.

Слуга повернулся ко мне, я поставил свой кубок нарочито криво и со стуком. Губы Ашворда чуть дрогнули в улыбке, но я не понял: то ли доволен своим превосходством, то ли все-таки заподозрил, что я не такой уж и бесхитростный и безбашенный простофиля, каким стараюсь казаться.

— Ваша светлость, — произнес он и улыбнулся несколько виновато, — вы и были вашей светлостью до по-

жалования вам титула герцога... Жаль, не существует разницы в обращении к маркграфу и герцогу!

Он сделал многозначительную паузу, я все понял, но ответил с подчеркнутой беспечностью:

— Да какая ерунда все эти обращения!

— Не скажите, — возразил он. — Вот если бы к вам обращались «ваше высочество»...

Он снова умолк, давая мне возможность отреагировать на неоконченное, по такой реакции меня понять будет проще, но я снова отмахнулся с пьяной беспечностью.

— Сэр Ашворд! Я уже знаю, что чем выше титул, тем больше обязанностей. Только дураки думают, что чем выше, тем больше удовольствий... На самом деле это крестьянин, отпахав день, дальше может валять дурака, а правитель пашет с утра до ночи, да и ночью мерещится управление государственным кораблем при встречном ветре, нападающих кракенах и падающих мачтах... Вижу по вашему лицу, вы это знаете прекрасно, но не знали, что знаю и я. Так что успокойтесь, у меня нет амбиций. Хотя вру, есть, но я не готов разгребать все ваши авгиевы конюшни... Мои бы кто разгреб!

В зал вошел бодрый и подтянутый граф Гатер, глаза сияют, лицо горит энтузиазмом.

— Ваша светлость, отряд уже садится на коней!

— Иду, — ответил я. Он заспешил к дверям. Я повернулся к Ашворду: — Вот видите, уже начинаю разгребать. А я еще там не разгреб, в Сен-Мари!

Он улыбнулся, но голос звучал очень серьезно:

— Не надорвитесь. Молодые и горячие еще не умеют распределять силы.

Я поинтересовался с достойной надменностью:

— Разве я не мудр хотя бы с виду?

Он покачал головой.

— Увы, сэр Ричард. Если честно, то еще как не мудр. Да вы это и сами чувствуете.

Глава 5

Во дворе половина рыцарей уже в седлах, другие разговаривают со своими конями, гладят их и суют кусочки сахара. Возле конюшни работники опасливо ходят вокруг арбогастра, а он горделиво потряхивает гривой и время от времени звонко постукивает копытом в выложенную булыжником площадь. Всякий раз летят длинные искры, а гранитный камень с сухим треском раскалывается на части.

— Не балуй, — велел я издали. — Где Бобик?

Со стороны подсобных помещений послышался испуганный крик, оттуда мчится огромный Адский Пес, но морда довольная, сытая, а глаза уже не глаза, а щелочки, будто у зверски покусанного пчелами медведя.

Граф Гатер застыл, напрягся, оставшиеся на земле рыцари поспешно поднимались в седла и поджимали ноги. Кое-кто даже опустил на всякий случай забрало.

Бобик попытался лизнуть меня в лицо, я не дался, он взвизгнул обиженно и принялся с интересом рассматривать рыцарей. Арбогастр подошел красиво и гордо, я вскочил в седло, Зайчик нетерпеливо переступил с ноги на ногу.

Среди рыцарей я заметил лорда Моргана Гриммельсдена из клана Горных Рыцарей, он почтительно поклонился издали, но приближаться не стал. Конь под ним крупный, но без лишнего жира и даже мяса, весь из толстого костяка и тугих объемных жил.

Я ответил на поклон, рядом граф Гатер поднялся в седло последним, показывает выдержку перед страшным Псом.

Я подъехал к нему ближе, улыбаюсь, мы же одно братство, спросил небрежно:

— А что за дорога впереди?

Он пожал плечами.

— Ничего особенного.

— Тут все особенное, — возразил я. — Побываете в Гандерсгейме, ахнете! Целая страна, а ни одного ущелья, ни одной горы.

Он посмотрел с недоверием.

— Неужели бывают такие сказочные страны?.. Или вы говорите о рае?

— В том раю могут быть и ваши земли, — подчеркнул я. — Так что лед тронулся! А нам не придется карабкаться на какую-нибудь стену? Здесь, как я понимаю, это в порядке вещей?

Он улыбнулся.

— Не думаете же вы, что герцог Хорнельдон опускал своего коня на веревке?

Я хлопнул себя по лбу.

— Что за дурак! Ну, конечно же... Раз они добирались конными.... Выступаем?

Он напомнил:

— Вы наш вождь. Распоряжайтесь.

Я приподнялся в стременах и прокричал:

— Ваше Величество, спасибо за гостеприимный прием!.. Знаменоносцы, вперед! Трубач, не спи!

На широком опоясывающем дворец балконе король Херлуф наблюдает за нашим отъездом, с ним Ашворд и другие придворные, на лицах облегчение вперемешку с озабоченностью.

Король помахал платочком, народ поспешно шарахнулся к стенам, но выбегают все новые горожане, всем надо обязательно посмотреть на нового герцога, чтобы потом всласть перемыть ему косточки.

Так мы ехали до самых городских ворот, а уже за нами молодые рыцари, что вызвались быть в первой группе, пришпорили скакунов.

Сразу за городом навстречу идут верблюды, дикие и косматые. При них такие же погонщики, мне показалось по их виду, что вовсе не знают человеческого языка. По обе стороны дороги зеленые поля, сады, но затем пошли

камни и песок, и мир начал выглядеть таким, как и миллионы лет тому назад.

Дальше дорога пошла через могильную пещеру некоего пророка, он должен был вознестись в небо, но вместо этого тяжелый мраморный гроб провалился, открыв спуск в неизвестную ранее цветущую долину Альгальды. Другого пути в нее нет, да и вообще на север Вестготии не попасть иначе, как только через эту могилу. Ее, правда, теперь расширили, а дальше, когда долину стиснут с обеих сторон отвесные скалы, черные, словно из ада, идти надо извилистой и опасной ложиной, где издавна поселились ужасающие чудовища.

Я слушал внимательно, граф Гатер едет рядом и вполголоса рассказывает как о герцогстве Вельденском, так и вообще о Вестготии.

На небольшом перевале нас встретил легкий ветер снизу. Тоже с трудом поднимается наверх, мы ощутили ароматы душистого клевера, сырой земли, где только что прошел летний дождик, короткий и нестрашный, а когда начали спускаться в долину, там красиво и тревожно пролегли длинные призрачные тени от далеких гор.

Среди этих теней стремительно мелькнула одна с зубренными крыльями. Я вскинул голову — в сияющей синеве кружит нечто вроде орла, но когда солнце оказалось сзади, крылья вспыхнули, как цветное стекло с темными прожилками гибких костей, а острые когти на концах этих удлиненных пальцев с перепонками сверкнули подобно отточенным ножам.

Мы мчимся по извилистой дороге, а эта тварь неспешно снизилась и, все так же нарезая круги, внимательно рассматривала отряд, словно пересчитывала.

Гатер вскинул брови, когда я потащил из-за плеча лук, быстро посмотрел вверх, потом на меня.

- Не достать, — сказал он с сожалением.
- А хотелось бы?
- Еще бы, — ответил он.

— Умный человек отличается тем, — обронил я, — что умеет не понимать.

Я отточенными движениями медленно натянул тетиву, вытащил стрелу, а сам всматривался в гибкую фигуру крылатого зверя. Кожа светлая, с пятнами, как у пантеры, морда тоже кошачья, только уши длиннее и с кисточками, как у рыси.

Наши взгляды встретились, я вздрогнул, ощутив импульс бешеной ненависти. Ненавидеть, как мне казалось, может только человек, а звери просто питаются друг другом, но этот смотрит с неистовой злобой, словно именно я причинил ему какое-то смертельное зло или жутко обидел...

— Мерзкая тварь, — сказал Гатер вполголоса. — Очень живучие, хитрые, стараются напасть со спины. На законных в доспехи никогда не бросятся, а вот если подстерегут, когда разденешься перед купанием в озере...

— Долго ему придется ждать, — заметил я. — У нас в отряде одни мужчины! Настоящие.

Он хмыкнул, оценив шутку, а пятнистый зверь снизился еще чуть, прошел по кругу, но голову поворачивал, постоянно держа в прицеле глаз именно меня, словно танцующая с девушкой лезгинка.

Я быстро вскинул лук, рывком натянул тетиву и ментально отпустил. Щелкнув тетивой по пальцам, стрела исчезла, зверь дернулся и запоздало ударил с силой крыльями по воздуху, но трехфутовое древко с острейшим стальным наконечником садануло с такой силой, что подбросило легкое тело, будто по нему ударили дубиной.

Зверь дико завизжал, превратился в ком судорожно трепыхающихся крыльев, барахтающихся лап, а извивался так судорожно, хватая древко стрелы острыми зубами, что я на всякий случай наложил на тетиву вторую стрелу.

Рыцари радостно закричали. Бобик сделал гигантский прыжок, но я заорал:

— Стоять!.. Сидеть!..

Бобик поспешно плюхнулся толстым задом на землю. Крылатый зверь ударился о землю в десятке шагов от нас, но и там продолжал подпрыгивать, пытался уползти в придорожные кусты.

Один из рыцарей пустил коня вскачь и с силой пригвоздил трепыхающуюся тварь копьём к земле. Зверь медленно затих, судорожно сжатые лапы распрямились, когти острые, загнутые, глаза заволакивает дымкой смерти, но даже в таких я видел жгучую ненависть и жажду убивать.

— Какая мерзость, — сказал я, — из породы кошачьих, к счастью...

— Почему? — спросил Гатер.

— Разве не видно, что это кошка?

— Нет, я спросил, почему к счастью?

— Живут поодиночке, — объяснил я. — Если бы умели сбиваться в стаи, как волки, нам пришлось бы туго... Бобик, ко мне! Гуляй, собачка, гуляй.

Снова тронулись в путь, только один из рыцарей приотстал, я видел, как он соскочил с коня, быстро и умело отрезал голову крылатого хищника, торопливо сунул в мешок.

Догнал он довольный, такой трофеей можно и на стену в замке. Это намного лучше, чем привычные олени головы, кабаньи или даже медвежьи.

Бобик все расширяет круги, неумоимо исследуя новый мир, граф Гатер едет со мной рядом и все так же обстоятельно просвещает по истории, экономике и социальному составу Вестготии, а географию и так вижу, по чудовищным разломам можно изучить геологию.

К остальным присматриваться затруднительно, едут позади, пару раз переходил на запаховое, старался увидеть их вот так, не поворачивая головы, и кое-что в самом деле узнал интересное.

Двигаемся колонной по двое в ряд, дорога пока что позволяет, а беседовать так удобнее, короткая длинный и однообразный путь. Замыкает нашу колонну барон Гедвиг

Уроншид, первый принесший мне здесь вассальную клятву, как же, помню. Не знаю, что он за человек, но к нему чувства самые теплые, это и понятно...

С бароном юный оруженосец, хрупкий и еще безусый, а вообще я заметил, что и в Вестготии большинство рыцарей старается обходиться без них. Правда, не всегда удается: рыцари предпочитают своих детей воспитывать не сами из боязни избаловать, а отсылают ко дворам наиболее прославленных и доблестных рыцарей, где уж точно им не будут давать поблажки и где воспитают настоящих мужчин, стремящихся к чести и подвигам.

Я сказал графу:

— Продолжайте путь, я немного пообщаюсь по дороге с рыцарями. Как говорится, приятное с полезным в одном кубке.

Он кивнул, я отстал, пропуская всех мимо. Барон Гедвиг учтиво поклонился, я воспользовался поводом и, отвечая на поклон, сказал шутиливо:

— Приятно видеть, когда с детства обучают рыцарским манерам и воинской доблести. Ваш оруженосец уже принимает участие в битвах?

Он ответил поспешно:

— Нет, мой лорд. С семи лет носил за мной шлем, а теперь носит щит. Когда исполнится семнадцать, получит меч и право сражаться.

— А сейчас ему сколько?

— Четырнадцать.

Я окинул внимательным взглядом оруженосца, тот сразу же застеснялся и покраснел так жутко, как удается только невинным деревенским детям, что редко видят чужаков.

— Он хорош, — сказал я одобрительно. — Для четырнадцати лет развит весьма, весьма. К семнадцати уже будет крепкий воин. Как зовут этого молодца?

— Джон Фонтэйн, — ответил барон поспешно.

Оруженосец торопливо кивнул, подтверждая, что да, он Джон Фонтэйн и никто другой.

— Хорош, — повторил я.

Оба с оруженосцем смотрели с вымученными улыбками, я кивнул благосклонно и догнал сэра Генриха. Он, заметив мой интерес к рыцарям, начал давать характеристики, начиная с молодого барона Гедвига Уроншида, с которым я беседовал только что так обстоятельно. Этот барон, оказывается, весьма и красиво тоскует по некой прелестной даме. Его сердце разбито, он страдает, но вообще-то это очень приятная болезнь для человека, имеющего во владении земли Ивоншира, с которых получает приличный годовой доход.

Я поинтересовался:

— А вы сейчас свободны от такой напасти?

Граф сказал бодро:

— Ухаживая за женщинами, мы подсушиваем дрова, которые будут гореть не для нас! Нет уж, если я когда-нибудь умру из-за женщины, так разве что со смеха.

— Достойные слова, — одобрил я. — Рыцарь может умирать только за своего сюзерена. И за Отечество, которого нет, но которое будет!

Он сказал почти благочестиво:

— Все от Бога, за исключением женщины.

Из-за высокого леса медленно выплыли стены и башни замка из белого радостного камня. Я хотел сказать, что там живут счастливые люди, как дыхание оборвалось в груди: от замка только половина, словно некто огромный и безжалостный ювелирно точно распилил его от верхушки крыши и до фундамента, ухитрившись не разрушить.

Лес ушел за спину, рыцари поглядывали на чудесно уцелевшую часть хмуро, хватались за амулеты. Дорога огибает замок, я увидел внутренние помещения, словно замок не настоящий, а гигантская модель в разрезе, вот даже мебель в половинках комнат...

По нервам прошла дрожь, от роскошной кровати только треть, но никаких следов разбоя.

Я пробормотал:

— Как?..

Граф правильно понял вопрос, но лишь пожал плечами.

— Простите, сэръ Ричард. Никто не скажет, как. Не скажут даже, кто. Однажды случилось так, вот и все. Даже неизвестно, воля злого волшебника или... как говорят умники, стечение звезд на небе.

— А хозяева?

— Исчезли, — ответил он и, предупреждая следующий вопрос, уточнил: — Все исчезли. Слуги, челядь, даже кони и куры.

Неведомая бритва, судя по всему, врубилась и в землю на большую глубину, с той стороны глубокий овраг, густо заросший травой, кустарниками и даже деревьями, чьи верхушки достигают верха.

Я вздохнул и подумал вяло, что у меня других забот выше крыши, чтобы разгадывать эти аномалии. Главная из них — ни один король и даже император не обладает средствами, контролем и даже самой простой и надежной связью, чтобы управлять далекими землями. Выход один: ухитриться превратить местных феодалов в союзников, заинтересовать их в успехе начинаний сюзерена, пообещать соблюдать их интересы в обмен на клятву соблюдать интересы правителя.

Потому, если я пусть не король, но хотя бы майордом, должен находить общие задачи для себя и вассалов, чтобы добычу получали мы все. Пока что нахожу: сперва избрание гроссграфом прекратило кровавую междоусобицу в самой Армландии, потом я сумел повести эту воинственную толпу на захват чужих владений в богатом и ничего не подозревавшем королевстве, а сейчас обещаю обширные земли с местным населением в Гангерсгейме...

Это объединило с армландцами брабандцев и даже ундерлендцев, а еще, как уже вижу, могу привлечь волонтеров из Вестготии...

А что дальше? Чтобы сохранять авторитет и власть?

Постоянные захваты соседних владений? Как не смогли остановиться Александр Македонский, Чингис, Аттила?

Или объявить всеобщий крестовый поход на Юг?

Но мешает такой пустячок, о котором я сам благополучно забываю, потому что больно бьет по самолюбию. Вторгаться на Юг, а тем более — объявлять крестовый поход, как говорится, если очень куртуазно, не по чину. И не по титулу. Крестовые походы начинали короли, сами и вели войска, а я далеко не король. Правда, есть прекрасный прецедент, когда герцог Вильгельм посадил на корабли уже офранцузившихся норманнов и перебросил через морской пролив в Англию, где в битве под Гастингсом одержал блистательную победу над тамошним королем, после чего захватил всю Англию. Почти всю.

Интересно, что он оставался вассалом французского короля, хотя захватил страну с территорией и населением побольше самой Франции. Ну, как и я вассал короля Барбароссы.

В общем, и Вильгельм был уже герцогом и захватил всего лишь Англию, а не то, на что могу напориться я. Насколько велик южный континент по ту сторону океана, до сих пор не знаю. Так что мне в самом деле нужно войти в права герцога, укрепиться, расставить локти пошире, а лишь потом разевать варежку. Да и то осторожно.

Граф Гатер сказал громко:

— Вон с того холма увидим гостиницу Шести Мечей!

— Прекрасно, — отозвался я. — Едем даже быстрее, чем планировали?

— Кони отдохнули, — согласился он, — пока вас ожидали. Это правда, что Камень Яшмовой Молнии у вас?

— У меня не только он, — ответил я скромно и загадочно.

Его лицо осветилось любопытством.

— Как же интересна, должно быть, жизнь в Сен-Мари!

— Интересной ее делаем мы сами, — сообщил я.

Глава 6

Над лесом взвился темный густой дым. Мы пришпорили коней, дорога дважды бросила непонятные петли, но наконец выметнулись из-за стены деревьев на простор.

В лица пахнуло гарью. Жарко горят дома, сараи, амбары, овины, клетки, истошно ревет запертый скот. Люди мечутся с криками, лишь самые находчивые схватили багры и топоры, а кто-то бросился с ведром к колодцу.

Навстречу нам буквально из пламени выбежала перепуганная девочка лет пяти, вся в саже, в коротком дымящемся платице.

Барон Уроншид на скаку подхватил ее на руки и сказал одобрительно:

— Да ты герой!.. Целый город спалить — здорово...

Она залилась слезами.

— Это не я!

Граф Гатер сказал с укором:

— Разве девочек так подбадривают?

Барон пробормотал виновато:

— Я думал, это мальчишка.

Мы слезли с коней, крестьяне сразу перестали суетиться, послышались крики облегчения, и в самом деле удалось одних заставить разбирать горящие сараи, других сбивать огонь, а третьих выстроили в цепочку с ведрами у колодца.

Пожар погасили сравнительно быстро, граф Гатер велел всем нашим в седла, да побыстрее, и мы понеслись галопом, наверстывая упущенное время.

Дорога выгибается, петляет без видимых причин, к чему никак не привыкну и уже начал бороться. Мимо проползают зеленые складки холмов, торчат одинокие скалы, мертвые и враждебные этому миру, иногда дорожку пытается азартно преградить веселый ручей, а из травы выскакивают крупные, как лягушки, кузнечики, а еще взмывают с жестяным треском крыльев стрекозы.

Граф поинтересовался:

— Кстати, ваша светлость, вы... один?

Я засмеялся, поняв вопрос, но отвечать не хотелось, я ответил беспечным голосом:

— Зачем один? С вами.

Он тоже улыбнулся, все понял, но все же спросил настойчиво:

— Без жены?

— Неужели я так стар?

— Нет, но многие женятся рано, дабы упрочить... в общем.

Я покачал головой.

— Увы, еще не нашел ту, единственную...

Он спросил скептически:

— И как вы ее узнаете, свою единственную?

Я буркнул:

— По сердцебиению.

Он подумал, сказал с уважением:

— А что, в самом деле прекрасный способ... Тем более сколько женских постелей надо поменять...

Сэр Морган прислушался, возразил:

— Ну при чем тут постели? Спать с женщиной можно и в стогу. Или в лесу под деревом.

Ему тут начали подсказывать еще тысячи разных мест, все оживились, я сказал сердито:

— Что-то вас не туда занесло. Тоже мне, благородное сословие!

Багровое солнце утопает, скрываясь в пышности воздушно-пурпурных гор, небосвод на западе раскалился до красна, вспыхнули и заискрились грозным оранжевым огнем облака.

На стальные доспехи пал грозный отблеск заката, лица воинов кажутся чугунными, а в глазах отражается красное пламя. Адский Пес выметнулся из-за скал, поглядел жутко внимательно и снова исчез.

Я беззвучно охнул, из-за поворота свернувшей дороги

появился потрясающих размеров рубин величиной с трехэтажный дом, яркий и сверкающий. Во все стороны, в том числе и к нам, ударил победный пурпурный свет, доспехи окрасились в радостно-победный цвет.

Граф покосился в мою сторону, улыбка тронула губы, когда увидел выражение моего лица.

— Ну как?

— Что это? — выдохнул я.

— Лед, — ответил он.

— Лед? — переспросил я ошарашенно. — На таком солнце?

— Лед, — повторил он. — Осколок тех времен, ваша светлость, о которых не могут вспомнить даже летописи. Если потрогаете эту штуку, пальцы застынут от холода. Приложите ладонь — не сразу и отдерете. Ну, а кто рискнет постоять рядом долго, легко может замерзнуть до смерти...

Отряд проехал мимо, темно-багровое облако надвинулось на солнце, глыба льда тоже потемнела. Наверное, ночью просто темная, в темноте можно стукнуться лбом сослепу.

Кони поднялись на холм, пологий, но длинный, оттуда хорошо виден перекресток дорог, а в самом удобном месте высится двухэтажный дом с большим огороженным двором.

— Она? — спросил я.

Граф кивнул.

— Да, «Гостиница Шести Мечей».

— Там хорошо кормят, — напомнил я его слова, — а вино всегда превосходное. Проверим.

Он сдержанно и польщенно улыбнулся.

— У вас прекрасная память, ваша светлость!

— Такая необходима правителю, — пояснил я. — Чтобы при случае напомнить. Обещали, дескать, и... не исполнили.

Он учтиво поклонился.

— Надеюсь, себя упрекать не дам повода.

Заметив нас издали, к воротам выбежали двое подростков и торопливо распахнули навстречу створки. На крыльцо вышел дородный хозяин, оглянулся через плечо, крикнул строго и повелительно.

Мы соскакивали на землю, парнишки приняли коней, привычная суматоха, затем все нестройным стадом отправились в харчевню.

Постояльцев немного, свободных мест столько, что благородным господам можно было выбрать по комнате, пусть и крохотной, а оруженосцам и слугам выделили большую комнату.

Я видел, как нервно переглядываются барон Гедвиг и его оруженосец, мальчишка совсем побледнел, глаза тревожные, оглядывается затравленно.

Я подошел, хлопнул барона по плечу и сказал благожелательно:

— Понимаю вас, сэра Гедвиг, слуги должны располагаться в помещении для слуг, но ваш оруженосец не обучится там благородным манерам. Я бы просил вас взять его в свою комнату.

Он дернулся.

— Ваша светлость...

Я перебил:

— Понимаю, это ущемляет ваше достоинство барона, но этот ваш оруженосец хоть пока и не рыцарь, но будет когда-то. И станет быстрее, если больше проведет времени с людьми благородного сословия, а не с конюхами.

Он судорожно перевел дыхание, я видел боковым зрением, с каким напряжением слушает меня оруженосец.

Барон проговорил, запинаясь:

— Как скажете, ваша светлость...

— Принимайте это, — сказал я, — как мой первый приказ вам лично.

— Да, ваша светлость...

Они пошли на второй этаж, оба одновременно оглянулись с верхней ступеньки, но я уже не смотрел вслед.

Во дворе все еще занимаются последними лошадьми, я по-хозяйски осмотрел, как устроили наших коней, чистой ли водой собираются напоить, что за ячмень в яслях.

За спиной захрустели тонкие веточки под тяжелыми сапогами. Я резко оглянулся, граф Гатер вскрикнул поспешно:

— Это я, я!

Я сказал недовольно:

— Ну что вы все следите за мной? Могу же я, как лубой из вас, немножко пройтись по самкам?

Граф Гатер сказал смущенно:

— Я не видел здесь ни одной женщины...

— Женщины! — передразнил я. — Какая ограниченность!.. Вам только дам подавай. Прямо как животное какое. Никакой фантазии.

— Ох, ваша светлость...

Я отмахнулся.

— Ладно-ладно, я в самом деле уже шел спать.

Комнату я занял один, хотя желающих разделить со мной вызывалось немало, но я могу всю ночь пропялиться в окно, мне на сон нужно всего пару часов, и неловко объяснять, что, дескать, спите-спите, сэр, ваш жуткий храп совсем не причина моего бодрствования.

Небо чистое, звездное, я посматривал на него со смутным беспокойством. Не знаю, отчего у меня такие тревожные с ним ассоциации. Луна медленно проявляется, пока еще едва заметная, прозрачная, как тающий во рту леденец, но скоро наберется зловещего мертвенного блеска, озарит мир призрачным светом, который так любят танцующие по ночам феи.

Бобик повозился у моей кровати, поднял голову и посмотрел с недоумением.

— Спи, — сказал я с неудовольствием, — еще и ты будешь меня контролировать, морда.

Он уронил голову на лапы, в самом деле заснул крепко и мирно. Странно, мелькнула мысль, вампиры и прочая нечисть особенно набирают мощь в полнолуние. Не в новолуние, когда луны вообще не видно, а именно в полнолуние, когда луна во всем объеме, но скрывается за тучами.

Рассердившись — ну что за чувствительный такой, мужчина должен быть по впечатлительности чуточку похож на обух топора, я лег и попытался заснуть, что удалось не сразу. И даже не понял, что уже сплю, только вот иду через зал пугающе огромных размеров, я в нем просто муравей, везде темно, мрачно и страшно, только полоска лунного света впереди, я иду по ней, по телу трепет, а там, вдали под стеной, висит черный с ледяными блестками трон, отвратительный, но от него волнами струится мощь, ослабляет мое и без того трусливое сердце.

Я шел на ватных ногах к трону, на сиденье — только роскошная алая подушка с золотыми нитями. На ней — черная корона с зубчиками и одним-единственным рубином, но размером с куриное яйцо, что должен помещаться над серединой лба.

С грохотом распахнулась в стене дверь, из черноты появились темные фигуры в балахонах, капюшоны надвинуты на лица. Раздалось нестройное, но встряхнувшее меня пение, зловещее, могучее, невероятно порочное.

Фигуры выдвигались рядами по двое, выстроились перед тронем, громкий голос выкрикивает что-то знакомое, я не уловил слов, пока не сообразил, что это обычные молитвы, которые читают задом наперед...

Голоса становились громче и громче, возник грохот барабанов, начал сотрясать стены. Невидимые трубы ревут, не переставая, я пытался сделать шаг вперед, ноги не слушаются, однако я должен пересилить себя и ухватить ту черную корону...

Я вздрогнул и пробудился. Из окна доносятся со двора бодрые голоса, фыркание коней, плеск воды у колодца. Бобик поднял голову, сонно зевнул.

— Все в порядке, — заверил я. — Ты молодец, всех отогнал.

Сердясь на свое малодушие, пусть и во сне, я торопливо оделся, сотворил чашку горячего кофе, вылакал быстро и выскочил наружу. Большинство уже в харчевне утоляют зверский молодой аппетит, голоса веселые, хохот, стук кружек по столу, крепкие шуточки.

Граф Гатер отодвинул пустое блюдо с обглоданными костями и ребрышками, сыто рыгнул и вежливо осведомился:

— Как вам здесь?

— Кормят в самом деле неплохо, — сказал я.

— А вино?

— И вино весьма.

Я сел к нему за стол, сосредоточился, представил вкус, аромат, пальцы стиснули стеклянную бутылку. У графа глаза полезли на лоб, я покосился по сторонам, не заметил ли кто; тугая темно-красная струя красиво изогнулась, переливаясь в кубок графа.

— Отведайте, — предложил я.

Он смотрел, не дыша, как я налил себе, затем нерешительно поднял кубок. Ноздри широкого носа задвигались, улавливая полужнакомые ароматы, затем граф сделал осторожный глоток... Потом еще и еще, все ускоряя движения, наконец осторожно поставил пустой кубок на столешницу.

Глаза стали еще шире, он нагнулся к столу и шепнул:

— Ваша светлость... воруете из рая?

— Ах, — сказал я, засмуцавшись, — граф, вот окажетесь в Сен-Мари, там чего только не увидите!

Он поглядывал, как я допил свое вино, словно воду, никакого трепета перед таким изыском, вздохнул.

— Ох, сэр Ричард... что вы с нами делаете!

Я засмеялся, закончил с завтраком и вышел во двор. Челядь суетится, рыцари и оруженосцы седлают коней, только Джон Фонтэйн, оруженосец барона Гедвига Урон-

шида, все еще сидит на ступеньках и торопливо начищает до блеска кирасу барона.

Я проходил мимо, он вскочил и сказал торопливо:

— Милорд, огромное вам спасибо!

Я удивился:

— За что?

— Вы не отправили спать вместе с конюхами!

Я отмахнулся:

— Пустяки. Если возникнут какие-то щекотливые моменты... ну, ты понимаешь, Джон... обращайся.

Он дернулся, лицо на мгновение напряглось, брови сдвинулись над переносицей.

— Милорд... я не понял... О чем вы?

Я ответил так же легко и небрежно:

— Всего не предусмотреть, потому я пока просто ни о чем. Но если возникнут какие-то затруднения, обращайся без стеснения. Я помогу. И ничего не спрошу.

Он смотрел исподлобья, покосился по сторонам и спросил очень тихо:

— Но у других же не возникает затруднений.

— То у других, — ответил я с улыбкой.

Я кивнул и прошел было мимо к Зайчику, но вскоре услышал за спиной быстрые шаги. Джон догнал меня, щеки алые, спросил тихохонько, задыхаясь и воровато поглядывая по сторонам:

— Милорд, ваши слова смущают и тревожат до глубины души... Вы меня в чем-то заподозрили?

Я удивленно покачал головой:

— Нет, конечно. И никто, думаю, не догадывается, что ты не Джон, а, видимо, Джоан. Думаю, им и не стоит знать.

Он охнул и широко распахнул глаза, ну не могут быть у мальчишек такие огромные и чудесные, да еще с такими длинными загнутыми ресницами.

— Ваша светлость...

Я сказал успокаивающе:

— Тихо-тихо. Это не мое дело, я вмешиваться не собираюсь. И вообще я ничего не видел. Это ваши с бароном тайны.

Она сказала потерянно:

— Но как вы... поняли? Ведь вы еще вчера... когда не разрешили идти в общую комнату, где спят вповалку...

Я сказал отечески:

— Тебе не четырнадцать, а все семнадцать, верно? Как маг высшей гильдии я учуял твои феромоны... неважно, что это, просто учуял. Другие не учуют, не беспокойся. Это я один весь из себя такой чувствительный, что хоть стихи пиши. А пока отнеси барону кирасу. Ты правильно сделала... сделал, что чистишь на крыльце. Все должны видеть твое усердие.

Глава 7

Утро, солнце только карабкается вверх по небосклону, но вокруг изломанно-жаркое море скал, похожих на надгробные памятники, и надгробные памятники древних народов, похожие на скалы.

Слева от дороги земля пошла вниз, сперва полого, затем уже настоящий обрыв, пока наконец он не ушел настолько вниз, что в глубине все покрылось плотным туманом. Я полагал, что дело в расстоянии, там низина, а мы на высоте, но граф Гатер поглядывал хитро, поинтересовался:

— В Сен-Мари такого нет?

— Какого, дорогой граф?

Он ответил любезно:

— Это и есть Земля Вечного Тумана. Отсюда кажется плотным, но на самом деле там еще плотнее. Как сметана! Пальцев на вытянутой руке не видно...

— И что, — спросил я недоверчиво, — так бывает часто?

— Так всегда, — ответил он с гордостью, словно сам накрыл долину таким плотным одеялом. — Это же та самая Земля Вечного Тумана!

— Ага, — сказал я, — та самая. Тогда понятно... Но если там туман не проходит, ужас какой, это же и ночью такое?

— Да.

— Чего народ оттуда не убежит?..

Он покачивался в седле, красивый и нарядный, совсем не страдая от жары, глаза блестят весело и задорно.

— А зачем? — спросил он хладнокровно. — Как ни странно, местные считают долину вполне сносным местом.

Я спросил с недоверием:

— В самом деле? Что за чудачки?

— Там не бывает засухи, — объяснил он, — туман спасает. Лето совсем не знойное, а зима благодаря туману короткая и теплая. Урожаи всегда обильные. Если вторгается враг, легко становится добычей местных, уже приспособившихся жить в таком вот счастье. Скот дает обильный приплод, коровы приносят по два теленка, не говоря уже об овцах, у тех два ягненка — дело обычное. Так что они по-своему счастливы. А что солнца не видят... ну, за безопасность и изобилие чем-то надо платить. В общем, человек может приспособиться к любой жизни.

Я в изумлении покрутил головой.

— Здорово. Раз так, то от моей просвещенной тирании никуда не денутся.

Он изумился:

— Просвещенной? Вы грамотны, ваша светлость?

— Ну, — сказал я в затруднении, — как сказать... Истинно просвещенный человек никогда не воюет. Но разве то жизнь?

Он с облегчением вздохнул:

— Я так и подумал.

Я посмотрел на него дружески — мы же одна каста рыцарей, мужское братство благородных людей, подумал, что Вестготия и Сен-Мари похожи и близки не только территориально, но и по уровню социальных отношений, можно сказать, народы-братья. На это и буду упирать в

своей политике интеграции. Пока умолчу, что если братаются два народа, значит, идут против третьего.

Третий — это не народ, это весь Юг, потому пока будем говорить о всеобщем братстве, о Юге пока рано. Но Вестготии и Сен-Мари исторически суждено было вместе, несмотря на разделивший их геологический катаклизм.

Сводит королевства воедино Бог, короли всего лишь подписывают договоры. Так что я не больше, чем орудие Господа! В который раз.

Прислушиваясь к разговорам рыцарей, снова отметил, что никто ни разу не упомянул Творца или Христа, ни разу не перекрестился, да и церковей нигде не вижу, а должны бы уже попасться.

Дети и весьма молодые юноши, склонные к бунтарству против всего мира взрослых, всегда утверждают, что церковь им не нужна, что им достаточно веры, а в этом случае не нужны посредники. Они предпочитают общаться с Богом напрямую, так как Господь везде и слышит каждого.

Долгое время и я так считал.

Копыта сухо стучат по твердой почве, долина выглядит загадочной, даже таинственной. Справа идут одинаковые холмы, за ними черные отвесы гор. Ветерок слабый, постоянный на дневных травах.

Небо синее, только одно одинокое облачко сиротливо оранжевет, быстро растаивая, как утренний пар.

Издали увидели столб багрового с черным огня, словно горит нефть, но пламя бьет в небо слишком мощно, будто выстреливают им под большим давлением.

Рыцари даже не обратили внимания, значит, насмотрелись, привыкли, и я не стал задавать глупых вопросов. Горит, ну и горит. Значит, так надо.

Проехали через небольшую деревушку, народ на всякий случай попрыгался, завидев большую группу воору-

женных мужчин. По дороге встретили стадо овец, граф Гатер зловеще завыл волком, овцы в испуге шарахнулись в сторону, начали перепрыгивать через небольшой заборчик.

Граф на ходу с довольным хохотом подхватил молоденького кудрявого ягненка:

— Это нам на ужин!

Бобик посмотрел на него очень внимательно и ринулся в лесок, мимо которого идет дорога.

— Ну, — сказал я, — держитесь, дорогой граф...

Он умело зарезал ягненка, деловито передал его рыцарям и повернулся ко мне с заинтересованностью на красивом мужественном лице.

— Держаться? Меня что-то ожидает?

— Увидите, — пообещал я зловеще.

Первым Бобик притащил молодого оленя. Мне даже не пытался совать, уже знает, не возьму, ринулся к графу Гатеру. Тот неосторожно одобрил охотничий пыл Адского Пса, мол, какой молодец, и тут же Бобик сунул ему тушу оленя прямо в колено.

Граф опешил, а Бобик уперся передними лапами в конский бок и подал добычу прямо в руки. Граф невольно подхватил, чтобы не соскользнула, Бобик тут же опустил-ся на землю, вильнул хвостом и унесся прочь.

— Э-э-э, — сказал граф неуверенно, — чего это он... мне?

— Уважает, — объяснил я.

— Но... это же ваш пес...

— Я хозяин, — объяснил я. — Меня любит, как отца родного, а вас... уважает. Вы же показали себя охотником, забыли? Сейчас еще принесет.

— Господи, да это охотничий пес!

— Все увидите, — пообещал я многозначительно.

Бобик буквально через несколько минут притащил кабана, да не молоденького поросенка, а весьма могучего вепря, с той же легкостью забросил к побледневшему гра-

фу на луку седла. Граф еще не успел избавиться от оленя, все рассматривал добычу, пересчитывал отростки на рогах, охнул и взмолился, чтобы ему помогли.

Рыцари ржали громче их коней, но графа разгрузили как раз вовремя: Бобик притащил двух толстых гусей, затем молодого жирного барсука, исчез на некоторое время, а затем примчался весь мокрый, в зубах бешено извивается и во все стороны хлещет хвостом с длинными ярко-красными перьями и такими же красными плавниками огромная рыбина.

— Берите, граф, — сказал я весело, рыцари снова заржали, съехались со всех сторон и смотрели, как сцепивший зубы граф старается ухватить эту скользкую тварь, — как вас мой Бобик уважает... как охотник охотника.

— Да, — поддакнул один из рыцарей, — они и похожи!

Бобик великодушно удерживал рыбину, пока граф пытался с нею справиться, наконец барон Уроншид ухитрился вонзить кинжал ей под жабры и поспешно передал рукоять графу.

Рыбина еще трепыхалась, хоть и совсем слабо, когда Бобик притащил вторую, на этот раз короткую и толстую, похожую на деревянную колоду, на которой рубят свиным мясом.

— Да где он таких берет? — воскликнул граф потрясенно. — Я этих чудовищ отродясь не видывал!

— Охотник, — пояснил я. — Ему, как и вам, интереснее поймать что-то редкое...

— Но где тогда...

Он умолк на полуслове — в двухстах ярдах от нас мчитса всадник на взмыленном коне с дикими глазами, пригнулся к лошадиной гриве, то и дело оглядывается.

Мы следили за ним с вялым интересом, вроде бы убеждает, хотя погони не видно, впрочем, по его следу поднялось целое желтое облако, но далековато...

— Вон они, — вскрикнул граф Гатер.

По косогору наперерез спустились двое на конях, оба в

хороших доспехах, разом подняли мечи над головами. Убегающий начал придерживать коня, оглянулся, затем вытащил меч из ножен и бросился на обоих.

— В рубашке, — сказал Гатер с сочувствием. — Порубят...

Всадник вступил в схватку с двумя умело, но когда из-за гребня выметнулись еще трое, моментально развернул коня и ринулся прочь. Граф Гатер досадливо крикнул: впереди на пути убегающего выехали еще четверо и встали неподвижно, перегородив дорогу.

Всадник начал придерживать коня, оглянулся, за ним неспешно скачут трое, слева и справа слишком крутой косогор, пришпорил коня и во весь опор ринулся вперед. Двое приняли удар, но очень неудачно, один сразу свалился с коня, пропустил коварный удар в голову, третий защищался отчаянно, но тоже попался на ложный замах и рухнул лицом на конскую гриву.

Одиночку догнали, когда он уже растолкал своим жеребцом чужих коней и пытался мчаться дальше. Но у преследователей, судя по всему, лошади свежее, окружили, он на какое-то время исчез в сверкании мечей, потом мы увидели, как из схватки выметнулся его конь с пустым седлом, глаза обезумевшие, пена на губах...

Граф вскричал:

— Он еще бьется!.. Клянусь всеми святыми!

— Похоже, — ответил я. — Молодец.

— Надо помочь!

— А если это преступник? — поинтересовался я резонно.

Граф, не дожидаясь моего разрешения, пришпорил коня и с поднятым мечом ринулся в сторону схватки. Остальные рыцари тоже нимало не сомневались в моем решении, как же, всегда надо бросаться на помощь, если один против многих.

Бобик посмотрел на них, на меня, вздохнул и остался. Я ругнулся тихонько и поехал за остальными. Нападаю-

щие оглянулись, кто-то закричал предостерегающе, пару мгновений смотрели, оценивая ситуацию и соотношение сил, затем моментально рассыпались в стороны. Граф Гатер не успел огреть никого даже рукоятью, все повернули коней и умчались по дороге обратно.

С земли поднялся осыпанный пылью молодой воин с мечом в руке и рассеченной в двух местах рубашке. Темные волосы растрепаны, взгляд живой, быстрый, с хитринкой, все еще не успел ощутить страха, хотя двух, похоже, наверняка убил или тяжело ранил.

С двумя сражался, а от толпы удрал, молодец, для бегства тоже нужна храбрость, хоть и другого рода.

— Кто таков? — спросил я.

Он коротко и без подобострастия поклонился, глядя снизу вверх.

— Людвиг Фонтане, — представился он. — Младший и не совсем путевый сын благородного лорда Иоганна Фонтане. Путешествую по глубоко личным делам.

— Кто люди, — спросил я, — напавшие на вас?

Он развел руками.

— Думаю, обычные разбойники, ваша... светлость.

Я нахмурился, что-то слишком быстро соображает и светлостью назвал, а не милостью, хотя светлостей не так много во всем королевстве, и насчет разбойников явно соврал, у разбойников не бывает таких великолепных коней и прекрасных доспехов, изготовленных явно в одной оружейной и одним мастером.

— Ладно, — произнес я нейтрально, — думаю, дальше сможешь по своим личным делам путешествовать чуть свободнее.

Он спросил живо:

— Ваша светлость, а могу я просить вашего позволения проехать с вашим отрядом хотя бы до Ранкевуда?

Я поинтересовался:

— А что это?

Он чуть улыбнулся, поймав на том, что я не знаю ка-

ких-то простейших вещей, за него быстро ответил граф Гатер:

- Это небольшое селение впереди, там развилка дорог.
- И далеко отсюда? — спросил я.
- Не больше десятка миль, — доложил граф.

Незнакомец, назвавшийся Фонтане, смотрел на меня в ожидании ответа. Я поколебался, что-то во мне протесстует насчет присутствия посторонних, пусть даже на десяток миль, но рыцари, похоже, на его стороне, и я отмахнулся.

- Хорошо. Но только до Ранкевуда.

Фонтане спросил быстро:

- А от Ранкевуда в какую сторону?
- В другую, — ответил я. — Ты в одну, а мы в другую.

Он видел мое лицо, но все-таки собрался с наглостью и спросил:

- А если нам по дороге?
- Поедешь в другую сторону, — отрезал я. — И это не обсуждается.

Он все понял, хорошо чувствует интонации, поклонился и поспешно отступил. Один из слуг поймал его коня и привел к нам. Фонтане вскочил в седло, быстрый и очень подвижный, белозубый и улыбающийся, симпатии завоевывает быстро, но уж слишком быстро и нагло пользуется всеми приемами «как понравиться», меня не проведешь, сам такой, конкурентов не люблю, но десять миль как-то уж потерплю...

Мы почти доехали до этого самого Ранкевуда, уже видели его, когда наперерез к нам двинулось то самое желтое облако, что шло по следам беглеца, но теперь там грозно сверкают металлом искры.

Граф Гатер сказал с великим удовлетворением:

- Ну вот наконец-то! А то мы заждались.

Из желтого облака вычленились скачущие всадники в рыцарских доспехах. Кони покрыты цветными попонами, сейчас уже посеревшими от пыли, впереди один со штан-

дартом, другой с баннером, а следом рослый рыцарь в блестящем шлеме, забрало поднято, но лицо суровое и грозное, не предвещающее ничего хорошего.

На мой взгляд, всадников у них вдвое больше, чем нас, граф Гатер сразу же приободрился и громко заговорил с лордом Морганом Гриммельсдэном о том, как мы сейчас всех вобьем в землю по ноздри, отберем коней, а с них сдерем такой выкуп, что останутся на всю жизнь голыми...

Мы остановили коней и ждали, там тоже остановились, выстраиваясь в линию. К нам выехал тот самый рослый рыцарь в полных доспехах, забрало по-прежнему поднято, окинул нас рыбьим взглядом и произнес с холодной учтивостью:

— Вы во владениях его светлости герцога Фридриха Вильгельма Йозефа Хеббеля. Мы забираем вашего спутника Людвиг Фонтане, а вас я... отпускаю.

Меня покорило, что меня, видите ли, отпускают, а могли бы, наверное, высечь или вымазать смолой, поинтересовался подчеркнуто мирно:

— Благородный сэра, не слышал вашего имени...

— Густав Фрейтаг, — назвался он неохотно, но с достоинством, — барон Фрейтаг из Хеймгерии.

— Барон Фрейтаг, — сказал я, — могу я поинтересоваться, почему вы вот так берете и забираете одного из людей моего отряда?

— По приказу своего сюзерена, — ответил он надменно, — его светлости герцога Хеббеля.

— Могу я поинтересоваться, — спросил я, — почему вы его забираете?

Он холодно усмехнулся:

— Можете. Но я вряд ли изволю ответить.

Я обернулся, отыскал взглядом этого злосчастного Людвиг Фонтане. Бледен, но улыбается через силу, глаза сверкают дерзостью, вид злой, будет драться до последнего.

— Сэр Людвиг, — сказал я подчеркнуто почтительно, — вы хотите отправиться с этими людьми?

Он через силу улыбнулся.

— Нет. Если это угодно будет вашей светлости, я предпочел бы остаться под вашим покровительством.

Я повернулся и взглянул на барона Фрейтага:

— Вы слышали?

Барон выпрямился в седле и произнес ледяным голосом:

— Его мнение ничего не значит.

— Согласен с вами, — ответил я любезно. — Но смею напомнить, что кое-что значит мое.

Глава 8

Он дернулся, быстро и цепко окинул меня взглядом. Понимает, задета моя честь, я не могу отдать никого, кто находится под моим покровительством, без уважительных и для меня причин, однако же он на своей земле, к тому же выполняет прямой приказ своего герцога...

— Вы делаете серьезную ошибку, — произнес он жестко.

— Увидим чуть позже, — ответил я, — кто сделал ошибку.

Он замер от такой дерзости, оглянулся на своих, снова посмотрел на меня.

— Да вы понимаете... с кем говорите? Или не умеете считать?.. Вы видите, сколько нас?

— Я предпочел бы больше, — ответил я раздраженным голосом. — Мне приходилось разгонять и побольше всякого сброда! В одиночку. Моим орлам даже мечи не придется вынимать... Для вас, барон, судя по вашим манерам, достаточно будет плети.

Он начал багроветь, рука опустилась на рукоять меча. Граф Гатер, который следил за каждым его движением, вскричал ликующе:

— К бою!

Рыцари разом опустили копья, послышался металлический стук опускаемых забрал. Бобик зашел от меня с другой стороны и всмотрелся в барона Фрейтага. Тот бросил на него короткий взгляд, щеки чуть окрасились бледностью. Взгляд оставался полон решимости, но конь под ним мелко затрясся, захрипел, на губах начала расти пена, а ноги сами собой заставили тело попятиться.

За спиной барона Фрейтага рыцари продолжали выстраиваться в ряд. Копий у них не оказалось, что значит, передний ряд либо будет сбит на землю под копыта наших коней, либо погибнет в седлах, однако никто не дрогнул, вся вытащили мечи и вскинули над головами. Грозно и красиво заблестала обнаженная сталь.

Гатер повернулся всем корпусом ко мне.

— Ваша светлость! — вскричал он нетерпеливо. — Дайте приказ!

Я медлил, рука Фрейтага только поднялась к забралу, пальцы коснулись решетки и замерли. Он уставился на меня снова. Глаза сузились, похоже, на этот раз уловил насчет моей светлости.

— А кто вы?

— Я тот, — ответил я резко и уже со злостью, — кто даст вам трепку и научит, как себя вести.

Он сказал быстро:

— Если вы герцог... то вы должны быть тем самым...

— ...который убил Хорнельдона, — закончил я жестко. — Это вы хотели сказать, барон?

Он быстро кивнул, снова посмотрел на Адского Пса.

— Да, ваша светлость. Но если вы тот, то вы должны поддерживать законность, а не нарушать ее!

— Это вы нарушаете, — объяснил я строго. — Этот человек волей случая оказался под моей защитой. Да вы, судя по тому, с какой стороны приехали, знаете, как он оказался у нас... Вон за вашей спиной те, кто уже убежал от него... и от нас. В общем, он под моей защитой. И теперь

я отвечаю за него. И не могу отдать просто так без всякого разбора его вины.

Он покосился на своих людей, там начались сдержанные разговоры, сказал с великой неохотой:

— Его светлость герцог велел схватить его и повесить. За тяжкое личное оскорбление.

Я покосился на Фонтане, тот ответил широкой улыбкой, но в руке уже держит обнаженный меч. Мои рыцари тоже заговорили, задвигались, к Фонтане обращались с вопросами, однако он молчал и только кивком указывал на барона Фрейтага.

— Схватить и повесить, — повторил я с удовольствием. — Наверное, за дело... И, видимо, очень тяжкое преступление? Все-таки он благородного сословия. Чтобы повесить дворянина, нужно, чтобы уж очень особое...

Я замолчал и смотрел на барона с понятным вопросом в глазах. Тот стиснул челюсти, говорить очень не хочется, но понятно уже, что по простому требованию не выдам даже преступника, случайно вползшего под мою защиту. Все формальности должны быть соблюдены, иначе урон моей чести лорда.

Он проговорил вынужденно и сквозь зубы:

— Он был близок ко двору его светлости. Он пользовался полным доверием! И чем отплатил?..

— Чем? — спросил я с интересом.

— Он обесчестил дочь герцога! — выпалил барон яростно. — Обесчестил и скрылся!..

Кто-то из моих рыцарей, что помоложе, заулыбались, их тут же одернули старшие, дескать, сейчас они такие, но скоро у них самих будут дочери, а как тогда будут себя чувствовать, пошло перешептывание, затем снова обратили взгляды в нашу сторону.

Я проговорил в раздумчивости:

— Обесчестил?.. Это недопустимо.

Барон сказал зло:

— Так в чем же дело?

— Обесчестить, — сказал я, — великое зло и преступление, которое должно быть беспощадно покарано перед людьми и лицом Господа. Однако должен быть суд, справедливый и... жестокий. Однако, как я понял, его ловят по личному приказу герцога...

Барон подтвердил с вызовом:

— По приказу его светлости герцога...

— ...Фридриха Вильгельма Йозефа Хеббеля, — договорил я. — Знаю-знаю, у меня хорошая память. На все. Как на доброе, так и не очень. Но приказ герцога — это не суд.

Барон процедил:

— Что вы хотите сказать?

— Вы не поняли?

— Нет...

— Недопустимо, — сказал я, — использовать административный ресурс в личных целях! Мы не дикари вроде Эллады или Трои, где начинали войны из-за баб-с.

Краем глаза уловил, как вытянулось в недоумении лицо графа Гатера, как дико посмотрел барон Уроншид, поморщился Морган Гриммельсдэн, как вообще переглянулись рыцари. У всех на лицах вопрос: а из-за чего же тогда вообще воевать?

Барон Фрейтаг спросил с напряжением в голосе:

— Что вы этим хотите сказать, ваша светлость?

Я сказал примирительно:

— Дело в том, что повесить... гм... это необратимо. Мне кажется, у вас и какой-то личный интерес к этому делу. Я не прав?

Барон Фрейтаг вспыхнул, снова бросил ладонь на рукоять меча. Глаза вспыхнули яростью.

— Это не имеет значения! Герцог велел повесить!

Я слегка поклонился.

— Ничего не имею против распоряжений герцога. Говоря по правде, мне этот ваш беглец тоже не очень нравится. Но сейчас он, увы, под моим покровительством. И потому я предпочту, чтобы герцог лично...

Барон вскрикнул:

— Что?.. Герцог никогда не унизится...

Я сказал резко и громко:

— До чего? До разговора с другим герцогом?.. Барон, вы понимаете, что **вы** сказали?.. Кем вы меня назвали, повторите громче!

Он побледнел, рыцари за его спиной зароптали, я чувствовал, что сыграл верно, подловил гада, а мои рыцари, чистые души, заговорили громко и гневно.

Барон сказал уже тише:

— Герцог всегда был доволен моей службой. И все, что я делаю, находило одобрение его светлости.

— Не сомневаюсь, — ответил я, и он с облегчением перевел дух. — Но в данном случае предпочту услышать подтверждение от самого герцога. Потому что, если этого повесят, а надо было, скажем... всего лишь отрубить голову, то совершенного не исправить, и страшная юридическая ошибка будет довлеть над совестью его светлости, а вассалы по всему герцогству будут говорить о величайшем промахе сюзерена, которому нет оправдания.

Граф Гатер смотрел горящими глазами то на меня, то на отряд Фрейтага. Седло под ним непрерывно скрипит, а меч то покидает ножны до половины, то заползает в ножку снова. Он уже потерял нить юридических хитросплетений, для него все слишком сложно, просто смотрит с надеждой и ждет, когда я велю броситься в атаку.

Другие рыцари тоже готовы в бой, я перехватывал непонимающие взгляды.

Барон Фрейтаг дергался, менялся в лице, в глазах откровенная ненависть, наконец прохрипел так, словно грыз кость:

— Тогда вы должны ехать с нами.

Я удивился:

— Зачем?

— В крепости его светлости, — пояснил он, я уловил в

его голосе скрытое злорадство, — вам окажут достойный прием. И герцог лично огласит приговор.

Я повернулся к графу Гатеру:

— Нам по пути?

Он помотал головой:

— Нет. Но проедем совсем близко.

Я кивнул, повернулся к барону Фрейтагу:

— Сделаем так. Пошлите гонца, чтобы герцог выехал навстречу. Там, на развилке дорог, он и подтвердит, что должен повесить и почему я должен передать ему этого... человека.

Барон Фрейтаг напрягся, лицо окаменело, а голос прозвучал резко:

— Герцог ничего не делает по чужому требованию!

— Это не требование, — сказал я громко, чтобы обязательно услышали его люди. — Это мудрое решение, устраивающее обе стороны. Мы все равно поедем дальше, потеряем какое-то количество наших рыцарей и, перебив всех ваших... Но стоит ли из-за этого спорного человека губить доблестных рыцарей? Не лучше ли вашим и нашим пасть за более достойную красивой гибели цель?

Наступило тяжелое продолжительное молчание, слышался скрип арбалетной тетивы, кто-то из людей барона Уроншида решил подтянуть еще туже.

Барон Фрейтаг наконец крикнул громко, не поворачивая головы:

— Сэр Отто!

За спинами его рыцарей откликнулся молодой голос:

— Слушаю, ваша милость!

— Отправляйся в замок, — велел барон злым голосом, — перескажи герцогу все, что видел и слышал. Пусть решит, как поступить.

— Будет сделано, ваша милость!

— Пошел! — рявкнул барон.

От их отряда отделился всадник в легкой кольчуге и на быстром коне, не отягощенном ни броней, ни даже по-

крывающей морду и круп попоной. Я узнал одного из тех, что так неудачно преследовали этого Фонтане.

— Ну вот и хорошо, — произнес я с удовлетворением. — Вы приняли мудрое решение, дорогой барон.

Он едва не скрежетал зубами, но вежливо поклонился, что этикет с нами делает, произнес церемонно:

— Рад, что вы одобрили. Мы поедем за вами.

— Очень разумно, — одобрил я. — Только не слишком близко. Вы же понимаете...

Он снова ответил с легким поклоном:

— Да-да, все будет соблюдено.

Я махнул своим и первым повернул коня в сторону дороги. Граф Гатер догнал, пустил своего красавца рядом и заговорил горячим шепотом:

— Я понял, я понял, зачем вы это сделали!

— Зачем? — осведомился я с любезной улыбкой.

Он сказал ликующе:

— Вы же сами проговорились, что их для нас слишком мало!.. А герцога наверняка выведет на перехват все свои силы!.. Вот будет жаркая сеча! Вот когда мы покроем себя неувядающей славой!

Я подумал, кивнул.

— Из вас получится прекрасный стратег, граф. Вы умеете заглядывать далеко и видеть скрытое. Я просто уверен, что в Гандерсгейме ваш талант военачальника проявится и распухнет пышным цветом.

Он расцвел так, словно уже завоевал весь Гандерсгейм, раздвинул плечи. Я осторожно оглянулся — раз незаметно не получится, слишком много глаз не отводят от меня взглядов, то хотя бы понебрежнее.

Отряд барона Фрейтага держится на достаточной дистанции. Даже больше, чем достаточной. Думаю, в этом нелегком случае он вообще-то был бы рад в глубине души, пусть сам не признается даже себе, чтобы мы оторвались от них и вообще исчезли.

Фонтане покачивается в седле горделивый, его окру-

жили молодые рыцари и расспрашивают с жадным интересом. Я ощутил укол то ли ревности, то ли зависти, черт бы побрал этого мутителя спокойствия, нам только добавочных неприятностей не хватает, а этот гад цветет, разглагольствует, размахивает руками, а слушают его с огромным удовольствием.

Отдам, сказал я себе твердо. Как только герцог Хеббель выедет навстречу, а он, надеюсь, все же выедет. Если останется в крепости, это многими может быть расценено как недоброжелательный жест в отношении меня, нового герцога Вельденского с владениями в Дасселе, замком Альтенбаумбург, а также землями Маркгрефлерланда и Монферратскими!

Не знаю, велики ли владения, не до того пока, но этот Хеббель, как мне кажется, должен считаться с новой расстановкой сил. А он, судя по взрослой дочери, которую этот гад обесчестил, человек достаточно зрелый. Со зрелостью возраста приходит если не мудрость, то хотя бы осторожность.

Десяток миль, обещанный Гатером, превратился в два, если не три. Я запоздало вспомнил, что в Вестготии из-за частой смены дорог расстояния считают обычно по прямой, как ворона летит.

Нежное и по-южному страстное небо затуманивается жаром полдня, когда разум отступает, а верх берут страсти. Мы проехали мимо заброшенного старого города из древнего камня, на самой окраине под одинокой пальмой стоит, опустив голову, печальный ослик, а у колодца плещется в корыте с мутной водой ребенок.

Рыцари оживились, но из-за руин вышла с охапкой хвороста такая уродливая, хоть и молодая женщина, что все разочарованно отвернулись.

А я смотрел, как далеко впереди в пыльном облаке грозно заблестали короткие злые искры. Гатер тоже взгляделся, возбужденно ударил кулаком по луке седла.

— Вы были правы, ваша светлость!.. Они выслали большой отряд!.. Вот теперь-то мы им покажем...

— Все точно, — согласился я. — Будет жаркий и красивый бой, где все увенчают себя бессмертной славой.

Он оглянулся, крикнул с торжеством:

— Будем готовы!.. Встретим и угостим на славу, пусть кровавый пир запомнится потомкам!

Рыцари заговорили возбужденно, послышался лязг металла. Я сказал с подчеркнутой озабоченностью:

— Только бы этот герцог не выехал навстречу. Все испортит.

Он охнул:

— Ваша светлость! Да зачем ему выезжать, если может выслать вдесятеро больше людей?

— Чтобы полюбоваться на свою победу, — объяснил я.

— А-а-а, — воскликнул он, — тогда да, конечно. Но мы ему испортим удовольствие. Победа должна быть красивой! А красиво, когда десять против ста, а не сто против десятка.

— Точно испортим, — согласился я.

Мы шли на рысях, затем я дал сигнал пустить коней шагом, впереди пыль медленно опускается, у развилки дорог блещет металлом большой отряд рыцарей под пышным штандартом с висячими хвостами. Еще больше, целое войско, застыло в ожидании на пару сот ярдов дальше.

Я отметил, что герцог остановил свой отряд на дороге из своей крепости, а не на самом перекрестке, что означало бы загородить нам дорогу.

Хороший знак, который вообще-то не значит, что разойдемся без кровопролития, но все-таки переговоры — мой конек, мне даже себя иногда удается уболтать.

Граф тяжело и часто дышит, пальцы вцепились в рукоять меча. Я сказал негромко и с укором:

— Граф! Нужно подождать, когда теоретические споры постепенно и по единому консенсусу сторон перей-

дут в практическую драку. Нужно, чтобы все было красиво и законно, не так ли? Я мог бы провести переговоры с глазу на глаз, но предпочитаю, чтобы все видели: мы за справедливость, честь и достоинство рыцарского сословия, а герцог — за бесчестие, недостойнство и растление!

Граф сказал обалдело:

— Ага, ну да, тогда, конечно... Победа должна быть красивой.

Я медленно пустил коня вперед. Один из всадников точно так же тронул коня и отъехал от своих людей на три конских корпуса. Немолодой, все верно, даже очень немолодой. Похоже, дочерью обзавелся уже в преклонном возрасте. Хорошо и плохо для меня, с одной стороны, будет рассудительным и осторожным, с другой — разъярится за осквернение его единственного сокровища.

Я всматривался очень внимательно, среднего роста, грузный, с короткой бородкой и аккуратно подстриженными усами, глаза смотрят прямо, взгляд я бы назвал умным и проницательным, но только взгляд, а не самого лорда, слишком много в лице неприкрытой злости, а лорды такого уровня, знаю по себе, должны уметь скрывать чувства.

Глава 9

Рядом с герцогом на затейливо украшенном коне скромно держится высокий красивый юноша, лицо чистое, без украшающих мужчину шрамов, даже нос не перебит ни разу. Губы полные, почти детские, и вообще выглядит больше менестрелем, слагающим свои песни, чем военачальником, а это явно командующий гарнизоном герцога, только военачальник такого ранга имеет право ехать в подобных случаях справа.

За моей спиной граф Гатер громко отдает приказания, рыцари перестраиваются, звенят оружием. Я коротко ог-

лянулся, барон Фрейтаг тоже размахивает руками и готовит свой отряд для короткой и яростной схватки.

Должны уметь скрывать свои чувства, повторил я себе. Потому что такие вот, как этот барон, ловят на лету желания господина и спешат их выполнить даже до того, как господин изволит вымолвить вслух.

Остановив Зайчика за полкорпуса от коня герцога, я произнес со всевозможной любезностью:

— Дорогой герцог, я счастлив познакомиться с вами! Все-таки соседи, наши владения в одном королевстве! И не так уж и далеко границы наших земель друг от друга.

Он слушал внимательно, уловил и едва заметный намек на то, что соседи могут не только мирно уживаться, но еще чаще воюют, а ему, похоже, воевать в таком возрасте уже как-то не совсем. Тем более что я могу быть очень опасным противником, если в самом деле тот самый, убивший неуязвимого Хорнельдона.

— Дорогой герцог, — ответил он ровным голосом, но я все равно уловил в нем кипящую ярость, — я понимаю ваши чувства защитника своих людей. Однако этот человек тяжело оскорбил меня и всю мою семью. И он не ваш человек.

— Вы правы, — ответил я. — Но в данном случае мой. На короткий промежуток времени.

Герцог поинтересовался медленно:

— На какой?

Я ответил без особой охоты:

— Мы разрешили ему ехать с нами до этого перекрестка.

— Прекрасно!.. Вы все выполнили. Теперь он наш!

— Не совсем, — ответил я. — Формально да, можем его выдать. Но значит, обречь сразу же на виселицу, а это не совсем гуманно, хотя гуманист из меня неважный, но важно быть или хотя бы казаться гуманистом, когда мы политики. Не так ли?.. Простите, герцог, но вы слишком кипите гневом. А это значит, можете допустить судебную

ошибку. Для крестьянина это пустяки, но для человека нашего ранга... гм...

Он выпрямился, лицо налилось гневом.

— Вы отказываетесь выдать преступника?

Я видел, что вот сейчас он велит своему отряду атаковать нас, будет жестокая сеча, я сказал с подчеркнутым удивлением:

— Что вы, герцог! Вовсе нет.

— А что?

— Предлагаю, — сказал я, — судить его прямо здесь. Разве вам помешает и мое слово поддержки перед общественным мнением лордов? Если и я, посторонний, скажу, что этот человек заслуживает виселицу, то уж точно никто не скажет, что вы осудили на смерть человека из личной мести!

Рыцари за спиной герцога шевелятся, переговариваются. Я видел по их лицам, что меня понимают и поддерживают. Не ради какой-то там справедливости, а просто интересно, как герцог принимает решения, когда не все по его воле.

— Хорошо, — процедил герцог сквозь зубы, — да увидят все, что мои решения справедливы!..

— Сэр Фонтане, — сказал я громко, — предстаньте перед судом! В смысле, вот здесь, между нами и герцогом.

Не оглядываясь, я чувствовал, как в рядах моих рыцарей пошло шевеление. Мимо меня проехал и остановил коня между нами на равном расстоянии Фонтане, подчеркнуто спокойный, прямой, на лице уже нет веселья, но нет и страха.

— У нас идиотом может назвать каждый, — объяснил я, — а вот преступником — только суд! Мы здесь остановились затем, чтобы выслушать ваши...

— Признания, — сказал герцог.

— Объяснения, — уточнил я. — А лучше, показания. Решение, принятое нами с герцогом, будет окончательное и не подлежащее никакой апелляции.

Фонтане поинтересовался:

— Что такое апелляция?

— Апелляция, — объяснил я, — когда просите один суд проявить неуважение к другому суду. Но мы с герцогом преисполнены уважения как друг к другу, так и к другим благородным лордам королевства, так что, вы понимаете прекрасно, если не дадите нам ясных и понятных объяснений, что там у вас случилось, виселицы на этот раз не избежать. И апеллировать будет не к кому.

Герцог уловил раздражение в моем голосе, улыбка чуть-чуть проступила на его худом лице и тут же пропала. Его военачальник почему-то старается не смотреть на Фонтане, как и тот не смотрит на герцожью правую руку.

За моей спиной граф Гатер сказал тихохонько барону Уроншиду:

— Видите, сэра Гедвиг, как надо? По-культурному. Что не так — сразу в суд! А у нас сразу в морду.

— Дикие у нас места, — ответил барон печально. — Ничего, наш сэра Ричард уже продвигает культуру в рыцарские массы.

Фонтане выпрямился в седле, все насторожились, он вздохнул и ответил дерзко:

— Вообще-то мне сказать нечего.

Герцог произнес обрекающим голосом:

— Признаешь ли ты, что соблазнил мою дочь?

Все замерли в ожидании ответа. Фонтане подумал, бросил взгляд исподлобья, тяжело вздохнул.

— Увы.

— Что «увы»? — потребовал герцог люто.

— Ваша дочь слишком... красива. Я не устоял.

— Соблазнил? — повторил герцог с нажимом.

Фонтане прямо посмотрел ему в глаза.

— Зачем такое слово? А если это любовь?

Герцог вскипел так, что, если бы его не ухватили за руки, ринулся бы с мечом на этого ухмыляющегося наглеца.

— Любовь? Какая может быть любовь к такому ничтожеству?

Фонтане ответил дерзко:

— Любовь не знает меры, границ, сословий. Перед любовью, как перед Господом, все равны.

Герцог, кипя гневом, повернулся ко мне.

— Теперь вы видите?

Я поинтересовался:

— А откуда стало известно, что он соблазнил? Может быть, это только слухи? Сплетни?

Он вскипел:

— У нее живот подпер подбородок!.. Через две недели родит!

— Простите, — сказал я обалдело, — не думал, что так серьезно. Это да, это понятно... Тогда, может быть, заставить его жениться? Все-таки знатного рода, отваги и удали не занимать... Мне он лично не очень нравится, но тем более мои слова заслуживают того, чтобы их принять во внимание... Сэр Фонтане отважно дрался против ваших людей, двух сбил на землю, тяжело ранив или убив, а когда на него бросился большой отряд, благоразумно отступил. Это говорит, что есть не только отвага молодости, но и расчет, что пригодится потом, когда станет командовать большими массами войск.

Герцог нахмурился, военачальник наклонился к нему и что-то настойчиво втолковывал.

— Вряд ли этот человек, — сказал герцог гневно, — способен на семейную жизнь!

Я сказал быстро:

— А что такое семейная? Герой, который проводит полжизни в седле, защищая границы, разве живет ею, навещая жену изредка и всякий раз зачиная детей?.. Для герцога, думаю, такие люди даже полезнее, чем домоседы.

Он морщился, слушая нашептывания военачальника, наконец впери в Фонтане гневный взор:

— Спрашиваю со всей строгостью, готов ли ты же-

ниться на моей дочери и покрыть ее позор законным церковным браком?

Я видел, как Фонтане заколебался, как дернулся и побледнел воин с повадками военачальника, как вытянули шеи рыцари их отряда. Герцог смотрел требовательно.

За моей спиной донесся шепот графа Гатера:

— Даже если она уродина, лучше жениться, чем висеть в петле!

— Вряд ли уродина, — предположил барон. — Скорее всего, вовсе нет...

— Почему так думаете?

— Чего бы он к ней лазил тайком, рискуя головой?

Логично, подумал я. Что-то здесь не так...

Герцог медленно бледнел, в глазах вспыхнул опасный огонь, он прокричал:

— Взять его! И повесить здесь же на дереве!

Несколько человек подбежали к Фонтане, сдернули с коня и, связав руки, потащили к дереву. Один ловко взобрался по стволу на крепкую ветку, быстро и умело закрепил конец веревки, а другой, с петлей на конце, спустил вниз.

Фонтане со связанными руками снова усадили на коня, один из всадников начал надевать ему петлю на шею, Фонтане воскликнул:

— Господи, прими мою душу!

Герцог крикнул страшным голосом:

— Она отправится прямо в ад!

Военачальник вдруг толкнул коня коленями, в два конских скака оказался возле Фонтане. Никто не успел пошевелиться, как он сорвал петлю с шеи Фонтане.

— Спасибо тебе, — прокричал он срывающимся голосом, в котором все слышали сдерживаемые слезы, — спасибо, преданный друг, за верность!.. Но я не смогу жить, если ты пострадаешь по моей вине... Ваша светлость, это не он виноват, а я!

Герцог дернулся, лицо перекосилось удивлением, потом гневом.

— Ты?

— Я, — ответил военачальник. — Я люблю вашу дочь, и она... ко мне совсем не равнодушна. Но вы послали меня на границу с лордом Рошером, где оголились наши земли из-за оползней... и мы не могли встречаться. Я этого не мог вынести, через своего друга Фонтане послал ей весточку, когда смогу тайком вырваться к ней, чтобы никто не узнал, и мы встречались...

Слева от герцога бородатый рыцарь очень важного вида спросил громко:

— Вы хотите сказать, ребенок у благородной леди Глории вовсе не от сэра Фонтане?

— Да, благородный лорд Бальтасар.

— Он ваш?

— Да, сэр Бальтасар, — ответил военачальник. — Сэр Фонтане как старый друг лишь передавал леди Глории записки от меня. Чтоб знала, в какой день и куда прийти на тайное свидание. Встречался он с нею открыто, почему все и подумали на него... Но это моя вина, ваша светлость! Если вам нужно наказать, то меня, а не благородного Фонтане!

Граф Гатер пробормотал громко:

— А эта свинья в самом деле... поступала благородно. Никогда бы не подумал.

— Я тоже, — признался барон Уроншид.

Я помалкивал, мне надо играть всезнающего, но вообще-то я тоже не подумал бы, что этот лихач способен отдать жизнь, только бы не портить карьеру другу.

Герцог приходил в себя от изумления медленно, нижняя челюсть все еще отвисает, наконец повернулся ко мне.

— Доблестный сэр Ричард, — произнес он с достоинством, — я рад, что вы примете хозяйство герцога Хорнелдона в свои руки. И хотя наша встреча произошла при несколько отягощающих моментах, но я рад заве-

рить вас, что восхищен вашей мудростью и дальновидностью. Как вы понимаете, сэру Фонтане виселица не грозит. И, думаю, ему ничего не грозит. А с этими двумя я разберусь дома.

Я почтительно поклонился.

— Ваша светлость...

Он тоже отвесил точно такой же поклон.

— Ваша светлость...

Я повернул коня, за спиной после паузы застучали копыта коней моего отряда. Граф Гатер горестно вздыхал, хитрый герцог увильнул от схватки, а все к ней шло так прямо, так без остановки...

Барон Уроншид начал что-то рассказывать, в это время за спиной послышались крики, я оглянулся, наш отряд во весь опор догоняет Фонтане уже на свежем коне.

Веселый, улыбающийся, он прокричал задорно:

— Так, сейчас начинаются слюнявые выяснения отношений. Терпеть не могу!.. Можно, я с вами?

Граф Гатер буркнул:

— Мы сопровождаем герцога Ричарда в его земли. А вы зачем?

— Ваш герцог, — заявил Фонтане, — человек очень непростой. И тем, что сумел победить неуязвимого Хорнелльдона, и что так умело настоял на разборе дела и все вывел на чистую воду... Потому я хотел бы побыть среди вас.

На этот раз он обращался ко мне, хотя и отвечал вроде бы Гатеру. Я вынужденно произнес:

— Сэр Фонтане, вы поступили благородно... и ах-ах как красиво, признаю. Но мне давно уже осточертели «небритые герои», грубые снаружи — добрые внутри. Да, среди стада свиней смотрите неплохо, даже выигрышно, так как внешне от них не отличаетесь, но благородны там глубоко, не то в сердце, не то в душе... Однако у нас, как видите, рыцари и разговаривают вежливо, и чисто вы-

бриты. Так что идите, идите, идите своей дорогой. К действительно благородным вам пока рано.

Его задорная улыбка быстро блекла, граф Гатер сказал рассудительно, но с сомнением:

— Может быть, возьмем? Просто молодой еще... С нами пообтешется, шелуха слетит.

Я отмахнулся:

— У нас не исправительное и не воспитательное учреждение. Мы берем уже благородных, не так ли?

— Ну да...

— У нас, — сказал я наставительно, — закрытый элитарный рыцарский клуб. А обтесывают и воспитывают пусть на уровнях ниже.

Фонтане улыбался растерянно, еще не веря, что все поняли, но не оценили его неслыханного благородства. Наши взгляды встретились, я ответил молча, что вообще-то норма для человека высокого происхождения поступать вот так, как он, и никакие пряники за это не полагаются.

Он тяжело перевел дыхание, я кивнул почти дружески, но с намеком на дистанцию. Зайчик подо мной уловил едва заметное движение ног и пошел вперед быстро и уверенно.

Барон Гедвиг Уроншид пронесся галопом вперед к нашему рыцарю с баннером в руках, что-то крикнул, захотали и заорали походную песню про рыцаря в походе, который оставил дома любимую у окошка. Остальные подхватили суровыми мужскими голосами, при звуках которых меня всегда пробирает дрожь, а на глаза могут навернуться слезы.

Дорога пошла под легкий уклон, что так любят кони, и они мчались легко и весело, сами наслаждаясь быстрой скачкой.

Вскоре увидели вдаль замок из красновато-коричневого камня. Расположился он на склоне большого и длин-

ного холма, потому обращенная к дороге часть значительно больше, на целых три этажа, но, правда, первые два просто высокое основание, на котором и разместился замок, а с тыльной стороны, похоже, окна полуподвальные.

Склон холма зеленый, хорош для пастбищ скота, кое-где торчат одинокие деревья. Я сравнил взглядом размеры, кроны не дотягиваются даже до нижних окон, замок просто великанский, но выстроен умело и пропорционально, с тяжеловесным изяществом, по единому плану.

Дальше часто попадались крохотные деревушки на три-пять домов, все огорожено крепким забором, то ли чтобы овцы не разбежались, то ли защита от лесных зверей.

Воздух свежий, солнышко ясное, ничего впереди опасного, мысли тут же вернулись к идее, что в Сен-Мари связь с королевством Вестготия наладить очень просто. Достаточно морем не приближаться близко к отвесной стене Зуба Сатаны, что, как выяснилось, вовсе не зуб, а ровный пласт земной коры, что несколько выше соседнего. Совсем немного, на милю, не больше. А если больше, то на немного. Просто отплывать из бухты Тараскона и по широкой дуге огибать опасное место, после чего причаливать в ближайшем удобном месте.

А перевозки морем всегда считались самыми дешевыми.

Граф Гатер догнал, веселый и улыбающийся, на шлеме весело трепещет маленький султан, такой же точно, только побольше, укреплен между ушами его коня.

— Как дорога, ваша светлость?

— Превосходно, — ответил я, — послушайте, граф... мне кажется, вчера этот султанчик был на вашем шлеме?

Он чуть смутился, огляделся и понизил голос:

— Вы наблюдательны, ваша светлость. Дело в том, что я очень люблю своего коня. Он такой умный, такой умный! Почти как я. А еще его родословная длиннее моей. Нет-нет, я не бастард какой, у меня одиннадцать поколе-

ний благородных предков, исполненных всяческих достоинств, но у моего коника их четырнадцать...

Я протянул:

— Ну, граф... Тогда вы поступили правильно и благородно. И у животных есть права, только мы их бессовестно нарушаем. Но Бог все видит!

Глава 10

Он повеселел, помчался вперед, вскоре я услышал его звучный голос, распеваящий песни. В конце концов, продолжал я тянуть неторопливую государственную мысль, можно сделать и вполне цивилизованный спуск с Края, чтобы попадать в Сен-Мари. Например, вырубить в каменной стене ступеньки, что опускаются под углом. Можно так до самой земли, а можно зигзагом. Все решаемо. Поднимаются же по ступенькам на самые высокие пирамиды даже престарелые, а тут то же самое. Но никто раньше не брался, такую исполинскую работу не в состоянии проделать ни мелкий, ни крупный феодал, силенок и ресурсов не хватит. И король не может, потому что король — всего лишь один из феодалов, которого формально считают главой, но власти на такие проекты не дадут.

Для великих строек необходимы огромные усилия всего народа, а для этого нужно сперва сосредоточить власть в одних руках. А лучше — в одном кулаке. Понятно, чьем.

Солнце нещадно жжет головы и плечи, в небе ни облачка, только в самой синеве неподвижно висит, как приклеенная, мелкая птичка. Я всмотрелся повнимательнее, понятно — обыкновенный жаворонок. Даже песенку его слышно.

Граф Гатер крикнул жизнерадостно:

— Еще гарпия?

— Жаворонок, — ответил я. — Жаворонок не может быть плохой птицей. По установкам.

— Почему?

— Хорошо поет, — объяснил я. — Кто поет хорошо, не может быть злым... человеком.

Он хохотнул.

— Да, похоже... Как вам здесь?

Я проворчал:

— Терпимо, что-то воняет слишком уж... будто сэра Суллинга прячут где-то в кустах.

Он захохотал звучно и сочно, вытянул руку вперед.

— Вон еще ручей!

— Какое счастье, — сказал я искренне.

Только и передышки, когда вот так натываемся на ручьи, спешиваемся, поим коней, сами обливаемся с головы до ног. Барон Уроншид и его оруженосец предпочли искупать коней, вымыть их хорошенько, что все им поставили в заслугу.

Я перехватил озабоченный взгляд барона, явно оруженосец успел рассказать, что их тайна для сюзерена не тайна вовсе. Бобик шумно прыгал в воде, пугая коней, ухитрился и здесь поймать достаточно крупную рыбу и совал ее ликующему и одновременно несчастному графу Гатеру.

Потом снова долина, рощи, одно время слева от дороги очень долго шла полуразрушенная каменная стена из массивных блоков. Я вяло поудивлялся, что за сила ее разметала, если эти глыбы размером с большие окованные железом сундуки разбросаны на десятки, а то и сотни шагов. Случилось явно давно, везде проросла жесткая злая трава, хотя земля остается красно-коричневой, словно целиком из спекшейся крови.

Сэр Гатер время от времени пропускал мимо себя весь отряд, вид придиричивый, рыцари поневоле подтягиваются под его взглядом, а он, воодушевив напоминанием, что скоро под знаменем доблестного и ух как воинственного герцога Ричарда будут грабить богатые земли, догонял меня, веселый и бодрый.

Энергия переполняет его, в седле буквально подпры-

гивает, но тщательно прилаженное железо на нем сидит, как собственная кожа на крокодиле, не скрипит, не шуршит, не звякает.

— Это еще земли барона Френсиса Аулмера, — объяснил он обстоятельно, — а во-о-он от тех холмов уже владения ваших вассалов. Виконта Ноэля Джонстоуна, как я уже говорил, чуть дальше владения барона Альфреда Бриджстоуна, графа Дэйва Стерлинга по прозвищу Стекланные Ноги...

— Да-да, — сказал я нетерпеливо, — помню.

— Хотите к ним заглянуть?

— Зачем? — осведомился я.

Он сказал победно:

— Напомнить, что многое в этом мире изменилось!

— Они не знают?

— Возможно, выжидают.

— Чего? Что покойный восстанет?

Он коротко хохотнул.

— Вряд ли настолько наивны. Но пока не поспешили прибыть в Альтенбаумбург и принести вассальную клятву!

Я поморщился, ответил звучно и громко, чтобы услышали все:

— Сено за конем не ходит. Принести мне присягу — не повинность, а честь!.. Давайте, граф, пропустим очередную остановку на отдых. Мне уже не терпится увидеть новые авгиевы конюшни.

Он довольно улыбнулся.

— А как не терпится ввязаться в драку нам...

Поднялась из руин и пошла навстречу уцелевшая стена трехэтажного дома с колоннами на первом этаже. На втором и третьем вообще буйство архитектуры всех форм. А скульптуры и барельефы героев, мифологических животных занимают каждый дюйм. На всех трех этажах слепо зияют окна, на втором и третьем углублены так, что это одновременно и двери, выводящие на балконы, вон даже сохранился свод, все тревожно красиво, словно ви-

дишь редкий цветок, выросший на дороге, где промчится конница...

Еще колоннада с широким портиком у темного углубления в горе, вид таков, словно это украшенный вход, но я присмотрелся, там везде сплошной камень, даже трещин не видно.

Дальше странные толстые колонны, вырубленные прямо в толще каменной плиты. Верх этой плиты выглажен до блеска, по ободку бегут, налезая друг на друга, тщательно выполненные барельефы. На самой плите сиротливо высятся семь колонн с неизменным портиком наверху. С той стороны каменной плиты грубо сложенная стена из неровных блоков, совсем другой стиль, другое назначение.

— Что это было? — спросил я.

Сэр Гатер отмахнулся.

— Здесь очень много от прежних хозяев. Но когда мы пришли, их уже не было. Хозяев.

И снова руины, развалины, остатки циклопических сооружений, настолько древних, что почти неотличимы от россыпей диких камней. Дорога равнодушно идет мимо массивной стены, вот остатки ворот, где опорные столбы выполнены в виде массивных лап неизвестного животного с раздвоенными широкими копытами и острыми когтями на бабках.

За стеной старинный дворец, уже без крыши, но я смотрел не на здание, а на исполинское дерево, проросшее прямо через каменные стены, где-то раздвинув, где-то обвалив. Толстые белесые корни невероятной прочности поднимаются до второго этажа, но и по земле не спешат углубляться, а тянутся на сотни ярдов во все стороны, прежде чем отыщут землю, куда занырнуть, как в воду.

Покачиваясь в седле, граф неспешно начал рассказывать, как однажды с далекого горного плато, куда раньше никто не мог подняться, спустилось целое племя конных

дикарей. Никто не успел опомниться, как они промчались широкой лавой, оставляя за собой дым пожарищ, сгоревшие села, вырубленные сады и засыпанные колодцы. У немногих успевших спастись осталось впечатление, что не собираются возвращаться, иначе зачем засыпать колодцы или жечь большие запасы отборного зерна?

— Даже леса старались поджечь по дороге, — объяснил он. — Хотя сами мчались через них. Какие-то самоубийцы!

— Азарт войны? — предположил я.

— Наверное, — сказал он меланхолично. — Никто так не воевал, а они на полном скаку швыряли факелы в соломенные крыши, в деревянные постройки, вообще во все, что могло загореться. А когда все сожгли... поселились на том месте.

— Даже добычу не взяли? — спросил я с интересом.

— Нет, — ответил он с недоумением. — Гордые! Заявили, что не ради добычи пришли. Теперь, дескать, здесь их земля. И никто их отныне согнать не сумеет.

— И что с ними случилось?

Он ответил хладнокровно:

— А ничего. Вон взгляните налево. Видите село?.. Даже я не отличу от прежних. Постепенно к новому племени привыкли. Прошло всего два поколения, их воинский дух как ветром выдуло! Землю пашут, скот разводят, охотой иногда промышляют, но редко... Три крепости, правда, выстроили.

— Зачем?

Он пожал плечами.

— Наверное, на всякий случай. Или по инерции. В тех крепостях сейчас пусто, как в заброшенных дуплах, где вороны нагадили. Здесь на редкость мирные земли. А так вообще-то все соседи смотрят друг на друга сквозь прорези опущенных забрал.

Я вздохнул:

— Это везде. Эх, как нужна империя с едиными законами, дорогами, плановой экономикой... Что это вон там за домище?

Граф развернулся в седле в другую сторону. Впереди слева от дороги показался высокий четырехугольный дом из серого камня, давно заброшенный, на крыше зеленеют мелкие деревья, окна-бойницы зияют пустыми провалами, но сам дом-крепость выглядит грозно: шесть этажей, массивное основание без окон и дверей, по бокам наполовину разрушенные башни.

Гатер ответил с сочувствием:

— Если устали, на ночь можем остановиться здесь.

Я всмотрелся в дом, что-то в нем странное, даже нехорошее, будто он точно так же наблюдает за нами, прикидываясь спящим. Священника бы сюда, мелькнула тоскливая мысль. Я же не специалист по экзорцизму и выгнанию на ночь глядя нечистой силы.

— Не выглядит, — заметил я осторожно, — уютным местом.

Он развел руками.

— А что делать? Снаружи заночевать еще опаснее. А в башне все-таки скоротать время намного лучше.

Я поинтересовался с подозрением:

— Лучше чего?

— Лучше, — объяснил он, — чем снаружи.

— Очень опасно?

— Только ночью, — успокоил он. — И лишь на открытом месте. А в эту башню никто не полезет. Говорят, нечисть открытых мест и башни враждует. Мы в ней уже раз десять отсиживались, когда ночь заставала...

Я переспросил:

— То есть нечисть башни принимала вас, как беглецов, и защищала?

Он хмыкнул, лицо стало смущенным.

— Так говорят... А если бы так просто заехали, сама бы сожрала. В опасном мире живем, ваша светлость!

— В очень, — вздохнул я и добавил бодро: — Как здорово, да?

— Нам повезло, — согласился он. — Перебьем всех чудовищ, нашим внукам делать будет нечего!

— Сопьются, — подтвердил я. — Но сейчас идем хорошо. До заката разве не успеем до гостиницы?

— Постоялый двор уже близко, — подтвердил он. — Если не устали...

Я поморщился, он понял и торопливо придержал коня, давая понять, что проверит, как там в арьергарде.

К закату проехали по странной местности, где вдаль я рассмотрел множество крестиков, ветряные мельницы, зачем так много, затем мимо проползла желтая полупустыня, а следом весело промчалась целая роща роскошных финиковых пальм.

Солнце опустилось за горизонт, и начало темнеть, когда вдаль показался и начал приближаться к нам малость обветшалый, но просторный постоялый двор.

Строился с запасом, чтобы не упустить возможных клиентов, но две трети обширного дома пока без постояльцев, видно по закрытым ставням. Во дворе всего две лошади у коновязи и две телеги у сарая, а еще с десяток свиней в загородке хрюкают и усердно копают норы под забор, замышляя хитрый побег на свободу.

Отряхнув пыль, мы расположились на той половине харчевни, которую отводят для благородного сословия. Хозяин даже не стал спрашивать, что нам угодно, взмахом руки послал к нашему столу двух слуг с мясом и овощами.

Граф Гатер крикнул:

— И вина!

— Хорошего, — добавил барон Уроншид.

— Лучшего, — уточнил Морган Гриммельсдэн.

Я сказал наставительно:

— Благородные лорды, лопайте, что дают. Здесь не столица. И вообще представьте, что вы уже на войне.

Граф Гатер проворчал:

— Не могу представить.

— Почему?

— Насиловать некого, — объяснил он и захохотал. — А без этого и победа какая-то не победная.

— Да, — поддакнул лорд Морган. — Это как выиграть турнир и не получить приз!

Барон Уроншид смолчал, я перехватил взгляд, в котором можно прочесть многое, но я сделал каменное лицо, с треском разгрызал кости и стучал, как и все, ими по столу, вышибая мозг.

Джон, который Джоанна, все поглядывает в мою сторону, мнется, взгляд то трусливый, словно я вот-вот выдам их обоим всем на потеху, то молящий, иногда сердитый, это уже вообще ни в одни ворота не лезет, но женщины традиционно обвиняют нас, где бы сами по своей дури ни прищемили пальчик.

Я делал вид, что не замечаю, наконец она выбрала свободную минутку, когда все разбрелись кто куда, тихохонько подошла бочком, как краб, сказала просяще-сердитым голосом:

— Ваша светлость, мне все-таки очень не хочется, чтобы вы обо мне думали непонятно что!

Я пожал плечами.

— Непонятно, что?

— Вот-вот, — сказала она шепотом, но с жаром, — сами говорите, что вам все понятно! А вам как раз непонятно!

— Возможно, — согласился я. — Но я как-то и не собираюсь понимать. Это ваше личное с бароном пространство, я влезать в него не собираюсь, так как это не добавит абсолютно ничего к собираемости налогов, укреплению дисциплины труда и вассальной верности.

Она прошипела рассерженно:

— А вот мне не все равно, что про меня думают! Я с бароном вовсе не для того, чтобы... то, что вы думаете. Я в самом деле владею оружием и могу сразиться...

Я поморщился.

— Ты женщина, дорогой Джон. Может быть, даже леди.

— И что? — спросила она с вызовом.

На языке вертелось привычное «...и этим ты права», но ответил честно:

— Значит, ты должна сидеть дома. Даже не знаю, чем занимаются благородные дамы, кроме сплетен, но... сидят там. А в окна машут платочками. Иногда роняют. Простолюдинки хоть стирают, убирают дом, варят обеды... а ты...

Она прервала жарким шепотом:

— Я знаю, такова судьба женщин! Но мой отец убит, и вся семья погибла. Я одна, кто уцелел. Потому теперь я — глава рода. И на мне лежит о нем забота. Потому буду делать то, что делают мужчины, так как мужчин в моем роду не осталось.

Я проговорил, отводя взгляд:

— Но ты не можешь сесть на коня, взять меч и помчаться мстить врагу! Это время придет нескоро, а басни про амазонок придумали мечтательные мужчины... Если мстить, то мсти по-женски.

— Как?

Я в затруднении пожал плечами.

— Откуда я знаю? Нелепо даже такое спрашивать у самца. Сплетнями, намеками, интригами... Давай твою месть разделим на две части. Ты будешь вредить интригами, а я — мечом. При умелом сочетании это даст эффекта больше, чем если бы мы оба понеслись вперед с обнаженным оружием.

Она смотрела обрадованно, но в удивлении.

— Мы? Ваша светлость, вы готовы мне помочь? Но что вы возжелаете за помощь?

Я покачал головой:

— Ничего.

Ее глаза сузились, лицо приняло неприятное выражение.

— Так не бывает. Значит, хотите чего-то большего, чем я не смогу поступиться.

Я выставил перед собой ладони.

— Успокойся, успокойся. Скажем так, у герцога Вельденского... это я, слышала?.. твердые обязанности поддерживать мир и справедливость в этом отдельно взятом регионе... остальные пока хоть синим пламенем гори. Еще я должен вершить честный суд и карать виновных. Не сомневаюсь, что с твоей семьей поступили несправедливо. Но я сперва должен узнать все детали, чтобы наказание было ровно таким, которое соответствует вине. Ты же сама понимаешь, как это будет несправедливо, если человека, приговоренного к повешению, вдруг казнят усекновением головы?.. Или утоплением, когда по нашим гуманным и справедливым законам нужно сжечь на костре?.. К тому же сперва надо четко определить, жечь на быстром огне или медленном... Пойми, как герцог я должен быть справедливым и точным в поступках и решениях.

Она сопела рассерженно, я видел по ее лицу, что для нее все просто, мысленно погладил себя по голове: какой же я умница, сложный и многогранный, вижу под разными углами и аспектами, прям как стрекоза какая с ее фасеточным зрением.

— Идите, леди, — велел я милостиво, но твердо, — моя светлость все берет под свой державный контроль. Христос вообще объявил, что лично отомстит за всех, потому никто никому самолично вендетту объявлять не должен.

Она буркнула:

— Как же он отомстит?

Я пожал плечами:

— Не знаю. Как-то по-своему. К примеру, даст много денег, виновный сопьется и помрет от белой горячки. Или утопнет в бочке во время купания. Или захлебнется в

блевотине, простите за грубость, как великий вождь укров Аттила... Идите, идите!

Она ушла, хмурая и все еще не убежденная, но женщин пока еще никто в мире не убедил, что вообще-то неважно, мне убеждения их как-то лесом, послушание и выполнение намного важнее.

Глава II

После ужина все разбрелись по спальным местам, я поднялся в свою каморку, постоял у окна. Далеко в ночи страшно полыхает космато-красным, длинные языки рвутся в небо, исчезают и возникают, а внизу за черными двухмерными скалами, подсвечивая верхушки, нечто дикое трещит, грохочет, сотрясает землю.

Когда мчишься верхом при слепящем солнце, такое не замечаешь, а стук копыт заглушает любой далекий грохот, подземные толчки тоже не ощутить при скачке, но сейчас в ночи страшновато смотреть на пугающе-лиловое небо вокруг жуткого пожара и слушать звуки неумолкающего подземного процесса. Тучи снизу словно поджаренные олады, рыхлые, бесформенные, с багровой корочкой, а дым поднимается черный и похожий на злого дракона.

Еще в дороге граф Гатер буднично сообщил, что к таким мелочам привыкли, это как дождь с градом, что прошел мимо. Я наконец лег, закинув одну руку за голову, а другую опустил с кровати и почесывал громадную голову Бобика, что довольно сопел и приподнимал башку, а потом перевернулся на спину и подставил пузо.

Мысли вернулись к тому странному замку, в недрах которого я тогда очутился, сознание начало заволакивать дремой, и вдруг сильный озноб пронизал меня с головы до ног и заледенил сердце...

Вокруг меня недобрая тьма, я снова в том же оскорбительно исполинском зале, где сразу чувствуешь свое ни-

чтожество. Я понимал, что это сон, но слишком отчетливый, и если здесь прищемлю пальчик, после пробуждения обнаружу кровоподтек...

Прямо через каменный пол проросла и застыла в грозном ожидании черная неопрятная трава. Высотой мне до пояса. Жесткие прямые стебли стеклянно позвякивают, соприкасаясь. Идти через такую страшновато, я присмотрелся и понял, что внизу не камень, а нечто трухлявое, полурассыпавшееся и опасное, можно наступить и ухнуть с головой в жуткие бездны.

Из стен, казавшихся незыблемыми, торчат рогатые ветки, с иных свисают космы черной плесени. Помещение показалось древним, заброшенным, рассыпающимся, но я присмотрелся, и стало еще страшнее. Не запустение, здесь так и должно быть, и чем больше паутины, плесени, застарелого мха — тем лучше и естественнее для этого чудовищного мира...

В окно на фоне черной безлунной ночи заглядывает дерево с мучительно и неестественно изогнутыми ветвями, словно в нестерпимой боли, и вообще здесь весь лес похож на стадо гигантских спрутов, что вышли на сушу.

Я двигался медленно, преодолевая незримое сопротивление, словно шел по горло в воде. На меня медленно и грозно наползает темный провал входа в другой зал, сердце мое замерло, но я заставил непослушные ноги сделать шаг, еще один и оказался в другом зале.

Здесь голый пол, выложенный плитками с геометрическим узором, а в той части, где кресла для сюзерена и его близких, висится чудовищная статуя, упираясь головой в потолок.

Я приблизился и с дрожью рассмотрел, что человеческая у нее только фигура, да и то не очень, морда звериная, вытянутое рыло принадлежит пресмыкающемуся, мелкие глазки упрятаны под мощные выступы костяной брони, но все равно в них видна нечеловеческая хитрость и жестокость.

Послышались голоса, я кое-как отступил, преодолевая незримое сопротивление, и встал за колонну. В зал начали входить по двое в ряд одинаковые люди в таких тяжелых и бесформенных балахонах, что выглядели закутанными в не по росту большие одеяла. Полы касаются каменных плит с узором, а иногда и волочатся, как обвисшие крылья старых летучих мышей. Не определить, кто толстый, кто худой, есть у них оружие или нет, в доспехах или голые. Только и понятно, что ростом превосхожу, а вот все остальное...

Голоса шелестели бесцветные и сухие, как пролежавшие в песке раковины, заброшенные теперь в мешок.

- Мы должны успеть...
- Теперь все... изменилось...
- ...Повелительница торопит...
- Он умрет, как только... в замок...
- Воля Повелительницы нерушима...
- ...ее мечь... страшна...

Они шли и шли, наконец показалась последняя пара. Никто из них ни разу не оглянулся и даже не посмотрел по сторонам. Я вышел из-за колонны и пошел следом, стараясь двигаться как можно тише. Давление ослабело, я перестал при каждом шаге нелепо и беспомощно подвигать в воздухе.

Следующий зал показался знакомым, я уже был здесь в прошлом сне. Вон там грозно и страшно высится черный с ледяными искорками трон, он выглядит еще отвратительнее, чем в прошлый раз, а на сиденье все та же кричаще-пурпурная подушка, шитая золотом, а на ней...

Я нервно глотнул, ноги ослабели еще больше. На подушке корона из странного черного металла, зубцы ажурные, каждый еще из множества зубчиков помельче. Сейчас корона победно горит зловещим черным огнем, громадный рубин, поразивший меня еще в прошлый раз, вспыхнул зловеще-красным огнем и направил убийственный луч в мою сторону.

Я вскрикнул от боли, когда рубиновый шнур уперся в мою грудь, но заставил себя медленно двигаться вперед; но, как часто бывает во сне, когда хочешь бежать, ноги отказываются слушаться, и снова я двигался едва-едва.

Ко мне со всех сторон потянулись руки, я с тоской понимал, что надо ухватить эту корону, но у меня нет сил, я слаб, я сейчас упаду, мне безумно страшно...

Кто-то сбоку жестко цапнул меня за руку и больно сжал. Я вскрикнул и в судорожной попытке спасти шкуру рванулся в другой мир, вынырнул в нем, ощутил боль в руке и услышал злое рычание.

Адский Пес, весь взъерошенный и с горящими безумием пламенными глазами держит меня зубами за кисть руки, рычит, а когда я вскрикнул и дернулся, с неохотой отпустил, но сатанинский огонь в глазах продолжает полыхать безумно и страшно.

— Спасибо, — пролепетал я. — Что за гадость мерещится вторую ночь?

Он ответил глухим рычанием, шерсть очень медленно опускалась, а горящие багровым безумием глаза стали сперва пурпурными, потом погасли вовсе.

Я сел на кровати, сердце барабанит с такой силой, что могут услышать по всему постоялому двору, горячая кровь ломает плотины, бьет в голову с силой кузнечного молота.

— Спи, — велел я, но сам ощутил, что заснуть не удастся. — Спи за двоих, дрыхло.

Прямо от постоялого двора дорога начала пугливо петлять и пробираться между скалами. Слепящее утреннее солнце то бьет в спину, то спит глаза, и в его блеске далекие горы кажутся призрачными, невесомыми.

Дорога бодро взбежала на перевал и бросилась вниз, однако сэр Гатер остановил коня на вершине, повернулся в седле и ждал нас. Я увидел загадочную улыбку на его лице.

Бобик вынырнул сбоку с уткой в зубах, хотел было сунуть ему в руки, но посмотрел на то, что впереди, и добыча вывалилась из его распахнувшейся в удивлении пасти.

Заинтригованный, я толкнул Зайчика, в мгновение оказались рядом с графом. У меня, как у Бобика, нижняя челюсть пошла к земле.

Дорога красиво и ровно устремляется вниз, там раскинулась роскошная долина в лугах, садах и виноградниках. Из зелени выступает несколько деревенок, а вддали на пологом холме гордо высится город из лилово-розового камня, построенный как будто за один день одним человеком, у которого в досталь камня, денег, строителей, ресурсов, а еще — умение останавливать время.

Легкий трепет прошел по нервам, я кашлянул и спросил как можно будничнее:

— Это что?

— Это и есть ваш замок, — ответил граф. — Альтенбург!

Я переспросил:

— Замок? Да это город!

Он кивнул:

— Фактически... да. Но в то же время и замок. Просто при нем, как понимаете, должны быть кузница, пекарня, оружейная... словом, все это разрослось. Весьма. Хоть и постепенно.

Я пробормотал:

— Ну, вообще-то так получались все города, но здесь никакой разномастности, все по единому плану! Как это удалось?

Он пожал плечами:

— Никто не знает. Город выстроен очень давно. Очень.

Я пустил Зайчика вниз, граф ехал рядом, все так же готовый отвечать на любые вопросы, но если бы он знал нужные ответы, и я только пробормотал:

— И что, так никто ничего и не пристраивал?

Он усмехнулся.

— Напоминаете, что со временем вкусы архитекторов поменялись бы?.. Дело в том, что и сейчас места пока что хватает. Даже есть незаселенные дома. Мало, но еще есть.

— Чудеса, — пробормотал я.

Он гордо улыбнулся.

— Да? Я уже думал, что они только в Гандерсгейме.

И все-таки, хотя город выглядит цельным, дворец герцога все же высится на самой вершине холма и ни с чем ни соприкасается. Одно громадное здание с башенками, шпилями и неизменными зубцами на краю крыши. Отсюда выглядят ажурными, но понятно, за каждым встанет арбалетчик, а в узкие щели между ними будет целиться лучник. А в этом здании свои внутренние дворы, дворики и даже сады.

Башенки по краям совсем тонкие, выглядят декоративными, а та, что в центре, с настоящей смотровой площадкой. Там что-то поблескивает, словно кто-то пускает в нас солнечный зайчик.

— В этот замок входили многие, — сказал граф, — но выходили только мертвые. Я имею в виду непрошенных гостей.

Я переспросил с интересом:

— Все-таки выходили?

Он поморщился.

— Большинство выносили вперед ногами. Но были и такие, которые выходили своими ногами.

— Их участь была намного хуже? — спросил я.

Он кивнул:

— Вы все хватаете на лету, ваша светлость.

Он повелительно повел рукой, вперед помчались двое на самых быстрых конях. Мы ехали обычным шагом и, когда приблизились к воротам, услышали, как по ту сторону стены гремят трубы. Наверху между зубцами появился народ, оттуда поспешно вывешивают длинные красные полотнища до самой земли.

Когда миновали ворота, изо всех подсобных строений

начал выскакивать народ. Женщины улыбались и махали издали платками, а девушки прижимали к груди цветы.

— Как радуются, — пробормотал граф Гатер с неодобрением. — Неблагодарные...

— А что, — спросил я ревниво, — герцог был великим благодетелем?

— Нет, — ответил он, — но и не притеснял. В бесчинствах гораздо больше замечены его люди.

— Все?

Он покачал головой.

— Мы тоже, если вы это имеете в виду. Весь этот отряд его люди, но рыцарское достоинство не позволяет измываться над простолюдинами. Однако были у него любимчики, ничего не признавали... двух самых отпетых вы отравили на тот свет.

— Сколько еще осталось?

Он поморщился.

— Все мы не ангелы. Это смотря где проводить границу между хорошим и... нехорошим.

— Я все-таки проведу, — пообещал я. — И узаконю. Эта грань будет нерушимой даже для того, кто ее устанавливает. Только так народ поверит и начнет уважать правителя, а не только бояться.

Он поморщился, посмотрел с удивлением.

— Разве недостаточно, когда только бояться?

Я вздохнул.

— К сожалению, это сказывается на производительности труда. А вся наша цивилизация направлена на то, чтобы из работника выжать как можно больше. Когда уважает власть, из него можно веревки вить. И выдавить любые налоги.

Зайчик шел медленно и сурово, уловив по мне, как надо держаться. Я сам смотрел по сторонам надменно и строго. Ко мне большинство сейчас наверняка настроены враждебно, это и понятно, челядь и слуги тоже лояльны хозяину, заранее ненавидят того, что придет на смену. Да

еще убийцу их повелителя... Так что махание платочками и бросание цветов под ноги моему коню меня не обманет. С челядью и слугами придется быть настороже. С вассалами получилось удачнее, обещания допустить к захвату богатейших земель, где получают новые владения и множество подданных, действуют всегда безотказно.

Копыта Зайчика звучно бьют по отесанному булыжнику, двор вымощен весь, вечный материал, хорошо, стены высокие, из глыб побольше, тоже надежно и зримо. Народ продолжает выходить из подсобных помещений, из донжона, конюшни, многие все-таки смотрят исподлобья.

Я медленно обвел их всех взглядом еще не хозяина, а захватчика, что не пожалеет и ценных работников, посмевших поклониться недостаточно низко...

...и все они стали опускаться на колени и склонять головы. Я опустил ладонь на рукоять меча. Зайчик шел все так же шагом, я рассматривал всех зло и пристально, пусть так кажется, путь видят, мне бы только узреть хоть одного недостаточно покорного, чтобы смахнуть ему голову.

Нагнав страху, я придержал коня. Бобик встал рядом и поглядывал с интересом на новых людей. Из рыцарей никто не спешивается, ждут.

Я заговорил громко и властно:

— Слушайте все!.. Отныне я, Ричард Длинные Руки, хозяин и властелин этого замка, земель и всех владений бывшего герцога Хорнельдона!.. Он был убит мной во дворце Его Величества за попытку мятежа и государственного переворота, или, говоря проще, захвата королевского трона. Королевство было спасено!.. За это деяние Его Величество Херлуф Сильвервуд милостиво пожаловал меня титулом герцога и дал эти земли во владение!

Я говорил громко и властно, стараясь, чтобы звучало непререкаемо. Мелькнула мыслишка, что король вроде бы дал мне в управление, а не во владение, но это уже юридические тонкости. Любой феодалчик сразу же, пользуясь отсутствием хороших дорог и связи с центром,

начинает вести себя как хозяин, а не управитель. Эту прозу жизни понимают все: и король, и соседи, и челядь.

Из толпы выдвинулся грузный человек в дорогой одежде, серебряная цепь на груди, такие же брошки у воротника, низко поклонился.

— Ваша светлость... — произнес он звучным бархатистым голосом. — Я Томас Кемпбелл, управляющий делами герцога... покойного герцога Хорнельдона. Смею надеяться, что смогу служить вам так же достойно, как и предыдущему хозяину.

Он не сказал «верно и преданно», сейчас это звучало бы настораживающее, хотя вообще-то хорошо, когда служат верно и преданно.

Я сделал паузу, давая ему понять, что у меня могут быть и другие кандидатуры, наконец сказал милостиво:

— Я тоже надеюсь на это. Хозяин замка и владений сменился, это верно. Но караван должен идти!.. Работа останавливаться не должна. Так что все за работу!

Я начал слезать с коня, управляющий повернулся к челяди и крикнул громко:

— Все по местам, слышали?.. Шкуры спущу!

Все торопливо разбежались, рыцари вслед за мной тоже начали покидать седла. Граф Гатер бросил повод конюхам и подошел ко мне с улыбкой на лице.

— Очень хорошо сказали, — одобрил он. — Коротко и емко. Ничего лишнего.

— Чем больше слов, — сказал я, — тем больше ошибок.

Он кивнул:

— Вы умеете держать речи.

Я покачал головой:

— Нет, все равно слишком длинно. Нужно говорить еще короче, в истории остаются фразы максимум из семи слов.

Томас Кемпбелл умело подошел сбоку, поклонился и сказал подобострастно:

— Ваша светлость, ваш замок ждет вас! Будьте как дома.

Я напомнил строго:

— Быть повсюду дома могут только короли, девки и воры. А я — герцога! Мне нужно держаться достойно. На меня дети смотрят. Учтите, все вижу, все слышу и все замечая!

Кемпбелл поклонился снова и так застыл. Гатер хохотнул довольно.

— Короли, девки и воры?

— Пойдемте, — сказал я, — сэр Генрих, покажете замок. Вы знакомы с ним неплохо?

Управляющий, который сам хотел показывать и объяснять, поспешно отступил и сделал вид, что вовсе не собирался напрашиваться в объясняльщики.

С башен и стен сбежали стражники, выстроились в две шеренги. На мой придиричивый взгляд, одеты для простых воинов неплохо: все в кольчугах поверх кафтанов, на головах железные шлемы, но простые, без забрал, у пятерых настоящие стальные кирасы. Широкие кожаные пояса с подвешенными ножами, оттуда торчат наборные рукояти. Еще все в кожаных штанах и настоящих сапогах, хоть кожу могли бы выделать и лучше.

У всех мечи, а вторая шеренга еще и с луками. Я уже привычно сравнил их мысленно с теми, что привозят в мое крестоносное войско из Амальфи и Армландии, остался доволен.

Вперед шагнул крепкий воин в кирасе и добротной кольчуге, по виду битый жизнью ветеран.

— Ваша светлость, — сказал он бодро, — состав гарнизона выстроен и ждет ваших приказаний!

Я сделал паузу — так надо, выгляжу значительнее, — сказал милостиво:

— Пока никаких изменений! Продолжайте... бдить. Благодарю за службу.

Командир повернулся к стражникам.

— Вольно! Все по местам!

Я проследил, как спешно разбежались кто на стену, кто на башни, а кто-то привычно занял место у ворот.

Граф Гатер спросил довольно:

— Ну как?

— Это герцог их держал в такой готовности?

— Нет, герцог больше охотой интересовался. И рыбной ловлей. Марсель Паньоль. Это он вам докладывал. Сам любит службу и другим спуску не дает.

Я пожал плечами.

— Каковы они в бою, еще увидим, но луки у них... гм...

— Что? — спросил он встревоженно.

— Слабоваты, — сообщил я с удовольствием.

Он слушал жадно, а я, разохотившись, выложил ему все, что знал о составных луках, что бьют как минимум в полтора раза дальше, а иногда и вдвое, убойная мощь выше втрое, и вообще пора им в самом деле выходить на простор, а то совсем закиснут в глуши.

Он судорожно вздохнул:

— Да, у нас все рыцарство только и говорит о возможностях, которые вы открыли всему королевству!

— Возможностями надо еще пользоваться, — напомнил я. — Большинство, как вы понимаете, с места не сдвинется. Им и так хорошо.

— Зато, — сказал он горячо, — кто сдвинется, тот получит невообразимо много!

— Да, — подтвердил я, умолчав про такие пустяки, что кто идет за шерстью, часто возвращается стриженным.

А кто-то и вовсе не возвращается.

Глава 12

Вход в главное здание под стать розовому камню: из светлых пород дерева, с широкими полосами меди и бронзы, с множеством дисков с выпуклыми фигурками

львов, драконов и василисков. Даже шляпки гвоздей с затейливыми звездочками.

Двери перед нами распахнули поспешно, я вошел, надменно задирая подбородок, лицо суровое и непроницаемое. Рыцари топали за спиной — я чувствовал облегчение: как безотказно срабатывает обещание богатейшей добычи в Гайдерсгейме! Насчет добычи это я наугад, пока что никаких особых богатств не заметил, но земель там в самом деле хоть анусом ешь, народу тоже как муравьев в хвойном лесу. Здешние безземельные рыцари пойдут за мной на край света, только бы завладеть клочком земли и получить право называться лордом.

Холл просторный, сверху мягкий радостный свет, стены отделаны светлым деревом, множество гобеленов со сценками охоты, пол искусно выложен светло-оранжевой плиткой с затейливыми узорами. Везде царит ощущение чистоты и благополучия, становится понятно, почему герцог не любил покидать замок. Если и дальше хоть вполтину так же хорошо...

Следующий зал то ли для больших приемов, то ли для танцев: роскошные кресла под всеми стенами, а середина пуста, если не считать цветистого ковра, что накрывает все пространство, даже не видно, какой там пол. На стенах роскошные картины, большинство изображает любовные сцены в самом начале, когда только охи, вздохи да томные взгляды.

А герцог был строг, подумал я одобрительно. Хотя, может быть, просто ничего не менял по лени, а этим картинам пара сот лет.

В зале, помимо картин, еще и белокаменные статуи в нишах, я лишь мазнул по ним взглядом, куда интереснее освещение: ни одного окна, только дверь в зал напротив, но светло, как и снаружи, хотя ни одного светильника, ни одной горящей свечи...

В следующем зале вдоль стен на подставках драгоценные вазы размером с кочаны капусты, а то и с тыквы, та-

кие хрупкие с виду, что даже проходить рядом боязно, расписаны тонко и со вкусом, все инкрустированы полудрагоценными камнями.

В этом зале навстречу вышли трое слуг внутренних покоев. Я взглянул сверху и свысока на их склоненные головы, но пока искал, что изволить изречь соответствующее, граф указал на небольшую дверь в стене справа:

— А здесь личные покои герцога... ваши покои, ваша светлость.

Я кивнул:

— Недурно, недурно.

— Изволите взглянуть?

Я подумал, отмахнулся.

— Ерунда, такое в последнюю очередь. Сперва оружейную, состав гарнизона... ах да, их уже моя светлость смотрела, но еще надо проверить в каком состоянии конюшни, кузницы...

Он сказал довольноно:

— Я сам все покажу с великим удовольствием!

Я искоса поглядывал на его ликующее лицо. Этого я купил с потрохами. Застоялись у мирного герцога, а сейчас кони сытые бьют копытами, им бы поскорее в седло боевого коня да на острие атаки к изготовившемуся к бою войску противника.

— Кого мне опасаться в замке? — осведомился я. — Не все рады переменам, такое даже эльфам понятно.

Он кивнул, ничуть не удивившись, сказал вполголоса:

— Тех, кто привык сладко спать и сытно есть, не вставая с постели.

Я проворчал:

— Мы все такие.

Он коротко усмехнулся.

— Ваша грозная слава обогнала вас. Как вы только прибыли в столицу, о вас сразу заговорили... А когда узнали, что вы тот самый неистовый воитель, который пробил великий Хребет и ворвался в Сен-Мари с воинственной ар-

мией... вашим именем стали пугать детей! Но мы, рыцари, жаждем встать под ваши знамена, потому что удачливый полководец всегда раздает земли верным соратникам, а также замки, города и деревни, наделяет богатой добычей... Среди нас много безземельных, а у остальных такие клочки, что стыдно и сказать... А у вас там просторы...

Я кивнул:

— Поздравляю вас, граф Гатер фон Мерзенгард. Вы уже знаете о начале большой и справедливой захватнической войны против диких народов, заселивших треть королевства Сен-Мари. Напоминаю, все завоеванные земли будут розданы моим соратникам, что пройдут их с огнем и мечом и приведут к покорности. Часть безземельных рыцарей Вестготии уже садится на корабль...

Он охнул, едва не подпрыгнул, теряя величавость благородного человека, лицо даже побледнело в волнении.

— Сэр Ричард!.. Я клянусь не опозорить ваше доверие! Но как мне успеть попасть в доблестное войско, стремящееся к святой цели? На сборы нужно хотя бы пару недель...

— Придут еще два корабля, — сообщил я. — Первый отряд благородных рыцарей, отмеченных всячески доблестями... отправлен прямо из дворца Его Величества короля Херлуфа. Сэр Генрих, ничего страшного, если прибудете вторым или третьим кораблем. Война по благородному захвату новых земель не закончится за один день, как вы понимаете.

Он сказал торопливо:

— Да-да, все только и говорят про ваш чудо-корабль. По слухам, прямо плавающий город!

Он поглядывал умоляюще, я произнес милостиво:

— Я сам поведу на благородный захват той ничейной... раз она не принадлежит нам, земли. Из этого вам понятно, что задерживаться в замке Альтенбаумбург не планирую?

— Мы надеемся на это! Ох, простите...

Я кивнул:

— Ничего, я понимаю. В общем, приму дела и...

— Понимаю! — воскликнул он с восторгом. — И жаркий бой!.. Это же чудесно!.. У меня есть шанс отправиться с вами на одном корабле?

— Есть шанс, — ответил я. — Есть.

Долг — это то, о чем думаешь с отвращением, делаешь с неохотой и чем потом долго хвалишься. Мой долг — делать наибольшее из того, что могу, все-таки лучше большинства знаю, что надо бы, хотя и не всегда представляю, как это сделать с минимальным ущербом.

— Это меня не остановит, — пробормотал я вслух. — Подумаешь, ущерб! Вся жизнь ущерб. Бояться ущерба — из дома не выходить. Нет уж, я вам ущерб какой угодно устрою... но площадку для Храма Божьего расчищу.

Даже, мелькнула мысль, но вслух не решился, даже если не оставлю камня на камне. Ломать — не строить. Строить будет отец Дитрих, он терпеливый и дотошный, а мне бы все сразу и побольше, побольше...

Граф отбыл размещать прибывших со мной рыцарей, я поманил пальцем постоянно маячившего в пределах видимости Томаса Кемпбелла.

Он подбежал живо и резко, несмотря на грузность и дородность, склонился в поклоне.

— Ваша светлость?

— Изволю, — сообщил я, подумал над тем, что именно я конкретно изволю, пояснил: — Осмотреть замок. Вообще-то какой это замок, давно уже дворец!

— Старые названия держатся долго, — объяснил Кемпбелл, — ваша светлость. Когда-то его строили для обороны.

— Но обороняться не пришлось?

— Нет, — согласился он без сожаления. — Никто напасть и не пытался.

— Повезло, — сказал я.

Он поклонился.

— Да-да, вы правы, ваша светлость.

В зале вдоль стены в красивых позах застыли бронзовые лучники с натянутыми тетивами. Длинные стрелы выглядят страшновато, я помню, как в Геннегау подобный этим копыеносец одним точным броском поразил ужасающего демона. Не хотелось бы оказаться на месте того, в кого попадут таким дротиком или такой стрелой.

Кемпбелл даже не посмотрел в их сторону. Я покосился настороженно, сердце стучит учащенно, а тело готово бросить меня на пол или, напротив, взметнуть вверх, пропуская стрелы ниже.

— А что с ними?

Он посмотрел на стрелков, на меня, снова на стрелков.

— Простите...

— Они на службе?

На его лице отразилось замешательство.

— Простите, не понял...

Я отмахнулся:

— Значит, еще не стреляли. Впрочем, меня это не утешает. Я здесь, значит, пальба обеспечена. Плохо только, что могут метить именно в меня.

Он понял, вскрикнул:

— Ваша светлость... они ж бронзовые!

— И что, — спросил я, — бронзовые не люди?.. В некоторых странах их уже большинство. Ладно, пока оставим. Это что за странный зал?

Он заглянул, виновато развел руками.

— Герцог не желал держать слишком много народу. Часть помещений изначально оставалась пустыми. Это вот приспособили под... гм... склад ненужных вещей.

— Ненужное надлежит сжигать, — сказал я строго. — Ишь, со всего дворца поломанную мебель собрали... Хотя нет, пока оставьте. Начнем жечь еретиков, пойдут на дрова. Экономика должна быть экономной.

Бобик ходил со мной неотступно, ни на кого не смотрел, ни на кого не рычал. Таких псов одни перестают бояться сразу, другие продолжают страшиться, как и рань-

ше, а на все уговоры привычно врут, что их совсем недавно покусала такая же точно собака, и потому их побаиваются.

Потом он начал осторожно поглядывать на меня с вопросом в хитрых детских глазах, посапывать и оглядываться.

Я потрепал по огромной башке и сказал негромко:

— Только никого не пугай. Ты аристократ, помни. Держись с достоинством.

Он вильнул хвостом и пропал с такой неаристократической скоростью, что я даже не увидел, в какую сторону метнулся.

— Хорошо, — сказал я. — Идите... Томас.

— Ваша светлость...

— Занимайтесь своими делами, — объяснил я. — Я пока изволю помыслить над проблемами. Поперепатетирую, так как я вообще-то видный из себя мыслитель нужного толка.

Уже без сопровождающих я некоторое время настороженно перепатетиковал по залам, просматривал в тепловом зрении, даже в запаховом, теперь это все мое, а мое должно быть у меня под полным и безоговорочным контролем. И никаких неожиданностей, это умаление моего достоинства, а подобное чреват боком.

Очень богато, даже слишком. Иногда вычурно, но часто и роскошь простоты, когда не нужны доказательства в виде золотых подсвечников, дверных ручек и накладок даже на стенах. Неприятное ощущение, будто кто-то огромный ощущает мое присутствие, но еще не определил ввиду медлительности, кто я и почему считаю себя хозяином.

Обойдя часть залов, — остальное рассмотрю потом, — спустился вниз и через просторный холл вышел во двор.

На стене тут же громко затопали солдатские сапоги, по

ступенькам из цельных глыб камня быстро спустился и подбежал Марсель Паньоль, весь собранный, четкий, с непроницаемым лицом и ожиданием ясных приказов.

— Ваша светлость?

— Бдишь? — спросил я лишь для того, чтобы сказать что-то.

— Ваша светлость, это моя работа.

— Марсель, — сказал я доверительно, — когда страна оказывается на распутье, военные обязаны брать власть в руки. То же самое относится и к герцогствам.

Судя по лицу, он ничего не понял, но взгляд прям, а ответ прозвучал такой же прямой:

— Да, ваша светлость. Как скажете.

Я кивнул.

— Позже придет очередь экономических задач. Но сперва — военные. Не так ли?

— Да, сэра, — ответил он. — А что такое... экономические?

— Ну, — сказал я в затруднении, — я как раз сейчас стою перед самой первой задачей из этого цикла.

— Какой, ваша светлость?

— Как у всех отнять, чтобы каждому прибавить?

Он добросовестно подумал, ответил так же честно:

— Видимо, это трудная задача, ваша светлость.

— Очень, — согласился я. — Но сперва, как я уже говорил, дела первостепенные. Обороноспособность. Насчет гарнизона я уже выяснил, молодец. Но где, в частности, располагается маг? Почему не пришел заверить в преданности?..

Начальник гарнизона ответил почтительно, но твердо:

— В Альтенбаумбурге никогда не было мага.

— А колдуна? Чародея?

Он покачал головой:

— Никого.

Я спросил резко:

— Какой же дворец без мага? Или герцогу помогала только фея?

Он снова покачал головой, лицо стало озабоченным.

— Ваша светлость, простите... Мне показалось, вы не совсем в наших делах. Маги — это всего лишь маги, а фея... это фея! Когда покровительствует сама фея, зачем нужны эти муравьи?

Я кивнул:

— Догадываюсь, она посильнее. Все-таки сделать человека неуязвимым ни одному магу не удавалось. Хотя, конечно, пытались. Иначе бы эти неуязвимые ходили стадами, как гуси.

Он чуть нахмурился, показалось, что говорю слишком неуважительно, сказал сдержанно, но с прежней почтительностью:

— Фея — не человек. У них свой мир, своя магия, свои интересы. На людей они обычно внимания не обращают. Разве что те им зачем-то бывают нужны...

— Как с Хорнельдоном?

Он прямо посмотрел мне в глаза.

— Теперь уже никто не скажет, зачем он был ей нужен. А фею не спросишь.

Я кивнул:

— Да и надо ли? Ты прав, Марсель. Об этом стоит просто забыть. Хочу сказать еще раз, гарнизон держишь в полном порядке.

Его лицо порозовело от удовольствия, выпрямился и ответил потеплевшим голосом:

— Благодарю, ваша светлость. Похвала настоящего человека войны вдвойне ценна и лестна!

— Это заслуженно, — подбодрил я. — Понимаю, когда все тихо и мирно, трудно поддерживать хорошую форму у солдат. Так что в самом деле молодец, хвалю!

Он старался держаться нейтрально, но я видел, что он глубоко польщен. Как же, похвалы удостоился от челове-

ка войны! Да еще настоящего. Вот так и складывается дурная репутация...

— Фею с тех далеких времен... — проговорил он доверительно, — вы понимаете, о чем я, никто не видел. Хотя вчера прошел слух, что появилась... незримо, правда. А это так необычно...

Холод коснулся моего сердца. Я поинтересовался как можно более нейтральным голосом:

— Но как-то ее увидели?

Он смотрел мне в лицо прямо и честно.

— Нет, но... кресла к утру оказались сдвинуты.

— Только это?

Он слегка замаялся, отвел взгляд в сторону.

— Одна из комнат превратилась в... гм... нечто иное. Герцог был человеком старой закалки, новшеств не любил, у него весь замок в одном стиле. Сейчас же...

— Что-то в новом духе?

— Нет, в старом. Даже слишком старом.

Я натужно улыбнулся, между лопатками холодок, словно старая ведьма уже стоит сзади и примеряется, куда всадить острый нож.

— Значит, — сказал я, — ей не понравилось, что ее заклятие разрушено.

Он кивнул, на лице проступило некоторое сочувствие.

— Не хотелось бы, — проговорил он, — чтобы она решила проверить ваши силы. Рыцарство смотрит на вас с надеждой, ваша светлость! Все ждут с нетерпением, когда поведете на Гандерсгейм... правильно я назвал это место?

— Именно, — подтвердил я. — Гандерсгейм, огромная территория с множеством населения и несметными богатствами, что будет поделена между победителями.

И хотя здесь это уже могли услышать от приехавших со мной рыцарей, но такие вещи нужно повторять, вон как вспыхнули глаза, а на щеках проступил темный румянец. Богатые земли, ничейное население, все будет поделено

между захватчиками, пусть все время помнят и почаще говорят о светлом завтрашнем дне.

— Но ты заведешь охраной всей крепости, — напомнил я. — Ты при деле. Это другим делать нечего...

Он сказал быстро:

— Меня легко заменят сэръ Кристоф или Джонатан. Тот, правда, не рыцарь, но воин прекрасный, службу знает лучше меня...

— Марсель, — спросил я, — ты тоже безземельный?

Он вздохнул.

— Седьмой сын небогатого рыцаря!..

— Хорошо, — сказал я. — Когда наведу здесь порядок и отбуду, пойдешь со мной. Земли в Гандерсгейме хватит...

Глава 13

Он вспыхнул от счастья так, что едва не превратился в пепел. Я кивнул, он повернулся и бегом бросился в сторону казармы, демонстрируя резвость, а я подумал, что одним камнем подбиваю двух зайцев. Когда на кораблях Ордоньеса начнут прибывать прекрасно вооруженные и экипированные рыцарские отряды из Вестготии, граф Ришар поймет, что сюзерен принес свои личные интересы ради пополнения войска, барон Альбрехт и другие больше оценят получение титула герцога, ради этого в самом деле стоит опоздать к началу войны... Да и само герцогство в соседнем королевстве настолько лакомый кусок, что мой авторитет из-за такого неожиданного поворота не упадет, напротив — взлетит.

Граф Гатер появился из конюшни, похлопал ладонями по груди и бокам, отряхивая от сена, снял шляпу и с размаха ударил ею о дверной косяк. Взметнулось облачко пыли, граф довольно хрюкнул и надвинул шляпу на лоб.

Я смотрел с любопытством, он заметил меня, тут же снова сдернул шляпу и поклонился.

— Ваша светлость...

— Проверяете? — любопытствовал я.

— Да мой коняка больно привередлив, — сказал он виновато. — Только отборное зерно ему подавай...

— Зато отрабатывает?

— Еще как! — воскликнул он с восторгом. — Еще никто его не обогнал!

— Великолепно...

Он развел руками.

— Увы, не настолько, как ваш конь. Я перед ним полчаса стоял, не мог налюбоваться.

— Что, — спросил я, — соседнего коня съел?

Он спросил с тревожным любопытством:

— А может?

— Только если сильно проголодается, — заверил я.

— Ого! — воскликнул он. — Тогда сам проверю, чтобы кормили хорошо. А то мой всего через два стойла... Нет, я любовался его статью. Вроде бы всю дорогу смотрел, а вот понимаю, на красивых женщин и коней можно смотреть бесконечно. Мой жеребец рядом с вашим совсем теряется... Кстати, все-таки с вашего разрешения я переставлю его подальше от вашего...

Из здания вышел Томас Кемпбелл и, закрывшись ладонью от солнца, отыскал меня взглядом.

— Ваша светлость, — доложил он, — в честь вашего прибытия в большом зале накрывают столы.

— Ожидаем гостей?

— Только тех, что прибыли с вами!

— Ах да, хорошо, хорошо...

— Как только изволите посетить празднество, начнется пир.

— Уже изволю, — ответил я. — Сэр Гатер, прошу вас занять место рядом со мной... по правую руку.

Граф учтиво поклонился, донельзя польщенный.

— Это великая честь, ваша светлость! Я постараюсь оправдать ваше доверие. Только коня сперва...

Я отмахнулся:

— Да поручите местным конюхам. Как вы за своим конем-то! Будто на заколдованной принцессе ездите... Томас, показывайте дорогу, где у вас тут задают пиры...

Кемпбелл повел через стандартный зал, обычный как по рыцарским статуям в полный рост, так и набору картин на стенах: сцены охоты, битвы с чудовищами, пара батальных сцен, а также головы трофейных чудовищ в ряд. Львиные и кабаньи — понятно, но на парочку других я засмотрелся с дрожью в конечностях. Не думаю, что даже герцогу с его неуязвимостью удалось с ними справиться. Это где-то гремели битвы пострашнее тех, какие могу представить...

— Такое вот вокруг замка бегают? — поинтересовался я как можно небрежнее.

Кемпбелл вздрогнул, ответил с бледной улыбкой:

— Полноте, ваша светлость...

— А откуда?

Он пожал на ходу плечами:

— Кто знает? Откуда-то из дальних эпох. Или таких дальних миров, куда могут проникнуть только самые могучие маги.

— Где пройдет олень с рогами, — заверил я, — там проедет и рыцарь с копьем. Наступит время, развесим такие же головы, а то и побольше, даже в людской!

Граф рядом довольно хмыкнул и браво расправил плечи, словно только что всадил копьё в сердце огромного и страшного дракона.

Кемпбелл взглянул на меня искоса, но поклонился и сказал поспешно:

— Да, ваша светлость!..

Двое воинов из числа тех, что прибыли вместе с рыцарями, распахнули перед нами двери и синхронно отступили. В глаза ударил блеск большой люстры, дорогих подсвечников, вделанных в стены. Резной потолок, массивный камин с затейливой медной решеткой, большой

старинный стол на две дюжины персон и солидные кресла по обе стороны. Рыцари уже заняли места, иерархию соблюдают сами, это дело деликатное, потому что тот, кто недоволен местом за столом, обижает не столько хозяина, сколько соседа, и врагами ему делаются оба.

Сдержанный блеск благородного металла на золотых цепях, пряжках поясов, люстрах и даже накладках двери. Слуги шли по залу и зачем-то гасили часть свечей, постепенно зал оказался в приятном полумраке, его называют обычно интимным. Кому-то нравится, я всегда молча против, на заставленном тесно кубками столе всегда что-то опрокинут в таком непонятном интиме, но молчу, если большинство считает недостаток освещения чем-то из себя.

Вообще-то зал для пиршеств приятно удивил небольшими размерами. Правда, и герцог не король и не майордом-завоеватель, что вынужден пировать с кучей полководцев, с начальниками больших гарнизонов, с союзниками и прочими нужными, в смысле, которым нужно оказывать повышенные знаки внимания.

— Ваша светлость, — приговаривал граф Гатер, — извольте... Вон ваше кресло...

Кресло герцога еще больше похоже на трон, чем, скажем, графское или баронское. И ступенек к нему больше, и спинка выше, а наверху затейливый герб, который мне придется, понятно, убрать, дабы не было истолкований.

— Благодарю вас, граф, — сказал я любезно. — Прошу вас, сядьте рядом... А вы, благороднейший сэръ Гриммельсдэн, можете занять место слева от вашего герцога. Как видите, о вас позаботились и оставили место.

Польщенный Морган даже покраснел от счастья, гордо выпрямился и опустил в кресло прямой, как копьё, воздетое острием к небу.

Слуги, двигаясь как автоматы, ни одного лишнего движения, с бесстрастными лицами подавали на стол жареное мясо на серебряных тарелках, птицу, все привычно,

однако вместо массивных кубков и чаш из золота, от тяжести которых скоро устает рука, перед нами бережно поставили удивительно изящные бокалы с тонкими, как у мыльных пузырей, стенками, с золотыми ободками по краю и мелкими рубинами в основании широкой ножки.

Это уже дело рук феи, мелькнуло у меня испуганно. Руки человеческие пока не в состоянии сотворить такое чудо. Хотя, конечно, я мог бы и попробовать сам. Структуру стекла знаю, а бокалы и фужеры в руках держал самые разные...

Не удержавшись, я сосредоточился, постарался полностью отрешиться от своего «я» и ощутить вот такое стекло, вообразил изящнейшую форму с длинной ножкой... и пальцы ощутили прикосновение к горячей поверхности. Я перевел взгляд, сердце колотится, будто бегом взбежал на Великий Хребет, в руке у меня еще более эффектное чудо, стильное, изысканное, надменно-аристократическое.

Граф Гатер опешил, смотрел выпученными глазами то на меня, то на фужер в моей руке.

— Ваша светлость...

Я сказал скромно:

— Да вот захотелось сравнить с нашими...

Он прошептал:

— Это бесподобно... Это само совершенство... Но... как?

— Согласен с вами, — сказал я. — Наши бокалы делают мастера поискуснее, чем здешние умельцы. Но, дорогой граф, все увидите своими глазами. Мир огромен, прекрасен и богат! И ждет наши загребушие лапы.

Его глаза полыхнули таким огнем, что едва не подожгли деревянные панели. Думаю, «богат» он понял в узко-практическом смысле, без всяких толкований, но меня это устраивает даже больше, чем если понял бы правильно.

Рыцари затихли и уставились на него заинтересованно, когда он поднялся с кубком в руке.

— Дорогие друзья! — произнес он сильным звучным голосом, весь сияющий и такой довольный, словно вручную заломал медведя. — Я не со всеми дружен, с кем-то уже цапался, кому-то пролил кровь... но сейчас все мы — братья!.. Наконец-то появился человек, который сплотит нас в единый могучий кулак и поведет к блистательным победам, которых мы все так жаждали!.. Так поднимем же задравные чары за доблестнейшего сэра Ричарда, нашего герцога, нашего вождя, нашего полководца!

Все довольно заревели, с шумом поднимались и вскидывали кубки, фужеры, чаши и чары с вином. Никто не чокался краями, стол слишком велик, но всяк вытянул руку в мою сторону.

Я поднялся, медленно поднял кубок выше головы.

— Спасибо за доверие, — сказал я громко и с чувством, — благородные рыцари!.. В свою очередь, обещаю, что наше воинство вторгнется в дикие земли Гандерсгейма, где нас ждет богатейшая добыча, плодородные земли с расселившимся там ничейным народом, богатейшие города, подземелья с сокровищами!.. Все это будет заслуженно принадлежать нам!

Они орали в восторге, глаза горят, лица покраснелись, а я выпил стоя под ликующие вопли, вскинул руку и сказал в тишине веселым голосом:

— Продолжайте пир. Я наконец-то посмотрю, что у меня за покой...

Снова заорали довольно, настоящий вождь, в первую очередь думает о соратниках, а я, улыбаясь и двигая в воздухе дланью, вышел из пиршественного зала.

В соседнем зале Томас Кемпбелл раздает торопливые инструкции старшим слугам.

Все обернулись на звук моих шагов, поспешно склонились в глубоких поклонах.

Я сказал властно:

— Томас, покажите мне дорогу к покоям. Заодно расскажете, что где по мелочи...

— Сочту за честь, ваша светлость!

Слуги остались со склоненными головами, Кемпбелл семенил рядом, успевая быстро-быстро рассказывать о расположении комнат и залов, о стражниках, слугах, челяди, конюшнях, псарнях, оружейной, арсенале.

Я слушал внимательно, с моей памятью ничего не ускользнет, в коридоре и возле дверей горят факелы, однако нечто недоброе разлито в пропахшем ароматами трав и цветов воздухе, а в тени между колоннами вроде бы темнее, чем должны быть.

В залах непривычно пусто, в королевском дворце в Геннегау стражи оттаптывают друг другу ноги, а здесь до самых апартаментов ни одной души.

Кемпбелл угодливо распахнул передо мной двери.

— Вот... Если что-то не одобрите, сразу же заменим.

Я перешагнул порог, шерсть на затылке слегка шелонулась, но дыбом пока не встала, а только обозначила свое отношение. Я осматривался с известной настороженностью. Замок чувствует присутствие опасного чужака, более того, человека, убившего прежнего хозяина, начинает сосредотачиваться, как матерый зверь перед прыжком на дичь, но я пока ничего не могу поделать, только постоянно ждать удара и надеяться, что либо увернусь, либо успею дать сдачи.

Все чересчур пышно, на мой строгий взгляд. Для этой эпохи вообще-то характерны чистота и величавая строгость, герцог слишком торопился перейти в эпоху Возрождения с ее мелкой и суетной украшательностью.

Кемпбелл остановился за спиной, почтительный и тихий, даже не дышит, новый хозяин крут, уже ощутил.

— Сменить постель, — велел я наконец.

Он ответил торопливо:

— Уже сделано, ваша светлость!

— Остальное, — проронил я отстраненным голосом крупного государственного деятеля, который все о народе и никогда о себе, — потом, потом...

Стены в коврах с развешанными на них мечами, щитами, кинжалами и топорами, все дорогое, украшенное драгоценными камнями, несколько гобеленов, а на уровне пояса стена отделана дорогими породами дерева.

Из мебели сразу бросается в глаза исполинское ложе с балдахином и плотными занавесками из красного шелка, расположенное в дальней части покоев, а ближе ко мне массивный стол с резными ножками и несколько кресел с позолоченными спинками.

Глаз режут только два черных покрывала, брошенных на что-то крупное на стене. Судя по высунувшейся сбоку дорогой массивной раме, то и другое — зеркала в рост человека. Оба на северной и восточной стенах под прямым углом одно к другому.

Я недовольно мотнул в их сторону головой.

— Снять. Траур окончен.

Кемпбелл угодливо поклонился.

— Будет сделано, ваша светлость. Только осмелюсь заметить... нет, упомянуть...

Он замаялся, будто испугался своей дерзости, снова поклонился и начал делать руками движения в воздухе, словно учится плавать брассом.

Я спросил грозно:

— Ну?

Он ответил торопливо:

— Это не траур.

— А что?

— Так уже давно, — пояснил он. — Зеркала не простые, ваша светлость. Герцог не очень любил в них смотреть. А однажды велел вот так... и почти никогда уже не заглядывал. Насколько мне ведомо.

Я поморщился:

— Дык это и понятно. Я на месте герцога тоже не одобрял бы свою все расплывающуюся рожу и отвисающее через ремень пузо.

Он угодливо хихикнул, но лицо оставалось напряженным. Мне показалось, он порывается сказать еще нечто, но инициатива наказуема, а тише едешь — дольше будешь, потупился и смолчал.

Я прошелся вдоль стен, поддел пальцем пятнышко на раме портрета. Похоже на выковырянную из носа козявку, хотя их вообще-то принято прилеплять к нижней поверхности столешницы, но здесь народ простой, еще не дорос до высокой культуры.

— Протереть пыль мокрой тряпкой, — изрек я. — Вообще сделать мокрую уборку помещения. Ну и... ладно, остальное потом.

Он ринулся собственноручно снимать черные чехлы, хотя мог бы прислать слуг, но торопится, я сумел поставить себя как крутого и жестокого, уже умею, молодец.

Из окна видна через двор высокая сторожевая башня, под козырьком прилеплено гнездо ласточки. Очень уж открытое гнездо, дура свила чересчур небрежно, вон те голошеие и неуклюжие вот-вот перевалятся через край, а тогда внизу на каменных плитах останется только мокрое пятнышко.

За спиной послышался запыхавшийся голос:

— Что еще, ваша светлость?

— Пока ничего, — изрек я, не поворачиваясь. — Нужно будет, позову.

— Я оставлю двух слуг за дверью?

— Оставляй, — разрешил я. — Но только расторопных.

— Ваша светлость...

— Можешь идти.

К двери он шел, судя по звукам, на цыпочках, створки прикрыл совсем неслышно, вот я зверь, никогда бы не думал, что сумею себя таким поставить.

Выждав с минуту, я на всякий случай прошелся вдоль стен и просмотрел, используя тепловое, запаховое и вообще напрягая чутье, на предмет тайных ходов, дыр для подглядывания, щелей для рыла арбалета...

Если не считать аккуратно прикрытую гобеленом каменную плиту на шарнирах, везде стены толстые, надежные. Так что если сунусь в тайный ход, увязну в паутине. Судя по гобелену и наросшей корке грязи, никто к герцогу тайком не ходил, да и он сам подобными приключениями не горел, как по всему видно, и вообще мало чем увлекался.

В целом чисто и убрано, если не считать сброшенных прямо на пол черных чехлов, ими были траурно укрыты зеркала. Кемпбелл туманно намекнул, что это не в знак скорби, как обычно делается, но если везде врут, почему здесь должны говорить правду?

Меч и лук я поставил у изголовья, ложе роскошнейшее, простыни и даже одеяло сменили, вот такая у меня причуда, окна перекрыты толстыми железными прутьями.

Я на всякий случай подергал, но вмурованы между каменными блоками намертво.

— Ладно, — сказал я громко, — все нормально... Замок как замок. Люди тоже вроде люди. И вообще утро вечера мудренее.

Настороженному слуху почудился смешок. Я резко обернулся и успел заметить краем глаза, как нечто мелькнуло в зеркале.

Сердце забилось чаще, я оглянулся на меч, сперва устыдился, нельзя же быть таким страхополохом, затем устыдился стыда: а почему нет? Может быть, мне просто красивше с мечом? Мужчины вообще обожают оружие.

Зеркало приближалось, а сердце мое с каждым шагом стучало громче по ребрам. Я задержал дыхание, делая последний шаг, сдвинулся в сторону, и в зеркале возникло отражение...

Глава 14

Я сразу понял, что это не я, хотя мой двойник синхронно повторил все мои движения. Одет в такой же камзол, но у него весь расшит золотом, по воротнику крупные жемчужины, золотая цепь от плеча до плеча, свободно свисающая на груди, пояс из металлических пластин, покрытых золотом, богато украшенные ножны, а рукоять меча гротескно изогнута, вид хищный, сложная чеканка и барельефы, но это чтоб не скользило в пальцах, крупный рубин в навершии, кожаные штаны с крупными золотыми нитями, как лампы, сапоги с длинными ботфортами, шпоры в виде рогов, черные, с красными кончиками.

Главное, в руке небрежно держит корону, у меня дыхание перехватило от неожиданности, количество зубчиков, расположение золотых листьев... это же императорская!

За спиной у моего двойника блещет золотом и драгоценными камнями высокий трон со вздыбленным львом на спинке. На сиденье небрежно сброшена пурпурная мантия, подбитая горностаевым мехом, признак императорского достоинства.

Он начал ухмыляться, глядя в мое растерянное лицо. Сам старше, матерее, опытнее, пара красивых шрамов на злом надменном лице, хищный взгляд и порочная ухмылка на тонких губах.

— Ну и что? — спросил я, стараясь держать голос ровным. — Снова помолчим, поулыбаемся?..

Он иронически улыбнулся, вопросительно вскинул левую бровь.

Я сказал хмуро:

— Вот что, Дориан Грей, или как тебя... Ты мне зубы не скаль, ясно?.. Мне твои короны как-то пофигу. Я человек простой, намеков не понимаю. Дам в лоб, и уши отпадут. Есть что прохрюкать — хрюкай.

Он покачал головой, но губ не размыкал, а высокомерная насмешка в глазах стала отчетливее.

— Морда у тебя больно потрепанная, — сказал я обвиняюще. — Как говорят классики, на ней следы всех пороков. Вообще-то разве это пороки, если по правде? Я из мира, где тогда всех перевешать, а потом в ад на одну большую сковороду, но мы здесь, верно?.. А здесь даже прелюбодеяние — порок. По тебе видно, корондержец хренов, что ты с бутылкой в руках по бабам да по бабам... Еще не понял, что это — пустая трата времени?

Он начал прислушиваться, на лице проступила легкая заинтересованность.

— Так что ты не мое будущее, — пояснил я. — Я молод годами, но... уже успел хлебнуть этих радостей, что только дуракам кажутся чем-то ого-го и даже игогее.

Его улыбка стала напряженнее, а потом медленно перетекла в гримасу. В глазах проступила ненависть, краешек губы приподнялся, как у волка, показывая наполовину стертый клык.

— Ага, — сказал я, — соображаешь, что не туда шел?.. И меня сманить хочешь?.. Нет уж, нет уж. Мы пойдем другим путем. Я уже знаю, что и бабы — говно, и чревоугодие — говно, и даже императорство — говно... если само по себе, конечно. Я знаю радость слаще... Так что надумаешь сказать что-то путное, добро пожаловать... А пока я изволю прекратить это вот, ага.

Я поднял чехол, спасибо предусмотрительному Кемпбеллу, не унес, чуял нечто нехорошее, молодец, торопливо накиннул на зеркало, стараясь не показывать, что спешу и сжимаюсь в ожидании неприятностей.

Некоторое время поверхность темной материи слабо выгибалась изнутри, будто с той стороны некто пытался выбраться на эту сторону, но я отошел на цыпочках, и все затихло.

— Ну и усе, — пробормотал я. — Теперь еще бы заснуть... можно считать, что принял имущество без всякой переписи и описи. Здесь, к счастью, все на доверии и по понятиям. Да только хрен после такого заснешь... Но я

попытаюсь. Во всяком случае, скажу, что спал крепко и без всяких...

Плечи дернулись, но я удержал на месте, хотя никто и не видит, что меня нечто пугает в этом уже моем Альтенбаумбурге. Холод прополз вдоль спины, стал ошутимее, начал вгрызаться в позвоночник.

Я огляделся быстро, на всякий случай ухватил меч и встал в боевую стойку. Уже не холод, а лютый мороз сыпанул по коже, разом проник в плоть. Резко заломили зубы, словно хватил колодезной воды в жаркий день.

Все чувства кричат, что приближается огромное и страшное, как чудовищная волна цунами, что сметает все с лица земли. Я стиснул кулаки и напрягся, не зная, чему противостоять, куда броситься, как избежать, куда спрятаться...

Страшный холод межзвездных просторов налетел со скоростью урагана, ударил, смял, проморозил внутренности и мгновенно исчез, оставив тянущее ощущение свершившейся беды.

Я вздрогнул, обнаружив, что луна внезапно оказалась на другом краю неба, словно я простоял вот так бездумно у окна несколько часов. Но эта луна втрое крупнее, почти красная, пятна морей глубже и темнее, а весь диск затянут полупрозрачной пеленой, словно там свирепствуют неистовые бури.

Резкий тонкий крик заставил повернуть голову. Вместо гнезда под козырьком башни, где птенцы ласточки едва не выпадали через борт, сейчас нечто массивное, утыканное камешками. А сверху выглядывают тонкие змеиные головы. Я сперва решил, что змея сожрала птенцов, но на фоне звезд мелькнула быстрая тень, нечто крылатое размером с кошку спланировало на гнездо. В пасти прилетевшего что-то трепыхается, зверь начал рвать добычу на куски и совать в жадно раскрытые пасти с мелкими зубками.

Содрогнувшись, я поспешно перевел взгляд на здание

напротив. Крыша как грязный воск на жарком солнце, что быстро теряет форму и оплывает. Непонятно. С холодком в сердце сообразил, что крыша не просела вовсе, напротив — стала выше и шире, а грязные потеки — это вовсе не измененные камни стен, а нечто упавшее сверху, как грязный снег, что налип и обезобразил...

Торопливо огляделся, но нет, не снег. Это, скорее, странная грязь, неизвестно откуда взявшаяся, но все-таки сверху, потому что потеки все еще сползают, обезобразивая стены, закрывая проемы окон, залепляя барельефы и даже колонны.

Я ощутил оторопь, при наступлении ночи любое место преображается, становится таинственным и загадочным, и оказываешься словно бы в другом мире, но именно «словно бы», а на самом деле очертания все те же, и если зажечь свет...

Пальцы, подчиняясь мелькнувшей мысли, шелкнули, вызывая шарик света. Я замер. В круге света прямо передо мной на стене каменные барельефы медленно меняют очертания, словно их лепят из пластилина незримые пальцы. Вздрыбленный лев с косматой гривой превратился в отвратительного ящера, утыканного тупыми, но частыми шипами, две пантеры стали горгульями, а роскошный гобелен на полстены медленно потек, как тяжелая слизь, на подороге застыл отвратительными наплывами, а на полу образовалась матово блестящая твердая гадость, словно из грязного льда.

Я выглянул в коридор. Никого. Вдали послышались шаги, голоса. Я прижался к стене, торопливо перетек в личину исчезника. В полосе лунного света показались две фигуры в бесформенных балахонах, скрывающих очертания, ну хоть не что-то четвероногое. Я ощутил минутное облегчение, пока не вспомнил, что на свете нет более жестокого и беспощадного зверя, чем двуногие.

Донесся холодный злой голос, снова на чужом языке, но я понял отчетливо:

— ...и что их задерживает?

— Еще не доставили триггенов, — ответил другой голос, слова звучат странно, словно говорящий сам не человек, а что-то вроде триггена, — но первая партия уже...

— Поторопите, — сказал первый. — Приказано начинать...

— Наконец-то...

— Не рано?

— Мы готовились долго...

Они удалились, голоса затихли, я не дослушал, что именно приказано, но предчувствие бубнило, что ничего хорошего ждать не стоит. Я потихонечку пошел вдоль стены, держась тени и перебегая от одной ниши к другой, только убедившись, что никто не видит и не чувствует... вроде бы.

Вместо изящной светлой двери, через которую меня сюда пропустил Кемпбелл, сейчас почти ворота, настолько проем стал высоким и широким. Обе створки теперь целиком из покрытого ржавчиной металла. Я осторожно толкнул, не поддались, а когда навалился плечом, пошли в стороны медленно и неохотно.

Я проскользнул в щель, дверь закрылась с мягким чмокающим звуком, словно впечаталась в мокрую глину. Зал удлинился, стал выше, под сводами зловещая тьма, а в самом конце цветной витраж на всю стену. Я заспешил к нему, что-то знакомое, но странный холодок проникал под кожу с каждым шагом, а когда приблизился и смог разглядеть детали, сердце сжала холодная рука.

Более отвратительной и глумливой гадости я не видел и не мог вообразить, что она может быть. Некто с огромным талантом, размахом и сладострастием изобразил самые изощренные пытки, издевательства и унижения, которым подвергают людей, а над всем этим поместил искаженные морды ухмыляющихся чудовищ, в которых без труда можно узнать отцов церкви...

Холод сковал мое тело, я заставил ноги сделать шаг на-

зад, еще и еще, наконец замороженная грудь сумела сделать вздох, я едва не закашлялся: несмотря на холод, здесь все пропитано миазмами гниения, разложения, смрад забивает дыхание...

Удивляясь, как не услышал всего раньше, заторопился прочь, снова зал, такой же оскорбительно огромный, пустой, стены голые, блестит либо камень, либо плесень, дважды проплыли неслышно фигуры в балахонах...

Нагая женщина, безобразно толстая, со свисающими до колен грудями и животом, выплыла из стены, но настолько закутанная в собственные пышные волосы, что ничего и не разглядеть, кроме призрачных, почти незримых ног. Я уставился на нее обалдело, она заметила мой взгляд, кокетливо улыбнулась, коровища, стрельнула глазками и, пройдя коридор наискось, ушла в противоположную стену, словно слон в камыши.

Сердце устало колотиться, я чувствовал такое опустошение, что вот сейчас бери да тащи на жертвенный камень, слова не скажу. На подгибающихся ногах осторожно подошел к единственному окну такой уродливой формы, словно делал его сумасшедший.

Далекий темный край земли почему-то искрится, словно кромка чистейшего льда под лучами солнца. Я настороженно замер, там поднимается нечто непонятное, вершина блистающего холодом холма, очень пологого и ровного. Поднимается достаточно быстро, чтобы я тарашил глаза и все время говорил себе, что этого не может быть, это дико, это невероятно...

Холм продолжал подниматься, уже не холм, я с холодком во всем теле понимал, что это мертвенно-бледная луна, еще одна, вторая, но чувства отказываются принять такую дикость, чересчур огромна, на полнеба, отчетливо вижу горные хребты и горы, впадины, глубокие трещины, кратеры, то ли погасшие вулканы, то ли следы от исполнинских метеоритов...

Чудовищный давно угасший мир продолжал подниматься, я отчетливо видел, как медленно сдвигаются горы, а трещины становятся шире и глубже, облако пыли уже закрыло северный край...

Небо на востоке начало медленно светлеть. Громко и торжественно прокричал петух. Я торопливо оглянулся. Из груди вырвался вздох облегчения, ноги в коленях подломились, я опустил на ближайшую лавку и долго отсапывался.

Мир вокруг прежний, каким я застал его по приезде. На барельефе вздыбленный лев с косматой гривой, две пантеры, роскошный гобелен на месте, а на нем тщательно выполненные сцены охоты благородных рыцарей на благородных оленей. С балок свисают пурпурные полотнища, уже без гербов герцога Хорнельдона, но пока еще без моих, такая замена требует времени.

Отдышавшись, я выпрямился, выпятил нижнюю челюсть красиво и надменно, я должен всегда выглядеть несокрушимым, иначе все рухнет, пошел к дверям, постоянно проверяя себя, как иду, как ставлю ноги. В зеркало смотреть не решился, вышел в коридор и почти сразу услышал снизу веселый рев множества голосов.

Рыцари недружно, но с энтузиазмом орут походную про дракона и украденную им юную деву.

Когда я шел на песню, слуги вкатили в зал бочонок с вином, явно так проще, чем бегать с кувшинами. Я вошел с благостной улыбкой, помахал рукой в общем приветствии. Граф Гатер все еще возле моего кресла, глаза блестят весело и счастливо, но рожа покраснелась и начинает обвисать, пояс расстегнут, а на столе перед ним ограда из обгрызенных костей.

Я опустил в свое кресло-трон, поинтересовался с ходу:

— Дорогой граф, а что было на месте этого Альтенбаумбурга раньше?

Он посмотрел с удивлением и некоторой опаской.

— Сэр... он и был.

— А еще раньше?

Он подумал, предположил:

— Наверное, пустое место?

Я покачал головой.

— Лучше бы пустое. Но я видел нечто иное.

Он спросил заинтересованно, без всякой настороженности:

— А что вы видели?

— Замок, — ответил я, — примерно этого же размера... или побольше, я не выходил наружу. Но черный и... весь как будто только что поднялся из зловонного болота. Весь в грязи...

Я прервал себя на полуслове. Его лицо медленно бледнело, потом и вовсе стало синим, словно невидимая рука сжала горло и не дает дышать.

— Ваша светлость, — прохрипел он задушенно, — если вы это видели...

— Да?

— Вам предназначено умереть...

— Вот прямо сейчас?

Он судорожно кивнул:

— Да. Никто не проживет и суток, если увидит...

Я осведомился:

— И что, всем обитателям этого замка показывается такое? Перед их смертью?

Он потряс головой.

— Нет-нет!.. Только в особых случаях. Это видение на-сылают...

Я прервал:

— Сэр Генрих, это не было видением. Я там был.

— Это видение, — возразил он шепотом. — Ужасное...

О нем даже нет в летописях, а только слухи, один ужаснее другого.

— Ну что ж, — сказал я, — видение очень уж отчетли-

вое. Если еще раз привидится, постараюсь что-то спереть в доказательство.

Он отшатнулся в ужасе.

— Ваша светлость!

— А что, — спросил я, — воровать нехорошо? Если у противника, то не воровство, а трофей. Постараюсь еще и зарезать кого-нибудь, чтоб уж совсем по-честному.

Глава 15

Отсидев за столом на секунду дольше, чем необходимо, я поднялся, жестом велел всем продолжать и не обращать на мое отсутствие внимания.

В соседнем зале достаточно просторно, но пусто, если не считать портретов на стенах и гобеленов. Граф Гатер увязался за мной, бледный и разом протрезвевший, неестественно небрежно заговорил об этих землях Гандерсгейма, где простор, богатства, свободные поселения...

Я слушал и кивал одобрительно, даже взмучивал в нужных местах, хотя, на мой трезвый взгляд, иметь один акр земли в Вестготии надежнее целого герцогства в Гандерсгейме. Человек — существо азартное. Хорошего ему мало, ему подавай самое лучшее, так что да, я здесь соберу такое войско энтузиастов, корабли Ордоньеса заморятся перевозить.

В холле навстречу распахнулись двери, ввалилась группа хохочущих рыцарей, я их еще не видел, в середине молодой и красивый мужчина с породистым лицом сына знатного вельможи, что не знал отказа в своих пожеланиях. Жестикულიрует и что-то рассказывает такое, от чего четверо его товарищей шатаются со смеху и хватаются друг за друга.

Покосившись в мою сторону, он выпрямился и сказал с иронией и достаточно громко:

— Ну вот и наш новый герцог! Говорят, птица высоко-го полета.

Я не стал притворяться, что не услышал, сказал предостерегающе:

— Знаете ли, сэр...

— Христоф, — подсказал он с готовностью. — Христоф Вильгельм Гуфеланд. Младший сын графа Фридриха Новоплесского.

— Знаете ли, сэр Христоф, — сказал я, — у высоко летающих птиц не только крылья большие, но и клювы... поувесистей.

Он довольно хохотнул.

— Здорово сказано! Надо запомнить.

— А что, — поинтересовался я, — вам угодно проверить его тяжесть?

Он со смехом замотал головой.

— Упаси Господи!.. Вы сразу всем объяснили предельно ясно. Три поединка — трое убитых. Теперь вас точно никто не посмеет задирать. И уж не мы, точно. Мы пятеро поспешили к вам, ваша светлость, чтобы дать клятву верности и напроситься в ваше войско.

Один из рыцарей поклонился и уточнил со всей учтивостью педанта:

— В то самое, что идет на завоевание...

— ...диких земель Гандерсгейма, — подсказал третий.

— Нет проблем, — заверил я. — Клятву — сейчас, а войско... когда будете готовы отправиться на побережье. Туда придут корабли из Сен-Мари. В том числе и за вами. Я уже распорядился.

— Как нам повезло! — вырвалось у него.

Я с вопросительным видом вскинул левую бровь, у меня уже получается довольно эффектно, эдакий сарказм и легкое недоумение.

Рыцарь понял правильно, спохватился и поспешно преклонил колено, но голову откинул, гордо и преданно глядя мне в лицо.

— Я, Карл Теодор Вильгельм Вейерштрасс из Лассаль-виля, клянусь в верности сэру Ричарду, герцогу Вельденскому, обязуюсь служить честно и доблестно, не щадя жизни, блюсти честь свою и честь своего сюзерена!

— Встаньте, сэр Карл, — произнес я. — Принимаю вашу клятву и, в свою очередь, клянусь блюсти и защищать ваши интересы, как свои собственные.

Друзья Христофа один за другим преклоняли колени, а сам он, как признанный лидер в их группе, принес присягу последним, хотя понимает же, что выгоднее было бы первым. Молодец, вообще-то держит гонор.

Когда они закончили, в зал почти вбежал еще один, широкий и массивный рыцарь, чем-то напомнивший сэра Растера, только еще шире да лицом темнее, к тому же в глаза бросаются длинные усы, зачем-то покрашенные в лиловый цвет.

Он сразу же преклонил колено и сказал гулким голосом:

— Я, Иоганн Пауль Фридрих Дистервег из Рихтерберга, клянусь в верности и беспрекословном повиновении его светлости герцогу Ричарду Длинные Руки. Если нарушу клятву, да поразит меня Господь самой страшной мукой, ибо нет проступка гаже, чем клятвopеступление!

Я сказал благожелательно:

— Принимаю клятву и, со своей стороны, клянусь чтить честь и достоинство сэра Иоганна, соблюдать его интересы как в боях, так и после боев при дележе трофеев и захваченных земель!

Самому кажется, что уже слишком часто о захваченных землях, но этим людям мало слухов, нужно говорить снова и снова, подтверждать, вон как сразу загорелся весь, расправил плечи, да и остальные оживились, будто уже делим целую страну, как Вильгельм Завоеватель Англию между своими норманнами.

Он поднялся, я не удержался и спросил:

— Кстати, сэръ Иоганн, а почему... у вас усы такого цвета?

Наверное, я бестактно задел больное место, на лицах рыцарей появились улыбки, а он выпрямился и буркнул раздраженно:

— А потому!

Я торопливо искал варианты, как-то надо выкручиваться, сказал громко и торжественно:

— Убеждения, не подкрепленные доводами, свидетельствуют о том, что у вас есть своя твердая позиция! Такие люди особенно ценны в нашем мире, где все меньше убеждений, а больше ветрености, вертопрахости и вертихвостости.

Он приосанился, подкрутил лихо ус и орлом посмотрел на соратников. На него начали смотреть с уважением, а я подумал, что столбу многое прощается за его прямоу и никто не требует от него ума или умения слагать стихи.

Граф Гатер подошел бочком, как глубоководный краб, посматривает с величайшим сочувствием.

— Сэръ Ричард, — проговорил он, — вы оглядели замок, а как насчет...

— ...окрестностей? — договорил я. — Граф, вы читаете мои мысли.

— Тогда после обеда?

Я вскинул брови в удивлении.

— Граф! До обеда можно объявить войну и закончить ее в два-три сражения!.. Кто нам мешает сейчас?

— Позвольте вас сопровождать?

— Не позволяю, а прошу вас.

— Благодарю за честь, ваша светлость...

Едва мы вышли из главного здания, нас догнал Бобик и пошел нарезать круги, высекая острыми когтями искры из булыжников. Граф заметно напрягся, но Адский Пес остановился, чтобы ему почесали между ушей, это же тот, кому он по дороге сюда таскал добычу, граф поскреб и с облегчением перевел дух.

Затем Бобик унесся в конюшню, всегда удивляюсь, как он чувствует, когда пойду пешком, а когда предпочту запрыгнуть в седло. Мы сперва услышали испуганные вопли, выскочили конюхи, но увидели нас, торопливо поклонились.

— Ваша светлость, — доложил один, заикаясь от волнения, — там ваша собачка прибежала...

— Вашего коника проведать, — уточнил второй льстиво.

— Оседлайте, — велел я. — И еще коня сэра Генриха.

Зайчик взглянул на коня графа с высокомерным презрением и больше не обращал на него внимания.

Ворота открыли нам так, что не пришлось сбавлять хода, молодец Марсель, хорошо муштрует свой гарнизон.

Дорога пошла вниз, по обе стороны сперва неторопливо двигались живописные дубы, огромные и раскидистые, в тени каждого может укрыться войско, затем оливковая роща и серо-зеленые ряды виноградника.

Бобик унесся вперед и долго не показывался, а когда выбежал, вид растерянный и унылый, на обоих нас посмотрел с укором, словно это мы распугали всю добычу. Остались только домашние, их давить не разрешаю, а диких поблизости нет, если не считать совсем уж мелочь...

Гатер покачивается рядом в седле, серьезный и мрачный. Я посматривал с сочувствием. Граф он больше по титулу, а не по землям, и вообще ко мне прибываются в первую очередь либо безземельные, либо те, у кого земли жалкие клочья. Это из Армландии я увел и зажиточных лордов, заманив блистательной идеей разгромить огромное, богатое и погрязшее в греховности королевство, дескать, наш святой долг, и хотя без грандиозного передела земель не обошлось и там, но сейчас я подготовил, по сути, откровенный поход за шапками. Хотя, конечно, идеологическую завесу поставлю сумею. Когда ничего другого

нет, нужно больше высоких слов, особенно громко нужно говорить о долге и чести.

— Не печальтесь, сэр Генрих, — сказал я наконец. — Не все предсказания сбываются.

Он сказал невесело:

— Пока что умерли все, кто видел тот ужасный мир. В течение суток. Может быть, ваша светлость, лучше всего собрать рыцарей да спешно отправиться на побережье? Вдруг да проклятие касается только тех, кто остается?

Я поинтересовался:

— А что, никто не пытался избежать?

— Пытались, — признался он тоскливо.

— И что?

— Все равно гибли.

— Вот видите.

— Но они не покидали пределов королевства! — сказал он с надеждой. — А если успеть на корабль и оказаться... гм... к моменту... в водах королевства Сен-Мари?

Я подумал, покачал головой.

— Вряд ли рок так уж соблюдает демаркацию границ. Да еще в океане. Простите, граф... меня обманывают глаза?

Он посмотрел на меня, потом проследил за моим взглядом.

— Нет, ваша светлость. Это церковь.

— Господи, — вырвалось у меня. — Первая церковь, что я увидел!

— Здесь?

— В Вестготии!

Он смотрел с сомнением.

— Есть еще... сам видел. Только не помню, в чьих землях. Хотите войти? Но что делать там мыслящему человеку?

Я сказал счастливо:

— Получить поддержку! Помощь.

Я соскочил на землю, Зайчик сразу же замер, как ста-

туя, а граф долго старался закрепить повод за низкий камень. Я пошел ко входу, трава уже почти скрыла вымощенную плитками дорожку, наконец за спиной послышались торопливые шаги.

Он шел за мной, растерянный и недоумевающий, что и понятно, я же неистовый воитель, стратег, повелевающий массами войск, умелый захватыватель крепостей, замков и городов, от такого как-то не ожидается рвение в посещении храмов с их тягучими и непонятными ритуалами.

Я переступил порог церкви с сильно бьющимся сердцем и надеждой. Здесь меня ждет незримая поддержка, здесь будет наш якорь, за который можно уцепиться и начинать строить демократическое правовое государство церкви с сильной инквизицией и властными структурами.

Внутри светло и чисто, воздух прохладный, пахнет благовониями, душистыми маслами, сандаловым деревом. На дальней стене огромная мозаика из цветного стекла, все, как водится, из чистейших красок, никаких полутонов, только пурпур, аквамарин, изумруд, радостная оранжевость — еще не пришло политкорректное время смешивать и доказывать, что нет добра и зла, а есть круто перемешанное говно, именуемое человеком.

Стена разделена на две половинки, одна собрана почти вся из пурпурных стеклышек, другая из серебра и небесного аквамарина, я ускорил шаг и наконец-то различил одинаковые по размерам гигантские изображения двух... ангелов, у обоих сверкающие нимбы вокруг голов, у обоих за спинами роскошные крылья, только у того, что в пурпуре, — огненно-красные, а у серебряного — белее лебязьих, хотя по форме очень похожи.

У того, что на красной половине, крылья... как у гигантской летучей мыши, только что вынырнувшей из ада летучей мыши. И усмешка у красного ангела злове-

шая, в то время как у серебряного — скорбящая и всепрошающая.

Я замедлил шаг, остановился.

— Граф, — спросил я чужим голосом, — как такое возможно?

Он посмотрел по сторонам, потом на меня, снова мазнул взглядом по стенам.

— Ну... наверное, — произнес он без уверенности, — как-то да... а что, собственно, не так?

— Это же церковь, — сказал я со сдержанным негодованием. — Как можно? Здесь что, служат Богу и дьяволу?

Он развел руками.

— Раньше так и было.

— Почему?

Он посмотрел на меня, в смущении отвел взгляд.

— Ваша светлость, я религию вообще недопонимаю, но здесь, как я слышал от стариков, когда-то старались проявить справедливость.

— Справедливость?

Он указал на фигуры.

— Равны по росту, на обе пошло одинаковое количество цветных стекол. Ни одна ни выше, ни ниже. Их даже сделали очень похожими друг на друга, потому что оба ангелы! Только один на небе, другой низвергнут. Мне тоже кажется, что так... гм... честно. Как бы по-рыцарски.

Я ощутил холод внутри, с такими аргументами не стал-кивался, спросил глухо:

— И потому в эту церковь больше никто не ходит?

Он поправил:

— Уже ни в одну церковь не ходят. Служить дьяволу проще, а чтобы ему служить, вообще не надо ходить куда-либо.

— Вы считаете это правильным?

Он пожал плечами.

— Я считаю, воспитывать надо детишек. А взрослые знают, что им делать.

Я повернулся и пошел к выходу. Что-то говорить и убеждать бесполезно. Буду выглядеть как мракобес и дурак, не понимающий, что человеку с детства хочется свободы, никому не подчиняться, наконец-то дожидаться взросления, когда мама уже не требует, чтобы мыл уши, а отец не сможет командовать, что и как делать. Наконец-то вольная воля... а церковь требует подчинения всю жизнь? От рождения до смерти? Да пошла она!..

Никто не хочет признавать, стучало в голове, что человек должен учиться всю жизнь. И чем больше у него будет знаний, тем меньше свободы...

Граф догнал меня уже за церковью, я слышал его торопливые шаги, но не обернулся.

Он сказал с сочувствием:

— Ваша светлость, вы зря так...

— Что?

— ...реагируете, — пояснил он. — На самом деле и в такую церковь никто не ходит. А ходят по большей части к гадалнице.

— Бабке-гадалке?

Он посмотрел с недоумением.

— Какой бабке? Весьма почтенная дама. Из очень уважаемой семьи. И древнего рода. Хотя теперь она из-за своего нечестивого занятия и считается простолюдинкой.

Я вздохнул:

— Да, все запущено, здесь христианский конь и не валялся. Подумать только, к гадалке!

Он покачал головой, лицо потеряло рыхлость, подтвердело, а взгляд стал острее.

— Ваша светлость, она в самом деле... Еще ни разу не ошиблась!.. Не все к ней ходят, большинство просто боится правды, но вы, я уверен, не испугаетесь?

Я отмахнулся:

— Ни одна гадалка или предсказательница не в состоянии ничего предречь настоящему христианину.

Зайчик тряхнул гривой, едва я поднялся в седло, повернул голову и посмотрел с вопросом в глазах. Я не успел ответить, граф сказал твердо:

— Ваша светлость, вам просто необходимо побывать у нее!

— Почему?

— Хуже не будет, — сказал он упрямо, — а польза может быть огромная. Вы же теперь герцог, на ваших плечах ноша стала еще больше.

Я вздохнул.

— Пришлось усвоить. Ладно, поехали. Где она живет?

Глава 16

Гадальница обитает, как я понял из его рассказов, не в башне и не в лесной избушке посреди темного-темного леса, а на перекрестке трех дорог. Между моим отныне замком и двумя крупными деревьями. Домик у нее самый заурядный, с небольшим садом, курами, козами. А еще оттуда близко к лесу, где собирает травы.

Граф послал вперед мальчишек предупредить, дескать, ее изволит посетить сам герцог, пусть будет на месте, и чтобы все быстро и без лишних движений.

Молодец, отметил я, быстро схватывает, что мне нужно и какой линии стоит придерживаться.

Дорога привела к домику почти сразу — аккуратный, небольшой, опрятный. Оставив коней под охраной Бобика, мы перешагнули порог. В ноздри ударил густой и пряный аромат растений, взгляд уперся в пучки высушенных корешков вдоль стен, связки трав, веток омелы, кувшинчиков больших и малых с настоями и отварами.

Только и недостает, мелькнула мысль, большого черного кота и летучих мышей размером с откормленных

крыс. Ну, еще и паутины нигде не видно, в комнате вообще-то чисто. На столе с гладко выструганной столешницей большая толстая книга, небольшой человеческий череп, две свечи в страдальчески изогнутом подсвечнике, гусиное перо в чернильнице.

Женщина подкладывала поленья в открытый очаг, в облагороженном виде такое вот зовется камином. На стук двери оглянулась, довольно приятное немолодое лицо в глубоких морщинах, умные глаза, а когда разогнулась, я оценил сухошавую и подтянутую фигуру.

Граф сказал надменно, но с некоторой боязнью в голосе:

— Вельва, ты еще не разучилась гадать?

Она ответила с легким поклоном:

— Как и вы, граф, никогда не разучитесь ездить на коне.

Она прошла к столу, а я рассматривал длинную полку вдоль стены, в ряд с десятком черепов, от мелкого, словно жителя племени пигмеев, до великанского, явно огр поплатился головой. Некоторые оставлены в первозданном виде, другие отделаны серебром и золотом, один так и вовсе с рубином в середине лба, а на самом почетном месте, как я понял, череп с тремя глазами. У этого сокровища на место выпавших зубов вставлены ограненные алмазы, что уже и не алмазы, а бриллианты.

— Черепа, — сказал я с тоской, — почему у всех черепа?

Женщина ответила спокойно:

— У многих просто мода. У меня это для моих... занятий.

— Понимаю, — пробормотал я, — но все-таки... как-то все это чересчур...

Что-то тревожит, но опасности я не чувял, хотя ощущение такое, что, кроме нас, в этой большой комнате кто-то еще...

Я пошел к столу вдоль другой стены, там среди трех огромных сундуков свален хлам, что вовнутрь не помес-

тился. В одном месте вообще накрыто большим старым одеялом.

Прислушавшись, я быстро схватил за край одеяла и поднял. На меня испуганно уставились десятки пар глаз мелких существ, которых принял бы за толстых ящериц, если бы не смятые крылья на спинках.

Граф и Вельва застыли, а я сказал с удивлением:

— Какие... дисциплинированные! Это что же, им велено сидеть тихо... и сидят?

Вельва сказала осевшим голосом:

— Простите, ваша светлость.

— За что? — удивился я. — Они довольно... милые.

Мелкие дракончики вертели головами, глядя то на меня, то на хозяйку. Она развела руками.

— Это... — голос ее колебался, — чтоб вам не мешали...

Я отмахнулся:

— Да как они могут?.. Пусть вылезают. Ишь, какие тихие... А ну-ка путя-путя...

Я погладил одного пальцем по голой голове, он тут же начал приподнимать ее, чтобы нажим был сильнее.

Вельва сказала беспомощно:

— Они маленькие... вообще. Я прячу потому, что господа обязательно хотят взять в замки. Думают, если хорошо кормить, вырастят боевых драконов.

— Какая дурость, — согласился я. — Собаку свою не могут вырастить с лошадь, а драконов, значит, можно? Каждому существу Господь отмерил свои пределы. Выпускай их, нечего им сидеть взаперти.

Я взял одного в ладони, он сразу брякнулся на спину и подставил белое с желтым пузо. Я снова почесал пальцем, игрушечный дракончик в экстазе раскинул лапки и от счастья раскрыл крохотную пасть, высунув крохотный язычок.

Колдунья опустила за стол, граф придвинул ногой табуретку и сел у двери, сердитый и нахохленный. Вельва смущенно указала мне на стул напротив.

— Присядьте, ваша светлость. Позвольте погадать вам. Я сел, не выпуская из рук дракончика, чувствуя себя, как в дешевом балагане, посмотрел на нее в упор.

— На меня не получится.

— Почему? — спросила она.

— Христианин, — объяснил я коротко.

Она сдержанно улыбнулась.

— Знали бы вы, ваша светлость, сколько здесь побывало ревностных христиан...

Дракончик перевернулся на пузо, расправил крылышки и, толкнувшись лапками от ладони, красиво взлетел над столом. Вельва смотрела за ним с беспомощной любовью. Дракончик сел на балке прямо над нами и, свесив голову, смотрел на всех с любопытством блестящими глазами.

Остальные тоже начали взлетать, но робели перед гостями и держались тихо, прятались в дальние углы.

Я наконец оторвал от них взгляд, посмотрел на гадальницу.

— Да еще ревностных? Пусть называют себя как хотят, но кто ходит к гадалкам — даже близко не христиане. Я в это не верю.

Она тоже поглядывала на дракончиков и на нас. Особенно на меня, графа уже знает, наконец убедилась, что я не собираюсь хватать дракошек и совать в мешок, сказала уже спокойнее:

— Как известно, дождь идет на тех, кто в него верит, и на тех, кто не верит. Сейчас выберу помощника, он и предскажет вашу судьбу.

Она взяла череп со стола, оглянулась на меня, покачала головой и вернула на место. Граф хмыкнул, а она, легко поднявшись, некоторое время двигалась вдоль полки, легонько прикасаясь пальцами к торчащим костям или выступающим зубам.

— Похоже... вот этот сможет.

Я буркнул:

— Слишком шикарен.

— Но вы герцог, ваше сиятельство.

— Я боевой герцог, — сказал я недовольно. — Не роженый.

Она взяла другой, весь в серебре и с алмазными зубами.

— Против этого не возражаете?

Я отмахнулся.

— Мне все равно.

Она села, молча подвигала над черепом ладонями с растопыренными пальцами. Лицо стало озабоченным. Выждала, нахмурилась, бросила вовнутрь игральные кости и потрясла. Череп отозвался блондинистым звуком.

— Что-то, — проговорила она озабоченно, — с вашей светлостью не совсем так...

— Или совсем не так, — уточнил я.

Она наклонила голову.

— Да, вы правы...

— И не что-то, — поправил я гордо, — а многое. Вообще я весь такой не такой, а разный и особенный.

— Я вижу, — промолвила она и покосилась на притихших дракончиков. Они все вытягивали шеи и с отчаянным любопытством наблюдали за нами. — Вы не такой, это верно...

Граф засопел у двери, но смолчал. Она поднялась, высыпала кости на стол и сердито поставила пустой череп на место. Я наблюдал, как взяла соседний, отделанный золотом.

— На этом гадать, — заметил я, — разве что королям. А то даже императорам всяким.

Она молчала, трясла в черепе костями, потом двигала над блестящей макушкой ладонями. Я наконец-то рассмотрел, что череп в самом деле умело составлен из разных костей, тщательно подогнанных одна к другой. Раньше по наивности представлял, что это нечто литое, к ко-

торому снизу жилами крепится еще одна кость — нижняя челюсть.

— Полагаете, — проговорила она негромко, — вам ко-ролем не стать?

— Я так не сказал, — заметил я дипломатично.

Улыбка тронула ее губы, но лицо постепенно мрач-но. Я терпеливо ждал, дракончики тоже затихли, только мой знакомец спикировал с балки и сел на мое плечо, бахвалясь перед остальными безумной отвагой и тем, что накоротке с таким гигантом.

Гадальщица наконец сердито поднялась, поставила че-реп на место и взяла последний, что с тремя глазами и бриллиантовым ртом.

— Да, — сказал я иронически, — этот дядя скажет обо мне такое...

Она сердито сверкнула глазами, лицо сосредоточен-ное, даже губу слегка прикусила, а на лбу морщины стали размером с Дарьяльское ущелье. Я ждал, она все двигала ладонями, с пальцев начали срываться короткие злые ис-корки, потрескивали, исчезали.

В черепе на секунду рассерженно зажглись дьявольски багровым огнем глаза, но тут же снова все омертвело и за-тихло.

Она в бессилии уронила руки.

— Ничего не понимаю...

— Облом? — спросил я сочувствующе. — Ничего, лишь бы обломками не задавило.

Она произнесла почти ненавидяще:

— Со мной такое впервые!

— Женщины такое часто говорят, — согласился я хан-жески. — А вот почему этот дядя с рубином смолчал, ясно и без лакмуса.

— Что такое лакмус?

— Волшебная бумажка, — объяснил я, — что все-гда показывает, кто врет. И даже беременность опреде-ляет.

Она проговорила глухо:

— А почему вам все ясно?

Я поморщился.

— Похоже, мы поменялись местами. Теперь ты спрашиваешь, будто я бабка-гадальщица. Поясняю напоследок по доброте душевной. Я глубокая и утонченная натура. Настолько изысканная, что простому черепу не понять и не ощутить. Только вот эта жабка с крылышками сразу поняла, но ей от природы дано... Я сам себя порой не понимаю, такой умный. У меня и лицевой угол почти перпендикулярно-нордический, если смотреть с боку. И ума палата. Так что пусть предсказывают тем, которые попроще.

Когда мы вышли, граф виновато разводил руками и все повторял:

— Не понимаю... ну, не понимаю!.. Другим же получилось?.. Не понимаю... Почему?

— По крайней мере, — сказал я, — колдунья поступила сравнительно честно. Могла бы нести всякую чушь... Пойди проверь, что там в будущем! А она призналась, что это ей не по зубам. Кстати, не она первая. Думаете, граф, мне гадать раньше не пробовали?

Он повторил несчастным голосом:

— Но другим же предсказывала?

Зайчик подбежал и с готовностью подставил бок. Я сунул ногу в стремя, Бобик напрыгнул, но я успел подняться в седло и разобрал повод.

— То другие, граф, — ответил я высокомерно. — А мы не рабы!.. Христиане непредсказуемы.

— Это разве хорошо?

— Только трусы и парламенты страшатся непредсказуемых последствий. Вперед, в непредсказуемое!

— Как скажете, ваша светлость...

— Страшно?

— Ну, вы же впереди...

Он пустил своего коня рядом с Зайчиком, мне показа-

лось, что его конь тоже переживает за хозяина, хотел похвастаться перед новым лордом, заранее раздувался от гордости, шас все узнает, но даже крохотных дракончиков прохлопал.

Я помалкивал, зачем тыкать мордой в землю, все мы только сверху христиане, наконец он сам сказал робко:

— Ваша светлость... но почему тогда все люди со всех концов королевства едут, чтобы послушать ее?

Я пожал плечами, не зная, как ответить просто и доходчиво, не сбиваясь на велеречивую проповедь о ценностях наступившего христианства. Вера в предначертанное и предназначенное возникла в человеке от страха перед сложностью и непредсказуемостью мира. На словах бунтуя против всего и всех, на самом деле любой трусливо жаждет строгого и непререкаемого порядка во вселенной, железного, несокрушимого, против которого даже воля богов — ничто. Так и появились парки у древних греков и мойры или кто-то там еще у древних скандинавов, одинаковые по функциям, как доски в заборе. Не подсматривая друг у друга, эти далекие друг от друга во всем народы придумали абсолютно идентичные системы: всеми правит судьба, рок, фатум — и никто изменить ничего не может. Существуют Книги Судеб, куда записано все-все наперед до самого последнего дня света. А раз так, то появились шарлатаны, что обещают за вознаграждение заглянуть туда и рассказать, кому что там написано. Словом, вполне комфортный замкнутый мир. Но человечество взрослело. Христиане — первые ростки взрослости духа. Разломав скорлупу, они вышли на простор неупорядоченного дикого мира, куда не решались высунуть нос даже боги, где ничто не предсказано наперед, и сказали, что сами построят Новый Мир, которого не существует ни в каких Книгах Судеб.

Он посматривал с ожиданием, наконец я неохотно разлепил губы.

— Сэр Генрих... мне иногда кажется, что я уже не ры-

царь, а что-то вроде ходячей проповеди. Самому противно, когда что-то объясняю нудно... но только без нудности сложные вещи не объяснить. Хотите, про баб расскажу что-нить веселое и бодрое? И ничуть не нудное?

Он взмолился:

— Можно в другой раз?

— Почему? — спросил я удивленно. — Я много про баб знаю. Всякое-разное.

Он отмахнулся:

— Другие тоже знают. Скажите лучше это... нудное. Нудное, оно ж умное, да? Почему-то умное всегда нудное.

— Согласен, — сказал я. — У самого выворачивает челюсть.

— Все-таки буду счастлив послушать от вас, это же высокое доверие, когда о таком... Но сейчас...

Я вздохнул, ответил, скрепя сердце:

— Дорогой граф, человек боится необъятности мира. Нам всем страшно!.. Это зверь не понимает, кто он и что с ним, и потому не страшится, а человеку страшно. Человек страстно желает быть частичкой чьего-то плана, быть встроенным в какую-то картину... Отними это у него — запьет или кончит жизнь самоубийством перед лицом такой страшной неизвестности.

Он пробормотал:

— Лучше бы встроиться в хорошую картину.

— Язычники страдали от своего рока, — сказал я. — От судьбы!.. У них предсказано даже, как их боги погибнут. Зато христиане освободили от рока, дав взамен нечто намного более ужасное для слабых людей: свободу!..

Он посмотрел с сомнением, так ли понял.

— Свобода... страшнее?

— Ну да, — подтвердил я. — Раньше во всем был рок виноват, судьба, фатум! Человек как бы ни при чем. А теперь он сам виноват... если виноват. Слабым страшно быть свободными и самим отвечать за свои поступки!.. Даже христианин и то частенько обвиняет в своих престу-

пленнях родителей, не так воспитавших, или товарищей, не к тому подтолкнувших. Даже хозяина лавки, оставившего товар на видном месте... А то и вовсе судьбу, будто все еще дикари какие.

Он развел руками.

— Ну, это привычно...

— Да, — сказал я с раздражением, чувствуя, что говорю уже прописные истины, но они даже для меня еще не достаточно прописные, тем более это непривычно для таких вот простых существ, — да! Каждый из нас все еще не силен. А язычники вообще были по дефолту слабыми, потому и ссылались на судьбу, фатум, рок, против которых бессильны даже их боги. Мы христиане, но в каждом из нас еще сидит дрожащий язычник, он жаждет узнать предначертанное для него, как будто такое возможно!.. Вот на таких и наживаются астрологи и всевозможные предсказатели и гадалки. Пусть эта гадалка не наживается, у нее это из любви к искусству, но все равно она вредит... Да, вредит.

Он с испугом взглянул в мое суровое лицо, еще не зная и даже не догадываясь, что на самом деле мы принесли на остриях своих мечей в соседнее королевство, но чувствуя уже холодный ветер с пуританского Севера.

Часть II

Глава 1

День прошел в объезде ближайших территорий. В одиночку я все сделал бы за несколько часов, но не поймут, лорд такого ранга не может ездить один, так что граф Гатер взял десяток наиболее знатных рыцарей в свиту, и мы побывали у ряда соседей, чтоб те отныне знали и не забывали, кто здесь сюзерен.

Как я понял, в здешнем королевстве полный раздрай в развитии: столица с прилегающими землями уже в прогрессивной безбожности, но есть верные церкви земли, баронства и графства. Есть полудикие, а есть и совсем дикие, где поклоняются идолам. Отсутствие связей между землями создает пеструю чересполосицу, когда рядом могут жить, не общаясь, племена, отстоящие в развитии друг от друга на полтыщи и больше лет.

Мое герцогство, увы, должно считаться, видимо, очень прогрессивным, так как здешний народ к религии совершенно равнодушен. Не язычники, а именно безбожники. О том, что здесь все-таки было христианство, а не гнусное идолопоклонничество, можно догадаться только по вкраплениям в речь «О, Господи!», «Не искушай дьявола», «Прими душу мою»...

В Священном Писании правильно сказано: иногда стены рушатся от одного крика. Но одним криком ничего не построишь. Я уже вижу проколы и просчеты в ряде хозяйств, даже понимаю, как все

исправить, но с тоской зрю, что не могу этим немедленно заняться. Да, я здешний герцог, но я не только герцог, и у меня не только этот огород.

Жизнь — самое редкое, что есть на свете, а большинству людей знакомо только существование. Я тоже существовал большую часть своей жизни, а сейчас наконец-то ощутил, что можно еще и жить, но... когда?

Пообедали у ручья, граф ахнул при виде деликатесов, что я сотворил, а я туманно намекнул, что иногда чудесное здесь является совсем обыденным в других странах, и у графа сразу вспыхнули глаза, как два жарких факела.

Когда возвращались, спускаясь по косогорю узкой тропкой, внизу клубился туман, впереди четко прорисовывался холм с огромным черным замком, что плывет в ползущих внизу облаках. Свет падает с той стороны, и крепость кажется плоской черной декорацией на фоне быстро бегущих белых облаков и белесого неба.

Пять высоких башен смотрят в небо, накрытые остроконечными колпаками, края обрывистые, а у подножия холма торчат из тумана верхушки сосен.

Граф покосился на мое напряженное лицо.

— Не узнаете?

— Это же Альтенбаумбург? — пробормотал я.

— Он, — подтвердил граф. — Я сам долго не признавал, когда ехал с этой стороны. Не знаю, что за злое колдовство, отсюда замок какой-то не такой.

— Аберрация света, — объяснил я. — Не обращайтесь внимания.

— Это не колдовство?

— Нет, вовсе нет. У Господа нашего чувство юмора проявилось не только в том, что создал людей.

Со стен нас завидели издали, граф только поднял корту рог, намереваясь протрубить мощно и звонко, как ворота дрогнули и пошли в стороны.

Наверху блеснула красным в заходящем солнце булатнотелая фигура начальника гарнизона. Он помахал нам

издали, потом исчез, а когда мы проехали в ворота, встретил уже во дворе.

Я соскочил на землю, конюхи перехватили повод. Бобик сразу же ринулся в сторону кухни.

Паньоль отдал салют, осведомился почтительно:

— Обороноспособность, ваша светлость?

— Вкупе с экономикой, — согласился я. — Крепкая экономика — крепкая обороноспособность. Почему вон тот у вас без шлема?

Паньоль даже не оглянулся, ответил четко:

— Оружейник сейчас приклепывает боковые пластины.

— А-а, — сказал я, — это хорошо. А то я подумал, вольнодумцы... Шлем носить надо! Он формирует голову.

Он остался раздумывать над глубокой мыслью сюзерена, а мы с графом вошли в донжон. В холле шум, навстречу вывалился ошалелый слуга, трясет окровавленной кистью руки. За его спиной мечутся, как вспугнутые куры, люди и челядь, вскрикивают, ахают, всплескивают руками, как птицы крыльями.

Я вломился в зал, ко мне подбежал встревоженный Томас Кемпбелл, отвесил низкий поклон.

— Ваша светлость...

— Что стряслось? — потребовал я.

— Барон Гедвиг...

— Заболел?

— Хуже... Сейчас у него, слава Богу, отобрали меч, связывают.

У меня вырвалось:

— Господи, что с ним? Обезумел?

— Не совсем. Но...

— Подробности, — потребовал я. — Это мои люди, я за них в ответе... в какой-то мере. Барон показался мне таким скромным и сдержанным!

Вообще-то для меня юный барон навсегда останется тем, кто первым из здешних принес мне клятву верности,

а еще с ним проделала часть пути некая леди под видом его оруженосца, а потом исчезла.

Кемпбелл вздохнул скорбно.

— Эта скромность его и подвела.

— Как?

— Молод, ваша светлость, — объяснил он. — Жил в своем замке с родителями, выехал в свет вот только-только... Еще неопытен. Можно сказать, в этом замке впервые попал в столь блистательное общество знатных и благородных рыцарей...

— Хорошо-хорошо, — прервал я. — В чем его буйство?

— Хочет броситься на меч, — ответил он скорбно, но, как мне показалось, достаточно равнодушно, — пришлось забрать у него и все кинжалы.

— Из-за чего?

Он посмотрел на меня, развел руками.

— Вы не поверите, ваша светлость... но он напился.

Я переспросил тупо:

— Напился? И это все?

— Все.

— И что, — спросил я непонимающе, — нарушил какой-то обет? Например, не пить, пока не убьет троих гандерсгеймцев?

Он покачал головой:

— Нет, просто напился в кругу старших рыцарей. Но им ничего, бывалые, а его развезло. Орал похабные песни, порывался плясать, потом его стошнило прямо за столом... Когда пришел в себя, ну, вы представляете...

Я сказал резко:

— Где он? Ведите.

Он поклонился.

— Сейчас приведем.

— Да не его, а меня к нему!

Он поспешил к дальней двери в соседний зал.

— Ваша светлость, прошу вас...

Барон отыскался не в зале, а в грязном и пыльном чу-

лане. Его спеленали так туго, что не шевельнет и пальцем, а еще и привязали, растянув за руки и ноги, как паука, к спинкам ложа. Бледный и несчастный, он смотрел в потолок, лицо резко исхудавшее, под глазами синие круги, что и понятно — в помещении резкий кислый запах рвоты, но пол мокро блестит, только что вытерли.

Я остановился над ним, он поспешно опустил веки, на бледных щеках слабая краска сильнейшего стыда.

— Сэр Гедвиг, — сказал я осторожно, — вы напрасно... нет, не напрасно, это я уж чересчур... но вы слишком строго себя казните за то весьма неприятное... Все, что вы натворили, было вызвано неумеренным возлиянием, а это такая коварная штука.... никто из нас не избежал сей гнусной ловушки...

Он простонал, не открывая глаз:

— Ваша светлость, прошу вас... оставьте меня...

Я покачал головой.

— Сэр Гедвиг, это даже правильно, что все мы прошли через стыд и позор неумеренного питья хотя бы однажды. Господь сам подталкивает нас к этому, чтобы могли затем с пониманием и снисхождением отнестись к тем достойным уважения людям, кто вот так же переберет лишнего...

Он прошептал:

— Как я мог...

— Это были не вы, — сказал я мягко, — а та свинья, что живет в каждом из нас и которую мы обязались не выпускать, чтобы оставаться людьми. Но Господь посылает нам испытания, чтобы помнили об этом грязном звере внутри нас, смиряли, заталкивали сапогами вглубь, ибо омерзителен его облик, а последствия его свобод постыдны и плачевны... Однако, сэр Гедвиг, я бывал в вашей шкуре, поверьте! Напивался до скотского состояния, не в силах отказать тем, кто меня подбадривал и подзадоривал, гореть им за это в огне и лизать раскаленные сковороды... И потому я вас понимаю. И... прощаю. Это были не вы, сэр Гедвиг.

Он прошептал едва слышно:

— Это был я.

— Даже возьму на себя смелость сказать, — продолжил я, — через это испытание должен пройти всякий из нас. Это не больше, чем испытание. Господь испытывает нас не только в бою, сэр Гедвиг. Каждый день — испытание!

Он проговорил с трудом:

— Я не выдержал... я должен умереть...

— Хорошо, — согласился я. — За это вы умрете. Но не здесь. Отправитесь на праведную и угодную Господу войну в Гандерсгейм, там и погибнете. Но я накладываю на вас епитимью, как паладин, облаченный доверием церкви, прежде убить десять сильнейших воинов из той безбожной страны!.. Только так вы можете искупить свою слабость. Принимаете?

Он прошептал после короткого молчания:

— Да...

Я обернулся к дверям:

— Развязать барона Уроншида и вернуть ему меч!

Со двора доносится ржание коней, топот, сильные мужские голоса. Лорд Морган Гриммельсдэн, который из клана Горных Рыцарей, властно распоряжается, кому куда и кого за что, это прибыли его люди, часть — вассалы, часть — вольнонаемные.

Я посмотрел с веранды, рыцари Вестготии дождались наконец-то возможности поучаствовать в священной и справедливой освободительной войне, где можно захватить большие богатства и получить в управление просто огромные земли с покоренным населением. По крайней мере сейчас говорят именно об этом, слышу по обрывкам разговоров, уже знаю наизусть все обороты, гиперболы и метафоры.

За спиной послышались шаги Кемпбелла.

— Ваша светлость...

Я спросил, не поворачиваясь:

— Что у тебя?

— Прибыли старосты деревень...

— Хозяйственные вопросы, — сказал я нетерпеливо, — потом, потом. Сперва обороноспособность.

Все новоприбывшие почтительно преклонили колени, едва я показался из двери. Я кивнул высокомерно-доброжелательно, уже герцог, не какой-нибудь замухрышка маркграф, знаки внимания заметнее, надо привыкнуть.

Морган, веселый и взвинченный, подбежал ко мне, как поручик к маршалу, глаза блестят, рот до ушей.

— Двенадцать рыцарей, — отчеканил он, — и двадцать четыре тяжелых всадника!

— Хорошо, — признал я. — Все экипированы?

— Полностью!

— И готовы отправиться к побережью?

— Хоть сейчас, — заверил он.

Я осведомился:

— Даже отдыха не потребуется?

— В пути отдохнут, — сказал он бодро. — Дорога почти все время под уклон. Горят нетерпением, ваша светлость!

— Хорошо, — одобрил я важно, — это хорошо, да... Энтузиазм масс, да, весьма зело приемлем.

В ворота въехала роскошная повозка, украшенная серебром и золотом, окошко задернуто шелковой занавеской.

Граф Гатер посмотрел на коляску, перевел взгляд на Моргана, ухмыльнулся и пошел от нас, напевая что-то фривольное. Морган поглядывал в сторону коляски опасно, вздохнул, лицо слегка омрачилось, а из груди вырвался глубокий вздох.

— Берегитесь, ваша светлость, — произнес он тихо-хонько, — к вам прибыла вторая ошибка Бога.

— Кто?

— Женщина, увы.

— Красивая?

— Очень.

— Тогда пусть, — ответил я. — Может быть, это не было ошибкой, а каким-то дальновидным замыслом Господа? Неисповедимы Его странные пути.

— Замыслом? — повторил он растерянно.

— Замысел в том, — пояснил я, — что Господь всем нам посылает испытания. Большие и маленькие. Иногда размером с гору, иногда — с комара. На кого рассчитывает больше, того испытывает по всей программе.

Слуги подбежали к повозке, один подставил скамеечку и склонил спину, другой медленно, словно занавес на премьере, открыл дверцу.

Сперва показалась сверкающая золотом туфля, чуть-чуть блеснула гладкой кожей шиколотка, а дальше долго шуршал и переливался всеми цветами ворох платьев, одетых одно на другое, так мне всегда кажется.

Наконец появилась молодая и ослепительно яркая женщина. Ее сразу же принялись поддерживать под руки все оказавшиеся вблизи рыцари.

Морган вздохнул снова.

— Значит, — спросил он упавшим голосом, — советуете отказаться от ее... прелестей?

— Это слишком легкий путь, — возразил я. — А вот не отказывайтесь!.. Но и не влезайте.

Женщина что-то спрашивала у слуг, Морган смотрел на нее с тоской, спросил несколько обалдело:

— А... как?

— Не снимая лыж, — объяснил я. — Эх, теперь объяснить, что такое лыжи... В общем, на все вам отпускаю полчаса. А затем в седло и — галопом к побережью. Захватив всех своих доблестных рыцарей! Сумеете уложиться — Господь и дальше будет за вами присматривать, на вас рассчитывать. Нет — вычеркнет из списка.

Его лицо медленно светлело, словно из-за горизонта поднимается солнце и освещает его одного.

— Я оправдаю, — сказал он, — ваше доверие, ваша свет-

лость! Правда, я еще не успел собраться, как мои рыцари, я их прибытия ждал только завтра, но все равно через полчаса буду в вашем полном распоряжении! И сразу же выступлю.

Я сказал одобрительно:

— Действуйте, дорогой друг! Докажите, что мужчины пока еще рулят в этом мире.

Он кивнул и пошел к женщине, я видел, с каким усилием старается не бежать, не вилять хвостом, мир вроде бы еще принадлежит мужчинам.

Рыцарство обречено, подумал я, глядя ему вслед. Эволюция подчиняется великому дарвиновскому закону выживания зауряднейших. Единственное, что вообще-то можно сделать, — это чтобы на смену рыцарству приходило... рыцарство! Я еще не знаю, как это сделать, но ради достижения такой цели... даже ради попытки ее достичь могу в качестве торжественного обета отказаться от чревоугодия, сластолюбия и скотоложества. Вообще-то я и раньше ничем этим не увлекался, но пусть обет будет, все-таки серьезное ограничение наших вольностей, а высвободившаяся энергия пусть будет потрачена с большим толком.

Еще раз бросил взгляд в спину Моргана, он почтительно целует даме ручку, а она нетерпеливо поглядывает в мою сторону. Я, во избежание, отправился в свои покои, по дороге встретил Бобика, погладил, сказал, что да, люблю, в самом деле люблю.

Он унесся, счастливый, а я пошел к себе, отвечая на поклоны дворян и глядя поверх склонившихся голов челяди. Чем больше кабанчик нагуливает жир, тем опасливее посматривает на хозяина. Может быть, именно поэтому челядь меня заранее не любит и боится, все-таки при герцоге жилось вольготно. С другой стороны, еще есть люди, которые наглеют, если их ежедневно кормить, это учитывать надо любому хозяйственнику.

Как известно, есть несколько способов разбивать са-

ды, но лучший из них — поручить это дело садовнику. Здрavo поразмыслив, я вызвал Кемпбелла, тот явился моментально и склонился в поклоне, на всякий случай даже чуть перепоклонился, от перепоклона хуже не будет, а причуды нового хозяина не узнаешь сразу.

Я измерил его оценивающим взглядом.

— А скажи, любезный, насколько плотно герцог занимался хозяйством?

Он ответил осторожно:

— Да, ваша светлость... занимался.

— Всем?

— Ну, — ответил он, раздираясь между лояльностью к прежнему хозяину и стремлением не слишком соврать, — он предпочитал благородную охоту...

— Понятно, — согласился я. — Это главное для благородного человека. Благородная охота для благородного... ага. А ты больше по всякой мелочи, верно? Типа всех накормить, нагрузить работой, проверить исполнение, дать задания на завтра...

Он потупился.

— Все верно, ваша светлость. Вы как в воду смотрите.

— Вот и прекрасно, — сказал я с чувством. — Как говорят каменщики, большие камни не ложатся хорошо без малых. Верно? Продолжай руководить всем хозяйством и дальше. А я буду присматривать за тобой. За одним легче, чем за всеми этими бестолковыми муравьями. Никаких особых перемен не планирую, а если и будут, то быта особо не коснется. Да и вообще кузнецам зачем знать о переменах в высокой политике?

Он выпрямился, лицо от приятной неожиданности порозовело.

— Я счастлив служить вашей светлости!

— Иди, — разрешил я. — Ветер шумит и ломает ветви наверху, а у подножия должно быть тихо.

— Истинно мудрые слова, ваша светлость!

— Да-да, — согласился я, — я весь такой мудрый... Кстати, после гибели герцога, как я слышал, оживились разбойники. Наверное, им показалось, что я не так страшен, как Хорнельдон?..

Он смиренно потупился.

— Не могу знать, ваша светлость.

— Возьми бумагу и запиши, — велел я. — Мой приказ. Я, Ричард Длинные Руки, вступил в управление... нет, во владение крепостью и землями... можешь все перечислить, и приказываю прекратить все самовольства и грабежи. Все, кто ослушается, будут наказаны по всей строгости закона...

Он в недоумении поднял голову.

— Как-как?

— По всей строгости закона, — повторил я автоматически, поперхнулся. — Ах да, что это я... Последнее слово не пиши.

Он кивнул:

— Я так и подумал, что ваше сиятельство оговорилось. «...будут наказаны по всей строгости!» Все, записал.

— Отлично, — сказал я. — Промокни, высуши и вели обнародовать. Суровость властителя говорит о его человеколюбии, понял?

Он ошалело кивнул:

— М-да, конечно....

Будут наказаны по всей строгости, повторил я про себя. А потом это и станет законом. Когда утвердится, и если народ примет именно такое решение вопроса.

Глава 2

Морган, как и поклялся, явился через полчаса, гордый и несчастный одновременно, но на меня посмотрел честными глазами человека, выполнившего обет.

— Ваша светлость, я в вашем распоряжении!

— Надеюсь, — сказал я, — не очень нарушил ваши планы?

— Мои нет, — ответил он, — однако леди Эмили Дикинсон весьма удивлена. Даже изумлена, можно сказать.

— Никто ее раньше не игнорировал? — спросил я.

— Вы угадали, ваша светлость.

— Я вообще догадостный, — согласился я. — Но с ними надо ухо держать востро. Мигом на шею сядут и не дадут подвижничать. А что за жизнь без подвигов? И не жизнь, можно сказать. Надеюсь, Кемпбелл ее хорошо устроил. Она издалека?

— Нет, ваша соседка. Я тоже, кстати. Прибыла засвидетельствовать, как и положено, все-таки после смерти мужа управляется одна...

— И боится, — закончил я, — что могу отобрать ее землю?

— Или выдадите замуж, — добавил он, — за одного из своих рыцарей.

— Понятно, — сказал я. — Уже привыкла править одна? Давно овдовела?

— Недавно, — пояснил он, — но и при живом муже тоже... Есть женщины, что сразу берут в свои руки все хозяйство, чему мужья только рады. Леди Эмили как раз такая.

Я посмотрел на него с интересом.

— А почему вам самому на ней не жениться? Женщина молодая и красивая.

Он вздохнул:

— Ваша светлость, я не хотел бы оказаться тем мужем, которого ей навяжут. Это львица!.. А мы все предпочитаем покорных овец. У нас с нею просто дружба... хотя и странная.

— Чем?

Он развел руками.

— Однажды я ее, можно сказать, спас от бесчестья, а то и смерти. Хотя для таких женщин бесчестье и есть смерть.

С тех пор она, как ни странно, от меня отдалилась, хотя раньше общались без затей.

Я посмотрел на него с большим интересом.

— Ого! Вы ее заинтересовали настолько, что она боится попасть в лапы вашего обаяния.

Он улыбнулся польщенно, однако покачал головой.

— Для занятых делом женщин, — сказал он, — как я понимаю, садовник и есть просто садовник, каменщик — просто каменщик. Для женщин бездельничающих, их абсолютное большинство, и садовник, и каменщик — мужчины. А так как женщины — дуры и бездельницы, то для них мужчины в первую очередь именно мужчины. Для леди Эмили я отныне стал только ее спасителем, которого она почему-то побаивается, а вот как мужчиной не интересуется совершенно.

Я покачал головой, но смолчал, а он продолжал тяжело выстраивать аргументы:

— Вообще-то я и сам бы это предпочел, я таких женщин побаиваюсь, но с другой стороны... как-то задевает. Не то, чтобы обидно, я выше такой мирской суеты, себе цену уже знаю, прошла пора неуверенности, я не юный барон Гедвиг, но все же она должна бы замечать мою чисто мужскую статью, могучий разворот плеч, физическую силу и вообще прочие благородные черты, начисто отсутствующие у большинства соседней...

— Да замечает она, — сказал я беззлобно, — эти хитрые лисы все замечают!

— А почему не показывает вида?

— А потому!.. Сэр Морган, потому!.. Просто потому. Ждете от них разумных поступков? Тогда женщины потеряют половину прелести. Выпейте лучше вина, все пройдет. Вообще-то нам, мужчинам, лучше думать о Родине, а потом о себе... Я имею в виду земли Гандерстейма, его богатства и сокровища.

Он воскликнул жарко:

— Я пойду готовить рыцарей!

— Но не на ночь же глядя? — сказал я с укором. — Им, кстати, тоже надо чуточку отдохнуть.

Во дворе деловитая суета, у прибывших осматривают коней, двоих повели перековывать, из кузницы доносится стук молота, из пекарни несет ароматом свежего хлеба.

Неистовый закат охватывает все бескрайнее небо от востока и до запада. В западной части разверзлись пурпурные бездны, даже не облака, а раскаленные скалистые горы искрятся оранжевым огнем на сколах. По выгнутому своду замерли красные и багровые волны, похожие на застывающие потеки тверди расплавленного купола над миром, спасающего от чудовищ из космоса.

Трепет прошел по нервам, ощущение небывалого и величественного придавило с такой силой, что ощутил себя крохотнейшей букашкой перед таким величием. С душевным трепетом смотрел и смотрел во все глаза, пока нечто глубоко в вечно бунтующей душе человека не возмутилось: какого хрена? Весь мир и вся вселенная созданы только для меня, я — вершина мира и творения! Так что да, неплохо, неплохо. Одобряю.

А теперь пойду спать. Наверное. Если засну. Но пусть все знают, что пошел спать. Это показатель, или, как говорят теперь, сигнал, что уверен и спокоен, все идет хорошо и по-задуманному. А если кто решит, что явился беспечный дурак, то обломится. Я не дурак, по крайней мере не круглый. И спать не лягу.

Сердце мое дрогнуло, а сквозь меня, как через рыбью сеть с крупными ячейками, пронесся холодный ветер. Я быстро огляделся, ничего опасного, я один в своих покоях, это всего лишь вершины далеких гор заискрились от близости опускающегося солнца, почти белого, как накаленное в горне железо. Оно сползает медленно, однако

на крыши и башни уже пал печальный отсвет зловеще багрового заката.

За окном появились летучие мыши, теплые вечера — их время, в этот час воздух еще дрожит от рева жуков, возвращающихся нагруженными с пастбищ.

А потом наступит ночь...

Сердце мое трепыхнулось жалко и начало искать место, куда бы спрятаться. Непонятный страх рос, охватывал всего, я ощутил, что по широкой дуге обхожу стол и стулья, словно они могут превратиться в чудовищ.

Мужчина чувствует себя увереннее, когда берет в руки хотя бы палку. Я опоясался мечом и перебросил через плечо лук. Камень Яшмовой Молнии в кармане пояса, но пока не буду пытаться узнать, как он работает или срывает.

Странная все-таки вещь — интуиция, и отмахнуться от нее нельзя, и объяснить невозможно. В последнее время я начал полагаться на нее все чаще, хоть и ненавижу необъяснимое, но предчувствие неприятностей выручало меня достаточно часто.

И сейчас вот словно сквозняк проявился вон с той стороны и все усиливается, я поспешно отступил и затаился в темной нише моих же покоев.

Далеко-далеко зародилась холодная волна, пошла в мою сторону, высокая и страшная, хотя я ее не вижу, но с каждым мгновением тело охватывает холодом сильнее и сильнее.

Ледяная волна набежала, охватила всего не только с головой, но проморозила внутренности. Мир исчез, в полной тьме я хотел вздохнуть и не мог, грудь сковало льдом. В голове начался звон, сперва низкий, басовитый, затем участился, виски начали раскалываться от звенящей боли.

Холод пронизывал мое тело все сильнее, заболело сердце. Я пытался вздохнуть и не мог, грудная клетка застыла, кровь начала превращаться в льдинки, меня пронзило острой болью...

...Я чувствовал, что умираю, но в последний миг все ушло, хотя огромная льдина в груди осталась. Я смотрел на блестящую новенькую ограду из кованого железа, она моментально стала ржавой и зеленой от старости. Сверху донизу повисла зеленая плесень, длинные неопрятные космы свисают до земли. Я ощутил странное облегчение, все-таки ограда, не топь с крокодилами, но когда обернулся, сердце сжалось.

Я стою на краю огромного гнилого болота под темным небом. На западе громада черных туч безуспешно старается скрыть исполинскую луну. Та наполовину уже ушла за край неба, но и оставшаяся часть повергает в шок и почтительный трепет.

Она продолжала уходить на запад, но еще оставалась треть, когда на востоке заискрилось нечто вроде далекого бенгальского огня. Я снова застыл, как лягушка перед мордой огромного удава: выдвигается темно-красный край третьей луны, зловеще багровой, словно уходящее в закат усталое солнце.

По размеру вдесятеро крупнее обычной, по моей спине прошла дрожь, тот же знакомый призрачный блеск с неприятно красным оттенком, темные пятна морей, но размеры потрясают, будто резко сократила расстояние до Земли. Вообще такое ощущение, что если очень сильно подпрыгнуть, можно оторваться от нашей планеты и попасть под притяжение того колдовского мира...

Послышалось чавканье, затем булькающие звуки. В слабом лунном свете я увидел обнаженную женщину с широким телом и по-скифски огромно-вислыми грудями. Она медленно, преодолевая сопротивление гнилой воды, шла по темному болоту с широкой чашей в руках, похожей на миску для корма свиней.

Лунный свет вырвал из темноты каменные руины, из мутной воды торчит полуобрушившаяся стена, а с нее мрачно и слепо смотрит на мир ужасающая морда каменного человека-зверя.

Дно понижалось, женщине грязная тяжелая вода поднялась по грудь, наконец она остановилась и протянула чашу к морде зверя. Там колышется нечто темное, звериная морда, к моему ужасу, начала меняться. В слепых каменных глазах появилось осмысленное выражение, широкие ноздри раздулись, с шумом поглощая аромат из чаши, и тут же пасть приоткрылась.

Женщина держала чашу на вытянутых руках прямо у морды зверя, тот высунул толстый язык, коснулся им темной жидкости. Я услышал мощный вздох удовлетворения. Зверь начал лакать жадно, темные капли иногда срывались с языка, теперь я не сомневался, что это жертвенная кровь.

Женщина запрокидывала миску, зверь лакал все быстрее, а когда та начала позвякивать в ее руках, внезапно вытянул шею, пасть распахнулась, в лунном свете блеснули острые зубы.

Женщина вскрикнула:

— О, мой господин...

Чудовищная пасть сомкнулась на ее голове. Раздался хруст, я поспешно отвернулся. Глаза уже привыкли к тьме, далеко впереди некие высотные здания, больше похожие на скалы, в центре не скалы, а целые горы, на разных уровнях неприятно и зловеще горит множество зеленых огоньков.

Медленно, осматриваясь и прислушиваясь к каждому шороху, я пошел в ту сторону. Дорогу перегородила черная пропасть, снизу несет смрадом, я сделал несколько шагов в сторону, как подсказывает чутье, лунный свет указал на такой же черный висячий мост, почти неразличимый в темноте.

Туго натянутые канаты, заменяющие перила, обросли плесенью, а из прогнивших досок внизу торчат шипы, похожие на наконечники стрел. И мостик раскачивается под порывами злого холодного ветра.

Сердце колотится, в груди уже не страх, а странное от-

чаяние, словно я в аду, где никогда не увижу солнца, и вот так буду бродить вечно.

— Да пошли вы все, — прошептал я, немножко помогло, я сказал чуть окрепшим голосом: — Во имя Господа!.. Да сгинут враги Твои...

Мостик сильно раскачивало, подмывало броситься бегом на ту сторону, но уже знаю, что в таком случае раскачаю еще сильнее, меня просто вышвырнет в смрадную бездну.

Меня бросало то в жар, то снова в холод, руки и ноги тряслись, но сумел перебраться на ту сторону, там хоть смрад, разложение и ноги скользят по гниющим растениям, однако под ними твердая почва, и я шел, все убыстряя шаг, в сторону темных громад.

Они оказались то ли заброшенным замком, то ли собором проклятых душ, я прошел через широкий пролом, дальше изуродованные залы, в них тревожно и тягостно, словно в могиле. В груди все стиснулось в жалкий комок, даже дышать трудно, нечто давит и душит, словно предынфарктное состояние, вот-вот шарахнет, а я ничего не могу, только трусливо оглядываюсь и втягиваю голову в плечи.

Слишком все стало огромным, я, как муравей в сарае, но тому пофиг, а я подавлен размерами, унижен, что значит — наполовину побежден.

А вот ни хрена, сказал я себе зло. У древних египтян были и побольше масштабы, но где те египтяне? Так что размер не всегда имеет значение. Важнее, что за теми размерами...

Раздался тяжелый грохот, что-то неподалеку рухнуло на пол, под ногами дрогнуло. Донесся раздраженный рев, могучий и хриплый, так ревела бы крепостная стена, в которую больно угодили камнем из тяжелой катапульты.

Страх сковал мое тело, я с трудом заставил себя отступить за колонну, осторожно выглянул.

Долго ничего не происходило, наконец снова послышались бухающие шаги. Я замер, из сплошного мрака в

той части вычленилась громадная фигура и двинулась в мою сторону. Нечто вроде человека в полтора моих роста, но слишком короткие и толстые ноги, длинные мускулистые руки до колен, торс непропорционально огромен, с массивными мышцами груди.

Но не огр, тот выглядел бы красавцем рядом с этим уродливым полуящером, даже сам ящер был бы красавцем с его ровной блестящей кожей, а у этой мерзости на плечах и спине мохнатая плесень, похожая на глубоководные водоросли...

Кошмар из страшных снов, но дико и неправдоподобно, что его рука волочит по земле длинный и широкий, как доска, меч с загнутым концом. Таким целые деревья можно рубить с одного удара, как прутьики, что за чудовище...

Он остановился и повертел головой. Широкие, как у гориллы, ноздри раздуваются и схлопываются, под нависающей костью надбровья красными угольками горят мелкие злые глазки.

Я задержал дыхание, вдруг да слышит, а монстр поворачивал голову из стороны в сторону, принюхивался, недовольно взрывался. Я молча поблагодарил судьбу, в которую не верю, когда он все-таки замедленно шагнул дальше, но вдруг замер, снова повел головой и резко повернулся в мою сторону.

Пронзительный взгляд этих злых глаз как-то отыскал меня и за колонной. С сильно стучащим в панике сердцем я торопливо попятился, вытащил меч, показавшийся таким крохотным и ненадежным.

Монстр наконец увидел искомое, взревел и пошел короткими шажками, ступая тяжело, но уверенно. Я отступил, монстр зачем-то заходит слева, я следил за его руками с мечом и не сразу понял, что это не какой-то хитрый ход, а просто он загоняет меня в угол.

— Погоди, — сказал я срывающимся голосом, — давай договоримся!

Он рыкнул и взмахнул мечом. Я торопливо уклонился, широкая полоса стали пронеслась рядом и высекла сноп искр из каменных плит пола. Он снова поднял меч, я свой держал наготове, но пытаться парировать бессмысленно, медленно отступил вдоль стены.

— Перестань, — сказал я, — женщин здесь нет, из-за чего драться? Никто не смотрит, можно не выпендриваться...

Второй и третий удары прошли мимо, но все равно теснит, наступает, еще два-три шага, и упрусь спиной в угол. Четвертый удар я встретил своим мечом, но не парировал, а попытался слегка изменить его курс...

...Удар сотряс все тело, руки занемели до плеч. Я пригнулся и попытался выскользнуть из ловушки вдоль стены, однако он с неожиданной ловкостью подцепил меня ногой.

Пол и свод поменялись местами, зазвенели и затрещали, сминаясь, стальные доспехи. Во рту стало солоно, а затем сильный удар о стену и шум крови в голове...

Я сполз на пол, меч выскользнул из ослабевших пальцев, как мокрая тяжелая рыба. Перед глазами кровавая пелена, я инстинктивно качнулся в сторону, рядом затрещал, раскалываясь, камень стены.

На меня брызнуло искрами, я пытался ползти, но второй удар ногой бросил меня снова о стену, а когда я рухнул на пол, ощутил в смертном страхе, что справа и слева стены, а передо мной этот чудовищный монстр.

Он с торжеством взмахнул мечом и нанес последний удар, целясь мне точно между глаз. Я плечами чувствовал с обеих сторон стены, нельзя откатиться, в отчаянной попытке спастись выставил перед собой ладони и в жутком страхе сумел то, на что и не надеялся: перехватил лезвие сжатыми ладонями.

Монстр заревел в ярости, нажал сильнее, я некоторое время сдавливал лезвие, чувствуя, как миллиметр за миллиметром преодолевает мое сопротивление, вот-вот

вырвется и расколет мой череп. В мозгу мелькнула мысль, что даже рыцарские мечи хватаем за лезвие, это ж не дамасская сабля, быстро обхватил пальцами клинок и рванул.

Он пытался нажать сильнее, я с силой отвел полосу стали в сторону, извернулся и саданул изо всех сил ногами в живот. Он отшатнулся, даже сделал два шага назад, восстанавливая равновесие, а я быстро взглянул на свои пальцы: толстая полоса стали, предназначенная, как и колун, для раскалывания рыцарских доспехов, даже не надрезала кожу.

Монстр снова шагнул ко мне, однако я уже выскользнул из угла, хотя подняться он не дал, взмахивая мечом над моей головой.

Я отползал, не сводя с него уstraшенного взгляда, он шел за мной неспешно и торжествующе, меч протянул вперед и держал острием в паре дюймов от моего горла. Я отодвигался на заднице, руки беспомощно шарят по сторонам, но почему-то не нащупывают ничего такого, чтобы в этот последний момент его торжества пронзить его насквозь. Я бы еще нашел в себе силы сказать что-нить гордое и красивое, достойное мужчины... но что-то в мире неладно, не этому нас учили, должно же что-то вот прямо сейчас попасться под руку, должно... тем более что мой меч выпал где-то рядом.

Спина уперлась в твердое, я понял, что велик Темный Мир, но отползать некуда, позади стена.

Монстр с довольным ревом уронил меч, протянул ко мне обе лапы. Я судорожно дернул головой, отворачивая лицо с такой силой, что больно хрустнуло в шее.

Он что-то проревел, я не разобрал, но послышалось классическое: «Сейчас ты умрешь!»

Жуткие лапы ухватили, как тряпичную куклу, потащили к жуткой пасти, но мои пальцы за секунду до этого наконец-то ощутили под собой рукоять моего меча.

Глава 3

Сила, с которой сердце гонит кровь по венам, настолько велика, что если перерубаешь сонную артерию, красная струя бьет фонтаном в шесть футов высотой. Но это у людей. У этого зверя лопнули уже не вены, а даже не знаю что, густая кровь ударила с такой мощью, что одна из струй достигла свода и расплылась там огромной багровой лужей, начиная загибаться по краям под действием гравитации.

Лапы разжались, я упал на каменный пол, весь залитый горячей кровью. Он ревел и раскачивался, хватаясь за горло, а я начал отползать в страхе. Руки и ноги скользят в этой густой жидкости, будто двигаюсь по молодому льду.

Над головой раздался жуткий хрип. Я поспешно перекатился в сторону, а на то место, где только что барахтался, тяжело рухнула эта слоновья туша.

Звучно и сочно захрустели кости и суставы, для такого гиганта упасть даже с небольшой высоты — сломать шею. Я кое-как поднялся, весь в зловонной крови и чувствуя себя выкарабкивающимся на берег из липкого болота.

— Все умрем, — проговорил я с трудом, — но некоторые просто сдохнут.

Труп почему-то не ответил ничего типа того, что встретимся в аду или что будет ждать меня там, даже не шевельнулся, гад. Значит, не босса я завалил, главные сволочи еще в тени, а это всего лишь один из блуждающих бодигардов.

И хотя меня никто не видит, я все равно выпрямил, хоть и с трудом, горбатую спину и расправил плечи. Королева говорила, что когда воспитанная леди входит даже в пустую комнату, она должна держаться так, словно вдоль стен сидят рыцари и все смотрят на нее, а я еще та леди...

Издали слышались голоса, шарканье ног. Лук как будто сам прыгнул с плеча в руки. Я поспешно надел за-

щищающую руку рукавичку, вытащил стрелу и опустил на тетиву. В сером проеме входа показались неопрятные фигуры в балахонах. Я опустил лук, вдруг да можно договориться без драки, однако от них повеяло таким холодом и звериной жестокостью, что мои руки сами натянули тетиву.

Стреляй, сказал инстинкт, стреляй как можно быстрее, если ценишь шкуру.

Первую стрелу я выпустил, тщательно прицелившись, вторая, третья и остальные срывались как бы сами по себе, руки действуют привычно, пальцы ловко хватают, не глядя, за кончик, накладывают на тетиву и оттягивают в одно движение...

В полутьме я с трудом направлял стрелу в темные тела, но видел, как те вздрагивают, дергаются, одни падают сразу, другие цепляются за стены, пытаются идти в мою сторону.

Тетива сухо щелкала по кожаной рукавичке, я потихоньку пятился, этих балахонников что-то многовато, ноги скользят по слизи, здесь ею покрыты даже стены, торопливо поглядывал по сторонам.

Но остановились, когда я уже собирался повернуться и бежать; я взбодрился и заорал во весь голос, выпустил еще веер стрел.

Балахоны попятились, исчезли за выступами стен.

— То-то же, — прошептал я, сердце колотится, как овечий хвост, — человек — это все-таки гордо...

Совсем близко послышались тяжелые шаги, будто в мою сторону двигается каменная башня. Я в страхе отпрыгнул, дико огляделся. По ту сторону дверного проема появилась огромная темная фигура.

Я надеялся, что она там и останется, но неизвестный повернулся боком, наклонил голову и протиснулся в зал на эту сторону. Сердце мое перестало стучать и рухнуло в пропасть.

Это существо намного выше меня, а я почти гигант, в

зловеще черных доспехах устрашающего вида: с шипами во все стороны, как на груди, так и на плечах, даже на руках, меч в руке диковинно загнутый, с затейливой рукоятью, очень непрактичной, но тоже устрашающей...

Шлем, естественно, с жуткими рогами, наростами, выступами, словно поражен раковой опухолью, омерзительный дизайн, а для глаз узкая щель с блестящими полосками сверху и снизу, тоже для устрашения, пользы никакой.

Он шагнул, набычившись и глядя грозно, как травоядный динозавр, что старается выглядеть жутким и опасным.

Я сказал быстро:

— погоди, я не враг...

Он проревел:

— Враг.

Голос звучал мощно, но без оттенков, словно говорила металлическая статуя.

— Нет, — сказал я. — Враги — это плохо. Я — хорошо!

Он двинулся на меня, медленно поднимая меч и глядя сквозь прорезь шлема.

— Враг, — проревел он тупо. — Врага надо убить.

Если врага нельзя уничтожить, стучало у меня в голове, с ним нужно подружиться. Друга уничтожить намного легче. Но этот гад все никак не хочет ни дружить, ни даже разговаривать...

— Скажи мне твое желание, — предложил я. — Я помогу тебе его исполнить...

Он взревел:

— Убить тебя!

Я едва успел отскочить, лезвие просвистело возле моего плеча. Из дальнего пролома выскочило несколько фигур и ринулись в нашу сторону.

— Дурак, — сказал я.

Он снова вскинул меч, но я развернулся и бросился к башне. На месте двери темный пролом, но сама башня выглядит сносно. Я вбежал, ударившись плечом о вы-

ступ, вздохнул с облегчением: каменная винтовая лестница цела.

Я пронесся по ней, как смерч, и с такой скоростью, что голова закружилась, как у неумелой балерины. Последние два десятка ступенек дались тяжело, ноги отяжелели, а внизу уже бухают тяжелые сапоги.

На подгибающихся коленях я выскочил на ровную площадку с массивной каменной колонной в центре, что сужается до шпиля, тоже отвратительный дизайн с длинными острыми шипами во все стороны.

Под ногами прогибаются и потрескивают темного цвета доски, старые, но еще не прогнили, за спиной дверь, откуда я и выскочил, как трусливый заяц...

Поискал взглядом засов, железные петли торчат толстые, надежные, однако ничего подходящего на роль засова нет. Наконец сообразил выломать кусок из ограды, но запоздал: из проема выдвинулся этот гигант в черных доспехах.

Увидел меня и проревел:

— Враг. Убить.

Голос звучал ровно и мощно, эта сволочь ничуть не запыхалась, как я надеялся, ему ж подниматься труднее, а меч вскинул с прежней легкостью.

Я шагнул навстречу, но фехтовать не стал, быстро ударил в щель между пластинами на плече. Меч звякнул, его едва не вывернуло из моих рук, словно под толстыми пластинами чугуна прячется еще и прочная сталь.

— Гад, — сказал я зло. — Такой толстый, солидный, а гоняешься, как пес... Ты руководить должен, а не лично...

Он ударил дважды, я умело парировал, но не учел, что левая рука свободна, при замахе мечом он вдруг ударил свободной, кираса на моей груди затрещала. Я отлетел на три шага и больно грохнулся спиной на пол.

С радостным ревом он прыгнул на меня, и теперь я понял, зачем ему все эти устрашающие шипы на доспехах. В последней попытке спастись я успел согнуть колени и

встретил его сильным толчком в грудь, попав подошвами между шипами.

Его отшвырнуло на несколько шагов, и он упал спиной на острый шип колонны, где напоролся так, что острие вышло на локоть из груди.

Я торопливо поднялся, кроме этого огромного гада, сейчас сюда прибегут и мелкие, уже слышу их голоса внизу на лестнице, надо бы закрыть дверь...

Гигант, чья голова склонена на грудь, вдруг медленно поднял ее, глаза открылись и уставились на меня сквозь прорезь в шлеме. Меня передернул озноб, а он прорычал:

— Враг силен... Но это врагу не поможет.

— А что поможет?

Он рыкнул громче:

— Тебе этого не узнать!

Подавшись вперед, он снялся с шипа. В груди осталась дыра, крови нет, я устрешенно следил за его руками, он вскинул меч и пошел на меня.

— И не надо, — крикнул я. — Все сами...

Он начал размахивать мечом, я дважды ухитрился парировать, хотя руки немеют по плечи, наконец подбил ногой тот обломок перил, гигант шагнул нерасчетливо, толстая палка попала между ног, он запнулся и грохнулся мордой вниз.

Я прыгнул вперед и всадил меч между лопатками. Гигант задергался, послышалось злое шипение, скрежет, а по лезвию моего меча взметнулся ослепляюще яркий огонь.

Невольно закрывшись ладонью, я отпрыгнул. Огонь быстро исчез, я увидел сквозь пальцы на полу черное пятно в виде человеческой фигуры и серый пепел, быстро сдуваемый легким движением воздуха.

Внизу на лестнице крик становится все громче, мелькнул отвратительно зеленый огонь факелов их мира. Я быстро подхватил спасший меня обломок дерева и вставил в скобы.

Вокруг башни море зеленых огней, одни фигуры в балахонах бегут к двери, это же сколько их сейчас на лестнице, другие мечутся довольно бестолково, как глупые термиты.

— Свет разгоняет тьму, — пробормотал я, — но почему-то не разгоняет вонь...

Первая стрела ушла замедленно, будто выбирала цель, зато следующие пошли веером, я стрелял и стрелял в бешеном ритме, пока грохот сзади не заставил обернуться.

Дверь дергается, по ту сторону орут, визжат, затем одна доска треснула, в щель просунулся острый кончик топора, исчез, через мгновение ударил рядом, еще глубже.

— Мы еще поборемся, — сказал я. — Только не спешите...

Я присел, уперся руками в пол. Сознание помутилось, одно время перед глазами была темная пелена, затем что-то прыгнуло сверху, заскрежетали по костяной броне крепкие когти.

Торопливо приходя в себя в другом теле, я доковылял до края, напавший больно укусил в шею, но я сделал еще шаг и рухнул в бездну, распахивая широкие перепончатые крылья. Костяные щитки сдвинулись на шее, там взвизгнуло, я попытался ухватить наглеца лапами, но дотянуться не получалось...

...сверху ударило сильнее, потом еще, меня швырнул вниз, еще две твари повисли, уцепившись зубами, за правое крыло. Я торопливо пошел вниз, пока не успели перевернуть кверху пузом.

Темная земля набежала неожиданно быстро, я выставил лапы и пытался спружинить крыльями, однако ударило с такой силой, что хрустнули суставы, а во рту звонко щелкнули зубы.

Твари набросились яростно, рычали и вцеплялись зубами, когтями, шипами. Я перекатился на спину и обратно, часто и мелко хрустело, злобное рычание перешло в писк, затем оборвалось.

На востоке слабо наметилась долгожданная полоска восхода. Сердце мое ликующе затрепетало.

— Господи, — сказал я почти искренне, — даруй нам свет, а тьма исчезнет сама.

Но мир все еще чужой, странный и опасный. В ночи даже брошенная на спинку стула рубашка превращается в жуткое чудовище, вот-вот напрыгнет, только отвернись, потому сейчас надо присмотреться несколько иначе, а лучше не так уж несколько, а совсем-совсем иначе... на обычные вещи надо уметь смотреть по-другому, другим взглядом...

Из тьмы совсем близко выступили знакомые стены. Я присмотрелся и счастливо охнул, узнав Альтенбаумбург. Ни одного огонька в нем, мрачная черная громада, пропорции искажены, это не совсем тот Альтенбаумбург, в который я прибыл герцоговать... и все-таки это не отвратительное и смердящее болото...

Я прижался к земле, сознание начало мутиться, началось все еще долгое превращение в человека... хотя, как мне кажется, есть прогресс. Это у меня получается все быстрее.

Когда сознание очистилось, я выбрался из крупнозернистого песка и поспешил на холм, угадывая, что главные ворота окажутся с моей стороны.

За спиной послышался далекий хриплый вой. Я насторожился, всматривался непростительно долго. Наконец из сумрака выметнулись длинные гибкие тела.

Я охнул и попятился, торопливо срывая с плеча лук Арианта. Звери мчатся прямо на меня, крупные, как тигры, но с блестящими, как слюда, гребнями на спине от самой головы и до хвоста.

Пальцы мои наложили стрелу на тетиву, лунный свет падает на их головы, и руки мои застыли, как будто превратились в лед. Страшнее пастей вообразить просто невымыслимо, горящие дьявольским огнем глаза, полные

злости и ненависти, зубы как ножи, красные даже в ночи пасти...

— Да пошли вы все, — прохрипел я люто. — Да исчезнут, яко дым, враги Твои...

Горячая кровь пошла по телу трудными толчками, я поднял лук снова и, резко оттянув тетиву до уха, отпустил вместе со стрелой.

Бегущий впереди зверь дернулся на ходу, другие начали догонять, а он запнулся и ткнулся мордой в землю. Я начал стрелять часто, как можно чаще, твари подпрыгивали под ударами тяжелых стрел и падали в корчах на землю, но из тьмы выскакивают еще и еще.

Я оглянулся в страхе, до замка еще бежать и бежать, пусть быстрее меня нет стрелка, но половина этих тварей точно доберется до моей глотки...

Отступая, я убрал лук и, не доставая меча, ринулся со всех ног в сторону мрачных стен. Плотную, как камень, тишину взламывает только мое хриплое, рвущее грудную клетку дыхание. Ноги сперва несли быстро, словно убегающего оленя, но до замка оставалось еще несколько сот ярдов, когда я услышал их торжествующий рев и сопение почти за спиной.

Я выхватил меч и обернулся. Сердце трепещет и колотится уже в горле, ноги подкашиваются, а руки отяжелели, но я выставил перед собой острый клинок.

Твари приближаются из-за своих тяжелых тел короткими прыжками. Я содрогнулся при виде безумия в их горящих глазах, прошептал первые слова молитвы, какая пришла на ум, и, сжав челюсти, приготовился к схватке.

Далеко-далеко на границе слуха прокричал петух. Твари не остановились, одна опередила других на два корпуса, последний прыжок, я успел качнуться в сторону, все оставшиеся силы вложил в быстрый и сильный удар.

Чудовище рухнуло на землю, я быстро развернулся, остальные уже в двух шагах, одна за другой припали к земле и прыгнули...

...их тела на лету истончались, я успел увидеть сквозь них звезды, все понял и в бессилии опустился на землю. Ладонь левой руки упала на жесткую чешую твари Темного Мира. Осталась только срубленная голова, а тело истаяло, исчезло без следа.

Я посидел несколько минут, вздрагивая и заново переживая весь ужас, затем ухватил за блестящий гребень на голове чудовища, приподнял. На меня с неистовой злобой взглянули медленно тускнеющие глаза ночного монстра.

Красный огонь в жутких глазах все еще горит, хотя с каждой минутой слабее, пасть еще оскалена, острые зубы блестят, странные зубы — все резцы и клыки, ни одной пары жевательных.

На востоке в небе вспыхнуло алым огнем первое облачко. Я поднялся, держа отрубленную голову, и пошел в сторону замка.

Глава 4

Я почти не помнил, как прошел через ворота. Меня шатало, справа, слева и со всех сторон слышалось злобное рычание Адского Пса, я встретился с ним взглядом, и всего окатило холодом: шерсть на нем вздыблена, глаза горят, как факелы, верхняя губа поднялась, обнажая клыки вдвое длиннее, чем у этой твари. Вокруг суетятся люди, с меня сдирают побитые и погнутые доспехи, звучат испуганные голоса.

Марсель Паньоль отстранил челядь, все суетятся и вопят, а он подхватил меня под руку и почти понес к запахнутым воротам замка. К голове гончей Темного Мира притронуться никто не осмелился, я так и занес ее в покои и уронил там на пол.

Паньолю помогли усадить меня в кресло, над головой навис, жарко дыша, громадный, как бык, Адский Пес. Обжигающе горячий язык вылизывает мне лицо, началь-

ник охраны тут же исчез, как дым, а граф Гатер, чудовишно расплываясь во все стороны, выдворил встревоженных рыцарей. Челядины принесли по его указу большой медный таз с горячей водой и сунули туда мои босые ноги.

От боли я взвыл, но, странное дело, голова начала очищаться, в ступнях кровь разогрелась и пошла вверх по застывшему, словно в лютую стужу, телу.

В руку мне сунули тяжелую чашу, настойчивый женский голос бубнил в ухо, чтобы немедленно выпил.

Я вяло повиновался, поило тягучее, резко обожгло горло, словно хлебнул вина с растолченным перцем, из глаз брызнули слезы. Пока хватал широко раскрытым ртом воздух, взор прояснился, в комнате, кроме графа Гатера, к моему удивлению, обнаружилась Вельва, очень встревоженная и перепуганная.

С ее плеча спикировал дракончик и доверчиво сел мне на колено. Я вяло подставил ему ладонь, он бодро перебрался на нее, а потом, цепляясь за рукав, вскарабкался на плечо и там начал исследовать мое ухо.

Адский Пес уже снова стал просто Бобиком, лег было у моих ног, но сейчас поднялся и, облизнувшись, внимательно начал следить за дракончиком.

Вельва проговорила со вздохом облегчения:

— Все, его светлость уже вне опасности...

Гатер спросил недоверчиво:

— Точно?

— Наверное, — уточнила Вельва. — На сегодня.

Граф проговорил дрожащим голосом:

— Неужели... он был там? В самом деле?

Она повела взглядом в сторону отрубленной головы твари из Мира Тьмы.

— Посмотрите, граф, еще раз.

Граф взглянул коротко, побледнел и быстро повернулся ко мне. В глазах ужас, губы подрагивают, словно по ним стучат пальцем. Я сосредоточился, в моей ладони появился тонкостенный фужер с вином. Граф смотрел

озабоченно, как я выпил залпом, затем я создал точно такой же и протянул ему.

— Отведайте, граф. Это кагор, единственное вино, которое приемлет и даже одобряет церковь. Вельва, извини, тебе не предлагаю. Христианское вдруг да повредит язычнице? Я не знаю, насколько серьезны эти строгости.

Она слегка наклонила голову.

— Спасибо за заботу, ваша светлость. Вы правы.

Граф взял фужер с осторожностью и благоговением, осторожно отхлебнул, прислушался. По его лицу видно, что чувствует себя уже в раю, но я тут же вернул на грешную землю вопросом:

— Граф, теперь верите, что это не совсем... видение?

Он осторожно скосил глаза в сторону, голова ночного кошмара как будто еще сильнее оскалила зубы. Бобик, уже не обращая на нее внимания, обошел меня и наблюдал за дракончиком с гастрономическим интересом. Вельва следила за обоими с вымученной улыбкой. Бледные щеки графа стали еще блее.

— Ваша светлость... — прошептал он, — даже не знаю, что и сказать.

— Да так и скажите!

Он покачал головой.

— Знаю твердо только одно, с вашим появлением наше сонное существование кончилось.

— Это я обещаю, — согласился я. — Со мной вообще среди ночи будете вскакивать. С криком. Ликующим, естественно.

— Ваша светлость, — попросил он, — расскажите?

Я покосился на Вельву.

— А как ты здесь оказалась?

Она пробормотала:

— Чутье... Как будто кто-то с неба мне прокричал. Но очень настойчиво. Я поколебалась, но решила поверить.

Я поежился.

— Прямо с неба? Кто, ангелы?

Она поморщилась.

— Бряд ли ангелы. Со мной они разговаривать не станут.

Я подумал, но ничего в голову не лезет, сдвинул плечами.

— Ладно, это неважно. Слушайте и дивитесь...

Дракончик разобрался с устройством уха, начал карабкаться на голову. Острые коготки впивались в кожу, я терпел, он наконец залез на макушку и смотрел оттуда, вид у меня нелепый, ну да ладно, я неторопливо рассказывал, стараясь ничего не пропускать. Граф все косился на ужасающую голову твари из Темного Мира, всякий раз вздрагивал, будто под холодным дождем, а щеки покрывались смертельной бледностью.

Бобик подобрал задние лапы для прыжка. Дракончик понял, торопливо взмахнул крыльями, шлепнув ими меня по голове. Его вскинуло к люстре, где он уселся среди свечей и продолжал рассматривать нас, свесив голову.

Для пушшего эффекта я вообще не упомянул гончих Тьмы в числе серьезных противников, только небрежно сообщил, что на меня кинулось их множество. Пришлось побить тысячи этой мошкары, а одну штуку, как видите, захватил для трофея, а то что за коллекция в замке: то головы бедных оленей, то вепрюшек, то медведиков, все привычно, а вот такой чужеземный, даже чужеземный зверек все-таки любопытнее.

Я рассказывал бодро, даже самому противно, бахвальство какое-то, но мужчины не должны выказывать слабость, наконец спросил наигранно весело:

— И как вам?

Граф снова бросил испуганный взгляд на отрубленную голову.

— Как?... Сэр Ричард! Это намного ужаснее, чем я думал!

— Значит, не видение, — сказал я с сарказмом, но чувствовал, что сарказм не слишком уместен, лицо графа чересчур перекошено, а в глазах ужас. — А то вы почти меня

переубедили. Оно уже начало жрать меня, а я говорю себе: это видение, так доблестный граф Гатер сказал, щас перегрызет мне горло, я проснусь...

Он зябко передернул плечами, в глазах ужас продолжает расти. Вельва наконец пошевелилась, лицо тоже бледное, вытянувшееся, сказала просительно:

— Ваша светлость...

— Говори, — разрешил я.

— То, что вы рассказали, — сказала она слабым голосом, — просто ужасно. Голос с неба прислал меня не напрасно: мой отвар изгнал из вас яд Темного Мира, но не знаю, даст ли защиту дальше. И вообще не знаю, что делать и что вам сказать. Это ужасно, как видение, которого опасался граф, но намного ужаснее, если хотя бы частичка того мира попадет к нам.

— Что-то заразное? — спросил я. — А твой отвар?

Она сказала с отчаянием:

— Если сюда проникнет хоть одна тварь, за нею ползет такая жуть, что и представить нельзя. У нас просто нет от них защиты.

Сердце мое словно опустили в прорубь, я даже ощутил боль, но заставил себя мужественно улыбнуться и сказал наигранно бодро:

— Пока нет. Пока.

Гатер дернулся, спросил с надеждой:

— Ваша светлость...

— Утро вечера мудренее, — пояснил я.

Его лицо омрачилось.

— Ох, я уж думал, у вас что-то есть на примете. До утра, ваша светлость, нужно пережить еще грядущую ночь. Я верю Вельве, она мудрая. Я ее знаю давно.

— Переживем, — пообещал я, но сам ощутил, что бодрость слишком мильнопузырная, — мы всю жизнь переживаем то одно, то другое, а в редкие минуты затишья готовимся... гм... переживать то новое, что ждет за углом... Еще вина?

— Если можно, — сказал он обреченно.

Я хотел создать на этот раз виски или ром, но непри-
выкший к таким крепостям граф может инфарктнуться,
снова наполнил фужеры кагором.

— Прошу вас. А вообще, граф, я ожидал там чего-то...
ну, вы понимаете... На самом деле все так уныло, неинте-
ресно, обыденно... Вроде чертовщина, а морды знакомые.
Один ну прямо вылитый Кемпбелл, только цепь не на
груди, а из носа...

Я все-таки создал бокал некрепкого сладкого вина,
протянул напряженной, как струна, женщине.

— Это можно.

Вельва покачала головой.

— Ваша светлость...

— Что не так?

Она слабо улыбнулась.

— С благородными пить могут только благородные.
Вы с графом рыцари...

Я отмахнулся.

— Рыцарство, чтоб ты знала, благороднейшее свойство
мужчины в его отношениях с женщиной, если та ему не
жена. Так что ничто не нарушено. К тому же умных лю-
дей куда больше, чем благородных, так что ты здесь среди
своих. Это я к тому, что мы тоже с графом умные... Граф,
не обижайтесь! Да и не совсем ты простолюдинка, если
вспомнить. Пей, Вельва.

Она лишь прикоснулась губами, затем после осторож-
ной паузы пригубила, все ожидаемо, умные люди никогда
не хлебают незнакомое пойло, как свиньи, это делают не-
много погодя, затем осушила до дна и покачала головой.

— Странное вино, — произнесла она озадаченно.

— Чем? — буркнул я.

— Обычно маги не создают, — объяснила она, — а кра-
дут из чьих-то погребов. Но это...

Я поморщился, прервал:

— Так какие соображения насчет того мира? Думай-

те поскорее!.. Хотя день только начинается... но все равно потом придет вечер, кто бы мог подумать, а потом... Я хоть и дурак, но мне все равно страшно. И хотелось бы чуть больше защиты на случай, если снова окажусь там. А я окажусь обязательно! Что-то во мне такое интересное, хорошее не очень липнет, а вот всякое-разное...

Граф вздыхал, мялся, я видел по его сосредоточенному лицу, как пытается что-то придумать, брови поднимаются все выше, пока наконец, взлохмаченные и растрепанные, прилипли где-то в районе макушки, а глаза стали размером с блюда.

— Невероятно, — прошептал он. — Я все равно никак не могу даже представить! А вы там были. И даже вино пьете.

Я сказал со злорадной гордостью:

— Еще налить?

Он покачал головой:

— Нет, спасибо, я еще неделю буду пьян одним таким рассказом. Ваша светлость, вы сами не понимаете, что сделали. И никто, думаю, не сможет объяснить, как получилось.

— Почему?

Он тяжело вздохнул, посмотрел на Вельву. Она осторожно поставила бокал на стол.

— Спасибо, ваша светлость. Очень необычное и вкусное вино. А насчет того мира... В него может попасть только такой же темный человек, как и те... или еще темнее. Вы понимаете? Вы должны быть таким же чудовищем! Однако я не чувствую в вас темного зверя.

Я хмыкнул:

— Ну, насчет темного... Все бываем... не идеальными.

Граф завозился в кресле, я все-таки создал ему еще вина, уже покрепче, и он хоть и отказывался, но ухватился за фужер, как утопающий за проплывающую мимо мачту.

Вельва сказала с жалостью:

— Вы так и не поняли, ваша светлость? Простите за

такие слова, но я забываю про церемонии, когда волнуясь. Вы — чудовище, если говорить честно и прямо как у вас, мужчин, вроде бы принято. Вы попали туда как чудовище, и только как чудовище. Другого пути в тот Темный Мир нет. Да вы и сами видели, там оказались один, а ваш друг граф остался здесь.

Граф сказал с достоинством:

— Я был бы рад обнажить клинок рядом с его светлостью.

— Но вы здесь, — сказала Вельва. — И туда никогда не попадете.

Он зябко передернул плечами.

— И слава Богу! Но хотелось бы, чтобы и сэ́р Ричард туда не попадал больше.

Она задумчиво посмотрела на него, на меня.

— Если вы попали в Темный Мир, — проговорила она медленно, — вы не только доказали, что темный, но и должны были там все принять, как свое родное. Однако же...

— Может быть, — спросил я задумчиво, — я просто неуживчивый?

Она переспросила:

— А вы уживчивый?

— Да как сказать...

— Так и скажите!

— С одним уживаюсь, — ответил я. — С другими терпеливаюсь. Но там оказались все такие гады, что ни ужиться, ни столерантниться.... Граф, проследите лично, чтобы эту голову выделали, как следует, и над камином... Нет, там попортится. Лучше у входа в главный зал! Чтоб все видели.

Он не слушал, отпил вина и рассматривал меня поверх края с великим изумлением.

— Сэр Ричард, — проговорил он свистящим шепотом, — что-то в вас не совсем так.

— Ну-ну, дальше?

— Вельва говорит, — сказал он, — вы чудовище, но и... не чудовище. Я тоже вижу, что вы даже очень не чудовище. Хотя, конечно, если хорошо присмотреться... но зачем? Ни к кому не стоит присматриваться слишком уж, вы понимаете? Иначе друзей не останется.

Я буркнул:

— Спасибо на добром слове.

— Пожалуйста, — ответил он с готовностью, — да это я так, не подумавши! Я хотел сказать, что чудовище вряд ли угостило бы меня таким прекраснейшим вином! Скорее, само бы мною угостилось. Может быть, даже Вельвой, хотя она и костлявее... Но все-таки... как?

Я хмыкнул.

— Хотите назвать меня святым человеком и не решаетесь из природной скромности? Не скромничайте, сэръ Генрих, такую правду можете говорить прямо в мои честные бесстыжие глаза. И сколько угодно. Во мне темная сторона и светлая, как у всех нас. Господь вдохнул часть своей души в Адама, но Ева зачала от змея, вот у нас теперь эта двойственность света и тьмы. Человек хуже зверя, когда он зверь, но может быть и чище ангела... ну, это во мне говорит дьявольское самомнение. Но что хуже зверя, это точно.

Он все еще не мог оторвать от меня взгляда изумленных глаз.

— Но почему никто... кроме вас... не смог даже увидеть тот мир? Вельва, ты что думаешь?

Она поклонилась, не поднимаясь из кресла.

— Спасибо, что интересуетесь и моим мнением, благородный граф.

— Говори, — сказал я нетерпеливо, — не жди разрешения. Это вроде военного совета в самом узком кругу. Мы тут без церемоний, сама ж сказала. Насчет аристократов в нашем кругу забудь. Они выводят свои привилегии от первого в роду, единственного, который не был аристократом. Не смешно, если подумать?..

Она улыбнулась, в моей интерпретации в самом деле нелепо, сказала мягко:

— Другие не видят, потому... как мне кажется... что у них недостаточно тьмы в душах. Это и хорошо... Потому что, попади в тот мир, смогли бы там сражаться, не имея достаточно света?

Она осеклась, а граф произнес угрюмо:

— Ваша светлость, примите мои соболезнования.

Я изумился:

— С чем?

— Что вы такой... Что у вас такая жизнь.

Я отмахнулся:

— А, вот вы о чем! Знаете, даже в аду, если обживешься, то уже ничего. Тьмы во мне, вы правы, хватит солнце погасить, но и света, выходит, не меньше... Иногда кажется, мог бы устроить весну на Плутоне. Или растопить льды Нептуна. Но, конечно, свет в каждом из нас глубоко внутри, а вот говно... простите, тьма наверху. Да мы ее и не особенно прячем. По молодости да дурости даже гордимся, что можем насрать в приличном месте.

Лицо его стало жалким от старания понять, что же такое изрекает умное сюзерен, а я спохватился, не в своем же срединном, это там срать всюду — норма, да еще и разбрасывать в стороны полными горстями, а здесь все стараются быть как можно чище и благороднее. Возрождение «античных ценностей» еще не наступило.

— Свет нужно раздувать, — сказал я наставительно, — культивировать, оберегать, делиться с другими, а говно из нас лезет само. Ладно, сэр Генрих, а как насчет обеда?

Он дернулся, слишком быстрый переход от экскрементов к накрытому столу, взглянул с укором.

Вельва торопливо поднялась, поклонилась.

— С вашего позволения, ваша светлость...

— Сиди, — велел я.

— Но...

— Мы на поле битвы, — сказал я сурово, — а там и ко-

роль сидит у костра рядом с простыми ратниками. Граф, вы тоже не дергайтесь. Я надеюсь, разделите с нами трапезу?

Он прижал руку к сердцу и поклонился.

— Сочту за великую честь, ваша светлость.

Появились двое слуг, на лицах страстное желание моментально выполнить все желания такого хозяина, который по ночам ходит неизвестно где и возвращается в посеченных доспехах и с такими ужасными трофеями.

Граф сказал значительно:

— Обед для его светлости!

— Пока завтрак, — поправил я. — На троих. А до обеда надо что-нибудь еще.

— Съесть? — спросил граф.

— Придумать, — отрезал я.

Глава 5

Придумать не удалось ни до, ни после обеда. Измучившись непривычной работой, мыслить — не совсем рыцарское дело, я вышел во двор, челядь тут же испуганно разбежалась.

Высоко в небе пролетели три птицы, похожие на больших журавлей. Одна снизилась и, грациозно переваливаясь с крыла на крыло, прошла надо мной не слишком низко, я мог бы достать стрелой, однако замер, прислушиваясь к странно сладостному чувству, будто увидел райскую птицу, что вот-вот перенесет меня в сказочно прекрасный мир, где вообще не бывает тьмы и даже непогоды.

Птицы ушли в облака, я долго смотрел, даже когда их крохотные тела нырнули в оранжевое, словно жерло горячей печи, облако.

Марсель подошел осторожно, лицо встревоженно-виноватое.

— Ваша светлость...

— Говори, — сказал я нетерпеливо.

— Ваши доспехи... — произнес он, — увы, исправить не удалось. Очень уж вы там повеселились.

Я отмахнулся:

— Ладно-ладно, у меня простые. Подбери что-нибудь по моему росту. У герцога неплохой арсенал, я уже оценил.

Он с явным облегчением поклонился.

— Счастлив это услышать, ваша светлость. Я подберу самые лучшие. Ваши размеры я знаю.

Я хлопнул его по плечу.

— Хорошо. Действуй. А я пока пройду, Марсель.

Он спросил в спину:

— Ваша светлость, какие будут приказания?

— Бдить и защищать, — ответил я. — Марсель, я пока осматриваюсь. Стараюсь понять, что здесь и как творится. Как только соображу, появятся простые и ясные до глупости приказы.

Он деликатно промолчал, а я пошел медленно в головное здание, которое привычно называю донжоном по аналогии с привычным замком первого уровня.

Граф Гатер был прав, Альтенбаумбург строился на вырост, однако население крепости так и не заполнило пустоты, как взрослеющий моллюск слишком просторную сперва для него раковину.

Я обходил помещения внутри и снаружи, Бобик сначала следовал за мной, но ничего не происходило, и он, заскучав, помахал мне хвостом и отпросился малость погулять.

— Беги, жрун, — ответил я, — счастливое ты существо.

Он виновато улыбнулся, еще раз махнул хвостом и умчался. От массивных стен веет холодом, хотя солнце в зените, воздух накален так, что обжигает горло.

Высоко в небе пролетели снова крупные птицы, я вскинул голову, но в этот момент в массивных глыбах стены что-то колыхнулось, как мне показалось, словно

это не гранит, а серый туман, а тело мое пронзил острый холод.

Молодая женщина выступила из стены медленно, но совсем не призрачно, камни странно раздвинулись, словно не тяжелые глыбы, а заросли высокой травы, а когда она оказалась в зале, с тяжелым грохотом вернулись на место.

Холод охватил меня острее, но я заставил себя улыбнуться и сказал как можно спокойнее:

— Почему зло приходит обычно в виде красивых женщин?.. Вы что, исповедуете христианство классического типа?

Красавица обольстительно улыбнулась:

— Хочешь меня?

— Хочу, — ответил я, она медленно пошла ко мне, раскачивая бедрами и призывно глядя в глаза, но я воскликнул торопливо: — Погоди-погоди!.. Мы не животные и не демократы, чтобы вот так сразу. Мы не можем без прелюдий, ухаживания, комплиментов, знаков внимания...

Она подошла ближе, на лице улыбка, в глазах смех.

— Зачем тебе все это? Ты же хочешь меня? Хочешь, вижу. Так бери!

— Нет, — сказал я тверже. — Бесплатная любовь обходится дороже. Ты очень красивая, просто бесподобная, я не могу обидеть тебя, обращаясь как с простой крестьянкой.

— Крестьянкой?

— Да, — подтвердил я. — Кто из людей сможет устоять против твоей красоты и очарования? Да я сам плюну такому в глаза, хотя это вообще-то свинство — плевать людям в глаза, но я даже на это готов, потому что нет краше тебя на всем белом свете. Думаю, что нет и на всем темном, а также сером, желтом, красном, зеленом, лиловом, киноварном, сиенновом, умброженном...

Она слушала внимательно, наконец расслабилась, глаза заблестели довольством, а пухлые губы раскрылись в радостном удивлении. Я продолжал говорить, убалтывать

умеют даже местные, но за мной опыт веков, и она развесила уши, я говорил о ее восхитительной коже, о длинных загнутых ресницах, на которые можно положить по толстой гусенице, и не свалятся, о дивном разрезе глаз, все лани передохнут от зависти, о высоких аристократических скулах, такие могут быть только у королевы всего света, а про губы я смог наворотить столько всего, что она расчувствовалась и размякла до предела, в этот момент можно не только зарезать, но и раздеть до нитки, не заметила бы, глядя на меня замороженно и слушая, как она, оказывается, хороша...

Холод за это время выветрился, вроде бы опасность отступила, напротив, уже кое-где во мне весьма горячо. Я продолжал смотреть на нее с восторгом, это никогда не вредит, и когда наконец закрыл рот, все еще смотрел, тем более что в самом деле есть на что.

Она выдохнула нежным голосом:

— И ты... зная... как я хороша... все же отказываешься от меня?

Я ощутил, что попался, пробормотал неуклюже:

— Понимаешь... мы же мужчины... у нас на уме в первую очередь разбой и драки. Я должен догнать одного, вбить в землю по ноздри, а на обратном пути, если еще не будешь занята...

Она воскликнула с жаром:

— Я буду ждать тебя!

— Я загляну в твою норку, — пообещал я. — И мы... а, пошли они все, эти ритуалы! На обратном пути буду демократом. А это значит, как увидимся, так сразу! Без всяких целований ручек. Ну, ты меня поняла.

— О, я буду ждать с нетерпением, дорогой мой герой.

Она отступила на шаг, я зябко передернул плечами, когда она легко вдвинулась в камень. Точно, надо будет срочно привезти священника, пусть святой водой побрызгает. А то что-то моя паладинность не очень-то и за-

щищает. Наверное, потому, что самцовость подспудно борется, так что нужна помощь со стороны.

Я неумело перекрестился, сколько раз уже делал, а все чувствую какую-то несуразность и фальшь. Не мое все эти внешние проявления благочестия и принадлежности именно к этому клану. Господь и так читает в наших сердцах и душах, ему даже бормотание святейших молитв ни к чему, и так видит, кто из чего состоит, кто брешет, как попова собака, а кто без всяких молитв идет праведно и честно. Ну, как я, к примеру.

Солнце в зените, но каменная масса крепости не успевает прогреваться то ли после холодных ночей, то ли под нею течет река из жидкого льда, но каменные стены ощутимо холодные. В такую жару это, конечно, здорово, но что-то в таком положении и весьма тревожное. Я понимаю, нечисть еще не везде истреблена в обитаемых землях, но когда в собственном замке — это слишком.

Вернувшись, я, раздраженный и встревоженный, опустился за стол и попытался сообразить, во что вляпался на этот раз, как быть и как выбраться, сохранив шкуру.

Кемпбелл вошел тихий и почтительный, торопливо поклонился.

— Ваша светлость...

Я некоторое время разбирал бумаги на столе, ничего не понимаю в этих счетах, налогах и недоимках, а должен бы, положение обязывает, Кемпбелл стоит с покорно склоненной головой. Понимает, герцог занят. Может быть, даже догадывается, что новый хозяин выдерживает нарочито, приучает не лезть нахрапом.

Наконец я поднял голову, взгляд усталый и затуманенный, так надо, взглянул на него, словно впервые увидел.

— Что случилось?

— Вашей высокой аудиенции просит леди Эмили Дикинсон, — сообщил он с неподвижным лицом.

— Это кто? Ах да... Ты ее хорошо устроил?

— Да, — ответил он с достоинством. — В ее распоряжении лучшие женские покои.

— Хорошо, — сказал я. — Надо бы, кстати, посмотреть, что у меня там за женские.

— Изволите сейчас, ваша светлость?

Я удивился:

— С какой стати? Это было риторическое пожелание. Где эта леди Эмили сейчас?

Он сообщил с непроницаемым видом:

— В приемной вашей светлости.

Я подумал, хотя над чем тут думать, сказал расслабленно важно:

— Хорошо, пригласи.

Он вышел, тихохонько прикрыв двери. Я ждал, мучительно размышляя, встать ли навстречу или же принять сидя, разница в положении достаточно велика, глава государства вообще имеет право подавать руку женщинам первым...

Дверь приоткрылась, я не сразу заметил, что женщина сменила платье, тогда была в ярко-голубом, сейчас — в огненно-красном, но все-таки такая мелочь не ускользнула от моего зоркого внимания, какой же я наблюдательный, молодец, волосы полуоткрыты, а ленты там такие, что дунь — развяжутся сами.

Она сделала только шаг, как меня уже подняло из-за стола, проклятая рыцарственность, я с несолидной поспешностью вышел навстречу и склонился в вежливом поклоне.

— Леди Эмили...

— Ваша светлость, — произнесла она низким грудным голосом, от которого что-то шевельнулось пониже сердца, и присела в поклоне.

Я посмотрел на ее глубокий вырез платья, с великим трудом задушил рвущееся из себя «Зовите меня просто Ричард» и сказал вельможено-почтительно:

— Леди Эмили, позвольте вас провести к креслу...

Она подала руку, вот уж инвалид, а я собака-поводырь, так мы прошествовали целых два шага к креслу, которое я придвинул для тех особых посетителей, которых не смогу спихнуть на Кемпбелла.

Я выждал, стоя, как баран, со склоненной головой, пока она усаживается, взбивая платья и устраивая их так, словно это все ее необъятная задница, затем еще раз поклонился со всей учтивостью хозяина и вернулся к своему месту.

Увы, через стол разговаривать с красивой женщиной как-то даже не знаю, но что-то против, я вытащил кресло и поставил его рядом со столом сбоку, чтобы я оставался все-таки герцогом на работе и в то же время как бы создал некую доверительность.

— Леди Эмили...

— Ваша светлость, — сказала она мягким женственным голосом, — прежде всего позвольте поблагодарить за теплый прием.

Я отмахнулся:

— Да ладно, все стандарт. Не я его придумал. Но я рад, что неудобств не испытываете.

— Напротив, — воскликнула она пылко, — у вас все так чудесно! Просто великолепно!

Я ощутил, что сворачиваем на опасную тропку, а там такая дорожка, что и рад бы попятиться, да нечто не позволит, как неважному танцору, а оправдание всегда найдем: хорошее воспитание, манеры, то да се, так что улыбнулся доверительно и спросил в лоб:

— У вас, как я понял, какие-то сложности?

Она покачала головой, взгляд не покидает моего лица, выглядит мило, очень женственно, явно следит за собой, только взгляд не только женский, в нем чувствуется еще сила и проницательность, а это, понятно, совсем не то, что мужчины ищут у особей противоположного пола и считают милой женственностью.

— Спасибо, ваша светлость, — проговорила она, — я прибыла как раз потому, что в моих землях все хорошо.

Она все еще призывно улыбалась, несмотря на мой прямой вопрос, еще можно задержаться на уровне легкой светской беседы с ее шуточками, намеками, хи-хи, ах не надо, что вы делаете, но я велел себе держаться — когда же выработаю в себе надлежащую стойкость; поднял брови, изображая удивление.

— Леди Эмили! Просто не могу поверить, что вы оставили свои цветущие земли, чтобы полюбоваться на нового герцога!

Она легонько улыбнулась, узел на ленте в ее волосах на глазах заметно ослабевает, как они это делают, не представляю, волосы вот-вот хлынут по плечам, а женщина с распущенными волосами все равно что голая...

— Ваша светлость, — произнесла она с милым женским лукавством, — заслуживает того, чтобы со всего королевства съезжались посмотреть на героя, сделавшего невозможное! А вы это сделали. Но вы правы, я приехала по делу.

Я с облегчением перевел дыхание, стараясь проделать это понезаметнее.

— Слушаю вас, леди.

Она прямо посмотрела мне в глаза и произнесла с надеждой и отчаянием:

— Ваша светлость, мой муж умер, однако я успешно управляюсь с нашими владениями и все налоги вношу исправно. Умоляю вас оставить все так, как есть!..

Ее лицо покраснелось, в глазах влажно блеснули слезы. Лента на волосах уже едва-едва сдерживает тяжелую копну. Я старался отогнать этот образ, но все равно представил, как они освобожденно хлынут по плечам, упадут на спину и грудь... ага, на голые плечи и грудь, потому что женщина распускает волосы только в постели. Внутри меня разливается уже не тепло, а настоящий жар, и я понял, что сам по своей воле охотно поддаюсь простейшему манипулированию.

— Все, — повторил я задумчиво, будто есть над чем думать, — как есть... Простите, что забегаю вперед, но вы имеете в виду, видимо, совсем не административное или территориальное местоположение ваших земель...

Она торопливо кивнула, запруда в глазах переполняется слезами, вот-вот хлынут по щекам. Самый удобный момент, чтобы прижать ее к своей груди и утешать, поглаживая по голове, как ребенка. Мы ко всем женщинам предпочитаем относиться, как к детям, это нас возвышает, а плечи делает шире.

— Ах, ваша светлость!..

Я ответил с сочувствием:

— Это что-то личное?

Она кивнула, от этого движения слезы освобожденно побежали по щекам, прозрачные, чистейшие, как сверкающие жемчужины, и наверняка даже чуточку сладкие, вон она вся какая. Это не наши мужские слезы, что могут прожечь камень, если упадут на пол.

— Ваша светлость, сжальтесь!

Я удержал себя в кресле, как дурного кобеля за ошейник, сиди, скотина, пора научиться смирять свои животные порывы, и не маскируй их под сострадание к женщине, сам знаешь, что начни утешать, и через две минуты окажешься с нею в постели. А потом хрен расплатишься.

— Леди Эмили, — сказал я с великим сочувствием, — позвольте догадаться... Если я скажу что-то не так, немедленно поправьте, хорошо? Невзирая на то, что я ваш сюзерен...

Она торопливо кивнула, даже слабо улыбнулась, да-да, конечно, поправлю, а там посмотрим, какой ты сюзерен и кто вообще из нас сюзерен.

— Вы хотите сказать, — продолжил я, — но из врожденной женской деликатности не решается выговорить вслух... просьбу не выдавать вас замуж? Простите, что сразу беру быка за... рога.

Она кивнула и всхлипнула.

— Ах, ваша светлость! Вы сама деликатность и чуткость!

— Да-да, — согласился я, — кое-что чую, а как же. Не чуял бы, меня бы и куры загребли. Вы видели, как куры гребут? То-то.

— Ваша светлость, — воскликнула она, — это и есть моя просьба!

Я уточнил с тяжеловесностью тупого слона, но это нужно, чтобы потом не было никаких иных толкований:

— То есть вы замуж не хотите?

Она помотала головой:

— Нет!

Я сказал с сочувствием:

— С моей стороны было бы нечестно поступить так, леди Эмили, как вы подумали и предположили даже. Вы правы, если бы вы запустили хозяйство, люди бы у вас голодали, устраивали бунты, нападали на соседей, я был бы вынужден выдать вас замуж за одного из тех, кто железной рукой навел бы там порядок и обеспечил поступление доходов в казну.

Она вскинула голову, всматриваясь в меня с недоверием и надеждой.

— Значит, вы не планируете отбирать мои владения?

— Ни в коем случае, — заверил я. — Коней на переправе не меняют. Лучшее — враг хорошего. Если все идет хорошо, нужно быть дураком, чтобы менять что-то. Я похож на дурака?

Она сказала слишком быстро:

— Нет-нет, ваша светлость!

— Значит, похож, — определил я. — Но все равно замуж вас не отдам. Вдруг ваш муж окажется хозяйственником ни к черту? Он же все равно захочет всем управлять, мы это весьма любим! Так что ваши опасения напрасны.

Она прошептала с мольбой в глазах:

— Это... правда?

— Абсолютная, — заверил я. — Леди Эмили, вы правы,

мир пока несправедлив к женщинам. Но и вы должны признать, почти все они — набитые дуры. За редким исключением, как вот вы. Это не комплимент, это констатация факта. Вы не только красивая и весьма эффектная женщина, но и весьма умная, уж простите за применение такого непривычного слова к женщине, что кого-то может даже оскорбить. Но из-за дур дорога перекрыта и для вас, умных. Надеюсь, леди Эмили, у нас будет еще более подходящий повод повидаться. Я в самом деле, если честно, хочу развязать вот ту ленточку на вашем платье, но сейчас, как вы понимаете, это было бы нечестно как с моей стороны, так и с вашей. Похоже на взятку, которую вы суете мне, а я похабно принимаю.

Она поднялась, вся пунцовая, смущенная и не смеющая поднять взгляд.

— Простите, ваша светлость.

Я поспешно встал, сказал дружески:

— Это вы простите в моем лице мужчин, что принуждают к таким сделкам. Не ведают, свиньи, что творят.

Она медленно подняла на меня взгляд влажно блестящих глаз и прошептала совсем тихо:

— Господи, наконец-то во главе герцогства настоящий благородный герой!

Я улыбнулся.

— Да-да, милая леди, я люблю слушать такие вещи.

Она горячо запротестовала:

— Ваша светлость, на этот раз я ничуть не льстила!

Я сказал проникновенно:

— Если бы Бог был гуманистом, вместо десяти заповедей мы имели бы десять рекомендаций. Однако он дал именно заповеди!.. То есть приказы, говоря по-нашему. И относиться к ним должны, как к заповедям, как бы нос ни воротили. Думаете, мне самому нравится, что прелюбодейние каким-то образом попало в число запретов?.. Но, что делать, Ему виднее. Хотя если хорошенько подумать, то и нам видно, что Он прав, хотя побунтовать и по-

бурчать хочется. Но это сколько угодно, мы же свободные люди!

Я подал руку, она опустила пальчики на мой локоть, так церемонно прошли к двери. Слуги распахнули перед нами створки, молчаливые, как манекены.

Я еще раз поклонился и отступил. Двери снова закрылись, отрезая меня от этой хозяйственной леди. Надеюсь, она поняла, что я имел в виду, рассуждая экспромтом о десяти заповедях.

Глава 6

Вопреки распространенному заблуждению, не так уж и много желающих стать королем или даже герцогом. Но так как королевское кресло одно на все королевство, создается впечатление ожесточеннейшей борьбы за трон.

На самом деле в борьбу вступает обычно один честолюбец, редко два, а уж трех или четырех так и вообще вроде бы никогда не набиралось. Но чаще всего и одного не отыскивается, так что королевская власть чувствует себя в кресле уверенно.

Каждый стремится докарабкаться до уровня, где комфортно, но нагрузка чтоб терпимая. Марсель Паньоль, как я понял, вполне доволен своим положением, а к тому, что сменился хозяин, отнесся профессионально: его работа защищать крепость от противника, а что внутри происходит, меняется там что-то или все остается прежним, его касается мало.

Я с крыльца понаблюдал за ним, подозвал повелительно. Он подошел быстро, отдал салют.

— Марсель, — сказал я, — что еще в этом Альтенбаумбурге не так?

Он взглянул исподлобья, желваки вздулись под кожей, но ответил сдержанно и почтительно:

— Везде что-то не так, ваша светлость.

— Но здесь, — сказал я, — что-то особенное? И поче-

му все так испугались, когда я принес голову той ночной твари?

Он помолчал, взгляд отвел в сторону.

— Все знали, — проговорил он неохотно, — герцогу неуязвимость дали взамен... за что-то важное. Такие дары никто просто так не приносит. Когда слишком много предлагают...

Он умолк, в глазах колебание, говорить или нет, пойму ли, я сказал твердо:

— ...то лучше отказаться, ты прав. Это сыр в мышеловке.

Он кивнул, сказал уже чуть раскованнее:

— Иногда в крепости что-то замечали... странное. Очень чужое. Но когда герцог погиб, здесь будто незримый ураган пронесся.

— Что изменилось?

— Сперва, — произнес он, глядя в сторону, — только мебель. Вечером оставляли одну, а утром уже другая... Потом стены покрывались слизью, но слуги за утро отскребывали. А сегодня ночью так вообще... Одна из стен исчезла, зато две другие сдвинулись так, что срослись, а сама комната исчезла... И еще кое-где размеры уже не те, что были. Колдовство, но какое-то непонятное, цели не видно... Если хотите, я покажу вам кое-что...

— Давай, — сказал я. — Что-то делать надо, а что?.. Хотя бы какую зацепку.

— Это вряд ли сгодится, — сказал он, — но все-таки...

В южной части крепости, я ее еще не осматривал даже, любопытный архитектурный ансамбль: некое строение из камня в виде низкой, изогнутой, как свеча под солнцем, башни, что окружена тесной колоннадой, а между ними, закрывая собой проходы, расположились каменные бараны с широкими лбами и лихо закрученными рогами. Человек не протиснется, можно с той стороны бросать дротики и стрелять из лука, швыряться камнями.

Правда, бараны — не бараны, больше похожи на при-

земистых ящеров, да и вся постройка странноватая, словно строили безумцы, но я в своем срединном насмотрелся на архитектуру разных народов, древних и современных, восточных и западных, для меня это не шок, а вот для этих людей, которые знают только эту часть Запада...

Я кивнул в сторону ящеробаранов.

— Лихо... Кого они здесь олицетворяют? Судей?

Марсель, бледный и натянутый, как струна, сказал тихо:

— Это то, что появилось...

— Да-да, — согласился я. — Кто знает, что бараны у них означают. Может быть, рыцарскую стойкость и упорство в бою?

Он смотрел на меня почти с ужасом.

— Ваша светлость! Это появилось... этой ночью!

Я кивнул, сказал успокаивающе:

— Спасибо, Марсель. Ты не испугал, напротив — успокоил.

Он вздрогнул:

— Успокоил?

— Немного, — уточнил я. — Кто бы это ни делал, это дело рук людей. А то я уже такого навывдумывал!.. Демоны, звездные чудовища, иноземцы... в смысле, иноземляне. А это всего лишь люди. Правда, люди так далеко могут зайти, рядом с ними любые чудовища покажутся больше людьми... Но все-таки там люди, как я и подозревал. В основном люди. Спасибо, Марсель!

Он ответил удивленно:

— Не за что, ваша светлость. Вот уж не думал, что такое вот может поднять дух. Для меня это дело рук демонов!

Я поводил кистью руки в воздухе, словно изображал ныряющий по волнам кораблик.

— Да, но все-таки... ты не видел, что люди выделяются, вообще сумасшествие. А здесь просматривается некая логика, какие-то цели... Этим мне даже легче понять, чем неких авангардистов или андерграундников. Это не зна-

чит, что примем эту мерзость, но эту мерзость создали люди. А как драться с людьми — понятнее.

Он вздохнул.

— Если там люди, то больно странные.

— Ты прав, — согласился я, потому что даже рядовому солдату приятно, когда его хвалят. — Иной раз люди такие, что их собаки больше люди, чем они сами. Ладно, пойду думать дальше. А ты бди и докладывай даже о мелочах.

— Ваша светлость...

— Да?

— Разве это мелочь?

— В сравнении с тем, — ободрил я его так, что он побледнел, — что нас ждет дальше.

Похоже, меня давно не били головой о стену и не возили мордой по битому стеклу. Последняя вылазка едва не кончилась катастрофой, но взвинчиваю себя, подбадриваю и доказываю, что на этот раз буду еще умнее и хитрее, а главное — осторожнее и осмотрительнее. А вот если проявлю благоразумие и не пойду туда больше, рано или поздно все это само придет за мной.

И, боюсь, придет рано, а никак не поздно. Так что как ни сжимается сердце от ожидания неприятностей, идти надо. Хоть ужасно страшно — себе-то могу признаться, хоть как ни хочется — еще бы, но надо идти. Переложить на кого-то не получится, остальные еще хуже.

Ночь долго не могла сломить сопротивление неохотно уходящего дня. Уже и краски исчезли, и глубокие тени пролегли в залах, а дворец все тот же, затем я ощутил приближение могучего, грозного и леденяще опасного. Торопливо выглянул в окно, ожидая увидеть какую-то гигантскую волну то ли призрачного снега, то ли магического цунами, там в самом деле что-то на неуловимо быстрое мгновение исказилось, острый холод пронизал меня всего и ушел, оставив ощущение страха и безнадежности.

Я обернулся, в зале ни одной прямой линии, все искривлено, искажено, сдвинуто, словно весь замок из воска, который выставили на жаркое солнце, а потом снова убрали в холод, не дав расплыться в лепешку. Ужас все сильнее заползал в грудь, я судорожно вздохнул и напомнил себе, что это все местные штучки, защита, а на самом деле я вовсе не трушу, просто осторожничаю.

Не выходя из личины исчезника, я начал потихоньку продвигаться ко входу на башню. Тишина в самом деле мертвая, и сам замок как открытая могила, но вскоре я начал слышать голоса, шаги, впервые промелькнула вдали тень, затем нечто огромное прошлепало короткими, толстыми, как плавники, лапами через зал. Я рассмотрел чудовище размером с крупного ящера, лапы перепончатые и оставляют мокрые следы, словно только что вылезло из болота.

Ящер ушел, я тихонько выбрался из укрытия, а когда пересекал следы ящера, с отвращением увидел, что вовсе не вода, а слизь, будто гигантская улитка обзавелась лапами.

Потом зазвучали голоса, унылые и монотонные. Я тихонько подкрался к дверному проему, осторожно выглянул. Закапюшоненные фигуры в бесформенных балахонах согнулись в одну сторону, я увидел толстые веревки, тянут нечто вроде металлического гроба, очень тщательно и богато оформленного, с затейливыми ручками по бокам, фигурками на крышке, барельефами со всех сторон и всякими декоративными выступами.... которые, как я с холодком понял, вовсе не выступы.

От этого гроба повеяло близкой и недвусмысленной угрозой. Возможно, это и есть прекогния, но я отчетливо понимаю, что волокут некое оружие, способное причинить немало разрушений, и людей будет сметать десятками, если не сотнями.

Я мысленно провел линию их маршрута, тащат зачем-то на стену, там почти все время будут ярко освещены лу-

ной, только в одном месте окажутся в тени, это когда пройдут башню...

Внизу протопали когтистыми лапами два огромных приземистых тролля, хотя любые тролли рядом с этими покрытыми слизью чудовищами просто красавцы и аполлоны. Следом прошлепало ластами нечто жуткое, голова занимает две трети туловища, а в пасти может поместиться шкаф. Никто его не подгонял и не направлял, так что существо явно разумное и умеет действовать самостоятельно.

Та группа с гробом уже выволокла его через дверь на стену, тащат с хриплым воем, осторожничают, по верху стены хоть и могут разойтись двое стражников, но гроб застревает, опасно склоняется то на одну сторону, то на другую.

Впереди башня, передние распахнули двери и медленно втащились вовнутрь, а когда сам гроб приблизился к дверям, они уже начали выдвигаться из другой двери, я видел их во тьме только благодаря ночному зрению.

— Еще немного, — услышал я хриплый нечеловеческий голос. — Установим против входа...

— Да, господин, — проговорил кто-то усталым голосом.

— Все верно, господин...

— Ты всегда прав...

— И тогда, — проговорил первый нечеловеческий голос, — мы сметем все на той стороне...

Я пробормотал про себя:

— Пряма так и сметете? А меня вы спросили, ластонogie?..

С сильно колотящимся сердцем, а вдруг лук Арианта почему-то сегодня не работает в этом мире, мало ли что в прошлый раз косил, как серп траву, я вытащил стрелу и наложил на тетиву. Пальцы вздрагивают от напряжения, но заставил себя сосредоточиться, медленно оттянул до

уха, поймал взглядом цель и отпустил, после чего уже быстро выхватывал новые, стрелял и хватал еще и еще.

Когда первая с силой ударила одного в грудь и погрузилась по самое оперение, во мне все взвизгнуло от счастья: после вчерашнего так и не придумали защиты, так хоть нападение пусть на уровне...

Остальные стрелы бьют так же сильно и точно. Еще три фигуры рухнули на пол, остальные замедленно выжились и начали тупо оглядываться.

Выпустив еще четыре, я торопливо убрал лук, выхватил меч и бросился к упавшим. На груди у каждого на цепочке знак из неизвестного металла. Я быстро сорвал с убитых и сунул в карман, а затем, напрягши все силы, подвинул этот металлический ящик к краю стены. Он скрипел днищем по камням и пытался зацепиться, я сжал челюсти и толкал изо всех сил.

Наконец он завис над краем, качнулся. Я уперся в последний раз, отпрыгнул и, как только он исчез за краем, со всех ног бросился по ступенькам во внутренний двор, пересек освещенное луной пространство и вбежал в темный зал.

За стеной грохнуло гораздо громче, чем должно было от падения даже с такой высоты. Я прислушивался, там раздался приглушенный рев, но исполненный такой мощи, что кровь застыла в моих жилах. Рев стал громче, земля вздрогнула, замок трянуло, словно некий великан ухватил его и трясет, как медведь улей.

Дворец наполнился криками, воплями, я отчетливо слышал дикий страх:

- Что случилось?
- Как могло?..
- Нельзя Великому Воителю без обряда!..
- Это не Воитель...
- Это Воитель!.. Бегите...
- Где Посвященные? Пусть остановят...
- Спасите...

— Как он мог пробудиться?

— Бегите!.. Спасайтесь!...

Чей-то мощный голос прокричал, перекрывая все шумы:

— Уйдите с его дороги! Его сейчас никто не остановит. Пусть он отыщет того, кто сумел помешать...

Страшный грохот перекрыл все голоса и звуки. Дверной проем на миг потемнел, с той стороны его закрыла гигантская фигура, затем камни с треском вывалились на эту сторону.

В расширившийся проход шагнул великан. Огромный, в старинных доспехах, не то самнитских, не то пелопонесских, что-то из времен дорыцарских и очень дорыцарских, двинулся в пролом и остановился, угрюмый и набыченный, рассматривая зал горящими в прорези шлема глазами.

У меня представление о доспехах неразрывно связано с обликом рыцарей, хотя вообще-то полные комплекты изготавливались и для тяжелой персидской конницы, и для гоплитов Эллады, и для воинов еще более уходящих в древность эпох. На этом гиганте именно древность, досамнитская и еще какая, но страшен для меня в первую очередь ростом, вдвое крупнее меня самого, а еще тем, что это же он, судя по всему, восстал из того гроба.

Я выступил с этой стороны в проеме дверей.

— Эй!.. Я не враг!... Это я освободил тебя!

Великан повернул в мою сторону голову. Глаза вспыхнули красным огнем.

— Аргх... — проревел он. — Убивать...

— Только не меня! — крикнул я поспешно. — Я друг!.. Тебя тащили в гробу и готовились не то принести в жертву, не то сделать бессловесным рабом....

Я отпрыгнул, мимо меня просвистела каменная глыба. Великан, не спуская с меня взгляда, с легкостью выломал из стены другой камень. Я ждал, готовый уклониться, но великан злобно ухмыльнулся и пошел в мою сторону.

— Ну да, — сказал я нервно, — я такой дурак, вот прямо щас дам тебе сойтись в ближнем бою... Жди!

Он сделал вид, что замахивается, я отступил, шагнул под защиту стены и пробежал шагов двадцать. Сзади был грохот, треск. Часть стены вылетела, словно под ударом гигантской булавы.

Через дыру видно, как гигант двинулся в мою сторону. Я выбежал через другую дверь, пронесся по широкому коридору, готовый бить и рубить, но пусто, как большей частью и в Альтенбаумбурге. В одном месте ступеньки ведут вверх, ход достаточно узкий, я понял правильно и вскоре взбежал на стену.

Великан внизу ревел и крушил дубиной мебель, стены. Я встал в тень под защиту башни и снова сорвал с плеча лук.

— Нет уж, — процедил я сквозь зубы, — я уже не тот дурак... Сперва попробуем вот так...

Стрела пошла прямо в прорезь шлема. Я выпустил еще четыре, целясь в эту же щель. Внизу раздался такой дикий рев, что я ухватился за стену, оглушенный, даже ноги трясутся.

Великан в бешенстве начал бить дубиной в стену, спереди из шлема, как длинные ресницы, торчат прямые стрелы. Руки мои тряслись от радости, я выхватывал одну за другой из колчана и спускал тетиву, направляя стальные жала во все части тела гиганта, что открываются хоть на миг, а в этих доспехах то и дело мелькает голое тело.

Гигант ревел, крушил дубиной все, что попадалось под руку, потом тяжело развернулся, на подгибающихся ногах пошел прочь в темноту. Ко мне долетели звуки тяжелого падения, земля слегка вздрогнула от удара.

— Ну вот так, — проговорил я дрожащим голосом, — размер не всегда имеет значение... Нечего кому-то быть здоровее меня.

Я умолк поспешно, отпрыгнул и только тогда оглянулся. Совершенно неслышно ко мне двигаются две рослые

фигуры, обе с настоящими косами в руках, тоже в черных балахонах, лиц не рассмотрел, но что-то сильно смахивают на голые черепа.

— Да пошли вы...

Стрела уже на тетиве, в одно движение натянул и отпустил, со злобной радостью прослеживая и направляя взглядом путь. Стальное острие на длинном крепком древке ударило прямо в середину груди, ибо что там у этой твари...

...сердце охнуло и оборвалось. Стрела прошла насквозь, будто сквозь дым. Я тупо смотрел, как с силой ударилась в дальнюю стену, не потеряв убойной мощи, зло и со скрежетом чиркнула наконечником по камню.

Обе фигуры только начали поднимать над головой свои страшные орудия смерти, а я уже развернулся и бросился прочь. Ноги скользят по отвратительной слизи, мышцы трещат, будто бегу по льду, совсем близко темный проход...

Раздался грохот, впереди посыпались камни, провал в стене завалило, словно лавиной с горы.

Сердце колотится бешено, в голове жар, я снова натянул тетиву и повернулся к неумолимо надвигающимся тварям.

— Да исчезнут, яко дым...

Оба вскрикнули, словно одновременно их ткнули длинными раскаленными иглами. Тела дернулись, их исказило, будто в самом деле плотные струи дыма под движением воздуха начали медленно оседать.

Я с омерзением отпрыгнул: ноги обоих на глазах укорачиваются, превращаясь в темную грязь.

Одна тварь еще попыталась достать меня косой на длинной рукояти, вторая замахнулась и просто метнула косу в меня. Я пригнулся, за спиной лязг и скрежет, колени обоих существ вошли в лужу, я отступил еще и с содроганием наблюдал, как оба опускаются к полу, будто

две быстро тающие на солнце фигуры из перемешанного с угольной пылью снега.

Похоже, они даже не чувствовали боли и не сразу поняли, что с ними происходит, и тогда когда оказались в луже по грудь, начали вздымать руки и пытаться за что-то уцепиться.

Одна ухитрилась дотянуться до вывалившегося камня, пальцы вцепились и некоторое время удерживали на весу, но я быстро шагнул вперед, сильным пинком отбросил его руку, и обе фигуры в балахонах с тоскливыми криками опустились в лужу и растеклись в ней.

— И то неплохо, — сказал я, но подумал, что вообще-то веду себя, как свинья, забывшая родство, сказал благочестиво: — Все великолепно, Господи!.. Никаких жалоб!.. Спасибо, что помог!.. Честно, не думал, что молитвы — тоже оружие, да еще какое!...

Оглянулся, нет, завалено так, что и мышь не протиснется, а в каменной стене висит коса, погрузив изогнутое острие до половины в гранит, словно в глину. Вторая в липкой луже, я отступил, хотя мелькнула мысль подобрать, мощное оружие... но нам, мужчинам, нужна не только эффективность, но и красота, а какая красота в этой омерзительной штуке...

Та щель, через которую прошли эти двое, все еще слабо светится в темноте. Я ускорил шаг, через пару минут выскочил в зал, похожий на вырубленную в горном массиве пещеру.

Глава 7

Синеватый, словно губы мертвеца, и холодный безразличный свет обозначил верхушки каменных гробов, внизу все тонет в черноте. Гробы установлены в четыре ряда, а всего с полсотни, если не больше, я не очень уж в высшей математике.

Я ускорил шаг, отчаянно надеясь пробежать незамеченным, но загрохотало со всех сторон, тяжелые крышки со скрежетом начали сползать в сторону. Из двух-трех высунулись костлявые руки и уцепились за каменные края. Где-то поднялась голова, голый череп с пустыми глазницами, и медленно поворачивалась на белых шейных позвонках.

Мертвецы поднимались обезображенные, на некоторых уже истлели тряпки, но все берут кто меч, кто топор, кто-то вооружился булавой или палицей, кому что положили дураки при погребении, и все неспешно поворачиваются ко мне.

— Только обезьяна гордится своими потомками, — сказал я дрожащим голосом, — а я вот горжусь вами, своими предками!

Молча они выбирались из гробов, кто просто мертвец, кто полуистлевший труп, а многие так и вовсе скелеты, непонятно почему не рассыпающиеся костями, истлели все жилы и даже суставы.

Кто-то остановился и смотрит на меня тупо, но остальные пошли в мою сторону, неуверенно, раскачиваясь и подволакивая ноги, но все идут именно ко мне.

— Ребята, — сказал я нервно, — я вас чту, очень чту! Но — издалека. Из прекрасного далеко. Вы же знаете, большое видится на расстоянии. Это я о вас, чтобы вы не подумали, что всегда только о себе, любимом и прекрасном, как утренний закат...

Похоже, я говорил, как Аркадий Аркадиевич, слишком красиво, они двигаются ко мне, не вслушиваясь. Мечи и топоры в их руках блестят очень нехорошо, не люблю, им же советовали покоиться с миром, какой же это мир, слишком вооруженный мир, если даже мертвецы заупокойные от слова «покой», надо бы завести обычай класть покойникам в гроб удочку или кружку для пива.

Я отступил, мертвецы начинают двигаться чуть быстрее, движения скоординированнее. Один справа занес для

броска дротик, еще один отделился от остальных и начал заходить сбоку. Остальные пока еще прут толпой, но мечи и топоры уже ощутили в руках, поднимают для боя, кто-то вертит, вспоминая полузабытое чувство баланса.

— С другой стороны, — сказал я, — вы хоть и предки, но такого натворили, чего вами гордиться?

Тот, что с дротиком, замахнулся скованным пока что движением и бросил в мою сторону. Я легко уклонился, хотя и видел, что дротик пролетит мимо. На всякий случай отступил еще и еще, вытащил меч и огляделся.

Против такой толпы не выстоять, задавят.

— Изыдите! — заявил я. — Дорогу, морды!.. А то я вас так изыду...

Не отвечая, молчаливые, неторопливые, до жути одинаковые, словно их ведет одна воля, они шли на меня, отесняя к дверям, из которых я появился, оставив трупы и лужи слизи, и откуда скорее всего будет погоня.

Крест на груди нагрелся так, что начал жечь кожу, словно я тоже из этих, кого нужно огнем, мечом и святой водой.

Я сцепил челюсти, взмахнул мечом и сделал быстрый шаг, взвинчивая себя и метаболизм.

— Да воскреснет Бог, а вы, гады, сдохните!.. Не мир я вам принес, морды, ох, не мир...

Я сумел разбросать первые ряды и прорубиться сквозь основную массу, но в дверях на меня бросилась целая толпа. Я попятился, закрываясь подобранным с пола щитом и экономно размахивая мечом, чтобы ни один удар не пропал даром. Твари выли, орали, царапались, но у зомби замедленные реакции, я отступал до тех пор, пока не выкосил половину, а затем остановился, срубил еще троих-четверых и двинулся вперед, выкрикивая:

— Да расточатся врази Его!.. Они же и мои, кстати... К вящей славе Господа!.. И его доблестного воинства! Святая Дева Мария, надеюсь, на это непотребство не смотришь, только язычницы в восторге от гладиаторов,

но если вдруг бросишь взгляд, помни: эта темная кровь льется во славу твоего сына!

В последнем усилии я прорвался к двери, выскользнул в полуразрушенный проем и понесся через темный зал. По пути стоптал двоих, ударил кого-то или что-то мечом, а везде разрастается крик и шум, вот уж в самом деле Темный Мир, все у них так замедленно и замороженно, если захватывать им наш, то воинской силой номер не пройдет, будут колдовать, гады.

Справа появились три могучих тролля, как бы доказывая, что и силой могут, я начал пятиться влево, но и с той стороны из тьмы вышли блистающие крупной чешуей ящеры, а по моим следам в зал начали заходить мертвецы.

К счастью, в полутьме смутно проступили выщербленные ступеньки, ведут вверх, я торопливо метнулся в ту сторону. Скованная напряжением грудь наконец-то вздохнула свободнее, я пронесся как можно быстрее выше и только на середине пути к вершине понял, что вообще-то сам по-дурацки загнал себя в ловушку...

Снизу вой, топот, жуткий скрип когтей по граниту, я торопливо сбежал вниз на пролет, там сбоку узкая щель, протиснулся и вздохнул свободнее: верх стены!

В небе жутко огромная луна, такая страшная, что я пригнул голову и вообще втянул ее в плечи. Звезды слишком жуткие, острые, как наконечники стрел, ощутимо холодные, мороз бежит по шкуре.

Снизу завывли на разные голоса, заметили, подают другим знак. Я торопливо пробежал по стене, здесь настолько широко, что трое пройдут в ряд, но защищаться все же лучше, чем в зале. Могут зайти сзади, но хотя бы не окружат...

Во дворе шевеление, среди тварей появились огромные щиты, под их прикрытием вся масса начала подниматься со двора по ступенькам. Из башни в узкую дверь протиснулись зомби и остановились, поводя головами.

Я со страхом ощутил, что перехитрил сам себя. Слиш-

ком умный, а на умных достаточно простоты. Эти твари поднимаются по широким ступеням плотной массой, за огромными щитами не вижу, куда стрелять, и лук Арианта впервые окажется бессилён...

На этот раз не вывернуться, мелькнула обреченная мысль. Прыгнуть вниз?.. но с такой высоты останется мокрое пятно, никакая регенерация не спасет.

Я пробежал по верху стены как можно дальше, проскочил сквозь дальнюю башню, стопав и сбив внутри троих, а с той стены, что под углом, увидел, как снизу поднимается крутой косогор, заросший мелким кустарником и травой...

Сердце затрепетало в слабой надежде, но рассмотреть не успел, снизу по ступенькам с жутким воем поднимаются эти мерзкие твари. Мой меч начал бить по головам, некоторое время сдерживал, однако справа и слева на стене появились те, что давно гонятся за мной, я чуть отступил, чтобы не ударили сзади...

Подосва соскользнула на слизи, я упал, ударился больно спиной, смертный страх впился в сердце: падаю со стены! Ужас охватил с такой силой, что я взмолился: только бы уцелеть, ну что же это такое, я же должен остаться жив, я должен еще вернуться и надавать этим гадам...

Падал долго, затем сильный удар выбил дух, меня понесло вниз по крутому склону, трещат ветки, сильные толчки в плечи, бедра, я сгруппировался, кое-как закрыв руками голову.

Вселенная мелькала и крутилась, как юла. Наконец толчок, я с трудом понял, что все, кончилось, проглотил кровь во рту и попробовал подняться. Сильная боль пронзила тело от макушки до пят, я сцепил челюсти и заставил сломанное восстановиться как можно быстрее, а потом заковылял прочь от темной крепости.

Мир все еще пытался вертеть меня вокруг оси, я цеплялся взглядом за что-нить заметное и двигался сравнительно прямо, а потом перехватывался дальше.

Далеко за спиной послышался злобный разочарованный вой. Я сдержался от желания обернуться и, вскинув кулак, хлопнуть другой ладонью по бицепсу, не поймут, тупые. Хотя есть жесты интернациональные, а то и общие для любого мира...

Впереди начал приближаться жуткий лес, исполинские деревья переплетены в жуткую сеть, между ними свисают гигантские лохмы плесени, тины. Запах гниющих водорослей стал так силен, что я остановился, хорошо бы обойти...

Сердце радостно взвизгнуло, как щенок при виде обожаемого хозяина. На востоке медленно светлеет, вот-вот прокричат петухи, и уже чувствуется, как приближается та особая волна незримого света, что не от солнца, потому что первозданный свет — это особый свет, а солнце и прочие звезды с луной созданы опосля, вот сейчас весь Темный Мир исчезнет, останется за гранью, я спасен!..

Я оглянулся, сердце барабанит о грудную клетку, как ни измучился, но я победил, а раны на победителях всегда заживают быстрее, чем на побежденных... и вообще...

Дыхание остановилось, вот оно, то радостное тепло и ощущение счастья, уже на горизонте, уже близко...

Теплая волна приблизилась, налетела, искупала в счастье. Чудовищный лес из водорослей и плесени исчез, на его месте радостная оливковая роща, красивая и декоративно растопырившая ветви. На опушку выбежала самка оленя, чутко поводя длинными смешными ушами, за ней бежит, жалобно бляя тоненьким голоском, крохотный олененок на длиннющих подгибающихся ножках...

Я остановился и, переводя дыхание, неспешно оглянулся. Страх стегнул по нервам с такой силой, что едва успел качнуться в сторону. Мимо пронеслось, оставив на щеке омерзительную слизь, нечто гибкое, как ящерица, а дальше вон бегут еще с десяток.

Одурев от ужаса, я оступился и покатился с холма, в

голове закружилось, а перед глазами эти оскаленные морды, выпученные глаза, блестящие зубы...

Внизу я подхватился и бросился со всех ног в сторону далекого Альтенбаумбурга, его мрачные громады не спугают ни с чем, но... почему эти твари здесь?

Я бежал, а впереди наметилась и начала расширяться странная полоса. Сердце сжалось, раньше разума сообразив, что это край гигантского разлома, который я видел со стены крепости. Ужас пронзил с головы до ног, колени начали подгибаться, однако за спиной свирепый рев гремит громче и торжествующе, я слышал, как все ближе трещат под тяжелыми лапами камешки, почувствовал жаркое дыхание...

Остановиться и драться, мелькнула безумная мысль. Погибнуть с оружием в руках!

Нет, они мое тело на растерзание не получат, я из последних сил надал, край ринулся ко мне, как волна цунами, я оттолкнулся и прыгнул в пустоту.

Внизу острые камни, ничто не спасет, мокрое пятно останется, сейчас бы в птеродактиля...

Нечто острое вцепилось в мои плечи, кожаный дублет затрещал, но падение замедлилось. Сердце выскакивает из груди, я с огромным трудом повернул голову. Надо мной с огромным усилием бьют по воздуху большие, почти прозрачные и очень знакомые крылья.

Земля приближается слишком быстро. Я задержал дыхание, собрался, удар, меня перекаатило несколько раз по сухой каменистой земле, дальше я вломился в кустарник, переломал кучу веток и остановился наконец, чувствуя боль во всем теле.

Когда я поднялся, Иллариана лежала там же, где и упала, руки раскинуты беспомощно, кровь на щеке, изорвано платье, левая стопа неестественно вывернута.

Я быстро вправил ей ногу, Иллариана застонала и открыла глаза, такие огромные, лучистые, я ощутил, как по мне прошла незримая теплая волна счастья.

— Ты... цел, — произнесла она тихо, — прости, я надеялась, что смогу тебя удержать...

— У меня нездешние пропорции, — сказал я, задыхаясь от боли в сломанных ребрах. — В смысле, зад тяжело. Иллариана, как ты решилась?

Она приподнялась, села, снова посмотрела на меня, все еще с тревогой, но внимательно и с вопросом в ясных глазах.

— Я думала, разобьемся оба...

— Не разбились, — заверил я. — Ты очень сильная.

Она покачала головой:

— Нет... Мы почти разбились. Спасибо, ты залечил мои раны.

— Совсем немного, — заверил я. — Царапины. А вот ты спасла мою шкуру, это точно. Она не слишком ценная в выделке, но я берегу ее, как память. Позволь, я помогу тебе встать.

Она грациозно подала мне руку, сама императрица не смогла бы протянуть с таким достоинством и женской грацией. Я галантно поднял ее, настолько удивительно легкую, что просто не понимаю, как она могла решиться хватать меня в падении. С таким собственным весом и кошку унести проблемно.

— Зачем ты это сделала? — спросил я.

Она ответила несколько растерянно:

— Не знаю... Однажды так остро захотелось увидеть тебя... и чтоб ты снова взял меня на руки! Это такое волшебство, с ним ничего не сравнится. Я только об этом и вспоминала.

Я легко подхватил ее на руки. Ее тело, поистине птичье, показалось невесомым.

— Вот так?

Она обняла за шею, прижалась всем телом. Я едва слышал счастливый шепот:

— Да...

Я осторожно прикоснулся губами к ее золотым во-

лосам, пахнут спелыми травами, счастьем и женским теплом.

— Ты просто чудо. А вот я дурак.

Она прошептала:

— Ты человек... А почему дурак?

— Ничего не понимаю, — признался я. — Откуда эти твари?.. Почему я сам сглупил, я же мог попытаться сам превратиться во что-то с крыльями...

Она шепнула в ухо:

— Да, ты мог бы, я чувствую. А откуда эти твари?.. Я не понимаю. Это ужасные существа. Ужасные!

Ее пробил холод, она задрожала и прижалась ко мне. Я стискивал ее в объятиях, нес бережно и старался укрыть от всего на свете, хотя мог только выставить локти.

Сердце мое стучит счастливо, но холодная струйка пробежала по спине, страх кольнул в сердце.

Я спросил как можно спокойнее:

— Ты их знаешь?

— Этих нет, — ответила она тихо, — однако поняла, откуда они.

— Откуда?

— Они не из этого мира, — объяснила она очень серьезно. — Это древние, очень древние... они из прошлого. Потом Новые их изгнали, а дверь запечатали.

Я проговорил:

— Все запечатанное разве нельзя отпечатать?

Она покачала головой:

— Нет. Но они, похоже, отыскали другую лазейку. Трудно поверить... И не могу понять, как это могло случиться. А ты не знаешь?

Она повернула голову и смотрела искоса, но взгляд прям и честен, я ощутил себя, как уж на раскаленной сковородке под ее по-детски правдивым взглядом.

— Не знаю, — пробормотал я. — Хотя догадки есть...

Она все так же, не сводя с меня взгляда, попросила тем же мелодичным голосом:

— Скажи.

Я пробормотал:

— Это как-то связано... со мной. Еще не знаю, как... Я ничего не делал, просто прибыл сюда и вступил во владение хозяйством. Понимаешь, теперь я герцог. А это значит, с того момента отвечаю, чтобы и овцы сыты, и волки целы, и желательно пастуху уцелеть... Но еще когда ехал сюда, мне приснилось на постоялом дворе, что я очутился в темном Мире!.. Я туда не ломился, клянусь. Готовился ко сну, как вдруг р-р-р-раз!... и я в этом же дворце, который совсем не таков. Сад стал каким-то кошмаром, вместо птичек — жуткие рептилии с крыльями, а вместо челяди шастают чудовища с вот такими, не поверишь, хвостами!..

Ее лицо стало озадаченным.

— Ты ничего не делал?

— Клянусь!

— Ладно, верю. Я вижу, когда врут или скрывают. Но почему...

Я хотел хлопнуть себя по лбу, но на руках это нежное неземное существо, так трогательно обнимающее меня за шею, я только и сумел, что пробормотать:

— погоди, а не связано как-то с предыдущим герцогом? Некая фея пообещала ему защиту от всего, что может быть найдено на земле. Но у меня меч из метеоритного железа, чего дура фея не предусмотрела! В общем, герцог убит... Фея могла рассердиться?

Она воскликнула в тревоге:

— Ну конечно! У тебя опасный враг!.. Если, конечно, та фея жива и вообще помнит о своем давнем подарке.

Я пробормотал:

— Вообще-то я человек невезучий. Что может у меня сломаться — ломается. Так что наверняка фея жива. И к тому же уязвлена, что ее заклятие кто-то сумел разрушить. Ее как-то можно найти, поговорить с нею? Я бы все объяснил...

Глава 8

Она смотрела почти с жалостью, мы за это время приблизились к крепости, ворота распахнулись, навстречу выметнулся плотный черный ком и понесся в нашу сторону.

Чтобы не свалил с ног, я опустил Иллариану на землю, сам встал впереди, однако Бобик меня поразил: обогнул на большой скорости и с ходу, резко затормозив, ткнулся головой в Иллариану.

Я был готов, что снова зарычит, но он как чувствовал, что это существо теперь на нашей стороне, его башка уперлась ей в подбородок, она гладила это счастливо сопящее чудовище и чесала за ушами, глаза смеялись. А уж про Бобика и говорить нечего, расчувствовался и расхрюкался так, что мне стало стыдно за соратника.

— Бобик, — сказал я с укором, но счастливый, что все обошлось, — ты же лютый зверь!.. Что с тобой?

Иллариана улыбнулась одними глазами.

— Он тоже чувствует, — объяснила она.

— А я что, не чувствую?

— Он лучше, — объяснила она и пояснила с детской дотошностью. — Чувствует лучше. Он хороший.

— Эх, — сказал я с безнадежностью, — уже вижу, как вместе умчесь на кухню...

Стражи на воротах вроде бы не удивились, что их лорд ночью ушел в свои покои, а утром снова возвращается со стороны гор, побитый и потрепанный, в изрубленных доспехах с засохшими пятнами крови, и в сапогах, где на одном вовсе нет подметки, а вместо голенищ болтаются лохмотья кожи со следами огромных зубов.

— Ваша светлость, — сказал один преданно и стукнул в землю тупым концом копья.

— Ваша светлость, — сказал второй. — Только прикажите!

Я покровительственно улыбнулся, мол, благодарю за службу и еще больше — за желание послужить сверх нор-

мы. Оба гордо и понимающе переглянулись, не всем выпадает счастье служить у человека, умеющего ввязываться во все приключения.

Во дворе нас встретил Марсель Паньоль, сразу же уставился на мои искореженные и помятые доспехи. Стражи топтались за его спиной, таращили глаза и вообще старались не дышать. Иллариана смотрела настороженно, по большей части держалась за моей спиной, пальцы ее все время касаются толстой шкуры Адского Пса, а этот толстый гад лижет ей руку.

Паньоль осторожно потянул что-то из моего плеча.

— Ваша светлость...

Я скосил глаза, пальцы Марселя вцепились в обломившийся коготь обитателя Тьмы, тот пробил стальную пластинку, как лист лопуха, и застрял.

— Берите, берите, — разрешил я. — Ожерелье потом составите.

Он долго старался выковырнуть, но сдался и отступил. Я сказал с рассчитанным благодушием:

— Оружейник все вытащит. Но доспехи пусть починит до вечера.

Его суровое лицо застыло, бросил осторожный взгляд на Иллариану, произнес дрогнувшим голосом:

— Ваша светлость...

— Все в порядке, — заверил я. — Враг бежит, бежит, бежит...

— Ваша светлость, — сказал он с суровой почтительностью, — осмелюсь заметить, что и эти ваши доспехи проще выбросить. Позвольте подыскать вам снова новые?

— Позволяю, — согласился я. — Только учитывай мои довоенные размеры. Эти в предплечьях тесноваты.

— Простите, я это учту.

Я вытянул руки в стороны, стражники быстро и умело освободили своего сюзерена от железа, Паньоль окинул взглядом меня с головы до ног и покачал головой.

— Боюсь, придется менять и всю одежду.

— Не жадничай, — сказал я кротко. — Высшее богатство — отсутствие жадности.

Он неумело улыбнулся, свирепое лицо стало почти человеческим.

— Для вас здесь ничего не жалко. И никому.

Стражники бегом понесли детали моего доспеха, но, как я заметил, не к оружейнику, а прямо в кузницу.

Паньоль снова бросил взгляд на замершую Иллариану, но я о ней молчу, и он снова сделал вид, что мы вот только вдвоем, спросил осторожно:

— Ваша светлость, вы собираетесь и этой ночью...

— Как получится, — ответил я легко. — Я вообще-то с дамой... Кстати, сапоги тоже пусть заменят.

Он посмотрел на мои голые ноги, зябко поежился.

— Да, конечно. Жаль, не бывает железных.

Я улыбнулся, он сконфуженно умолк, стальной панцирь пробит когтями так, что годится на решето, а это значит, и железо не очень-то спасает.

Я сказал громко:

— У меня сегодня гостя, благороднейшая леди Иллариана изволила нанести мне визит.

Марсель молча поклонился, в глазах вопрос, что это за леди без пышной свиты и вообще без сопровождающих, но смолчал, герцог им достался тоже с причудами.

— Я распоряжусь, — сказал он наконец, — чтобы подали вам прямо в покой.

— Спасибо, Марсель, — поблагодарил я. — Ты все понимаешь.

Он снова поклонился, вряд ли что понял, но все равно похвала приятна, а заслуженная или нет, менее важно.

В моих покоях Иллариана огляделась и тут же устроилась с ногами в кресле, свернувшись в такой тугой клубочек, что рядом можно посадить Бобика.

Он молча и преданно сопровождал нас, с Илларианы не сводил глаз, на меня поглядывал с таким выражени-

ем, словно хотел сказать: а здорово нам повезло отловить такую?

— Здесь хорошая еда и вино, — сказал я, — но мне так хочется самому послужить тебе!.. Позволишь?

Она посмотрела большими глазами, я ощутил оторопь, читает мысли, что ли, наконец она сказала серьезно:

— Да, если хочешь.

— Для тебя очень хочу, — заверил я.

— Хорошо...

Впервые я создавал с таким радостным чувством все эти бифштексы и ромштексы, всевозможные копчености, крабовое мясо, икру красную и черную, потом спохватился и принялся заставлять столешницу всевозможными десертными вкусностями, что тают во рту, и чувствовал, что могу создать все-все, что когда-либо ел. Память сохранила не только вкус икры, но и ее состав, когда желудочные соки скрупулезно расщепляли на составные части, и я уже без боязни опозориться заполнил деликатесами все свободное место, а в центре водрузил высокую чашу на длинной ножке с воздушно взбитым мороженым.

Иллариана сперва смотрела с восторгом, затем лицо стало грустным, в глазах поселилась печаль, она вздохнула тяжело, а во взгляде я отчетливо увидел сострадание.

— Ну как? — спросил я хвастливо. — Берешь меня в слуги?

Она проговорила жалобно:

— Неужели и ты...

— Что? — испугался я и быстро оглядел себя со всех сторон. — Что у меня не так?

— Все, — ответила она, во взгляде я видел безмерную жалость. — Неужели и ты... такой же обломок прошлого, как и все мое племя?

Я дернулся, торопливо сел рядом и обнял за хрупкие плечи. Она сразу прижалась ко мне, женским инстинктом отыскивая защиту у большого и сильного.

— Я не обломок, — прошептал я на ухо. — И я не из прошлого.

Она вздрогнула, попыталась слабо высвободиться, но я не отпустил, и она послушно затихла.

— А кто ты?

— Да вот все стараюсь понять, — сообщил я. — Как только решу, что понял, тут же брык — и все меняется!.. Понимаю, что ничего не понимал. Прямо бешусь.

Она спросила серьезно:

— Почему?

— Приходится признаваться, — объяснил я, — что был дураком. И поступал по-дурацки. Зато теперь ого-го, самый умный!.. И так всякий раз. Снова и снова.

Она покачала головой, в глазах непонимание.

— А ты разве не умный?

— Еще какой, — заверил я. — Ты ешь-ешь. Или клюй, если тебе удобнее. Ты хищная или как?

Она улыбнулась.

— Нет, если я верно тебя поняла.

— Жаль, — сказал я с огорчением. — Столько мяса наворотил, аж лед в костях!..

— Сам ешь, — предложила она.

— Ну да, чтоб ты меня считала зверем. Тогда уж и я по вегетарианствую. Или повегетарианю. Премию получу от «зеленых». А мороженое тебе можно? Вот это?

Я наслаждался, глядя с нежностью, как опасливо трогает это странное блюдо, пробует, затем с осторожностью подносит к губам, ест — ура, глазки блестят, красный язычок ловит стекающие капли, там взбитая смесь сливочного, пересыпанная дроблеными орехами и украшенная отборной клубникой, ярко-красной, нежной и сладкой...

— Бесподобно, — прошептала она. — Сказочно. Просто невероятно. Блюдо королей, да?

— Да, — согласился я, вздохнул, — да, конечно. У нас там одни короли. С вот такими соплями.

Серебряная ложечка загребала молочную стружку все

медленнее, наконец Иллариана вздохнула и задержала ее в воздухе.

— Ты очень не хочешь говорить о том, что случилось? Я помедлил, покачал головой.

— Честно говоря, не хочу. Ты слишком нежная, трепетная, как только что выбравшаяся из кокона бабочка... вся цветная и с непотрепанными крылышками. И хотя знаю, живешь даже не миллиениумы лет, а эоны, все равно такая хрупкая, что у меня сердце рвется от нежности и жалости. Почему не могу разорвать себе грудь и спрятать тебя туда, чтобы всегда была в безопасности рядом с моим сердцем?

Она слабо улыбнулась.

— Ты прав, мы пугливые и хрупкие... однако, возможно, я больше тебя знаю...

— Это бесспорно, — согласился я.

— Я о тех существах, что гнались за тобой.

— Скажи, — предложил я. — Но мороженое все равно съешь.

Она вяло ковырялась в нем ложечкой, выгрызая пещерки и создавая гроты, взгляд стал отсутствующим.

— Это гончие Тьмы, — проговорила она медленно. — Они не живут в лесу... вообще не живут сами по себе.

— Много времени прошло, — заметил я. — Может быть, уже прижились? Одичали, как мустанги. Даже как собаки динго?

Она покачала головой.

— Их послали по твоему следу. Из того мира. Ты очень точно назвал его Темным.

— Дураки, — ответил я. — Я когда удирал, по дороге видел такое стадо оленей! А что взять с меня? Жесткое мясо в железной упаковке.

Она не спускала с меня очень серьезного взгляда.

— Все-таки не понимаю...

— Чего?

— Тьма не может сама пройти в этот мир, — объяснила она.

— Но как-то же проходит?

Она вздохнула тяжело.

— Увы...

— Но как?

— Обязательно, — сказала она, — кто-то должен быть на этой стороне.

— А этот кто-то как проходит? — осведомился я.

Она тряхнула головой.

— Прости, я плохо объясняю. Он не проходит оттуда. Он уже здесь. Кто-то из людей, кто родился и жил в этом мире. Только он может протянуть ниточку в тот мир. И только с его помощью они могут вот так...

— Ага, — сказал я знающе, — это как дьявол, вампир или любая нечисть не может войти в дом к человеку, если тот сам лично не пригласит. Когда я об этом узнал, то решил было, что таких и спасать не стоит. Сами, мол, пригласили, а теперь вопят.

Она улыбнулась.

— А теперь?

Я скривился.

— Да, милосердие, оказывается, есть и во мне, хоть и совсем каплевидное. Все-таки некоторые не со зла, а по дури или по свойственному дуракам бунтарству против устоев и за дьявола. Таких, если нетрудно и по дороге, ладно уж, спасу.

— А если придется сапоги запачкать?

Я отмахнулся.

— Тогда лучше пусть тонут. В конце концов, нам для того и дадена свобода выбора, чтоб каждый своей головой думал, а не на предсказания оглядывался... Так ты говоришь, кто-то с этой стороны открывает дверь?

Она вздрогнула.

— Уже не дверь. Теперь ворота. Кто-то очень-очень сильный.

Я пробормотал:

— Кажется, догадываюсь...

Она вскрикнула в испуге:

— Кто?

— Тот, — сказал я медленно, — кто меня ненавидит особо. И потому начал открывать эти ворота сейчас. Когда прибыл я.

Она спросила сдавленным голосом:

— Ты говоришь о... Темной Фее?

— Да, — сказал я. — Знать бы, где эта зараза прячется.

Она покачала головой.

— Она не прячется. Она может быть просто недоступна. Ни простым людям, ни колдунам, ни самым сильным чародеям. Она... фея.

Я пробормотал:

— Думал, феи заняты своими крылышками и в мир людей не вмешиваются.

— Обычно так, — согласилась она, — но бывали исключения. Редко, но бывали. Правда, ни одна раньше даже не смотрела в сторону Темного Мира...

Я спросил быстро:

— Тебе он знаком?

Она опустила взгляд, лицо стало таким печальным, что я ухватил ее в объятия и прижал к груди. Она затихла, я прижался губами к ее макушке, жадно вдыхая запах волос.

— Нам всем, — прошептала она едва слышно, — знаком... очень знаком.

Я спросил осторожно:

— В прошлом?

Она зябко передернула плечами, голос прозвучал хрипло и отчужденно:

— Это они... уничтожили наш мир. Я не знаю, как это случилось, я родилась уже в изгнании. Мой народ превратился в племя, а потом нас остались единицы... Глава нашего рода взял с нас клятву не умирать до тех пор, пока не сумеем восстановить свой народ. Или хотя бы увидим, как погибнут эти люди Луны.

— Люди Луны, — повторил я. — Они пришли с луны?

— Никто не знает, — ответила она очень серьезно, — но появились они, когда на небе засияла луна. Сперва была ярко-красной, там бушевали бури, а на земле моря выходили из берегов и разрушали целые города.

— Значит, — переспросил я, — вы вообще долунные?

Она кивнула:

— Да. Это было так прекрасно: ночь и звезды...

— Теперь тоже так часто бывает, — сказал я. — В новолуние.

Она вздохнула.

— В отличие от вас, людей, мы луну видим всегда. В тени или освещенную солнцем. Это наше проклятие. Темный Мир очень хорошо защищен. Намного лучше, чем этот. Ты уже понял, чистые люди туда не проникнут, ни один паладин туда не попадет и повредить не сможет. А тот, кто сумеет пройти через незримую стену... его душа достаточно черна, чтобы уже был своим.

Глава 9

Я молчал, прижимал ее, баюкал в объятиях, прикасался губами к ее золотой голове, вискам, щекам, захватывал уши и чуть-чуть прикусывал, Иллариана закрыла глаза и затихла, словно заснула.

Наконец я сказал то тяжелое, что очень не хотел говорить, ее доверие ко мне рухнет в пропасть, или может рухнуть:

— Иллариана... гончие Темного Мира гнались за мной... оттуда.

Она зашевелилась, спросила сонным голосом:

— Что?..

— Они попали сюда, — объяснил я с великой неохотой, — потому что помчались за мной прямо из Темного Мира.

Она произнесла еще сонно:

— Но этого не может быть...

— Но это было, — заверил я.

Она вздрогнула, попыталась высвободиться из моих рук, но я сжал крепче, удержал.

— Как это случилось? — прошептала она.

Я подумал, помялся, женщины здесь дуры, что им объяснять и рассказывать, но, во-первых, и я не здешний, и она не совсем отсюда, так что, возможно, понимает даже больше меня, теоретически такое возможно, хотя вероятность, конечно... гм...

— Не знаю, — ответил я с откровенностью отчаяния. — Я не собирался ни в какой Темный Мир! Просто это случилось. Там, на постоялом дворе, был только сон, а когда я прибыл в Альтенбаумбург, это моя здешняя резиденция, просто все случилось наяву.

— Ты... уверен?

Я сказал торопливо:

— В полночь прошло нечто... вроде волны холода. И мгновенно мир стал иным. Вместо нашего теплого и радостного... нечто мерзкое и отвратительное. Я, честно говоря, сильно струсил, когда вдруг оказался там.

Она сжалась в комок, взгляд стал не просто испуганным, а затравленным, словно у попавшего в капкан зверька.

— Ты был... там? В Темном Мире? Не шутишь?

— Ну да, — подтвердил я. — Как бы они за мной погнались? Стыдно перед женщиной признаться, но драпал со всех ног. И все равно догнали... Если бы не ты, мои косточки белели бы внизу на камнях.

Она прошептала:

— А ты не мог?

— Что?

— Ну... что-то сделать... во что-то превратиться? Ты же можешь, я чувствую.

Я ответил так же тихо:

— Конечно, попытался бы, а как же. Пока падал, пытался бы... до самого дна. Но с этим что-то странное. Этот непонятный дар то усиливается, то совсем исчезает... почти. Наверное, география шалит. Или подземные моря... воды или кипящей магмы — не знаю. Обычно у меня всегда есть уверенность, что превратиться могу... а в этот раз не было!

Она молчала так долго, что я забеспокоился и начал согревать ее дыханием и горячими губами. Очень тихо и медленно она проговорила, словно во сне:

— Такое никогда не случалось... И наши никогда там не бывали. Для нас это невозможно. Потому что мы уже не люди... Зато наши старшие говорят, что человек все еще может пройти границу с Темным Миром, если он сам... темный. И не просто темный, а... очень темный. С людьми такое бывает.

Нехорошее предчувствие сжало сердце, она говорит почти то же самое, что и граф Гатер с Вельвой, но тех я не страшился потерять, да и не потеряю, они люди, а люди все с частичкой тьмы, однако это чистое существо, сотканное из солнечного света, нежности и женского тепла, придет в ужас, когда прочувствует то, что сейчас начинает понимать...

— Очень, — спросил я шепотом, страшась такие ужасные слова произносить вслух, — это насколько?

— Быть более темным, — ответила она вздрагивающим голосом, — чем большинство в том ужасном мире. Это необходимое условие перехода в их мир.

Я притих, тяжесть во мне такая, будто сверху насел весь Великий Хребет, дыхание остановилось, наконец прохрипел с натугой:

— Не верю... Ты, такое светлое чудо, не стала бы спасать темного...

Она шепнула:

— Ничего не понимаю.

Я подумал лихорадочно, в пустой голове звон, словно

одна меднолобая мысль мечется там, внутри, вслепую и бьется в стенки, наконец выдавил из себя:

— Я темный, это правда... Во мне столько злобы, ненависти, ярости, коварства, себялюбия... да что там себялюбия, есть и похуже перлы, все сразу и не перечислишь... но я ежедневно и ежечасно борюсь с этим!

Она вздрогнула, когда я стиснул ее в объятиях, сделала попытку освободиться, но я держал крепко и нежно, сердце мое разрывалось от сладкой муки, но не могло отпустить, чуть подсказывало, что тогда навсегда потеряю это трепетное нежное существо, такое чистое и пугливое.

Наконец она прошептала, почти плача:

— Да в тебе столько тепла и сочувствия, что просто... Тем более ничего не понимаю! Но как же ты тогда попадаешь туда?

Я вспомнил и передернул плечами.

— Морозит так, что почти умираю.

— Но ты проходишь...

Я удержал ее в руках и сказал отчаянно:

— Послушай, я же человек! Не знаю, из чего вы, но мы созданы из грязи. Из праха, как говорят. У нас на похоронах говорят: из праха пришел, в прах и уходишь. Но в этот прах, который Творец взял прямо из-под ног, он вдохнул часть своей души! Потому в каждом из нас есть первозданный свет, которого нет чище, ярче и радостнее. Человек всегда на грани двух миров... И граница Темного Мира и Светлого проходит через человека... Через его сердце! Потому я могу быть там и могу — здесь.

Она забарахталась в моих руках так отчаянно, что я не стал удерживать, сломаю хрупкие косточки, а она выпрыгнула из кресла и отскочила на середину комнаты.

— Но кто ты... тогда?

Она смотрела дикими глазами, я вскрикнул умоляюще:

— Я могу быть иногда темным, но я не темный, поверь!.. Ну, в общем, не совсем темный. Если на одну чашу

весов положить мое темное, а на другую — светлое, то, надеюсь, светлое перетянет. Я это чувствую, Иллариана!

Она в страхе отступила на шаг, покачала головой.

— Ты знаешь, — сказала она дрожащим голосом, — почему никто больше в этом Альтенбаумбурге не попал в Темный Мир?

— Нет...

— Потому, — сказала она, и смертельный страх звучал в каждом ее слове, — что никто из них недостаточно... тьмен! Есть люди лживые, есть нечестные, похотливые, корыстные... но все они остаются здесь, когда наступает полночь, и сила Темного Мира возрастает стократно. А вот ты..

Страх прокатился по моему телу, я сглотнул ком в горле и сказал умоляюще:

— Иллариана!.. Да, ты права, темного на моей чаше весов — гора, в то время как у других существ просто мелкие камешки!.. Один только побежденный мною Темный Бог чего стоит. Но и светлого, я уверен, у меня две горы. А то и целый хребет. Я же Фидей Дэфэнсер, а это значит — Защитник Веры. Я, как та раскаявшаяся блудница, хорошо знаю, что такое грех, но уже понимаю, что грешить нехорошо. Приятно, но... нехорошо.

Она отступила, панически оглянулась.

— Не подходи ко мне, умоляю.

— Хорошо, хорошо, — сказал я потерянным голосом и даже отодвинулся на шаг, — неужели ты хочешь уйти?

— Да...

— Проводить к выходу? — спросил я в смертельной тоске. — Сердце мое рвется, но я отпущу тебя, Иллариана, хотя после твоего ухода, наверное, умру... Или выломать решетку на этом окне?.. Хорошо, понял. Иллариана, я готов умереть за тебя, прими от меня хоть эту малость...

Я обошел ее по широкой дуге, ухватился за металлические прутья. За многие десятилетия, если не сотни лет кладка если не расшаталась, то ослабела, я напряг мыш-

цы в зверском усилии, наконец затрещало то ли во мне, то ли в камнях, ржаво заскрипели, вылезая из щелей, прутья.

Решетка с грохотом полетела на пол. Я стоял, отскапываясь, кровь ударила в голову с такой силой, что кости черепа захрустели, как сухие черепки под тяжелым сапогом.

Пахнуло ветром, едва слышно хлопнули крылья. Я успел увидеть мелькнувший силуэт, а когда подбежал к окну, в синем небе далеко-далеко удалялась большая птица.

Донесся жалобный крик, у меня заныло сердце. Инстинктивно сдвинул левую сторону груди и с силой помял, да что это со мной, вот так и молодеют инфаркты...

Советники бывают разные. Одни просто поддакивают, а когда уяснят мою точку зрения, ревностно ее разжевывают для меня же, другие упорно пытаются доказать мне, как надо «правильно». Этих я тоже слушаю с интересом, если есть время. Не больше.

Сейчас у меня не было ни времени, ни настроения. Вообще жить не хочется, но люди, заслуживающие внимания, делают и через «не могу», я повыл, постонал, побросался на стены, затем постарался взять себя в руки хотя бы внешне, мало ли что продолжает бушевать внутри, крикнул повелительно:

— Эй там!.. Позвать Кемпбелла!

За дверью послышался стук убегающих ног, а я вернулся к столу и плотно усадил себя в кресло.

Кемпбелл явился встревоженный, что неудивительно, сейчас все в крепости после моего возвращения стоят на ушах, даже стены гудят от возбужденных голосов.

Он торопливо поклонился от порога.

— Ваша светлость... Голову той твари выделывают, завтра она будет над входом в пиршественный зал.

Я отмахнулся:

— Я не о ней.

— Да, ваша светлость?

— Кемпбелл, — сказал я, стараясь, чтобы голос звучал так, словно мир все еще не рухнул, не разлетелся на мелкие обломки, из которых каждый пронзил мое сердце. — Кемпбелл... что я хотел... ах, да! Любое большое хозяйство — это прорва народу, в которой все хотят есть, но никто не желает мыть посуду. С моим появлением таких стало больше?

Он с облегчением перевел вздох, стараясь делать это незаметнее, снова поклонился.

— Ваша светлость...

— Ну-ну, говори!

— Простите, ваша светлость, — произнес он смиренным голосом, — но ленивые всегда именно так пользуются переменами. Но я их уже снова впряг! Работают.

— Ропщут?

— А когда не роптали?

— Верно, — согласился я. — Такие еще и работать не начинают, а уже скулят. Таких много?

— Меньше, чем могло быть, — пояснил он. — Ваша грозная слава успела вас обогнать. А я на всякий случай велел убрать старую виселицу и поставить новую, где на две петли больше.

Я спросил настороженно:

— А это зачем?

Он смиренно развел руками.

— При любых переменам это хорошо действует. Сразу и ленивых поубавилось, и даже по мелочам воровать перестали. Потом, конечно, увидят, что никого не вешаете, снова облагуют, но потом можно будет что-то еще придумать...

— Например?

— В самом деле начинать вешать.

Я сказал одобрительно:

— А ты неплохо управляешь этим стадом. Кстати, нужно обязательно восстановить церковь. Настоящую. Она и

работать принуждает, ибо хотя дьявол и искушает человека, но ленивый человек сам искушает дьявола!

Он поддакнул:

— Золотые слова!

— Еще бы, — согласился я. — У герцога все золотое, если не совсем глуп. Еще церковь будет защитой от многих напастей. А то совсем забыли... Я вообще за все время не видел здесь человека, который помолился бы перед едой!

Он поклонился и ответил смиренно:

— У нас говорят, молитва перед едой — кощунство. Негоже возносить похвалу Господу слюнявым ртом.

Я подумал, стараясь выглядеть так, словно вижу в самом деле Кемпбелла, а не отчаянное лицо Илларианы.

— Хорошая отмазка, — произнес я деревянным голосом. — Логичная. Только в самой вере нет логики, верно?

Он поклонился в очередной раз.

— Вам виднее, ваша светлость.

— Мы веруем, — сообщил я, — как сказал Тертуллиан, ибо нелепо. Что в крепости и окрестных землях говорят обо мне?

Он опустил глаза и ответил со скорбным вздохом, на этот раз забыв поклониться:

— Говорят, ломаете многие устои, а это вызывает недовольство в самом Альтенбаумбурге и в землях ваших вассалов. Все-таки мудрость наших предков...

Я прервал:

— Знаю-знаю! Всякий закон, замешанный на невежестве и злобе, потворствующий низменным страстям, называем мудростью наших предков. Сам такой, ссылаюсь на их сокровенные заветы, если припечет. Но пора к их великой мудрости добавить и скромную нашу! Или мы совсем уж идиоты?

Он ответил смиренно:

— Но все равно вами восторгаются. Даже челядь.

— Хотя и считают идиотом?

Он ужаснулся:

— Нет уж, никто не рискнет!.. Вы ведь возвращаетесь из своих... странствий, а победители всегда правы.

— Мудрые слова, — согласился я. — В общем, сообщите, что церковь будет отстроена. Пусть собираются умелые каменщики, плотники, отделочники, маляры.

Он ответил с готовностью:

— Как велите!

— Так и велю, — подтвердил я. — В остальном пока никаких перемен. Ломаем потихоньку, но до фундамента. Иди!

Он поклонился и пошел к двери. Предостерегающий холод коснулся моего тела, я не понял, с чего это вдруг, посмотрел по сторонам, а когда Кемпбелл уже протянул руку к ручке двери, догадался посмотреть ему вслед тепловым зрением. Все тот же привычный тепловой контур, ничего нет необычного, взглянул запаховым, но только закружилась голова...

Кемпбелл уже открыл дверь, когда я, тужась и напрягаясь, сумел посмотреть по-иному. Сам не знаю, что за новый вид зрения у меня и когда появился... но взглянул, и холодный озноб мгновенно пронизал с головы до ног.

Дверь захлопнулась, а я сидел, оцепеневший, потом начал мелко вздрагивать, зубы жалко лязгнули. Я стиснул челюсти, плотно зажмурился, но и под опущенными веками не исчезает эта бесформенная темная фигура с длинным толстым хвостом, окруженная плотным облаком из черного снега.

Продолжая вздрагивать, я вышел на веранду, поискал взглядом среди людей знакомые фигуры.

— Сэр Нозль!..

Рыцарь оглянулся, увидел меня и, сорвав шляпу с пером, грациозно и красиво поклонился с подергиванием плеч и помахиванием шляпой над выставленным вперед сапогом.

— Прошу вас, благородный лорд, — сказал я, — по-

смотрите в зале внизу сэра Гедвига, это наш барон Уроншид... Я передумал насчет его епитимии. Изволю наложить нечто потяжелее, чтобы хребет трещал. Пусть явится ко мне.

Он хохотнул и прокричал бодро:

— Будет сделано, ваша светлость!

Через несколько минут дверь распахнулась, вошел барон Уроншид, за ним граф Гатер, лицо смущенное, все-таки явился без зова, но и строгое: молодой сэр Гедвиг из его отряда, ответственность за проступки вассала лежат на сюзерене.

Я приготовился ко всему, после Кемпбелла я уже пуганая ворона, и, когда они только переступили порог, уже смотрел так, чтобы увидеть все тайное, а лицо держал каменным, да не узрят по мне, что увидел их подлинную суть.

— Хорошо, — сказал я со вздохом облегчения. — Оба чисты, как рыбы в высокогорном ручье. Нет-нет, это я так, своим мудрым и высоким мыслям. Дорогой граф, вы зря явились... но раз уж здесь, то и вам придется, да, придется.

Граф с достоинством поклонился.

— Располагайте моей душой и телом, ваша светлость.

— Опасные слова, — пробормотал я, — насчет души. Никому не позволяйте ею располагать, дорогой граф. Даже самым близким.

Граф поклонился, но смолчал, а Гедвиг спросил порывисто:

— Ваша светлость, вы что-то пообещали насчет епитимии?

— Да, — ответил я. — Ваша епитимия, сэр Гедвиг, начинается незамедлительно.

Он вытянулся, бледный и решительный, сказал дрожащим голосом:

— Я готов. Что делать?

— Следовать за мной, — ответил я. — И не думайте, что зову на прогулку. Граф, вы тоже можете участвовать.

Граф поклонился, лицо осветилось радостью.

— Буду счастлив!

— Ох, — сказал я, — не будьте так уверены.

Он посмотрел несколько свысока.

— Но вы-то идете?

— Я дурак, — признался я. — Еще какой!.. Но это не значит, что и вы должны быть ими. Ладно, пойдемте. Отважные дураки проходят там, где умные побоятся даже шелохнуться.

Глава 10

Они молча смотрели, как я снимаю с крюков части новеньких доспехов, что принес Марсель из оружейной. Граф первый бросился помогать влезть в железо, вдвоем наложили стальные пластины на руки и ноги, плотно закрепили, чтоб без единого зазора, потуже затянули широкие ремни.

Я вооружился луком Арианта, опоясался мечом и посмотрел по сторонам, не забыл ли чего.

— Готовы?

— С вами, — ответил граф гордо, — всегда.

— Спасибо, граф. А барон, как полагаю, совсем готов.

Следуйте за мной!

Граф спросил деловито:

— Поднять дружину?

Я покачал головой.

— Нет, дорогой сэра Генрих. Дело слишком опасное.

Он сказал обидчиво:

— Мои люди не страшатся даже гибели!

— Мы можем встретить нечто похуже гибели, — заверил я любезно. — Так что давайте пока все проделаем в полутайне.

Барон сказал обеспокоенно:

— У Марсея муха не пролетит незамеченной!

— Это верно, — согласился граф. — Даже если ему велеть не обращать на нас внимания, он может отправить за нами людей тайком.

Я удивился:

— Почему?

— Очень серьезно относится к своей работе, — объяснил граф. — Безопасность во времена герцога Хорнельдона была на нем. Он просто помешан на охране! Гордился, что даже лист с дерева в окрестных лесах не упадет без его разрешения. А теперь вы все делаете так, будто его и нет вовсе.

Я кивнул:

— Признаю, мой промах. Постараюсь в следующий раз как-то возместить и не влезать в его порядки.

Барон заметил осторожно:

— Он сейчас на воротах, смотрит сверху. Нас заметит и наверняка пошлет кого-то проследить... Дескать, если помощь понадобится, пришлет. Если не хотите, чтобы он знал о вашей тайной вылазке, его как-то бы отвлечь...

Я подумал, поинтересовался:

— В Альтенбаумбурге художники есть?

Он ответил с недоумением:

— Пока только один...

— Зовите, — сказал я решительно.

— Но... при чем здесь художник? Да и не так уж он хорош...

Я объяснил:

— Нет на свете человека, который бы отказался позировать художнику. Он может быть стар, болен, нехорош собой, у него только что увели жену и украли любимую собаку, он может ощущать бремя ответственности перед нацией, а нация, в свою очередь, — переживать тяжелейший период своей истории — и тем не менее все эти доводы не помешают, не колеблясь, дать художнику согласие рисовать его портрет.

Граф вызвал двух слуг и пустил на поиски живописца, я повернулся к донжону, но тут из-под навеса слуги выкатили повозку, настолько праздничную и украшенную накладками из серебра и золота, что вокруг нее словно стало светлее и радостнее. Шелковая занавеска на окошке на этот раз из невинно-голубой стала пурпурной, интересно, нет ли в этом некоего символа, сигнала, который понимают все, кроме меня...

Возница вытащил из-за пояса кнут, деловито пнул по колесу, явно что-то ритуальное, полез на козлы, с виду уже почти кучер. Слуги принесли скамеечку с двумя ступеньками и, повернувшись, застыли в почтительных позах.

Дверь распахнулись, я понял, что смыться не успеваю, заулыбался широко и пошел навстречу леди Эмили, на ходу делая рукой широкий жест, словно срываю широкополую шляпу и красиво эдак помахиваю ею перед собой.

— Леди Эмили!.. Вы погостили всего сутки?

Она благосклонно улыбалась, точно и безошибочно отыскав грань, чтоб улыбка была не покровительственной, я же сюзерен, а она мой вассал, но в то же время сейчас она просто очаровательная женщина, а я ого-го какой еще мужчина...

— Ваша светлость, — пропела она и присела в низком поклоне, я тут же уставился на ее пышные округлости, такие нежные и сочные, так вообще-то надо, чтоб не обидеть, и в другое время я бы в самом деле смотрел без всякого «так надо», — вы сама любезность! Я была бы счастлива задержаться дольше, ведь у вас вассалы гостят месяцами, однако...

— Долг зовет? — спросил я понимающе.

Она поднялась, глаза стали серьезными.

— Да, ваша светлость. Уже и так пошли слухи, что у меня могут отобрать мои земли. А если я задержусь...

— Нигде не задерживайтесь, — посоветовал я. — Если будут какие-то трудности, обращайтесь. Пусть все знают,

что я поддерживаю вас не как фаворитку какую-то... сегодня одна, завтра другая... а как надежного работника! Это для меня важнее.

Она поклонилась, я подал ей руку и помог подняться в повозку, что когда-то превратится в карету. Возница, который тоже когда-то станет кучером, взмахнул кнутом. Леди Эмили улыбнулась мне из окошка как можно более очаровательно, и карета сдвинулась с места.

Я проводил взглядом, как кони набирают скорость, следом несколько хорошо вооруженных конных воинов сопровождения, и вернулся в донжон, где с веранды во все глаза рассматривал снующую внизу челядь. Если правильно понимаю расклад, у Кемпбелла вполне могут быть помощники...

Я напрягал зрение так, что трещит в висках, сосредоточившись и стараясь увидеть среди челядинцев таких же, как Кемпбелл. Все люди как люди, ни в одном ничего странного, и лишь когда уже то ли отчаялся, то ли вздохнул с облегчением, увидел, как вдали прошел один из заготавливающих дрова для кухни и каминов. Хвоста нет, однако отчетливо просматривается полупрозрачный темный балахон с надвинутым на глаза капюшоном.

Яркий солнечный день, все обычно, реально, этот челядин вроде бы ничуть не отличается от других. Из одежды только распахнутая на груди рубаха, холщовые штаны, подвязанные веревкой, растоптанные башмаки. Но стоит посмотреть иначе, и вот он уже в темном балахоне и с капюшоном на лице...

Тоска кольнула прямо в сердце. Только черных сил недостает в собственном замке. Это хуже, чем в Темном Мире, оттуда и убежать можно, а из этого не убежишь.

Я обернулся, граф Гатер и молодой барон смотрят на меня во все глаза, бледные и решительные.

— Сэр Генрих, — сказал я графу Гатеру, — велите оседлать коня себе и барону.

— Да, ваша светлость. Куда отправимся?

— Со мной на охоту.

Он переспросил удивленно:

— На охоту? Но...

— Никаких вопросов, — прервал я. — Это и будет охота. Только не на оленя.

Он взглянул на мое сумрачное лицо, понял, судя по его глазам, что охота будет и не на кабана. И даже не на медведя.

Челядин во дворе выгрузил дрова перед кухней, граф и барон не понимали, почему я ничего не делаю, слоняюсь от кузницы к шорнику, беру в руки и внимательно рассматриваю то подковы, то недавно изготовленную шлею.

Наконец телегу разгрузили, сам заготовитель дров вышел из кухни, вытер тыльной стороной ладони рот и, сладко зевнув, пошел к своей лошади.

Я наблюдал, возбуждение нарастает, наконец возчик уселся на козлы, дернул поводья. Я выждал, пока выедет за ворота, отлично, направился не в село, а в сторону леса.

Зайчик и Бобик уже во дворе, Адский Пес извертелся, даже арбогастр выказывает нетерпение.

Я подошел к Гатеру и сказал тихо:

— Выезжаем довольные, веселые. Вы громко рассказываете нам, какого крупного кабана видели!..

Он кивнул:

— Хорошо. Но... зачем?

— На всякий случай, — объяснил я. — Мало ли кто нас может услышать.

Барон обронил негромко:

— У Марсея чуткие уши.

— Его уже убрали, — напомнил граф.

— Пусть все слышат, — шепнул я.

Граф смолчал, на лице недоумение, но когда втроем сели в седла, громко и картинно рассказывал про

кабана размером с быка, что пронесся вчера по опушке леса.

Барон Гедвиг слушал с подчеркнутым интересом, но помалкивал, все еще бледный и угнетенный.

Мы выметнулись из-под арки ворот галопом, дорога пыталась увести в сторону укатанного тракта к другому городу, там земли Маркгрефлерланда, насколько я помню, тоже мои, однако я свернул на свежую колею к лесу.

Челядина догнали, когда он только-только проехал первые деревья и начал углубляться в зеленую чащу. Пышная листва кустов закрыла за нашими спинами вид на Альтенбаумбург, я промчался мимо телеги вперед, граф и барон неслись за мной, как привязанные.

Я остановил коня поперек дороги.

— Эй, — сказал я, — а почему едешь в этой части леса?

Граф Гатер и барон Уроншид взяли телегу с возницей в коробочку с обеих сторон. Мужик икнул с испугу, поклонился, вытаращил глаза и уставился в великом недоумении.

— Ваша светлость... а как же иначе?

Я указал рукой в сторону.

— Можно вон там.

— Дык здесь лес ближе! — возразил он резонно.

— И олени, — сказал я. — Что у тебя там под рогожей?

Браконьерничаешь в моих лесах?

Он только раскрыл рот, чтобы заявить, что не из леса, а в лес порожняком, но я соскочил с седла прямо на телегу, на рогожу даже не бросил взгляд, как все трое ожидали, а повалил возницу на дно телеги и приставил кинжал к горлу.

— А теперь говори главное!

Он хрипел, придавленный моей рукой, глаза полезли на лоб.

— Ваша светлость... о чем вы?

— О твоих связях с тем Темным Миром, — прорычал я. — Говори быстро. Мы знаем, кто ты.

Граф Гатер и барон застыли, изумления на их лицах было больше, чем у возницы. Бобик подпрыгивал и смотрел на меня с ожиданием, вдруг да можно присоединиться к этой забаве.

— Я рублю лес, — прошептал мужик полузадушенно.

— Зачем?

— На дрова...

— Брешешь, — обвинил я. — Дрова — прикрытие. На кого работаешь еще? На Томаса Кемпбелла — знаем. На кого еще? Кто вами руководит? Сколько вас здесь?

Я сжимал горло, не давая дышать, затем чуть ослаблял пальцы, но лишь для крохотного глотка воздуха. Лицо несчастного постепенно багровело, потом посинело, глаза навывкате, начинают лопаться кровеносные сосуды.

Граф и барон начали переглядываться, я чувствовал, что вот-вот схватят меня за плечи и оттащат, заподозрив помешательство. К счастью, простолюдины ломаются быстро, это не благородные, что за абстрактные идеи могут вынести любые пытки и умереть, смеясь. Этот дернулся, закатил глаза под лоб, бессильно застучал ногами по днищу телеги.

— Отпусти, а то...

— А то? — спросил я настойчиво. — Что будет?

— Когда сбросим личины, то всех...

Граф охнул, барон дернулся и бросил ладонь на рукоять меча. Я спросил саркастически:

— Если так сильны, почему еще не сбросили? Страшно?

Пальцы чуть ослабил, пусть еще чуть вдохнет, это награда за ответы, и возница снова просипел:

— Чтобы сюда попасть, нужно... проломиться... Нужны опорные места... Это трудно...

— И не по силам? — спросил я едко.

Как я ожидал, простолюдин попался на провокацию и сразу же ответил люто:

— Сегодня мы укрепили последний опорный ка-

мень... Ночью сюда хлынут полчища... Легионы! Вас ничто не спасет... Одно спасение — присягнуть новому властелину...

Я спросил резко:

— И где последний опорный камень?

Он расхохотался.

— Там, где никогда не отыщешь.

Граф выругался, барон скрипнул зубами, не смеет простолюдин говорить человеку благородного сословия «ты», я же сделал вид, что не замечаю таких тонкостей, хотя на самом деле уже почти привык к почтительному обращению.

— Я отыщу везде, — прорычал я. — Где он? У тебя должна быть точная карта.

Я почти отпустил пальцы, и он проговорил со злой издевкой:

— В самом деле сказать? Будешь разочарован, смертный.

— Говори, пока не...

— Я один знаю, — сообщил он. — И карта только у меня.

— Где?

Он постучал пальцем по лбу.

— Вот здесь.

Я мгновение смотрел, онемев, потом сказал люто:

— Голова у тебя всегда была пустой, раз предался Тьме, так что туда можно засунуть что угодно. Хорошо! Сэр Генрих, вскройте ему череп и вытащите оттуда карту!

Граф и барон моментально выдернули его из телеги, повалили на землю и прижали руки к земле. Я придержал Бобика, а граф взял в руки большой топор и оценивающе посмотрел на голову заготовителя дров.

Тот смотрел дикими глазами.

— Вы что, — закричал он заячьим голосом, — совсем дикие? Как может там оказаться карта на бумаге? Я просто ее запомнил! Запомнил!

Граф, не слушая, занес над ним топор. Возница завизжал, а я, чуть выждав, сказал резко:

— Нарисуй быстро, где этот проклятый камень!.. Но быстро, пока у графа руки не устали. Топор тяжеловат.

Возница вскрикнул:

— Там много всяких поворотов! Я все не упомяну... Давайте, лучше проведу вас.

— И по дороге попытаешься сбежать, — сказал я зная. — Ладно, нет времени. Барон, свяжите ему руки, пусть идет впереди. Его сожрут первым, если заведет не туда. Шаг в сторону — попытка к бегству, руби без жалости. Дорогу и без него найдем, разве что на день-другой позже.

Возница смотрел трусливо и затравленно, я сделал лицо уверенным, да не увидит никто, что блефую. Как раз прибыть на день позже — проиграть вчистую. Вторжение, как он сказал, начнется этой ночью.

Деревья толстые, кряжистые, с дуплами, ветви перекрученные, кроны смыкаются и переплетены так, что над головами плотный непробиваемый свод, словно идем в пещере.

Граф связал вознице руки за спиной, конец веревки передал барону, как младшему. Между деревьями пробирались с трудом, барон дважды останавливал проводника и бил по лицу, чтобы нарочито не заводил в заросли.

Труднее всего пришлось коням, но арбогастр пошел впереди, попросту ломая слишком уж назойливо загораживающие дорогу ветки.

Я только снова подумал о пещере, как впереди по склону замаячила отвесная черная стена. Как злая боль камня, ее рассекает широкая щель, у самой земли расширяется аркой.

Возница уверенно вел к пещере, я спросил резко:

— Что, другого пути нет?

Он посмотрел затравленным зверем.

— Есть.

— Тогда почему через пещеру?

Он пробурчал злобно:

— Быстрее. И ближе.

Граф сказал неуверенно:

— А может, пусть? Думаю, проход не слишком велик...

— Не спорю, — ответил я, — но если бы вы знали, как меня уже достали эти пещеры!.. Ладно, сейчас решим.

Я соскочил с Зайчика, поцеловал в нос, а Бобику велел строго:

— Охраняй это копытное... и коней наших друзей!.. Мы скоро вернемся. Обещаю.

Он вздыхал, смотрел жалобными глазами, я постарался сделать лицо неумолимым. В пещерах много всякой гадости, там частенько шаг в сторону — смерть, а Бобика трудно удержать от шныряния и вынюхивания местной живности.

Возница безуспешно дергал связанными за спиной руками. Я погладил Бобика по голове и повернулся в сторону пещеры.

— Веди, предатель...

Он шагнул в темный ход, я сразу же создал и пустил над головами шарик света. Граф и барон посмотрели с уважением, переглянулись с гордостью и облегчением.

Стены не обтесаны, скала просто раскололась, с обеих сторон одинаковые прожилки в камне. Над головой свод сходится клином, ход то сужается так, что я хватал возницу за воротник и держал, чтобы не проскользнул в такую щель, куда мы не пролезем, то отпускал, когда стены отодвигались, и мы шли, как в туннеле.

Возница двигался уверенно, мне показалось, что приободрился и даже затаенно улыбается, что-то чувствует, сволочь, а я, как ни тужусь, ничего не ловлю, хотя раньше чутье выручало.

Шарик света уплыл вперед, с обеих сторон стены блещут свежими изломами. Я повертел головой, да, все так, одну плиту разломило, вот одинаковые жилки...

За спиной раздался звон, грохот, лязг груды железа. Барон подпрыгнул в испуге, оглянулся. Граф с кряхтением поднимался с четверенек.

— Сэр Генрих! Что случилось?

Граф сказал раздраженно:

— А вы как думаете?

— Мышь дала подножку, — предположил барон.

— Угадали, — сварливо согласился граф. — Сказано в Писании, подлые животные...

Снизу дрогнуло, донесся знакомый треск. Возница замер, оглянулся, лицо перекосило внезапным ужасом. Я ожидал, что под ним провалится плита, однако снизу ударил ядовито-зеленый свет, начал скручиваться, как мокрая тряпка в огромных руках, превратился в быстрый смерч.

Фигура возницы неестественно исказилась, словно в кривом зеркале, он с диким криком вскинул руки. Незримые гигантские ладони скрутили его в жгут. Во все стороны с силой брызнула алая кровь, но не покинула незримого цилиндра света, а только забрызгала стенки ярко-красным.

Он еще кричал душераздирающе, хотя должен быть уже мертвым, смерч исчез, вместо него возникла пышущая жаром огненная воронка. Искаженная человеческая фигура в красно-зеленом тумане вытянулась в струну, затем ее быстро дернуло вниз. Воронка некоторое время кипела жаркой лавой, но та вскоре исчезла, оставив ровную, но багровую от жара поверхность плиты.

Гатер, бледный как смерть и вздрагивающий, пробормотал, стараясь держать голос мужественным:

— Да, это не старые добрые ловушки.

— Не люди делали, — сказал барон трезво и зло. — И что теперь, ваша светлость?

Их взгляды обратились ко мне, и хотя очень хотелось ответить, что давайте вернемся, я сказал то, чего от меня ждут:

— Идем мимо и дальше!

— Да, — ответил Гатер со вздохом, — там еще таких с десяток, ну как не вляпаться?

Я промолчал, шутки — не худшее спасение от страха, пусть даже над сюзереном.

— Погиб проводник, — заступился за меня барон. — А он должен был лучше других знать, что впереди. Но от того, что он понес заслуженную кару, нам не легче. Наоборот, теперь никто не знает, куда идти!

— Знаем, — ответил я. — Это место перепрыгнуть... вы же рыцари? Вы должны уметь сигать в доспехах!

Я пошел вперед, за спиной слышалось тяжелое сопение, потом оба догнали, слышу, как грузно топают за спиной, кричат, вздыхают, но если обернусь даже очень быстро, на лицах увижу гордое достоинство и готовность идти до конца.

Через несколько минут впереди блеснул свет, стал ярче. Я невольно ускорил шаг, десятка через два шагов пещера раздвинулась и выпустила всех троих на крутой косяк, взглянешь наверх, шлем упирается краем в спину.

Я с тревогой посмотрел на небо.

— Ого!.. Скоро солнце сядет! Надо поторопиться.

Глава 11

Они молча ринулись за мной, я бежал наверх, сильно согнувшись, иногда помогал руками, время от времени из земли высовываются такие камни, что я первые два перепрыгнул, еще три перелез, а остальные обходил, дыхание уже и так сбито.

Далеко на самой вершине виднеется нечто вроде большого камня. Почудилось синеватое свечение, я торопливо надал бегом. Граф Гатер некоторое время поспедал, но дыхание становилось все сдавленнее, начал хрипеть, наконец простонал:

— Не могу...

— Надо, — прокричал я.

— Не получается...

— А через не могу?

— У меня в глазах троится, — прошептал он. — Подожду, когда станет хотя бы двоиться... потом пойду... А вы двое топайте, вы помоложе и покрепче...

— Хорошо, — сказал я. — Барон?

— Иду, — проговорил сэр Гедвиг с трудом, — пока еще...

Мы долго поднимались по каменистому склону, наконец барон начал задыхаться и тоже упал на колени.

— Больше... не могу, — прохрипел он. — Наверное, возраст.

— Я думал, — ответил я, — мы ровесники...

— Вы человек войны, — сказал он сипло, — а мы... комнатные цветы...

— Да ладно вам, барон.

— Идите, — прошептал он, кадык часто двигался под бледной кожей горла, — но будьте осторожны за двоих.

— Да уж...

Ненавижу всякое скалолазание, это не для людей, а для гекконов, те даже по потолку ради особо жирной мухи, но я не геккон, у меня инстинкт равнинника. Брехня, что мы с дерева слезли, не так бы трясло от высоты, мы из пещер, а теперь вот...

С другой стороны, все чувства обострены, я издали вижу и чувствую, на какой камень можно наступить, на каком повиснуть, а к какому лучше не прикасаться.

Пот заливает глаза, я бежал и бежал наверх, потеряв счет времени, ноги как деревянные, в горле хрипит, грудная клетка в огне. Я стонал надсадно...

...как вдруг земля перед глазами исчезла.

Я вылетел, как мне показалось, в бездну неба. Меня пронесло по инерции на подгибающихся ногах по вершине холма, где в самой середине ударился грудью о камен-

ную глыбу. Массивный серый обломок гранита самый заурядный, но это всего лишь опора для того важного камня, абсолютно круглого, с арбуз, покрытого сложнейшей вязью странных значков...

Перед глазами, как мне казалось, поплыло, я ошале-ло мотнул головой, но не почудилось: глубоко врезанные в камень символы двигаются, переползают с места на место, меняются местами, создают некие фигуры, цепочки...

— Да пошел ты, — сказал я, — не археолог я, понятно?.. Не заинтересуешь везти в музеи, а по дороге чтоб не падали всякие аменхотепы и нефертити...

Меч взлетел над головой, я ударил не сильно, чувствую, ничего не получится, но проверить надо, да и как не вдарить, если можно. Железо высекло сноп искр, словно с силой чиркнул по точильному камню, на камне ни царапины, а на мече длинная зазубрина.

— Сволочь, — сказал я в сердцах. — Мой бы молот сюда... ты бы у меня садовым песочком рассыпался... Хорошо, попробуем так...

Молитвы не помогли, как и удары мечом, кинжалом. Снизу на склоне холма послышалось тяжелое дыхание, граф и барон взбираются на четвереньках, оба дышат хрипло и надсадно, а наверху без слов рухнули на спину.

Гатер прохрипел сухим горлом:

— Если бы... пришлось драться хотя бы с воробьями... я бы отдал им свой меч...

— И я признал бы себя побежденным, — признался барон. — Ваша светлость, а лук зачем?

— А вдруг стрелами смогу, — признался я. — Может, совсем одурел, но уже все перепробовал, только что лбом не стучал... Хотя вообще-то это мысль...

Барон приподнялся, сказал хрипло:

— Не надо... Вдруг да камень крепче вашего лба?

— Тогда вставайте, — сказал я, — и думайте, как эту штуку уничтожить.

Граф простонал:

— Мне всегда думалось лучше лежать.

Я удивился:

— А над чем вы думали?

— Ни над чем, — признался он. — О чем вообще может мыслить благородный человек? Как не уронить себя в обществе, как погалантнее подхватить оброненный дамой платочек...

— И дать в рыло тому, — прошептал барон, — кто бросится наперехват.

Я удивился:

— Барон, мне прискорбно такое слышать! Вы поступали так грубо?

— Нет, — признался он, — но так поступали со мной... Ваша светлость, а нельзя его заклятием?

Я развел руками.

— У меня вообще не бывает заклятий. Я не колдун, я паладин. У меня только защитные, лечебные и ретирадные.

— Жаль, — сказал барон.

Он с трудом поднялся, вытащил меч и посмотрел на меня. Я кивнул, разрешая. Граф тоже приподнялся и с завистью наблюдал за юным бароном, тот по молодости быстрее восстановил дыхание, рукоять меча в его руках сидит крепко, а в глазах разгорается злая решимость.

Меч тускло блеснул багровым на фоне пламенеющего неба. Раздался хрустящий удар. Граф охнул и пригнулся, над головой пронесся обломок острой стали.

Барон тупо смотрел на рукоять в ладонях. Я сказал поспешно:

— Это не ваша вина, барон! С подлыми заклятиями бороться честному человеку трудно.

Граф поднялся на четвереньки, глаза огромные, посмотрел на небо.

— Ваша светлость... Эта сволочь сказала, что с заходом

солнца три камня откроют проход полчищам гнусных тварей ада?

— Да, — ответил я.

— Так солнце уже заходит! — взревел он.

Я не успел слова сказать, как барон с хриплым криком ярости ринулся вперед, ударился грудью о камень. Тот качнулся и тяжело скатился с каменной плиты.

Граф сделал движение остановить, но покрытый знаками шар покатился по склону все быстрее и быстрее. На камнях подпрыгивал, падал в траву, дальше только по исчезающим стеблям видно его путь. Дважды вздрагивали и трепетали тонкие березки, наконец совсем исчез из виду, только еще раз вылетели на пути из кустарника вспугнутые птицы, донесся слабый плеск и чавк, затем все стихло.

Я быстро посмотрел на горизонт, верхний краешек солнца ярко блеснул, словно пустил зайчика в глаз, и сразу в мире стало уныло и багрово.

Граф прошептал хрипло:

— Успели?

— Надеюсь, — ответил я без уверенности. — Спасибо, барон. Гениальность — в простоте. А я дурак. Вот как важно вводить в советы мудрых совсем юных и желторотых! У них свои оригинальные методы, которые мудрым и в головы не придут!

Барон сказал убито:

— Нет, я все-таки... не умен. Вы меч сохранили.

Граф сдержанно улыбнулся, похвалы все любим, сказал деловито:

— Как я понял, им надо все три... иначе не получится открыть врата?

Барон сказал с нажимом:

— Я все-таки спущусь и попробую выловить в болоте. Там неглубоко. Приведу с собой кузнеца с его молотобойцами.

— Не успеете, — сказал я. — Ночь... Внизу уже темно. Завтра разве что изничтожите.

Барон посмотрел истово, на лице пламень веры, расправил плечи.

— Ваша светлость, я останусь там и ночью. На всякий случай.

— У болота? — изумился я.

Он кивнул, голос прозвучал очень серьезно:

— Как я понял, те твари могут попытаться найти и встать на прежнее место. Если придут, я сумею их встретить.

Граф тяжело вздохнул.

— Он прав, ваша светлость. Я останусь с ним. Если все пройдет хорошо, ничего с нами не случится. Разве что комары напьются нашей крови, а тут они громадные, сволочи.

— А если, — спросил я, — те темные гады догадаются, где искать зачарованный камень?

— Два меча лучше одного, — ответил граф кратко.

Я посмотрел на небо, слабый свет поднимающейся из-за леса луны озаряет облака, внизу земля серебрится легким призрачным туманом, похожим на жидкий свет. Звезды становятся ярче, а воздух прохладнее.

— Пробуйте, — разрешил я. — Хорошо бы на всякий случай сбросить с холмов и остальные два... но уже не успеваем. Разве что завтра с утра можно бы... Но вообще-то важна не сама ночь, а полночь. Тогда успеем. Граф, вы какой выбираете?

Граф не сразу сообразил, о чем я, а когда понял, поспешно поклонился.

— Ваша светлость, выбирает старший по титулу.

Я вздохнул.

— Вот уж не думал, что и здесь проблема выбора. Трудно быть христианином...

— Что делать, ваша светлость. Герцог — вы.

— Хорошо, — сказал я, — мой холм слева, ваш — спра-

ва. Если камень там такой же, можете привязать к седлу и тащить в замок. Надеюсь, молотобойцы сумеют разбить на сотни осколков. Раскидаем по белу свету, у волшебников слюней не хватит склеивать.

Он произнес с твердостью:

— Жилы порву, но сделаю!

У подножия холма глубокая тень, багровое небо там, наверху, а здесь чернота, почти ночь. Я пронесся по лоштинке, как бегущий от собак олень, почти с разбегу взбежал на второй холм, этот пониже, так показалось, или склон более пологий.

В груди тревожно ноет, хотя вроде бы на эту ночь мы вражеские планы вторжения сорвали. Не сразу позволил себе понять, что боль там из-за Илларианы. Стараюсь думать только о деле, о спасении мира, но как-то у нас получается, что одна женщина становится важнее всей вселенной. Это же плохо, я веду себя, словно всего лишь примитивный мужчина, самец, а не человек с запросами...

Этот колдовский камень устанавливали, видимо, первым. Не просто взгромоздили на гранитную плиту, но и чем-то укрепили, словно приклеили или срастили с основанием. Над первым всегда трудятся дольше, это потом все на поток...

Я пробовал так и эдак, наконец приволок большую глыбу и, действуя как тараном, после множества ударов услышал треск. Каменный шар качнулся и, сверкнув свежим сколом, тяжело упал на землю.

— Ненавижу колдунов, — пробормотал я, дыхание стало горячим, как у дракона, — ничего, инквизиция и здесь поработает... Весь мир насилья мы очистим...

Снизу затрещало, ветки кустарника раздвинулись. Граф Гатер поднимается наверх почти бегом, на ходу склоняясь так, что касается руками травы.

— У вас уже? — спросил я.

Он кивнул, не в силах ответить, в груди одни хрипы, наконец выдавил:

— Ваша светлость, — выпалил он жарко, — там такое... такое...

Я быстро огляделся, никто за ним не гонится, сказал строго:

— Отдышитесь, граф.

— Ваша светлость... надо спешить...

— Ведите, — велел я. — Только вот спихну это вниз...

Вниз бежать легче, граф спешил к холму, где должен был убрать камень-маяк, но, судя по его легкой сумке, камня не взял, а по времени, когда догнал меня, на вершине даже не побывал.

Тревога росла, но мы подбежали к тому холму, а там у подножия зловеще чернеет вход в подземелье или, как мелькнула мысль, внутренности тайного помещения. По обе стороны два человека с оружием в руках, один лежит, раскрыв рот, донесся сочный храп, второй спит сидя, упершись спиной в полусгнивший пень.

— Я видел, как сюда заходят люди, — прошептал граф.

— Может быть, охотники? — предположил я.

Он покачал головой.

— В черных балахонах. Вообще-то многие по ночам служат черные мессы, но кто на них обращает внимание?.. Но сейчас я подумал, уж простите за такое...

— Спасибо, граф, — сказал я твердо. — Думать — хорошо. Думать — полезно. Думать вообще-то надо даже нам, мужчинам, а не только монахам.

Он с облегчением перевел дыхание. Я начал подкрадываться ко входу, граф тихохонько двигался следом.

Под его ногой сухо хрустнула ветка. Сидящий охранник встрепнулся и вскочил, очумело поводя сонными глазами. Я с силой ударил его кулаком в лоб.

— Чего встал? Спи!

Граф оглянулся на второго, этот продолжает похрапывать, бесстыдно распахнув рот.

— Кто бы подумал, — пробормотал он, — что спать на службе полезнее, чем бдить?

— Парадоксы воинской службы, — ответил я. — Такие и награду получают первыми.

Граф пробормотал, заглядывая в пещеру:

— Вообще-то существуют награды за военное мужество и за гражданскую трусость. Так что все может быть...

Внутри стены пещеры укреплены камнем, кто-то поработал основательно, перед нами не медвежья берлога и не скромный скит отшельника Антония.

Граф решительно отстранил меня и шагнул вовнутрь первым.

— Простите, ваша светлость, — сказал он непререкаемо, — по кодексу Индевера в такие места первым должен входить младший по титулу. А здесь он я.

Ход темный, душный, сырой воздух, я начал сомневаться, стоит ли, в это время настороженные, как у коня, уши уловили далекое протяжное пение. Множество голосов, сплетенные воедино, доносятся словно из-под земли, а через несколько шагов ход понизился, я увидел впереди красноватый свет.

Граф пригнулся, осторожно прошел чуточку еще и кивнул мне. Внизу большая пещера, целая толпа людей в темных балахонах окружает грубо вырубленную из дерева фигуру зеленого чудовища с вытянутым рылом. Освещение скудное, факелы в руках у немногих, с трудом рассмотрел у ног зверя большую чашу с темной жидкостью.

Люди склоняются, монотонно повторяют какие-то полужнакомые слова, в мозгу отзываются странные ассоциации, что-то в них древнее, дохристианское, вообще пещерное или даже допещерное.

Граф прошептал:

— Это все из-за них?

Я сказал тихо:

— Ну... в целом... да. Погодите еще...

В тепловом под балахонами видны человеческие тела,

как и в запаховом, я сосредоточился, переходя на новый вид зрения, свет факелов немного померк, но все-таки не случилось того, чего подспудно ожидал: нет сплошной тьмы, нет звериных фигур под балахонами.

— Неофиты, — пояснил я тихо. — Дураки, которых заманили то ли обещаниями великих благ, то ли подарками... Однако же на что-то купились.

— Но уже темные?

— Да, хотя еще люди, но всех нас пороки превращают в чудовищ довольно быстро...

Граф покосился на меня, даже в полумраке я видел, как побледнело лицо, а глаза заблестели сухо, как сколы слюды.

— Господи!

— Да, граф, — ответил я.

— Можем и мы?

— Не терпится? — спросил я со злой ухмылкой. — Все впереди, граф.

— Ваша светлость, — прошептал он в испуге, — что у вас за жизнь?

— Праведная, — ответил я. — Сам не понимаю, граф. Вроде бы на грешную есть и силы, и деньги...

Он сказал с убеждением:

— Тогда вы в самом деле праведник!

— Скорее, мученик.

— И непонятно, за что?

— Именно.

— Неисповедимы пути Господни...

Он высунулся из-за края, разглядывая, как миску подносят к морде чудовища. Из-под локтя выскользнул камешек и покатился вниз. Ближайшие к нам услышали непонятный шорох, повернули головы, на лицах еще не тревога, но понятное опасение.

Я поспешно дернул графа за укрытие из камней, однако снизу уже раздались крики:

— Там кто-то есть!..

- Почему стража...
- Быстро проверить!..
- К оружию!..

Граф выругался и с лязгом потащил из ножен огромный меч. Я ухватил его за плечо.

— Это не наша битва.

Он возразил с достоинством:

- В этом проходе я могу остановить целую армию!
- Если не зайдут с другой стороны, — напомнил я.

Он блеснул в темноте глазами, но не напомнил, что с другой стороны мог бы перекрыть дорогу я, сообразил, рано или поздно нас возьмут, а то и просто расстреляют из арбалетов.

— Хорошо, — ответил он с неудовольствием. — Но только потому, что вы приказываете, ваша светлость.

— Вы настоящий воин, — сказал я одобрительно. — Дисциплинированный воин в мужчине должен идти впереди рыцаря. Отступаем! И быстро, как львы.

Вообще-то это бегство, но слово «отступление» все-таки лучше, а раньше вообще говорили «ретирада», это как бы вообще даже и не отступление, а некий маневр.

Глава 12

Мы неслись со всех ног, впереди показался тусклый свет наступающей ночи, захрустели мелкие камешки, мы вылетели наружу...

...там очнувшийся страж тормозит спящего. Я пробежал мимо, а граф не удержался и с размаха засадил железным кулаком в лоб усердного дурака.

Тот рухнул, как бревно, граф догнал меня, но я услышал приближающийся конский топот и схватил его за плечо.

— Пригнитесь, граф!

Из-за серебряных в лунном свете холмов вынырнула

красивая кавалькада рыцарей в полных доспехах. Впереди лорд Морган Гриммельсдэн, что из клана Горных Рыцарей, рядом с ним молодой воин со знаменем в руках, на полотнище львы и тигры с оскаленными пастьями, следом десятка два из тех, кому недолго собираться в дорогу. По их просветленным лицам уже видно, как вламываются в дикую страну Гандерсгейма и захватывают неисчислимые богатства.

Граф начал приподниматься, на лице удивление:

— Чего он среди ночи...

— Не терпится, — объяснил я и схватил его за плечо. — Пригнитесь, граф. Даже они да не увидят нас.

— Их можно позвать, — прошептал он.

— Некогда, — ответил я. — Поступим иначе...

Я быстро сорвал со спины лук, натянул тетиву и пустил стрелу. Морган Гриммельсдэн едет красивый и величественный, полный сил и задора, в седле сидит ровно, словно продолжение коня, не качнется, что весьма кстати. Жаль, что снял шлем, ну да ладно...

Стрела щелкнула по латному плечу с такой силой, что мы услышали звон. Гриммельсдэн покачнулся, но удержался, мгновение смотрел на царапину на железе, затем выхватил меч и заорал бешено:

— Там разбойники!.. Убить всех!

Всадники дружно повернули коней. Я ухватил графа за локоть и заставил почти ползком поменять позицию. Долина задрожала от стука подкованных копыт.

Конный отряд тяжеловооруженных рыцарей неся за Морганом, как лавина. Все как раз набрали скорость, когда из пещеры выбежали служители черной мессы.

Гриммельсдэн сразу же повернул коня и с ликующим воплем «Вот они!» врезался в их ряды. Меч сверкал в свете луны, рассыпая искры, потом стал красным от крови.

Люди в балахонах не все оказались трусами, дрогнули только от неожиданности, обнаружив противника совсем не такого, как ожидали. Из-под накидок появились мечи

и длинные ножи, многие подныривали под брюхо коней и тыкали их снизу ножами. Кони дико верещали и, встав на дыбы, сбрасывали всадников, а другие просто перехватывали острым лезвием подпругу, и рыцарь падал вместе с тяжелым седлом.

Граф вскрикивал, рука то и дело шупала рукоять меча, даже вытаскивал до половины, но я зло шипел, мы только зрители, расслабьтесь и получайте удовольствие, мы же здесь, как в ложе, чего вам еще надобно...

Черномессиянцы начали отступать, рыцари с победными криками устремились за ними в узкий ход. На поле схватки осталось десятка два убитых, вдвое больше раненых.

Трое молодых парней, явно оруженосцы, начали оказывать первую помощь рыцарям, еще двое деловито добивали поверженного противника.

Я сказал тихо:

— Тихонько отступаем... больше здесь делать нечего.

Граф внезапно хохотнул. Я посмотрел с удивлением, он объяснил:

— Лорд Морган начал выполнять ваши задания даже раньше, чем предполагал.

— Вернемся в замок, — сказал я, сердце начало ныть в предчувствии неприятностей. — Надеюсь, мы сорвали планы противника.

— Я намеревался помочь барону, — сказал он нерешительно.

— У него епитимия, — напомнил я. — Ее лучше отбывать в одиночку.

Холодный призрачный свет огромной луны ярко и торжественно высвечивает утопанную дорогу к крепости. Кусты по обе стороны выглядят сгустками мрака, опасного, черного и непонятого, с расплывающимися очертаниями.

Башни и стены Альтенбаумбурга озарены золотистым светом, таким теплым и радостным, словно туда светит совсем другая луна. Граф к небу глаз не поднимал, а я то и дело прикидывал, сколько осталось до полуночи, вдруг да теперь вообще Темный Мир захватит меня в это роковое время навсегда... и не выпустит.

Зайчик идет спокойный и ровный, а Бобик все не может успокоиться, чувствует, что мы побывали где-то, а как же без него, нечестно, ненадолго исчез в лесу и приволок графу такого кабаненка, что тот едва втащил в седло.

— Подлиза, — укорил я. — Мы тебя все равно любим! Даже без твоих взяток.

Ворота распахнулись, решетка загремела, поднимаясь, здесь днем ее вообще не опускают, во дворе пусто, а у входа в главное здание граф Дэйв Стерлинг свирепо распекает двух оруженосцев. Оба виновато разводят руками, у ног кираса и шлем со свежими следами ржавчины.

Увидев нас, граф Стерлинг тяжеловесно поклонился с грацией хорошо воспитанного слона.

— Простите, ваша светлость. Как видите, молодежь любит сладко поспать. Мы в их годы...

— Да-да, граф, — согласился я. — После нас хоть потоп, как сказал Ной, а что после такой молодежи?

Он вздохнул еще тяжелее.

— Не представляю. Как вам новое хозяйство? Налаживается?

Я соскочил на землю, передал конский повод конюхам. Бобик унесся в сторону кухни, я подумал и сообщил бодро:

— Дважды два уже четыре! А будет еще лучше. Сэр Генрих, я вас оставлю ненадолго. Мне кое-что придется взять в своих покоях... И сразу же вернусь.

Стерлинг хохотнул.

— Слушайте, сэр Генрих. У герцога всего пять пальцев, но все пять — указующие.

Я намека не понял, ответил мирно:

— На моей руке в самом деле пять пальцев... но еще есть и кулак.

Стерлинг захохотал:

— Потому мы вам и присягнули, сэръ Ричард. Мы с графом подождем вас здесь, он тоже, как я слышал, невысокого мнения о нынешней молодежи.

Я кивнул и степенно прошел в распахнутые двери. Меня в молодежь, похоже, не зачисляют, хотя те двое сопливых, не умеющих драить кирасы, не намного меня моложе. А то и ровесники.

В холле навстречу метнулся старший слуга, глаза все еще трусливые, челядь только начинает привыкать к новому хозяину, торопливо поклонился.

— Ваша светлость...

— Говори, — буркнул я в нетерпении.

— Прибыли бродячие ваганты, — доложил он. — Я велел накормить их на кухне. Они готовы в благодарность исполнить несколько баллад собственного сочинения.

Я отмахнулся:

— Пусть исполняют.

Он поклонился.

— Слушаюсь, ваша светлость. Вы почтите своим присутствием или как?

— Или как, — отрезал я. — Мне о культуре надо думать, а ваганты... это не она есть.

Он еще раз поклонился и поспешно отступил. Я подумал раздраженно, что ваганты — те же вагинты, поют не о рыцарских подвигах, а о бабьих прелестях, персях, сочных лепестках розы... знаем мы эти розы, но, конечно, простому человеку их слушать приятнее уже потому, что понятнее. Но я не простолюдин, во всяком случае, выдавливаю его из себя по капле, так что вагинты идут лесом.

Да и в любом случае надо думать, что случится со мной, а также с миром в полночь. Если эту вроде бы переживем благодаря диверсии с этими каменными шарами, то что ждет мир завтра?

— Мир, — пробормотал я. — Кем я становлюсь, дурило? А что самого ждет? Подумал?

Ноги мои начали двигаться все быстрее, наконец я поспея прямо из холла вверх по лестнице. Посередине проложена толстая ковровая дорожка, подошвы не стучат нагло по камням, я мчусь бесшумный, как летучая мышь, но сам вздрогнул, когда навстречу попался плечистый рыцарь с холеным породистым лицом.

Он тоже дернулся от неожиданности, но первым пришел в себя и торопливо поклонился.

— Ваша светлость, я ваш покорный слуга, барон Альфред Бриджстоун. В прошлом вассал герцога Хорнельдона, а ныне — ваш.

— Следуйте за мной, — велел я нетерпеливо. — Присягу принесли?

— Вот прибыл...

— Все на ходу, — прервал я. — Не отставайте.

— Но... может быть... в зале?

— Вы такой комнатный, — бросил я через плечо, — а как насчет присяги на поле сражения?

Он вскрикнул пламенно:

— Это мечта! Пока недостижимая...

— Не отставайте, сэр Альфред.

— Бягу, ваша светлость, бягу...

Широкая помпезная лестница втянулась в узкую дверь и превратилась в узкую винтовую, а по бокам совсем близко пошли стены из голого камня.

За спиной стучат подошвы сапог барона, иногда слышен легкий скрежет, когда задевает шпорами камень. Винтовая лестница кружит и кружит, неприятное чувство коснулось затылка, еще когда ступил на первую ступеньку, теперь распространилось на плечи, сковало холодом спину.

Барон мчится следом послушно, как олененок за мамой. Я слышал его учащенное дыхание и сам поймал себя на том, что хриплю, как загнанный гончими зверь, сколько же тут этажей, наконец ступеньки кончились, на са-

мом верху простая дверь, но перед нею почему-то страж с копьем в руках.

Увидев нас, он не встал навытяжку, напротив, выставил копьё перед собой.

— Сюда нельзя!

Барон вскричал за моей спиной потрясенно:

— Ты хоть понимаешь, кто перед тобой?

Страж ответил нервно:

— Никому нельзя!

— Это сам герцог!

Страж твердил тем же испуганным голосом:

— Нельзя! Не велено.

Я сказал мирно:

— Нельзя так нельзя. Тебе приказали, ты выполняешь...

Он не успел охнуть, как я сделал быстрый шаг вперед. Толчок ладони отбросил острие копья в сторону, страж только выпучил глаза и открыл рот для протеста, как я схватил его за шиворот и штаны, с силой швырнул в дверь.

Раздался треск, доски разлетелись в щепы, остальное влетело вовнутрь.

Барон вскрикнул весело:

— Вы даже не постучали, сэръ Ричард!

— Теряем хорошие манеры, — согласился я. — Хорошо!

— А что хорошего?

— Уважать будут, — пояснил я зло. — Не интеллигенты идут, мужчины!

Дверь внесло в зал на три шага вовнутрь, страж стонет, распластавшись, как тюлень на суше, и даже не пытается подняться.

Я крикнул:

— Сэр Альфред, никого не впускать!

— Хорошо, ваша светлость, — бодро ответил барон. — Господи, хоть у вас тут как интересно...

Я быстрыми шагами пошел в комнату, в окна светит луна и заглядывают звезды, в глубине комнаты ко мне медленно и важно повернулся Кемпбелл.

Все еще в прежнем камзоле, широких коричневых штанах и просторных сапогах с высокими голенищами, но что-то в фигуре нехорошо и тревожно изменилось.

Я ощутил, как холод во мне стал сильнее.

— Кемпбелл, — сказал я и зябко передернул плечами, — ты кто?

Он смотрел на меня неотрывно, я видел, как еще колеблется: прикинуться ли прежним, или же сразу карты на стол, все зависит от того, каким дураком меня сочтет — простым или круглым.

— Тот, — ответил он наконец холодно и с равнодушием рептилии, — кем станете вы, ваша светлость.

Я сказал быстро:

— Кемпбелл... подумай. Может быть, еще не поздно вернуться? Может быть, еще можно как-то помочь?

Он смотрел на меня неотрывно, рот стал шире, чем раньше, а морда вроде бы чуть вытянулась вперед.

— Ваша светлость, вы еще не поняли...

— Чего? — спросил я быстро. — Скажи! Я человек широких взглядов. Вполне возможно, смогу принять иные ценности. Я вообще-то мыслю прогрессивно и толерантно... Кого мы только не признали за людей...

— Вы и были на границе света и тьмы, — произнес он нечеловечески ровным голосом, — а сейчас вот даже не замечаете, как перешли ее спокойно и незаметно... И зашли намного дальше, чем мы.

— Я не перешел! — возразил я. — Я здесь!

— Но уже и там, — ответил он.

— Ну и что? Посмотрел и вернулся!

— Все так говорят, — объяснил он. — И долго еще не верят, что это дорога в один конец. Прекрасная, широкая дорога. Признайте это, ваша светлость. И станьте одним из тех, кому править этим миром. И я снова поклонюсь вам.

— Править этим миром? — переспросил я.

— Да.

— А тем? Темным?

Он нахмурился, сказал резко:

— Тем уже правят. Но нужны те, кому доверят править этим. Все изменилось, ваша светлость.

— Не все, — ответил я.

— Все же подумайте, — произнес он, — перед кем хранить верность.

Я подумал, присматриваясь к нему, прячет ли где оружие, сказал медленно, стараясь, чтобы голос не дрожал:

— Злое дело рано или поздно губит того, кто его начал. Попробуй вернуться, Кемпбелл, как бы ты далеко ни зашел...

Он прервал скрипуче:

— Вы зашли дальше. Вам уже уготовано почетное место в Темном Мире. Среди владык.

— У меня нет тормозов, — признался я. — В слишком благополучном мире вырос. Но я верю, что мы очистим этот мир... а потом придем и туда! И там все очистим и выжжем светом веры...

Он дернулся, весь перекосясь, я застыл, глядя, как страшно раздувается лицо, превращаясь в морду, от ушей в стороны пошли растопыренные перепонки, образовав нечто похожее на рыбы плавники, а рыло вытянулось, как у крокодила.

Голос его стал звериным, но я разобрал слова:

— Ты сам... себя... убил...

— Мечтай, — ответил я зло, — мечтай, ящерица...

Он повысил голос, я едва расслышал в страшном реве:

— Чужак! Все кончено!

Я запнулся с ответом, у меня на эту классику ответов слишком много, чтобы вот так сразу, за словом в карман не лезут только те, у кого этих слов не больше десятка, а я вообще-то эрудит, так что, опоздав, выбирая самое хлесткое и образное, лишь сверкнул глазами, молчание — золото, а достойное молчание — лучший ответ лорда.

Мой меч блеснул сурово и грозно. Кемпбелл неуклю-

же отступил, одежда на нем с треском лопнула, сползла на пол, передо мной оказался двуногий ящер с толстым хвостом, в передних лапах бывшего управителя, совсем не крохотных, оказался меч — изогнутый, с диковинными глубокими зазубринами, как у пилы, но с обеих сторон, и нелепой рукоятью, где слишком много декоративной отделки.

Его меч вовремя встретил мой, зазвенела сталь. Я старался наносить удары тяжелые и сильные, надеясь сломить его оборону и выбить меч из его лап, хорошо бы захватить эту тварь живой, однако Кемпбелл отбивал удары легко, словно в моих руках хворостинка.

— Прими, — прорычал он, — свою судьбу...

— Я ее давно принял, — ответил я и, увернувшись, нанес косой удар. Кемпбелл легко парировал, в свою очередь, попытался достать меня с длинного замаха. — И вообще... я... ее хозяин...

В дверном проеме появился бледный барон Бриджстоун, ахнул, выдернул меч из ножен.

— Ваша светлость!.. Помочь?

— Спасибо, сэр Альфред, — крикнул я. — Бегите вниз! Пусть сэр Гатер распорядится оседлать всем нам коней.

Он исчез, а Кемпбелл прорычал:

— Как ты не понимаешь... Там тебе дадут больше!

— Сколько?

— Никто не может дать больше, — заверил он. — Наш хозяин — властелин мира!

— Ого, — ответил я, — наверное, у него очень маленький мир. Поместится в скорлупку ореха.

Он проревел, мгновенно переходя к еще большей ярости:

— Как ты смеешь...

— Да вот так, — ответил я и быстро прикинул, сколько мне отступить до двери, — как-то смею. Я ж человек, а не рептилия хвостатая.

Он сказал зло:

— Мечтаешь убежать? Да, ты выйдешь отсюда, но только... в гробу!

— Как мило, — ответил я. — Но я тебе и этого не обещаю.

Он двинулся на меня, но я уже успел запомнить все его движения, хоть и очень быстрые, но довольно однообразные, сказано — рептилия, сделал обманное движение и резко ударил дважды крест-накрест.

Хвостатая тварь постояла, глядя на меня в непонимании, затем очень резко развалилась на четыре окровавленных куска.

Я хотел метнуться к двери, но оттуда вбежало с десяток одетых в черные балахоны фигур с опущенными на лица капюшонами, теперь хорошо понимаю, почему такое смирение и потупленные в землю глазки даже не морд, а зеленых рыл.

Заорав дико, я крутнулся на месте и с поднятым мечом бросился в другую сторону. Никто не уступил дорогу, как я ожидал, напротив — выставили перед собой мечи, ножи и дротики.

Я заорал еще громче, стараясь нагнать страх, проломился, весь в легких порезах, ударился в окно и, выломав раму, вывалился наружу.

Мелькнула мысль превратиться во что-то крылатое, но за эти короткие секунды падения пролетел все этажи и так шарахнулся о землю, что в голове помутилось, а тело дико закричало о сломанных костях.

Оба графа, Дэйв Стерлинг и Генрих Гатер, все еще у двери, в красивых и полных достоинства позах беседуют степенно и с величавыми жестами. Я ударился о мощный брусчаткой двор с такой силой, что оглох от треска своих костей и ослеп от боли, когда порвались связки по всему телу.

Стерлинг удивленно обернулся на звон мнущегося металла. Гатер еще только поворачивал голову, как Стер-

линг оказался возле меня, глаза огромные, как у морского окуня.

— Вы в порядке, — вскричал он, — ваша светлость?

Я простонал сипло:

— Сейчас запою...

— Встать сможете? — спросил он с надеждой.

— Петь смогу и лежа.

— Лучше молчите, сэр.

Подбежал Гатер, молча подхватил под руку, я с трудом поднялся, подо мной широкие брызги выплеснувшейся при ударе крови. Стерлинг тоже взялся заботливо поддерживать с другой стороны, но где бы ни ухватился, становилось еще больнее.

Я отстранил, сказал злобно:

— А где заботливо уложенные мешки с сеном? Где навес торговой лавки? Что творится в этом мире?

Стерлинг спросил испуганно:

— А что, должны быть?

— А как же, — прохрипел я, ребра больно щелкнули, срастаясь. — Всегда, когда падают с такой высоты... Должно же быть объяснение...

— Сэр...

Он смотрел обалдело, уверенный, что от удара в моей голове все перемешалось.

Из башни выбежал барон Альфред Бриджстоун, закричал обрадованно и одновременно обиженно:

— Ваша светлость, вы уже здесь?.. Покажите и мне ту короткую дорогу?

Стерлинг посмотрел на Гатера, тот взглянул на Стерлинга, кисло поморщился.

— Я ему сам покажу.

Я прохрипел:

— Надо уходить.

— Почему? — спросил наивно Стерлинг.

— Будет погоня, — пояснил я. — Обещаю.

— Спасибо, ваша светлость, — сказал он то ли с сар-

казмом, то ли с таким ликованием. — Вы так обрадовали, что просто не знаю!

Все трое обнажили мечи, Стерлинг посматривал с опаской, наконец спросил очень осторожно:

— Если вы из окна леди Эмили... то вопросов нет, ваша светлость. Но если вдруг...

Он замялся, я сказал раздраженно:

— Да какая леди Эмили? Я настолько похож на дурака? Да знаю, что веду себя по-дурацки, но не всегда же?.. Дорогой барон, расскажите нашему новому другу, что за зверя вы увидели на месте нашего управителя Томаса Кемпбелла. Вернее, в его шкуре.

Стерлинг вздрогнул, перекрестился.

— Господи! А сам Томас?

— Откуда мне знать? — огрызнулся я. — Может быть, Томаса давно уже нет. Но эта тварь была просто невероятной. Наверное, соответствует по рангу нашему рыцарю-крестоносцу. И ничто на нее не действовало. Ни крест, ни молитва...

Стерлинг посмотрел на меня с вопросом в честных глазах.

— А... сталь?

— Сталь сработала, — огрызнулся я. — Но это грубо. Не должен герцог, как будто и не герцог вовсе!..

Барон Бриджстоун сказал честно:

— Кемпбелла я не видел, но слышал какой-то звериный вой... И вообще за мной будто гналась целая толпа демонов!

Глава 13

Из караульных помещений выскочили стражи, трое сбежали с крепостной стены. Явился Марсель в полных доспехах и тоже с обнаженным мечом. Граф Гатер, уловив мой кивок, быстро принялся вводить их в курс дела.

Марсель охнул, лицо посуровело.

— Жак, — велел он резко, — бери копейщиков, очисти башню.

Воин, которому он приказывал, сказал лихо:

— Будет сделано! Но, может, лучше дождаться, когда выскочат? Они же должны гнаться за его светлостью? И бароном?..

— Раз не показываются, — прорычал Марсель, — значит, замышляют... Быстро! До самого верха!.. Тибор и Сингер, расставьте караулы. Проверяйте всех, кто посмеет опустить на морду капюшон. Сразу рубить, если что, понятно?

Оба заверили:

— Понятно...

— Будет сделано!

Он взглянул на меня, лицо стало совсем суровым и нахмуренным, на лбу выступили мелкие капельки пота. Я ощутил опасную близость полуночи, а это та грань, когда мое темное нутро позволяет переходить линию Света и Тьмы или, скажем прямо, Добра и Зла...

— Бдите, — сказал я. — А я...

Холодная волна появилась слишком быстро. Я не успел ни удалиться, ни что-то и как-то объяснить, лютей холод пронзил внутренности, а в следующее мгновение голова закружилась, в глазах померкло, я обнаружил себя посреди холодной смрадной равнины, полной уныния и тоски, недалеко от блестящих от слизи руин циклопических зданий.

В небе висит, как молот над муравьем, страшная луна, слишком огромная для этого неба. Я нащупал серебряный крестик на груди, пальцы втиснули его в ладонь и сжались в кулак.

Ну хоть какую-то поддержку бы! И хотя вроде бы люблю все в одиночку, такой вот герой, но это больше рисуюсь, а так отчаянно нуждаюсь в ком-то, прикрывающем спину.

Воздух сырой, гнилостный, пахнет запустением и нечистотами. Серый ползучий мох скрыл все камни, я отчетливо вижу, как шевелятся ворсинки. Далеко-далеко в дикой тоске закричал зверь, нечто неживое в этом душе-раздирающем вопле, с другой стороны откликнулся такой же монстр и захлебнулся в судорожном кашле.

Я пробирался между руинами, часто с непривычки оскальзывался, в моем мире подошва крепко стоит на таком камне, а здесь почти всегда все покрыто толстым слоем слизи.

Мертвенный свет холодно и равнодушно отражается от мокрой поверхности камня. Я настороженно присматривался, непонятные строения тянутся справа и слева. То ли жилые, то ли давно заброшенные, от всех несет унынием, тоской и обреченностью, как от давно махнувших на себя рукой людей.

Я прислушивался изо всех сил, могильная тишина давит на уши. Даже в небе, где быстро бегут тяжелые лохматые тучи, абсолютно тихо, хотя у нас бы все сотрясалось от грома и грохота.

Только слабое чавканье под ногами, будто иду по нескончаемому болоту.

Я даже подпрыгнул, когда над головой раздался злой насмешливый голос:

— Люблю, когда мясо само приходит!

Голос явно женский, хотя злобы и ненависти в нем на десять демонов. Я выхватил меч и отскочил назад, в который раз подумав, что в Темном Мире мое чутье на опасность срабатывает далеко не всегда.

Спереди прыгнули с темных уступов, загоразживая мне дорогу, разукрашенные по всему телу татуировкой, совершенно обнаженные женщины.

В руках кривые мечи с широкими лезвиями, рукояти короткие, зато над эфесами поработал какой-то сумасшедший дизайнер, красиво, но крайне неудобно в

бою. Такие мечи больше для устрашения, чем для реальной схватки.

Сзади послышались мягкие удары о землю. Я не стал оглядываться, понятно, такие же отрезают дорогу к отступлению. Сердце уже не стучит учащенно, как при входе в этот мир, а колотится в панике. Меньше всего хотелось бы драться с женщинами. Во-первых, женщин бить нельзя, это усвоено твердо, а если приходится драться, то должны как-то убиваться сами, ну там поскользнуться и упасть виском на острый камень, выпасть из окна или нечаянно убить одна другую, а я, даже весь израненный, должен только отступить и защищаться...

...во-вторых, женщина с оружием куда опаснее мужчины, потому что мужчина часто берется за меч из необходимости и еще потому, что от него этого ждут. Он как бы обязан, статус мужчины подразумевает некие мужские действия и поступки, потому с мужчиной всегда можно договориться. Если его победить в поединке — не ударит в спину, честь есть честь. Но если женщина берет в руки оружие, то жаждет драться, а уж зачем ей это: самоутвердиться или насладиться муками других — для меня важно, это очень серьезные противники.

Ненавижу баб с оружием, мелькнуло в мозгу, но я выдал улыбку и прокричал с предельным восторгом:

— О, сколько красивых женщин!.. Я в раю!

Одна, страшная, как смертный грех, прошипела злобно:

— Сейчас ты узнаешь рай...

Вторая сказала громко:

— Новенький... Еще не понимает.

— Свежее мясо, — сказала третья.

— Молодое, — добавила еще одна.

Я торопливо шарил взглядом по их лицам, нет, все смотрят, как на кролика, которого надо забить, снять шкуру, а мясо сожрать едва-едва прожаренное.

— Свежее, — согласился я. — Хотя малость вспотел...

Может быть, сперва помоемся? Вместе, конечно. А то запахи, знаете ли...

Они злобно расхохотались, одна сказала насмешливо:

— Вы слышали? Запахи! Это вонючее животное уже испачкало штанишки!

— Да, — согласилась еще одна громко и шумно потянула ноздриami воздух. — Запах не спрячешь.

Ее лицо дергается, как у нервнoбольной, перекашивается жуткими гримасами, грубая татуировка даже на щеках, однако новая волна страха прошла по спине: это не татуировки, это... шрамы. Шрамы от умело нанесенных разрезов, которые уже ни убрать, ни смыть.

Первая и еще две начали приближаться, широко и провоцирующе двигая исполосованными толстыми рубцами бедрами. Груды вызывающе подкрашены, что тоже как бы вызов обществу, морали, приличиям и всем устоям: смотрите, не прячем!

— Эй-эй, красотки, — сказал я громче. — Меня этим не возьмешь! Давайте что-то посерьезнее!

— А чем тебя возьмешь, — проворковала она насмешливо, — красавчик? Или, точнее, за что тебя надо брать... сразу?

Остальные захохотали, подчеркнуто грубо и вызывающе, как девочки-подростки, что в стае чувствуют себя увереннее и нагледят так, что куда там парням, те умеют останавливаться, потому что их с детства приучают быть самостоятельными, а это значит — не только бить, но и получать удары.

Я наконец выставил перед собой меч и встал в боевую стойку. Сердце колотится, как сумасшедшее, в самом деле смертельно перепуган, предпочел бы встретить вдесятеро больше мужчин, чем эту дюжину женщин.

Когда на тебя бросается собака, это неприятно, но все-таки понятно и ожидаемо, все-таки рычала и гавкала, а вот когда бросается кошка, это всегда гадко, страшновато и непонятно. Нападение собаки как бы честнее, хотя ни-

кому не понравится, но стократ отвратительнее, когда прыгнет с растопыренными когтями и злобным шипением кошка, они должны ласково нежиться в кресле и мурлыкать...

Женщина с оружием — это нечто противоестественное человеческой натуре. Женщины не должны брать в руки оружие, их сила совсем в другом.

Они обошли меня со всех сторон, одна сказала хриплым мурлыкающим голосом:

— Давайте возьмем живым?.. Так хорош... Я буду отрезать по кусочку... и даже ему дам пожевать своего...

Вторая ответила с предостережением:

— Он не выглядит перепуганным.

— Значит, совсем дурак!

— Я бы не хотела, — сказала вторая, — чтобы кого-то убил или хотя бы ранил...

— Почему? — спросила первая жестоким голосом. — Ты же любишь доедать раненых!

— Нас и так осталось всего двенадцать человек, — ответила вторая угрюмо.

Я крикнул:

— Эй, вы что, и своих едите?

Первая прорычала:

— А ты как думал?.. Свои даже слаще...

Они злобно хохотали, переговаривались, что и как будут вырезать из моего еще живого тела, гримасничали, все грубо и подчеркнуто отвратительно, словно хвастаются друг перед другом своим падением, своей способностью творить гнусности.

— Девушки, — сказал я дрожащим голосом, метаболизм едва не разбрасывает на куски, — да... вай... те... не ссорить... ся...

Они захохотали, показывая отвратительные рты, и хотя зубы совсем не вампирьи, мне показались жуткими. Я задержал дыхание, все замедлилось вокруг, а ноги сами бросили вперед...

Этого женщины не ожидали.

Разъяренных кошек, надо остановить... как забравших из джунглей в город пантер... любимыми способами... Это мелькало обрывочными кровавыми ошметками в мозгу, а во все стороны брызгает горячая кровь, я верчусь в таком ускоренном темпе, что вот-вот раскалюсь докрасна, как Батарадз. У первой же я выхватил меч и дальше рубил уже двумя. Лезвия рассекают мягкую, как желе, плоть, рукояти иногда вздрагивают в ладонях, когда острая сталь рубит, как тонкие пруттики, кости...

Меня еще трясло, когда последняя с хриплым вскриком рухнула на тела подруг. Она захлебывалась собственной кровью, пыталась приподняться, но руки подламывались, падала лицом в каменный пол. Я успел перехватить ее гаснувший взгляд, никакого вызова, только страх и запоздалое понимание, что мужчины могут дать сдачи.

Я остановился, тяжело дыша, дико огляделся. Еще трое дергаются, скребут покрашенными ногтями землю.

— Ну и зачем? — прохрипел я. — Нашли способ самоутвердиться, дуры... Лучше бы носки вязали.

Некоторые еще дергались, приподнимались, я видел их лица, уже не искаженно-звериные, а страдальчески женские, в сердце кольнула острая жалость, но если допустить ее в сердце глубже, останусь жить с чувством вины, и я схватил эту жалость за скользкий хвост и вышвырнул, прорывав зло:

— За что боролись, на то и напоролись, дуры! Дохните теперь.

Мелькнула мысль, что это не та победа, которой буду бахвалиться. Более того, вообще не упомяну. Хотя демократ и общечеловек местами, но все-таки женщины пока что даже в моем срединном как бы не люди. Права им дали, а обязанностей в полную меру не взвалили. Потому мужчин убивать можно и нужно, а женщин нельзя... нет, уже можно, но пока еще нехорошо.

Вот когда будет все равно: убивать мужчину или жен-

щину — это и будет расцвет равноправия и демократических ценностей. И когда-нибудь доживем до этого долгожданного и счастливого времени.

Но сейчас гадко, а чувство вины все равно пригибает плечи, будто несущий горный хребет. Знаю же, что женщины, слетевшие с катушек, натворили зла больше, чем несчастный маркиз де Сад, чье имя стало нарицательным, одна только графиня Батори замучила и убила невинных девушек в десятки раз больше. Да и другие не отставали от нее, было такое поверье, что если принимать ванны из крови девственниц, то останешься вечно молодой, а женщина ради молодости пойдет на все...

Так что я убил не женщин, а преступников. И не убил, а исполнил приговор, к тому же смягчил его до невозможности: их бы всех на медленном огне, а я всего лишь, да...

Ладно, в прошлые разы я приходил, можно сказать, как дурак, без всякой цели. Вообще не приходил, а попал, проваливался сюда, оказывался в этом мире. В этот раз я пришел уже осознанно. Хотя, конечно, не пришел, а снова провалился, но на этот раз был готов. Теперь у меня есть цель.

У мужчины всегда есть цель.

И все-таки тягостное чувство страха и обреченности все больше заползает в душу. Я пытался храбриться и говорить себе, что и не такое видывал, но себе-то могу признаться, что ничего подобного не видывал точно.словно в преддверии ада, где нет надежды, нет ничего радостного, а только тоска и ощущение полной незащищенности.

Я снова шарил безнадежным взглядом по сторонам — где-то же должен быть близко Альтенбаумбург. В прошлые разы меня не сдвигало так далеко в сторону. Тьма для меня не помеха, к тому же взошли все три луны, но видимость резко ограничивает неприятный туман, грязный и дурно пахнущий, все время чувствую страх, что совсем близко бродят опасные твари, а я их не вижу.

Послышалось далекое чавканье, я прислушался, шаги приближаются в мою сторону, не слишком легкие и не тяжелые, уверенные, неизвестный не осторожничает, места для него знакомые.

Я пригнулся, чтобы рассмотреть его раньше, чем он меня, через пару минут в тумане наметился человеческий силуэт, начал наливаться плотью под чавканье болота, оброс одеждой старинного покроя...

Мой меч был уже в руке, когда я выпрыгнул навстречу с воплем:

— Не двигаться!.. Убью!

Человек от неожиданности попятился, споткнулся и рухнул спиной в жидкую грязь. Я навис над ним, огромный и грозный, острие меча упер в грудь.

— Ты кто?

Глава 14

Его глаза полезли на лоб, инстинктивно пытался отползти, ерзая спиной и задницей, как ящерица. Я усилил давление на меч, мол, пропору насквозь, и он устрешенно затих. Я рассматривал его с омерзением, вроде бы не верю ни в каких ломброз, но здесь все слишком явно и четко. На этой уродливой морде, как говорили раньше, отпечатались все пороки, какие только может придумать человек. И сластолюбие, и чревоугодие, и подлость, и предательство, и способность улыбаться широко и тут же ударить в спину.

— Я?.. — проговорил он дрожащим голосом. — Я. Не убивайте меня, хозяин!

Я чувствовал себя так, словно стою по колена в нечистотах и пытаюсь там что-то выудить, а это урод смотрит снизу вверх со смесью страха и трусливой злобы. Лицо дергается, губы то пытаются растянуться в заискивающую улыбку, то превращаются в щель, похожую на капкан для мелких зверьков.

Я переместил острие меча к его вздрагивающему каддыку.

— Ответствуй, тварь дрожащая... Ты же человек, почему среди этих тварей?

Он проговорил быстро-быстро, захлебываясь словами:

— Когда утром повесят на городской площади, ночью выслушаешь любого!.. Там нашелся один, объяснил, как спасти шкуру. Я это сделал. А как еще? Кто бы дал себя повесить, если есть шанс уцелеть? И хотя здесь не мед, но жив, а разве не жизнь — самое ценное для человека?.. Неважно, как жить, лишь бы жить!.. Лучше быть живым псом, чем мертвым львом...

Я прорычал:

— Грамотный, Экклезиаста читал. Может быть, даже из благородной семьи?.. Нет, тогда бы на плаху... И много вас таких?

Он переспросил угодливо:

— Людей?

— Да!

— Не слишком, — сказал он торопливо, — но есть, есть... Было больше, но тут выживаемость плохая. Кроме того, часто забирают нас на обед к Властелину.

Я съязвил:

— В качестве блюда?

Он ответил так серьезно, что у меня побежали мурашки по коже:

— Да. Но что делать? Всяк надеется выжить. Они едят, но не всех же... Да, я вижу по вашему лицу, хозяин, все вижу... но если бы я не принял их условий, давно уже болтался бы в петле. А так я жив!

Я поморщился.

— Разве это жизнь? Ты мертвее трупа. О погибших хоть дети помнят, цветы кладут на могилку каждый год... Эх, что за тварь! Не хочу о тебя марать благородное лезвие. И камня рядом нет, чтобы прибить, как ядовитого паука...

Он завопил:

— Не убивайте!.. Только не убивайте!.. Что угодно делайте, только не убивайте!..

Я вскипел, занес над ним меч, всего трясет от необузданной и вообще-то не свойственной мне ярости. Он закрыл руками голову и зажмурился, будто так можно убежать от меча.

Я заорал:

— Кто всем этим командует?

— Как это?

— Кто ваш повелитель?.. — рявкнул я. — Кто это придумал, пробиваться в наш мир?

Он прокричал дрожащим голосом:

— Это всегда было!.. Всегда пробивались... Все тысячи лет...

— Но что-то я раньше не видел!

Он посмотрел сквозь растопыренные пальцы, я сделал зверское лицо, он сказал торопливо:

— Раньше не могли! Но теперь с той стороны помогают...

— Кто?

— Говорят, Темная Фея!

— Почему?

Он сделал попытку пожать плечами, но острие моего меча блестит прямо перед глазами, и он остался неподвижным, только прошептал:

— Она выращивала будущего повелителя сразу двух миров, который объединит их... Для него уже изготовлена особая корона, что ждала своего часа тысячи лет. Тот, кто ее наденет, станет властелином. Не будет Темного мира и Светлого, а только один...

— Темный?

— Да...

Я сцепил зубы, подумал, рыкнул:

— Где сейчас Темная Фея?

— Она не здесь!

— А где?

— Все еще в том, — проговорил он быстро, — откуда вы пришли... и откуда я тоже... Но для нас он закрыт.

— Не для меня, — отрезал я жестко. — В каких краях, знаешь?

Он ответил нерешительно:

— Раньше жила в Янтарной Капле! Но сейчас... не знаю.

— Янтарная Капля — это край или замок?

— Скорее, замок... как я слышал.

Я смерил его злым взглядом, надо бы убить этого миониона, но трудно лишать жизни того, кто отвечает на вопросы искренне и быстро.

— Спасибо, — сказал я коротко.

Он начал растерянно улыбаться, я резко ударил рукоятью его в голову.

Слабо хрустнуло, словно переломилась височная кость. Он растянулся, как жаба на дороге, бессильно разбросав руки и запрокинув голову, огромный кадык торчит остро и незащитно.

Ладно, если я перестарался, то все к лучшему. Такие не должны жить даже здесь.

Я убрал меч в ножны и торопливо побежал дальше.

Не знаю, как местные научились прятать свой мир, но, признаю, преуспели. По словам Илларианы, они отделились от общего древа еще раньше их. Хотя, может быть, это люди от них отделились, а они под влиянием какого-то хтонического культа сменили человеческие ценности на нечто иное, долго и упорно развивались в этом направлении, пока не обособились еще больше, чем племя Илларианы. Те хоть живут в нашем мире, а эти сумели спрятаться, обособиться, изолироваться так, что попасть к ним могут только... разделяющие их ценности.

Кроме того, владеют какой-то древней чертовщиной, что их самих меняет по странным для меня законам или параметрам и начинает оказывать влияние на уязвимые

места в нашем мире. Марсель говорил, что в полночь в одном месте Альтенбаумбурга сдвинулись стены, некоторые комнаты изменили пропорции, а еще довольно большая комната вообще исчезла...

Да я и сам видел тех бараноящеров, рука человеческая не в состоянии создать такое изощренное уродство. Если этих конкистадоров не остановить, будут все больше вторгаться в наш мир, менять его, подстраивать под свой...

Из стены грязного тумана выступили на удивление прямые и высокие, как сосны, деревья, ветки только на верхушках. Туман настолько плотен, что я с разгону наталкивался на их гладкие, словно стеклянные, стволы, с омерзением отпихивался, чувствуя на ладонях отвратительную слизь, клейкую и смрадно пахнущую.

Под ногами трещит, будто бегу по высохшим человеческим костям, странное ощущение, когда трещит и одновременно хлюпает, чавкает, плещется...

Направление я потерял давно, ничего похожего на прежние места, где был в прошлые разы. Также никаких признаков, что где-то вблизи Альтенбаумбург, пусть даже измененный. Тоже необъясненная странность, как будто могут наблюдать за нами и строят такие же крепости то ли как полигоны для тренировок по захвату, то ли за возможность изменять пространственные характеристики пришлось им отдать творческое начало...

Впереди послышалось чавканье. В тумане хоть глаза выколи, но гремучая змея различает колебания температуры в тысячную долю градуса и прекрасно видит в полной темноте любую мышь на приличном расстоянии, а я хоть и не змея, и зрение у меня не такое мощное, но тоже рассмотрел в тумане очень отчетливо троих приземистых людей, что уже начали перерождение в ящеров. Один почти ящер, второй еще человек, а третий как раз посредине пути.

Я зло ухмыльнулся, их всего трое. И достаточно новый вид. Проверим-ка его на прочность...

Утреннее солнце поднялось из-за края земли и острыми лучами колело меня прямо в глаза, когда я взбежал на холм и увидел внизу в долине Альтенбаумбург.

— Ура, — прошептал я. — Все-таки в своем мире — это в своем! Здесь у меня чутье, как у гуся. Или утки. Даже скворца, что через океан прямо к своему скворечнику...

На стене моего исполинского скворечника закричали, створки ворот торопливо пошли врозь, как крылья гигантской бабочки.

Марсель ахнул, увидев меня и мои доспехи. На этот раз не просто исцарапаны, исклеваны и помяты, а просечены насквозь, удивительно, что не ссыпались, как высохшая рыба чешуя.

Я молча бросил на землю чудовищную голову желто-зеленого змея. Из грубо отрубленной шеи все еще выдавливается зеленая слизь.

— Так проходит земная слава.

Он спросил осторожно:

— Это... был вожак?

— Был, — подтвердил я. — Сейчас ему вряд ли доверят в аду даже свиной пасти. Дурак, что еще сказать?

Он посмотрел на меня с великим почтением.

— Я бы назвал их дураками тоже.

Стражники, побросав копья, принялись снимать с меня железки торопливо и почтительно, на лицах страх, безмерное уважение и восторг. От одежды тоже клочья, но на теле нет жутких кровоточащих ран, каких ожидал увидеть встревоженный Марсель.

Он посмотрел озадаченно, у стражников вообще распахнулись пасти, как у голодных пеликанов.

— Господь, — сказал я значительно, — защищал меня и там... А-а, сэра Гатер! Как спалось? Что-то у вас помятый вид! Случилось нечто?

Гатер сказал мрачно:

— А вы как думали? Мы тут чуть с ума не сошли. Вы

исчезли прямо на глазах! Все вас ждали, чего только не передумали.

— Представляю, — сказал я. — Никто не рассмотрел, как меня утаскивали в ад?

Он замялся.

— Да пока только догадки...

Стерлинг добавил почтительно:

— Вы ушли так... необычно.

— Да я вроде попрощался, — пробормотал я. — Или не успел?.. Проклятая рассеянность... А еще герцог. Ладно, дорогие друзья, идите спать, все почти в порядке. Я, правда, рассчитывал, что вы поможете мне в одном деле...

Марсель сказал встревоженно:

— Я так и подумал, когда услышал это «почти».

Но оба графа вскинулись, как будто подброшенные пинками. На лицах готовность идти за таким сюзереном хоть в ад, откуда я только что вернулся с боевым трофеем.

— Ваша светлость? — спросил Гатер жадно.

— Ваша светлость! — воскликнул Стерлинг.

— Мне крайне надо предпринять небольшое путешествие, — объяснил я. — Очень даже.

— Опасное? — спросил Гатер с загоревшимися глазами. — Ох, простите, ваша светлость, за глупый вопрос!.. Конечно же, как же может быть еще! Это же вы, тот самый Ричард Длинные Руки!

Я пробормотал недовольно:

— У меня уже такая репутация?.. Гм... А я все хочу влипнуть в историю как мудрый, спокойный и величавый правитель. И чтоб к имени была приставка «Строитель», «Мудрый» или хотя бы «Мирный». Ладно, для стройки надо сперва очистить место. Кто знает, что такое Янтарная Капля?

Они переглянулись, мне показалось, что у всех вытянулись лица. Граф Гатер стиснул рот, словно оттуда рвется такое, что очень не хотелось бы произносить вслух,

граф Стерлинг переминается с ноги на ногу, а Марсель проговорил с несвойственной ему нерешительностью:

— О той ли речь...

Он запнулся, Гатер буркнул:

— Насколько знаю, других с таким названием нет.

Марсель посмотрел на меня сузившимися глазами.

— Ваша светлость...

— Да говори же, — сказал я нетерпеливо. — Что случилось? Чего вы все тянете?

Оба графа снова промолчали, Марсель ответил хмуро, но уже привычно бесстрастным голосом:

— Ваша светлость, та местность пользуется нехорошей славой.

Я изумился:

— Всего-то?

Он сказал значительно:

— Не зря, ваша светлость.

— Отвага, — сказал я, — как и мудрость, начинается там, где заканчивается страх. У страха глаза велики и слабый мочевой пузырь. Насколько человек побеждает страх, настолько он человек. Так чего нам страшиться, если мы не просто люди, а мужчины? Не просто мужчины, но и воины? И не простые, а рыцари!

Я говорил с подъемом, они снова переглянулись, наконец граф Гатер проговорил с бледной улыбкой:

— Да, ваша светлость. Уже сотни лет, если не больше, эта долина пользуется грозной славой. Пора в самом деле проверить, заслуженно ли...

— Любая защита со временем слабеет, — сказал я ободряюще. — Если за все эти годы ту долину только обходили стороной, то там все рассыпалось... Найдутся ли добровольцы сопровождать меня? Подчеркиваю, добровольцы!

К нашему разговору прислушивалось несколько воинов, один сказал торопливо:

— Мы все пойдем за своими сеньорами.

— Прекрасно, — сказал я. — Кто оседлает первым, тому золотой. Последнего оставим дома.

Их как ветром сдуло, на каждого коня бросалось по несколько человек, стараясь помочь своим.

Я провел ладонью по лицу, сгоняя усталость, что нахлынула, как морская волна, и накрыла с головой, повернулся к Паньюлю.

Он осматривал меня с головы до ног с напряженным вниманием. Доспехи с меня кое-как стащили, некоторые части пришлось оттирать с засохшей кровью, рубашка тоже в коричневых пятнах, одного рукава нет вовсе.

— Вам надо все это смыть, — сказал он хмуро. — Сейчас девки приготовят бадью с горячей водой...

— Некогда, — вздохнул я. — Я бы еще как рад! Надо спешить.

Он спросил почтительно:

— Подготовить отряд сопровождения из крепости?

Я покачал головой.

— Маленький ударный отряд мобильнее большого войска. В данном случае так лучше. Надеюсь, в арсенале герцога отыщется еще комплект приличных доспехов?

Он проворчал:

— Может быть, приготовить к ночи?

Я покачал головой.

— Возможно, к ночи придется готовить еще один.

Он охнул:

— Господи! На вас не напасешься, ваша светлость. Так и до разорения недолго.

Он старался говорить бодро, даже шутливо, но в глазах страх, на лице сильнейшая тревога.

— Надеюсь, — ответил я, — затяжной войны избежим. Я люблю все заканчивать миром. Надеюсь, все-таки меня назовут Ричардом Миротворцем. Ну, или как получится.

Он кивнул:

— Да, скорее, как получится.

Он быстро подозвал двух воинов, отдал приказы, те

унеслись со всех ног. Из дверей продолжал выбегать народ, на меня смотрели со страхом, что для правителя в первые дни вообще-то хорошо.

— Ваша светлость, — проговорил Марсель, — все-таки позвольте сопровождать вас!

— А кто будет бдить здесь? — спросил я. — Хотя, как видишь, я не особенно и возражал, когда напросились благороднейший граф Гатер и доблестный граф Стерлинг...

— И барон Уроншид, — крикнул сэр Гедвиг еще издали. — Ваша светлость, гнать будете — не пойду! После того как вы исчезли, чего мы только не передумали!..

— Тогда распорядитесь подготовить себе коня и доспехи, — сказал я. — Выступаем немедленно, барон. Без всякого пира!

Они все еще посматривали с великим изумлением на мою одежду, что уже и не одежда, а едва скрепленные друг с другом окровавленные клочья. Только крестик на шее уцелел, его подарил на прощание папский легат, кардинал из Ватикана, хотя серебряная цепочка совсем тоненькая, вообще могла бы перетереться.

Мне хватило несколько минут, чтобы обтереться мокрой тряпкой, сменить одежду, после чего на мне, как на манекене, закрепили рыцарские доспехи.

Я взмахом руки отослал слуг, осмотрел себя в зеркале на стене. Выгляжу неплохо, лицо похудело, ушла детская припухлость щек, уже давно смотрюсь резким и напористым, да среди этого неспешного мира и стал таким, плечи все еще раздаются от постоянных нагрузок, грудь широка, железо панциря ношу с легкостью...

Тихий мелодичный звон шпор раздался от противоположной стены. Меня окатило холодом, я остался неподвижен и с виду расслаблен, но глаза скосил в ту сторону.

В комнате я один, подсказывает зрение, даже тепловое ничего не обнаружило, я лихорадочно задействовал все

чувства. Голова закружилась так, что оперся о стену, мир стал цветным идвигающимся, однако я уже знаю, как выглядит моя комната в запаховом...

...а вот эта шершаво-сладкая струя движется ко мне, могу определить рост, массу, даже форму фигуры. Мужчина средних лет, поджарый, достаточно крепок, не голоден, состояние напряженно-возбужденное, особой агрессии нет, но чувство превосходства зашкаливает...

Я выждал, когда он приблизился на расстояние двух шагов, зевнул и, лениво поворачиваясь, начал сладко потягиваться, незнакомец чуть-чуть отстранился, когда моя рука оказалась в опасной близости от его лица, а я, уже все высчитав, ударил сильно и резко.

Кулак впечатался в твердое, то ли челюсть, то ли нос, незнакомец отшатнулся, но устоял на ногах. Я прыгнул на него, сбил наземь и, выхватив нож, прижал лезвие к пока незримому горлу.

— В невидимочек играемся? Да таких у нас на базарах пучками продают!

Он хрипел, со стороны посмотреть, я лежу на воздухе над полом, нож тоже держу в пустоте, однако из-под лезвия показалась алая кровь.

Подо мной прохрипело:

— Сдаюсь...

— Прими надлежащий вид, — прорычал я люто. — Я тебя и так вижу, но перед герцогом никто не смеет быть в неподобающем виде!

Черед долгую минуту начала проступать цветная одежда, сапоги, затем голова, кисти рук. Я навис, прижимая к полу рослого, сухощавого мужчину, у него запавшие умные глаза, щеточка усов, взгляд испуганно-удивленный, старается не дышать, лезвие моего ножа прижато к сонной артерии.

— Ваша светлость, — сказал он умоляюще.

Я убрал нож, поднялся и отступил к столу. Он встал медленно и с опаской. Я сел на край стола, свесив ногу.

— И что?

Он сказал торопливо:

— Ваша светлость! Спешу заверить, у меня никаких злых намерений. Иначе, как вы понимаете, я бы мог ударить сразу.

Я кивнул:

— Знаю. Потому ты еще и жив.

Он слегка опешил, затем натянуто улыбнулся.

— Да-да, вы же заметили меня сразу... Я Фридрих Мартин фон Боденштедт, младший сын лорда Бальтасара. Богатством не наделен, подвигами не отмечен, но мне повезло кое-чему научиться у побывавших у нас магов, поэтому я сразу же поспешил в Альтенбаумбург, как только услышал, что прибыл герой, сумевший одолеть самого Хорнельдона.

— Зачем? — поинтересовался я. — Потягаться силой?

Он испуганно потряс головой.

— Нет-нет, я не рвусь к подвигам. Просто хотел предложить вам мои услуги. Мое появление в таком виде глупость, конечно, мальчишество. Хотел произвести впечатление... Простите, ваша светлость.

Я кивнул.

— Ладно, забыто. Сам, наверное, не удержался бы.

— Ваша светлость, — сказал он покаянным голосом, — я только хотел продемонстрировать, что я пригожусь вам в вашей войне...

— Как?

Он взглянул с недоумением.

— Могу неузнанным пройти в лагерь варваров, узнать их секреты. Могу захватить пленного...

— А-а-а, — протянул я, — вы про этот Гандерсгейм.... Ну да, вообще-то вы правы, сэр Фридрих. Да, ваши таланты там будут востребованы, не сомневаюсь.

Он сиял, я постарался выглядеть бодро и величественно, здесь я для рыцарства прежде всего лидер, который

поведет в новые земли, где богатства, деревни с народом, власть и новые титулы.

— Я уверен, — сказал он быстро, — мы сможем там быстрее...

Я прервал резко:

— Только короли и герцоги имеют право использовать местоимение «мы». Или у вас, сэр Фридрих, глисты?

Он испуганно потряс головой:

— Н-нет...

— Уверены?

— Почти...

— Тогда вы должны говорить только от своего имени!

— Простите, сэр, — произнес он смиренно. — Как-то само вырвалось. Уверяю вас, я понимаю разницу в нашем положении и никогда не позволю себе...

На стеллаже с книгами одна сдвинулась и тяжело рухнула на пол. Он быстро посмотрел на нее, потом на меня.

— Чего это она?

— Ей стало дурно, — предположил я.

Он посмотрел на меня в смятиении.

— Вы на что-то намекаете, ваша светлость?

— Ни на что, — заверил я и тут же спросил с любопытством: — А вы на что подумали? Расслабьтесь, сэр Фридрих. Я могу чувствовать, что от вас угрозы нет. А что святая книга так странно среагировала на вас, так это...

Я наклонился и поднял ее с пола. Он вскрикнул поспешно:

— Не открывайте!

Но я уже привычно открыл, титульная страница вспыхнула жарким пламенем так быстро, что я не успел даже прочесть название. Тут же загорелось все остальное, хотя вообще-то книгу сжечь трудно, обычно часами может обгорать по краям, но тут воспламенилась сразу вся, как страницы, так и переплет.

Я с проклятием торопливо отдернул обожженные пальцы. Книга выпала из руки рассыпающим бешено ис-

кры шаром огня, но на пол рухнул серый пепел, рассыпался на мелкие частички, а те превратились в пыль и пропали с виду.

— Не такая уж она и святая, — сказал сэр Фридрих и добавил поспешно: — Как мне кажется.

Я проворчал:

— Может быть, это на вас так среагировала? При виде меня в обморок не падают.

Он сказал виновато:

— Простите, но книга в самом деле...

Глаза его застыли, а рот замер в полуоткрытости. За окном полыхнул яркий свет, с небес ударил узкий, как игла, луч света, уперся в каменные плиты двора, расширился там до круга. У меня само собой ликующе застучало сердце, свет не просто свет, а не замаранный ничем мирским, первосвет, изначальный свет начала мироздания.

Луч сдвинулся и, пропав на секунду в толстой стене из массивных глыб гранита, появился в моих покоех шагах в трех от меня. На полу высветился круг, а сам луч остался широким конусом, вершина которого уходит через потолок в темное небо.

Раздвинув световой полог, как щель в шатре, вышел сверкающий архангел, судя по пышно взбитой, как мыльная пена, роскошной массе белоснежно-желтых крыльев. Золотоволосый и в золотых рыцарских доспехах, хотя и старинного образца, что-то из позднеимперского Рима с небольшими заимствованиями из нынешней эпохи, он выглядел и держался величаво и пластично, как древний грек. Одежда, прическа, доспехи — во всем умеренный консерватизм, который нам всем нравится.

Даже сапоги почти рыцарские, хотя и без шпор. Доспехи сверкают с такой силой, что я щурился и едва удерживал голову прямо, стараясь не отворачиваться от слепящего света.

Он смотрел прямо, с любовью, так это называется, но я за этой любовью видел то ли равнодушие, то ли состра-

дание, что еще оскорбительнее, но не рыцарскую любовь, которую я действительно ценю.

Я смотрел прямо, на колени не падаю, вообще-то герцог, а этот сверкающий старомодными латами даже не рыцарь и хотя вассал самого могучего сюзерена в мироздании, но я подчиняюсь только напрямую Господу, а не его посланникам.

Давно и усиленно стараюсь держать лицо, как у фараона на троне, чтоб ни одного движения лицевых мускулов, сейчас я вообще сама ровная, как монгольская степь, любезность, однако архангел что-то понял, щека его недовольно дернулась.

— Ты уже полностью отверг Господа? — проговорил он сдержанно.

Холодок пробежал по нервам, я покосился на неподвижного сэра Фридриха, для него время остановилось, ответил с понятной настороженностью:

— С чего бы?

— Соблазнов много, — проронил он.

— И что?

— Ты всего лишь человек.

Я собрал волю в кулак, негоже стоять вот так и выслушивать, как отчитывают, словно мальчишку, вскинул голову и прямо посмотрел в его сияющее золотом лицо.

— С кем имею честь?

— Михаил, — проговорил он. — Разве мы еще не встречались?

— Вы все на одно лицо, — ответил я дерзко. — Бойтесь индивидуальности?.. Хорошо, а я — Ричард Длинные Руки. Герцог, кстати.

Он скрестил руки на груди, я невольно сравнил, увы, у меня и руки потоньше, и сама грудь не такая широченно-выпуклая, озлился и с еще большей дерзостью вперил в него взгляд.

— Мы знаем, — произнес он могучим, но сладким голосом, неприятное сочетание, — кто ты есть, смертный...

Если ты еще не окончательно отринул Господа от своего уже черного сердца, то слушай повеление. Донеыне ты шел хотя и по опасной дороге, но удерживался от полного падения. Но сейчас вот-вот погубишь душу... окончательно.

— И что ты хочешь? — спросил я.

Михаил покачал головой.

— Я? Ничего.

— Тогда что предлагаешь? — поинтересовался я почти зло. — Ах да, ты же не способен ничего предложить, только посланник... Ну, что должен передать?

Он сказал тем же ровным голосом, не выказывая недовольства откровенным недружелюбием:

— Ты не должен больше ходить в тот мир, который называешь Темным. Никогда. И ты должен отказаться от нынешней поездки.

Я покосился на сэра Фридриха, для него все еще длится единое мгновение, ничего не увидит и не расскажет.

— Почему? — спросил я с настороженностью. — Вам чем-то дорога та Янтарная Капля?

— Господь прозревает, — ответил он, — что ты хочешь сделать. И потому хочет удержать тебя с твоими недобрыми замыслами.

Я спросил в удивлении:

— А что я хочу сделать? Скажи, а то я пока ничего не соображаю. Вариантов масса.

Он покачал головой.

— Только Господь знает.

— Хорошо, — сказал я, — тогда почему мне стало нельзя?

Он ответил после паузы:

— Тот мир... его тоже создал Господь. Намного раньше. И Господь не хочет, чтобы ты туда ходил. Ибо замыслы твои ужасны.

Я пробормотал:

— Видать, Господь в самом деле прозревает дальше ме-

ня, потому что я думаю только о том, как уцелеть самому. Но ему виднее.

— Он видит все, — провозгласил он мощно, как все-ленская труба, — он прозревает все. И пока ты не пал... окончательно, воздержись. У тебя и так слишком мало шансов на милосердие Господа.

Я пробормотал:

— Спасибо, что предупредил.

— Отмени свою поездку, — велел он мощным голосом, в котором было столько силы, что во мне дрогнуло сердце. — Она приведет тебя не только к гибели, а... хуже...

— Что хуже? — спросил я невольно.

Он ответил высокомерно-ласково:

— Погубишь душу.

— А-а — сказал я, — хорошо, в любом случае спасибо за любезное предупреждение.

Он ухитрился кивнуть, совершенно не склоняя головы, надо бы научиться, отступил, и немислимый свет охватил его с такой мощью, что золотая фигура мгновенно растворилась.

Свет исчез сразу по всей длине, но я все равно посмотрел вверх, будто мог увидеть, как он поднимается в высоту, подобно скоростному лифту.

— Предупреждение, — пробормотал я, — или ультиматум?

Глава 15

Сэр Фридрих зашевелился и договорил виноватым голосом:

— ...могла ощутить меня... У меня есть заклятие, могу чувствовать ловушки и даже обезвреживать иногда. Наверное, в этой книге таилось нечто нехорошее.

— Возможно, — сказал я коротко. — Сэр Фридрих, давайте сделаем так. Марсель Паньоль покажет вам замок. Если где увидите ловушки, можете их убрать. То же самое

и с книгами. А я, к сожалению, должен срочно покинуть Альтенбаумбург. Но мы с вами еще увидимся!

Он начал благодарить витиевато и запутанно, я бодро улыбнулся и покинул зал, а во двор вышел быстрой деловой походкой. Рыцари уже на конях, за ними по лошадям рассаживается с десятков тяжеловооруженных воинов. Все люди графа Стерлинга, он гордо именуется их лучшими из лучших, помимо тяжелых мечей у них у всех за спиной блестят стальными пластинами массивные арбалеты.

— Выезжаем, — сказал я коротко. — Можно — с песней. Хотя из гуманизма не настаиваю!

Бобик носился от нас к воротам и обратно, показывая, что он тоже жаждет быть с нами, а не на кухне.

— Да, конечно, — сказал я коротко. — Но никаких драк с людьми! Смотришь издали. Зверушек можешь ловить и давить, сколько пожелаешь. Но не больше.

Он взвизгнул от счастья, подпрыгнул и лизнул в нос. Зайчик презрительно фыркнул и повернулся к нему задом.

Я махнул рукой.

— Выезжаем!.. Благородный граф Гатер, я надеюсь наслаждаться вашим присутствием всю дорогу.

— Польщен, ваша светлость!

— Заодно и дорогу покажете.

Гатер просиял.

— Да-да, ваша светлость! Правда, я там не бывал, но какой дурак не знает, где это проклятое место!.. Ох простите...

— Ничего, — сказал я великодушно. — Нельзя быть мудрым во всем. Иначе это не мудрец, а склад мусора.

Барон Уроншид взмахом послал вперед молодого рыцаря с баннером в руках, а когда они с трубачом отъехали на нужное расстояние, по взмаху его руки разом стронулся с места весь отряд.

Под знаменами Гатера и Стерлинга, как я прикинул, выехали их простые и баннерные рыцари, за бароном

Уроншидом только двое оруженосцев, но отряд выглядит грозным и боеспособным еще и за счет тяжеловооруженных воинов графа Стерлинга. Он как самый богатый из моих вассалов держит дружину, числу которой и снаряжению может позавидовать и сам король Херлуф.

В небе воздушные раковины облаков, не белые вовсе, а нежно-оранжевые, дорога делает причудливые петли, я уже намерился срезать углы, но покосился на суровые лица рыцарей, вздохнул и напомнил себе, что здесь не спешат, даже когда уверены, что спешат очень-очень.

Солнце жжет головы и плечи с такой мощью, что когда проезжали вдоль пальмовой рощи в тени ее огромных листьев, что одновременно и ветви, не ощутили прохлады, тень слишком прозрачная и зыбкая, как душное марево.

Потом дорога ухнула вниз и долго пробиралась, подобно ручью, что ищет самые глубокие места, а с обеих сторон все выше и выше вздымаются стены, но, к счастью, расходятся медленно и величаво, как царственные ледники.

Гатер, не утерпев, начал жадно расспрашивать о Сен-Мари. Барон Уроншид, что сам хотел бы все узнать, но стесняется приставать с расспросами, поехал с другой стороны и едва не выпадал с седла, стараясь не пропустить ни слова.

— Сейчас главное там, — сказал я, — Гандерсгейм. Клянусь всем, что мне дорого, да видит Господь Бог, что я предпочел бы освободить эти благословенные земли без сражений и кровопролитий.

Все, кто услышал, посмотрели на меня с великим удивлением. Как такое может говорить тот, кто даже по ночам, не утерпев, уходит в мир сражений и кровопролитий?

Гатер сказал обиженно:

— Ваша светлость... а как же воинские подвиги?

— Все будет, — пообещал я. — Но я как герцог предпочел бы мягше, мягше... Но мир таков, что ничто не дается

даром. Потому с Божьей помощью мы сметем вражеские войска, разобьем их, захватим города и убьем их кошек!..

Барон взвизгнул, как щенок, которому подарили красивую игрушку и позволили изгрызть ее всю.

— А земли? — напомнил он ликующе и тревожно.

— И земли, — подтвердил я. — Захватим и заберем. Нам придется убить многих, но мы чисты перед Господом, ибо наше дело правое, и потому останемся безгрешны, сколько бы варваров не... устранили!.. Наша душевная чистота позволяет нам вершить правый суд прямо на месте без всяких там юристов.

Граф Гатер улыбнулся так широко, что шире, по-моему, улыбается только череп.

— Вот это жизнь! — воскликнул он.

Кони теснятся, нас с графом подпирают со всех сторон, рыцари едут тесной кучей, все слушают жадно и внимательно. Глаза горят, и хотя я постоянно говорю о возможности захватить богатую добычу, свинья потому что, но большинство из них все-таки рвется на войну чисто и бескорыстно ради удали, жажды подвигов и желания проявить личное мужество в сражениях и завоевать славу.

Дорога вывела на простор, далеко впереди вздымается горный кряж, не слишком высокий, если смотреть отсюда, однако дорога осмотрительно и мудро начала брать влево еще издали.

Далеко в стороне проступила полупрозрачная стена, похожая на вставшую поперек мира льдину из чистой воды с угрожающе нависшим пенистым козырьком. Плечи мои сами по себе передернулись, представил, как все это рушится...

Из рыцарей никто и глазом не ведет в ту сторону, смеются, разговаривают, отпускают шуточки. Наконец я поймал взгляд графа Гатера и кивнул в сторону удивительной горной гряды.

— Что это за чудо?

Граф оживился.

— А, вы же не знаете?.. Ну да, откуда... это волшебник Уксанам.

— Тут живет?

— Нет, это он создал.

— Давно?

— Тысячу лет назад, — пояснил он и улыбнулся понимающе. — Я понимаю, что вам очень хочется, но, увы, испробовать острие меча против богопротивной магии не удастся. Тысячу лет, если не больше, его никто уже не видел. Легенды гласят, шла большая волна с моря... Да вы видите сами, насколько... большая. И сметала на своем пути целые города.

— А он взял и остановил?

— Именно.

— Мудрый был человек, — сказал я знающе, сам такой. — Мог бы взад ее пихнуть, а он взял вот и в назидание.

Граф подумал, кивнул:

— Да, наверное, пихнуть взад было проще, чем вот так заставить воду встать. Да еще и велеть не рассыпаться.

Через час приблизились настолько, что я в полной мере оценил подвиг древнего волшебника. Этот похожий на соляной или кварцевый кряж не просто похож на застывшую волну в сотню этажей. Сюда в самом деле шла исполтинская стена воды, готовая снести все и вся и, наверное, уничтожавшая все на пути, не только города, но каким-то образом тот удивительный человек сумел в мгновение ока остановить ее, заставить застыть.

Именно в мгновение ока, потому что так и осталась не просто отвесной стеной, но и с сильно загнутым вперед краем на уровне от восьмидесятого этажа и выше.

Граф Гатер сказал почтительно:

— Говорят, мощь древнего заклęcia велика и необорима. Да и сами видим! С этой застывшей стены за все века не отломился ни единый камешек!

— И потому все к ней привыкли, — сказал я. — Все

примелькалось, и уже не обращают внимания. И его попытка напомнить нечто... ушла в песок, как и вода.

Он понял, слабо улыбнулся.

— Да, наверное, просто привыкли. Но если удивляться всему, ваша светлость, человек должен всю жизнь ходить с раскрытым ртом! А когда жить?

— Да, — согласился я, — у нас рот только открой...

Потянулась глинистая, непригодная для земледелия долина, вся уставленная могильными камнями, где я с удивлением увидел и несколько каменных крестов. Еще на десятке гранитных и мраморных плит уцелели изображения креста.

Древняя, очень древняя магия дрогнула и отступила перед реалиями нового мира: святостью, молитвами, призывами к Господу. Раздавить ее адептов оказалось достаточно просто. Намного труднее с колдунами, что появились уже в христианском мире, с алхимиками, с магами и чародеями. Эти уже понимают, как и в каких случаях можно защититься, когда нанести сокрушительный удар не только по слаборелигиозным рыцарям или малограмотным крестьянам, но и по священникам.

А еще они знают слабые стороны правителей, потому возле каждого феодала, не говоря уже о королях, обязательно кормятся, пользуясь его защитой, всякого рода колдуны, из которых далеко не все шарлатаны. Видимо, здесь все это усилилось настолько, что вера во всевышнего отступила перед простой и практичной магией, более понятной простому и даже очень простому народу.

Хотя вообще-то само христианство и есть адаптация высоких истин для этого простого и даже очень простого. Чтобы и самые тупые могли приобщиться к более высокой морали, чем языческая. Не все в состоянии постигнуть сущность Бога, которого не видно, не слышно, который вообще не имеет облика и никогда не вмешивается в дела людские. Простому человеку куда привычнее и по-

нятнее божок из дерева, которого можно попросить о дожде, а если не даст, то его можно и больно высечь.

Для таких было создано нечто среднее между верой в Незримого и привычным язычеством: концепция не самого Бога, которого вообразить нельзя, а его сына, то есть рожденного от простой женщины-простолюдинки, который так же, как и все, ходил по земле, ел, пил, ссорился, дрался, переворачивал столы в храмах... так прожил жизнь, а потом умер и отправился на небо. Простому человечешке такое понятно, этого Бога можно рисовать, лепить из глины, вырезать из дерева или мрамора, украшать его изображениями дома и ворота. О нем же можно складывать мифы и легенды, как всегда получалось с языческими богами, и теперь точно так же сложили не очень длинную, но красивую и трогательную легенду о Сыне Божьем, что пришел спасти людей, а они, свиньи поганые, не поняли его высоких слов и казнили жуткой смертью.

Потому христианство, ориентированное на человека среднего интеллекта, способно охватить все нации и народы. Даже эльфы, наверное, поймут, а уж гномы и кобольды — наверняка. Так что разбегайтесь куры — поп идет. Здесь будет собор заложен, скоро начнутся песнопения, литургии, службы. И мир станет иным.

Так что Иисус Христос — это для простолюдинов, а вот Творец — для нас, благородного сословия интеллектуалов меча и топора, строителей нового мира и Царства Небесного на земле.

Я покосился на вдохновенное лицо графа Гатера. Благородное происхождение еще не делает интеллектуалом. Рыцари предпочитают служить не Богу, не Его сыну, а Деве Марии, перенося на нее культ прекрасной дамы.

Граф Стерлинг о чем-то пошептался с Гатером, на меня поглядывал искоса, но подъезжать не стал, зато через некоторое время приблизился граф Гатер, лицо

смущенное, посмотрел по сторонам и заговорил, понизив голос:

— Ваша светлость, чтобы у нас все получилось успешнее, хотелось бы знать, что нам предстоит...

Я покосился на его лицо, надо бы закатить речь, что полагается в таких случаях, умею, но так осточертело быть политиком, что ответил честно:

— Если бы я знал!

Его брови поднялись, минута раздумий, затем спросил уточняющее:

— Нам придется сражаться... с людьми?

— Скорее всего, — согласился я. — Либо с теми, кто мимикрируют под людей. Вообще-то я только ночью услышал про эту чертову Янтарную Каплю.

— А что там?

— Вроде бы все разгадки.

— На все в мире?

— Нет, на мои проблемы.

— Ваши проблемы, — ответил он с достоинством, — наши проблемы.

Я заверил натужно бодро:

— Мы решим, дорогой друг!

Он ответил польщенно:

— Да, конечно. Под вашим руководством научимся и с чудовищами... хоть каждый день, как вон вы... какая жизнь у вас насыщенная и красивая!.. Каждое утро встречаете в вдребезги разбитых доспехах! Это не то, что граф Стерлинг, каждое утро пьян... Правда, хорошо бы начать с чего-то помельче. Я забочусь, как вы понимаете, о молодых рыцарях.

— Все будет, — пообещал я. — Я видел совсем мелких драконов, правда! Всего раза в два-три крупнее коровы. Правда, там муравьи больше моей собачки...

Он посмотрел на шныряющего в сторонке Адского Пса, поежился, улыбка стала совсем бледной.

— Надеюсь, не опозорим свою и вашу честь.

Воздух стал еще резче и суше, однако дорога торопливо метнулась к роще гигантских олив, неправдоподобно огромных. После яркого солнца просто полумрак в редкой сеточке пятен света на земле. Под копытами земля гремит сухо и враждебно, затем снова и снова развалины древних цитаделей, вдали проплывают остатки не то мавзолеев, не то дворцов, выжженные пятна сухой земли, а затем опять роскошнейшие рощи, сухой стук копыт сменяется плеском воды, когда несемся вдоль ручьев.

Граф Гатер приложил ладонь козырьком к бровям. Глаза в тени блеснули молодо и остро.

— Места здесь уже дикие... Но вон там вполне приличный постоялый двор. Последний на нашем пути.

— До вечера не успеем в Янтарную Каплю?

Он покачал головой.

— Нет, ваша светлость. Там трудный спуск. Если ночь застанет там, костей не соберем.

Я сказал с досадой:

— Хорошо, хорошо...

Солнце начало склоняться к ржавым горам, но вперед выбежала стайка палым, светило поспешно юркнуло за их спину, а когда деревья уплыли в сторону, над краем земли осталось лишь багровое зарево над убежавшим за горизонт светилом.

— Вон постоялый двор, — сказал граф. — Если завтра с утра, то в Янтарной Капле будем уже к обеду.

Глава 16

Мне как лорду выделили отдельную комнату, остальные в общих комнатах. Даже два графа и три барона делят пространство с двумя баннерными. Про остальных и говорить не приходится, а кому места не досталось вовсе, расположились на сеновале рядом с конюшней.

Я прошелся по комнате, проверил окна, двери и даже

стены. Не оставляет гнетущее чувство, что эта страна слишком перенаселена прошлым, многовато призраков на единицу площади, и вообще слишком живо язычество с его нечистью.

Облака лиловые, тяжелые, застыли над бледно-алым закатом. На землю пала печальная тень. Изнемогая от духоты, я вышел со двора к ручью, он выбил в падении с горы небольшой бассейн, вода чистейшая, от нее за сотню ярдов тянет прохладой.

Я уже начал на ходу сдирать с себя рубашку, как следом вышел позевывающий граф Стерлинг.

— Ваша светлость?

— Сполоснусь перед сном, — объяснил я. — Жарко слишком.

— Хорошая идея, — одобрил он. — Я с вами.

В голосе у него прозвучало предостережение: дескать, и не пытайтесь, дорогой лорд, возражать, ничего не получится.

Я кисло улыбнулся.

— Надеюсь, не подеремся.

Раздеться он торопился побыстрее, чтобы войти в воду первым. С одной стороны — умаление моего величия, дескать, он зашел в чистую, а я после него, но граф явно проверяет на опасность, вдруг да что-то грызнет за ногу.

Я охнул, в обнаженном виде верхняя половинка графа повисла в воздухе, а ног... ног нет вовсе!

Присмотревшись, я с трудом различил их на фоне блестящей от брызг каменной стены, да то потому, что искажают перспективу. Ноги словно из гибкого стекла, абсолютно прозрачные, нереальные!

Он оглянулся с усмешкой и вошел в воду. Я сделал вид, что такое встречаю на каждом шагу, поинтересовался:

— Как там вода, холодная?

— Да, — ответил он и захохотал. — Замечательно!

Дно под ногами гладкое, как у собачьей миски, водо-

пад годами старательно выбивал из каменной плиты крупинки и уносил их прочь, теперь здесь удивительно ровная чаша, сделанная так умело, что да, этот мир Господь создал для человека, никому не дадим его захватить, он наш и только наш.

Граф дважды нырял, всякий раз выскакивал с ошалелым видом, будто побывал на дне Тихого океана, отфыркивался и дико озирался, в том ли мире вынырнул.

Я старательно смывал пот и грязь, наконец он не утерпел, спросил почти умоляюще:

— Ваша светлость, я уже изнылся. Ну спрашивайте же!

Я удивился:

— Спрашивать? О чем?

— О моих ногах, — сказал он сердито.

Я пожал плечами.

— А что спрашивать? Я же слышал, как вас кто-то назвал Дэйвом Стеклянные Ноги!

— Да. — признался он. — Так иногда говорят.

— Ну вот и все, — ответил я мирно. — Я услышал как-то и все понял. Ноги у вас... это... стеклянные. Что тут спрашивать?

Его челюсть медленно отвисла, а глаза стали как у глубоководного рака, попавшего на берег.

— Ваша светлость, — сказал он шепотом, — а вы что... встречали таких? Ну, с такими ногами?

— Ногами? — изумился я. — Дорогой граф, что ноги!... А вот когда другие части тела незримы, это куда интереснее. А иногда и забавнее. Хотя, конечно, для кого как... Надеюсь, ваши конечности прочнее стекла?

Он сразу же приободрился, ответил со скрытым вызовом:

— Проверьте.

Я покачал головой.

— Зачем тупить меч? Если как у других, то все в порядке. Перестроенное стекло крепче стали.

— Какое-какое? — переспросил он, остальные насто-
рожили уши.

— Перестроенное, — пояснил я довольно. — Как-ни-
будь научу. Ну, когда закончим все войны, обустроим
Сен-Мари, Вестготию и вообще весь мир... Вы как-то
этими ногами пользуетесь? Ну, для пользы дела?

Он оглянулся по сторонам, признался шепотом:

— Стыдно об этом говорить, как-то не по-рыцарски,
но пару раз они спасали мою шкуру. Есть такой коварный
удар, вы его знаете, когда бьешь мечом по ногам... Так вот
я никогда не защищаю ноги, дескать, такой дурак необу-
ченный. Ну а дальше ясно...

— Хороший прием, — одобрил я. — Вы хороший воин,
сэр Дэйв. Настоящий боец должен использовать любое
преимущество.

Он вздохнул.

— Я уж думал, удивлю герцога... Вот что значить везде
побывать, все повидать. Скорее бы подошли мои люди, да
в Гандерсгейм...

Я задержал дыхание и опустил в ледяную воду с го-
ловой. «В Гандерсгейм» среди здешнего рыцарства зву-
чит, как гремело в среде тевтонских рыцарей «Дранг нах
Остен». Правда, это мне долго казалось, что ордену обло-
мали рога в Ледовом побоище, но там была лишь погра-
ничная стычка, на самом деле, как узнал намного позже,
разбили их лишь в знаменитой Грюнвальдской битве.

До этого настойчивым тевтонам удалось завоевать об-
ширнейшие земли славянских племен, ставших потом
центром формирования Германии. Поражения они по-
терпели потом, пытаясь продвинуться все дальше и даль-
ше, так что аналогия вполне в пользу рыцарей Вестготии,
но одновременно и предостережение мне, чтобы не за-
рывался.

Я с шумом вынырнул, Стерлинг сказал с беспокой-
ством:

— Я уж хотел вас вытаскивать!

— Я разве долго? — спросил я лишь для того, чтобы сказать что-то.

— Ваша светлость!.. Я успел бы выспаться, если бы не трясся, что вас там что-то утащило.

Я указал кивком в сторону водоема.

— Сплошная каменная чаша. Не глубже, чем мне по шею.

— Да я сам все проверил, — ответил он сердито, — но все равно страшно. Я же не мальчишка, переть куда пошло. И вообще там мне с головой.

— Ну что вы, граф, — сказал я дипломатично, — это у меня просто ноги длиннее.

— Я уже замерз, — сказал он сердито, — дожидаясь.

— Закажите вина и птицу, — сказал я. — Если птицы нет... то что есть. Я вообще-то всеядное.

Он быстро оделся и ушел, уже ничем не отличаясь от тех, у кого ноги не стеклянные. Непонятный выверт природы или чего-то еще, что не совсем природа. Нужно будет при случае расспросить, наследственное это или как-то случилось в каких-то обстоятельствах. Вдруг да удастся извлечь пользу, я же хозяйственник.

Я вернулся неспешно, а когда огибал забор, услышал по ту сторону тяжелое дыхание, сдавленный стон и звук тяжелой затрещины. Быстро взглянул в щелочку: двое верзил устрашающего вида прижали к стене сарая хозяйна гостиницы, один держит за горло, второй обшаривает карманы, а когда ничего не отыскал, прорычал злобно:

— Куда спрятал деньги?

Хозяин вскрикнул:

— Я же говорю, еще не наторговал!

Верзила прорычал:

— Ты врешь!

Я ухватился за верх забора и перемахнул на внутреннюю сторону. Верзилы оглянулись на шум.

— У вас нет веры в людей, — сказал я с мягким укором. — Это плохо.

Они разом вытащили короткие, но тяжелые мечи. Я остался на месте и погрозил им пальцем, что озадачило их больше, чем если бы бросился на них или от них. Долго смотрели на меня, ожидая каких-то движений, а я смотрел на них.

— У вас было, — сказал я наконец с сочувствием, — как погляжу, тяжелое детство. Отец — тиран, мать — дура, откуда вам быть гуманистами?.. Потому давайте поступим так... я вас отпущу. Идите и не грешите больше, чем предначертано.

Они переглянулись, ближайший ко мне наконец прохрипел злобно:

— Он один...

— И без оружия, — сказал второй.

— Убьем!

Бросились оба одновременно, быстро и слаженно, но я в самом деле без оружия и, главное, без доспехов, что позволяет поворачиваться втрое быстрее. Они только замахнулись слишком тяжелыми и непрактичными в таких схватках мечами, как я сам быстро шагнул навстречу. Под моими выставленными локтями хрустнули зубы, как справа, так и слева.

Они пробежали по инерции несколько шагов, а когда развернулись и бросились снова, опять как близнецы и братья, каждый увидел только летящий ему в лицо массивный кулак.

Из гостиницы выскочили на шум граф Гатер и барон Уроншид, оба с мечами в руках, обнаженные до пояса. Двое верзил уже рухнули, обливаясь кровью. Сломанные носы — не так уж и опасно, но крови много, а собственная пугает больше, чем рана в спине, ее не видишь.

— Насилие, — сказал я с укором, — нехорошо.

Хозяин трясся, вытирал фартуком лоб и с готовностью подхватил:

— Да-да, ваша светлость. Насилие — нехорошо... Великие слова!

Граф Гатер спросил с недоумением:

— Но, ваша светлость, вы же... гм... может быть, насилие... хоть иногда... хорошо?

Я покачал головой.

— Нет, — голос мой прозвучал твердо и мудро, — всегда нехорошо.

— Но вы...

— У меня не насилие, — объяснил я. — Это справедливость в действии. С примесью милосердия. Конечно, пока небольшой, очень небольшой, что и понятно. Мир пока еще алмаз. Бриллиантом сделаем его мы... Как высокопарно сказано, самому противно. Но почему шарахаемся высоких слов?

Барон Уроншид смотрел то на ползающих по земле грабителей, то на меня, развел руками.

— Ваша светлость...

— Да-да, — согласился я. — Высокие слова не должны быть мишенью. Жаль, когда-то станут...

— Ваша светлость, — воскликнул барон пламенно, — такого никогда не будет!

— Будем стараться не допустить, — согласился я. — Там ужин принесли?

В харчевном зале, где нам подавали на стол, мы то и дело косились в окно, хорошо видно дерево у дороги, там двое держат коня, а третий, встав ногами на седло, закидывает на толстую ветку большого дерева две крепкие веревки.

Граф Гатер сказал грустно, что неинтересно вешать человека, если тот ничего не имеет против. Я согласился, что да, теряется большая часть воспитательного эффекта, но, увы, не все удается с полной отдачей.

Часть III

Глава 1

Трабителей повесили быстро и без затей. Это что-то вроде штрафа по-местному. Всяк проезжающий да увидит, что грабить нехорошо.

После ужина я поднялся в свою каморку, отсюда из единственного окошка вид только на мирную долину, где вечер уже сменился ясной лунной ночью. Я с изумлением видел далеко в траве скачущих кузнечиков, даже не думают спать, или это другие кузнечики, может быть, даже сверчки, что-то же вершит по ночам, хотя здесь могут быть и цикады...

Снизу голоса, молодые рыцари никак не поднимутся из-за стола, я даже улавливаю обрывки разговоров, говорят, конечно же, о скором участии в походе на Гандерсгейм, а еще и том, с чем столкнутся завтра днем.

Трудность в том, что я сам не знаю, с чем столкнусь. Признаваться, конечно, не стану, пусть лучше таинственность, чем взять и брякнуть правду.

Далеко над деревьями появились огоньки, прыгают вверх-вниз как комарики-толкунцы, гоняются друг за другом. То ли жуки-светлячки, то ли крохотные эльфы-фонари, а может, что-то еще эндемичное, характерное только для этих мест.

Из темной ночи я услышал негромкий голос:

— Ричард...

Я оглянулся, в комнате никого, снова вперил взгляд в светлую ночь. Лунным светом залита середина пустой котловины, но дальше скрывает гроз-

ная тень от высоких и, главное, бесконечно отвесных стен. Голос идет оттуда, но слышен очень отчетливо, словно говорящий стоит в трех шагах.

— Кто спрашивает? — поинтересовался я.

— Собрат, — пришел ответ быстро и отчетливо.

— У меня нет собратьев, — ответил я.

— Уже есть, — заверил голос.

— Кто?

— Выйди ко мне...

Я помедлил перед ответом:

— А оно того стоит?

— Встречи?

— Да, — ответил я. — Я герцог, должен блюсти. Вдруг ты престолюдин?.. И вообще... Теперь за меня многое делают слуги.

Голос прозвучал без интонаций, но я уловил насмешку:

— Многие предпочитают делать важное своими руками. Это как раз такой случай.

Я снова сделал рассчитанную паузу, этот гад не желает проговариваться, кто он и что такое, ответил сухим безразличным голосом:

— Пока что мне как-то не спится, могу соизволить... но если не слишком далеко.

Голос заверил:

— Сразу же за постоянным двором. С той стороны.

Я влез в стальные доспехи, сверху тщательно прикрыл легким кафтаном. Лук оставил, но мечом опоясался, ножны с кинжалом тоже пристегнул на кольцо к поясу.

Рыцари все еще гуляют за столом, откуда и силы берутся, я тихонько вышел во двор. В полутьме блеснуло острие копья, мужской голос произнес негромко, но строго:

— Ваша светлость...

Я невольно вздрогнул.

— Молодец, хорошее укрытие!

— Спасибо, ваша светлость.

— Бди, — ответил я, — молодец.

— Пойти с вами? — спросил невидимый страж.

— Нет, — ответил я. Подумал, что для простого воина может быть недостаточно, пояснил: — Могу же я ночью пообщаться с дамами? А то столько нажрано жареного мяса со специями!

Он спросил озадаченно:

— Ваша светлость, какие дамы в этом диком краю?

Я ответил строго:

— А дриады, эльфийки, кобольдихи?.. Мужчина не должен перебирать, как свинья какая-то! Да еще в походе.

Он остался, думаю, с раскрытым ртом, завтра обо мне будет с восторгом и завистью шушукаться весь отряд, а по возвращении узнает вся Вестготия, что герцог Вельденский не промах, еще как не промах! Есть же такие грешки, которые не скрывают, а вроде нечаянно проговариваются, пробалтывался, а то и хвастаются.

Я обогнул постоянный двор, с той стороны недалеко небольшое ущелье, слышно, как на дне шумит, прыгая по валунам, горный поток, бурчит, пыхтит и сдвигает камни помельче.

Остановившись, я вертел головой, после паузы прозвучал тот же уверенный голос:

— Я близко.

— Где? — спросил я.

— На мостике. Через ущелье.

— Хорошо, — сказал я. — Жду.

Голос прозвучал сразу же:

— Я не могу.

— Что, — спросил я настороженно, — не можешь перейти на эту сторону? Почему?

— Запрет, — ответил голос.

Я подумал, что-то здесь не то, не люблю ситуаций, где не я хозяин положения, проговорил с надлежащей надменностью:

— Но не могу я, маркграф, майордом и даже герцог, идти к простолюдину? Это умаление моего достоинства.

В голосе прозвучала едва заметная насмешка:

— Я не простолюдин. Очень даже не простолюдин. А вы, сэр Ричард, не очень-то считаетесь с титулами.

Я вздохнул, решаясь, сказал раздраженно:

— Хорошо, иду. Но только если ваша информация будет недостойна моего высокого внимания, я вас сброшу в реку.

— Хорошо, — ответил голос покорно, но снова я уловил настораживающую меня насмешку.

Я медленно пошел к обрыву, луна высвечивает дорогу старательно, словно кому-то подыгрывает, почти сразу я заметил тонкий мостик, переброшенный на ту сторону ущелья. Шум водного потока с каждым шагом отчетливее, а когда я ступил на первую дощечку, внизу блеснули гладкие мокрые камни в пене потока.

Фигура стоит на середине моста неподвижно, не делая никаких угрожающих движений, что должно бы меня успокоить, но почему-то не успокаивает. Я приближался с сильно бьющимся сердцем и дрожью в коленях, хотя, конечно, спина прямая, а нос высокомерно задран.

Когда я подошел на расстояние в пять шагов и остановился, он впервые пошевелинулся, поднял голову. Лунный луч упал на его бледное лицо, суровое и костлявое, но вполне человеческое. Я ощутил некоторое облегчение, но напомнил себе, что люди намного опаснее любых чудовищ.

— Приветствую собрата, — произнес он таким глухим голосом, словно тот донесся из бездонной могилы.

— Я никому не брат, — возразил я.

— Ты все еще так думаешь?

— Да, — отрезал я. — Я уникален, неповторим и вообще...

— Но ты пришел, — сказал он. — Ты не только услышал мой зов... а услышать могут только такие, как я... но и решил прийти!

— И что?

— Значит, — пояснил он, — ты наш. Другие мой голос не слышат. И уж точно не решились бы прийти.

Я вспомнил спокойные лица часовых, беззаботные глаза графа Гатера и барона Уроншида с их рыцарями и оруженосцами. Все пьют и гуляют, никаких им голосов из другого мира...

— Да, — согласился я, — слышал я один, но это еще ничего не значит. Может быть, у меня абсолютный музыкальный слух, и я мог бы стать великим композитором? Сочинял бы симфонии, а не ходил бы по мостам, как дурак. Разбойники и прочие франсуавиньоны, и то под мостами...

— Ты наш, — повторил он, — ты уже наш.

— Не уверен.

— Ты получишь доказательства, — сообщил он.

— Какие?

— Ты бывал в том мире, — напомнил он, — разве этого мало? Даже я не могу туда все еще пройти, хотя стремлюсь и не раз пытался! Недостоин. В здешнем смысле, недостаточно грешен! А ты проходишь, хотя и не стремишься. Это значит, тяжесть твоей вины уже велика. Присоединяйся к нам сознательно и станешь одним из первых. Многим предстоит поклониться ужасному Темному Ричарду.

— Ого! Уже и кличка есть?

— Пока называют так, — ответил он ровно. — Я тоже признаю тебя своим мастером и преклоню колена.

Я подумал, ухмыльнулся.

— Вообще-то хорошая жизнь брезжит на горизонте. Здесь хапанул титул герцога, там обещаете тоже нечто весьма крупное... Похоже, в самом деле чего-то стою. А то перья распускаю, а сам иногда думаю, не такой уж и орел...

Он кивнул:

— Ты торгуешься, это хорошо. Это по-нашему. Это правильно. Но в том мире твоя власть будет безгранич-

ной. И никакая мораль или смешные обеты не будут тебя сдерживать.

— Это хорошо, — согласился я. — С детства приходится терпеть эту мораль и давление взрослых, но когда мы сами взрослые, что нас может удержать?

Он сказал одобрительно:

— Ты прав. Надо дать себе свободу самовыражения. Выразить свое «я» так, как хочешь только ты. Но только в том мире это возможно без всяких препятствий.

Я сказал, колеблясь:

— Да, это очень важно, самовыразить себя и дать себе волю... И много нас таких здесь?

— Всего, — ответил он ровным голосом, — легион.

— Это я слышал, — заверил я. — Имя вам — легион, да, знаю. Но это там где-то, однако я пока здесь...

— Не все ли равно? — спросил он. — Тебе уготовано место там.

— Но разве мы не стараемся «здесь», — спросил я, — сделать и как «там»?

Мне показалось, он улыбнулся в полутьме, на лету схватив мою рассчитанную оговорку «мы», означающую, что я уже практически согласился на еще больший куш и сейчас только стараюсь выжать привилегий по максимуму.

— Скоро и здесь будет тот мир, — пообещал он. — Как только распахнут Врата. Завоевание будет быстрым, там слишком долго к этому шли и готовились. Твоя власть здесь будет такой, что нынешнее герцогство покажется песчинкой.

Я сказал жадно:

— Хочу!.. Власть — это все. Любая законная власть есть плод узурпации. Всякая власть великолепна, а абсолютная власть абсолютно великолепна!.. И вообще цель жизни — власть, а цель власти... власть!

Он довольно хохотнул.

— Великолепно и четко сказано. Надо запомнить и передать Повелительнице...

Я спросил чуть обиженно:

— Повелительнице? Я не очень люблю подчиняться женщинам. Все-таки миром должны править мы, мужчины.

— Мы и правим, — заверил он. — А Повелительница... не женщина. И она не повелевает... напрямую.

— А-а-а, — сказал я понимающе, — та самая фея? Которая живет в лесу? Хотя как она может из леса руководить...

Он возразил:

— Она живет в башне Небесного Камня, а не в лесу!.. Она...

Он осекся, я быстро шагнул к нему и всадил кинжал в живот, где присмотрел щель, рванул в сторону, вспарывая внутренности. Он инстинктивно ухватился за мою руку, лицо перекошилось от невыносимой боли.

— Ты... зачем...

— Наслаждайся, — посоветовал я. — У вас все не так... Ощути удовольствие от боли. И спасибо за информацию. Хотя и долго же тебя, дурака, пришлось раскачивать.

Глаза посредника вспыхнули красным, но я дернул рукоять на себя, развернул грузное тело к себе спиной. Он слабо пытался противиться, но слишком оглушен дикой болью, я ударил еще раз, острое лезвие сладострастно перехватило ему горло и сонную артерию.

Он закачался, я с силой толкнул его через веревочные перила. Мостик начал ходить из стороны в сторону, как маятник. Я ухватился за поручни и проводил взглядом падающее тело.

Со стороны постоянного дома послышался топот, мелькнули огни факелов. Я с неудовольствием повернул голову.

В нашу сторону несется, как подкованный бык, с обнаженным мечом граф Гатер. За ним едва поспевают два тяжеловооруженных ратника с копьями и щитами.

Гатер вскрикнул, едва ступив на мостик:

— Что стряслось?

— Не спалось, — сообщил я, — малость подискутировали с неким незнакомцем о ценностях мироздания и миропорядка.

Он опасливо подошел ближе, цепляясь за перила обеими руками. Ратники остались на краю пропасти и заглядывали оттуда, вытягивая шеи, как гуси.

— И чем кончилось? — спросил граф.

Я ответил со вздохом:

— Трудно вести неспешную интеллектуальную беседу на качающемся мосту.

Он посмотрел вниз, бурный поток кое-как сдвинул с камней тяжелое тело и потащил, с силой ударяя о валуны, будто старался сделать мягче и человечнее.

— Потому, — спросил граф саркастически, — поспешили закончить... вот так?

— Мы же логики, — сообщил я. — Слово за слово...

— Люблю умных людей, — сказал он с завистливым вздохом. — Всегда у вас все красиво... А у нас слишком просто: дал в лоб, чтоб уши отпали, и все. Никакой изящности. Будто и не рыцари.

— Главное, — сказал я, — результат.

Он вздохнул еще тяжелее.

— У вас и результат, и красиво... Мне бы так. Что значит, в глуши живем, как кобольды какие-то.

— Ничего, — сказал я ободряюще, — мы уже запустили процесс интеграции христианских королевств в некий союз благородных, где сильным и предприимчивым людям... вот как вы, граф, такой простор, такой простор! Просто страшно становится.

Он с энтузиазмом потер руки.

— Почему страшно? Это же здорово!

Я вздохнул.

— Свобода, граф, — это ответственность. Ладно, пойдемте спать. А то уже скоро утро.

Глава 2

Я поднял веки, сон еще длится, кому-то с жаром объясняю, что свобода как раз и разворачивает, к тому же абсолютная свобода разворачивает абсолютно. Мы с детства рвемся к свободе: сперва от тирании родителей, затем от общества, а когда понимаем и прозреваем с ужасом, чем это грозит, начинаем спешно ограничивать себя и окружающих. К сожалению, прозрение происходит не в юности, а когда уже сами обзаводимся потомством. И вот начинается такая же яростная и непримиримая борьба молодого поколения уже против нас, тупых, замшелых и закостенелых, как они искренне и непоколебимо уверены.

Хуже всего приходится вот таким умникам, как я, что каким-то чудом успели это понять раньше, ну да, я же старые книги читал, а главное — понял, и теперь растерянно каркаем, как белые вороны в стае весело галдящих пустоголовых сверстников.

Спустился в холл, уже с виду бодрый, мне хватает для сна пары часов, ратники посматривают с великим уважением и почтением. Наверняка со слов того стража уже знают, что их лорд ночью и к кобольдихам сходил, и кого-то зарезать успел, сплошь настоящие поступки мужчины и предводителя, такому служить почетно, славно и выгодно.

Вышел из общей комнаты барон Уроншид, за ним сонный граф Стерлинг. Барон, широко зевая, спросил оруженосца:

— Завтрак уже на столе?

— Вот видите, граф, — сказал я Стерлингу, — каково нынешнее поколение? Раньше, просыпаясь утром, строго спрашивали себя: «Что я должен сделать?» Вечером, прежде чем заснуть, еще строже: «Что я сделал?» А что спрашивают сейчас?

Барон устыдился и отошел на цыпочках. Граф вздохнул, с укором в глазах покачал головой.

— Вы правы, ваша светлость... Что за молодежь? О-о-о, пахнет жареной бараниной с соусом?.. То-то я проснулся так рано!

Завтракали так, словно обедать придется уже в аду. Из-за столов поднялись суровые и серьезные, без тени сытости и благодушия. Прямо от постоянного двора отряд спустился в узкую долину, где с обеих сторон обступили пальмы, дальше пошли густые заросли померанцев, трижды пересекали один и тот же ручей, широко раскинувший кольца, как ползущая неторопливо прохладная змея, а потом выехали на простор солнечного тепла и окунулись в густые ароматы цветущих олив.

На холмах отары овец и стада коз, но пастухов или сторожевых собак не заметно, подивился, но скоро зеленые холмы остались позади, и я забыл о них, долго тянулось выжженное каменистое плоскогорье, усеянное крупными камнями.

Кони осторожно и с великой неохотой пробираются между обломками исполинских статуй, обезображенных временем настолько, что даже людские изваяния успели превратиться в жутких страшилищ. Земля кое-где пугающе провалилась, зияют прохладой глубокие ямы и пещеры, в глубине угадываются остатки колонн, стен с барельефами, пилястрами, пустыми нишами...

Вдали из солнечного блеска выступили скалы с удивительно одинаковыми острыми пиками.

Я засмотрелся на них, граф Гатер тоже долго всматривался, хмурился, наконец спросил осторожно:

— Вы уверены, что нужна именно Янтарная Капля?

— Почти, — ответил я бодро. — А что?

Он повел рукой.

— Вот отсюда она и начинается... Видите?

Почти от копыт наших коней земля и трава приняли оранжево-желтый цвет. Каждая травинка кажется выкованной из золота, но солнечные лучи пронизывают их, я могу рассмотреть темные прожилки клеток...

Чем дальше от нас, тем ярче и праздничнее цвета, крупные валуны можно спутать с золотыми слитками, а редкие невысокие скалы выглядят осколками упавшей с неба и расколовшейся на куски горы из чистейшего янтара.

— Да, — протянул я озадаченно, — но так красиво... Почему дурная слава, не понимаю...

Он сдвинул плечами.

— Ах, сэр Ричард! Мир населяют простолюдины, а не благородное сословие. Только мы способны оценить красоту. Овцы не могут есть эту траву, а коровы вообще дохнут. Вот и считается это место проклятым.

— Как все просто, — пробормотал я. — Признаться, я разочарован. Однако надо ехать дальше.

— Вы что-то ждете здесь?

Я покачал головой.

— Нет. Дальше разве что. Сегодня ночью приходил один...

— Тот, которого вы с моста?

— Да.

— Он не так поклонился?

— Именно. Но зато сообщил, что мне надо в Башню Небесного Камня. Что это такое, знаете?

Он посмотрел с удивлением.

— Там же развалины!.. И никто никогда не жил.

— Но если развалины, — возразил я резонно, — значит, когда-то было целым зданием? И кто-то жил?

Он отмахнулся:

— Что было сотни лет тому, теперь не в счет. Впрочем,

это уже близко. Вот только поднимемся на ту гряду, видите?...

Я кивнул:

— До обеда не успеем. Но ничего, лишь бы успеть до ночи.

Он с сочувствием посмотрел на мое помрачневшее лицо, вздохнул, однако предусмотрительно смолчал.

Бобик вернулся разочарованный, ни одного оленя, кабана, даже зайца или кролика в такой огромной долине. Я посочувствовал и пообещал, что в следующий раз он побывает в таких местах, где дичь на дичи ездит и дичью погоняет.

Граф Гатер покачивался в седле бодрый, мир прекрасен, на меня посматривал с любопытством.

— Ваша светлость, значит, наше путешествие закончится в Башне Небесного Камня?

Я ответил так же любезно:

— Дорогой граф, наше путешествие никогда не закончится. Потому что мы — мужчины! У нас в крови идти за горизонт искать мамонтов.

— Мамонтов?

— Да это звери такие, — объяснил я, — в краях посевнее.

— Вроде драконов?

— Да, только съедобнее. Так что эта башня — только эпизод...

Он проговорил задумчиво:

— Но все-таки что может таить в себе эта ваша полуразрушенная башня...

— Вообще-то она еще не моя, — уточнил я.

Он понимающе улыбнулся, обнаженный меч в руке порождает власть, а если меч хорош, а рука крепка, то за крепость власти можно не беспокоиться.

— Вы еще не знаете, что там?

— Нет, — признался я. — Знание бывает ложно, вера — никогда. Если вера в Господа, конечно, или в меня, сво-

его сюзерена. Я верю в нашу правоту, а это позволяет действовать, невзирая, да...

— Невзирая на?

— Невзирая, — подтвердил я. — Человек с убеждениями не взирает!

В лицо подул легкий ветерок, солнце все еще неумолимо карабкается к зениту. Мы проехали мимо пещеры Зверя Неназываемого, затем проплыли в сторонке руины древнего акрополя, остатки колонн храма забытого ныне бога, еще долго шли справа стены с пещерами то ли одичавших людей, то ли похожих на людей животных.

Граф Гатер начал приподниматься на стременах, жадно всматривался вперед, но все-таки высокую башню, остро блеснувшую против солнца, первым заметил я, указал на нее пальцем, сюзерену все можно.

— Это она?

Он кивнул, несколько разочарованный.

— Ну и глаза у вас, ваша светлость!

— Тогда пусть наденут доспехи все, — велел я, — кто налегке. Барон Гедвиг, доведите мое высокое повеление до всех, знатных и незнатных. Я не хочу, чтобы кто-то погиб по беспечности.

Барон кивнул и остановил коня, а граф вскричал шокированно:

— Ваша светлость!.. Там же руины!.. Ничего, кроме! А сейчас... не знаю, это мираж... Да, мираж точно... Кто стал бы отстраивать эту башню? И зачем?

— Узнаем, — ответил я хмуро. — Может быть.

Рыцари останавливались возле Уроншида, он объяснял им, размахивая руками. Началась деловитая суэта, звякал металл, прыгают солнечные зайчики на выпуклых частях доспехов, возбужденные голоса, частый перестук копыт.

Граф Гатер сказал с сомнением:

— Пожалуй, я тоже облачусь в железо, хотя все и кажется весьма... очень даже...

— Опасаетесь попасть в смешное положение? — спросил я.

Он вздохнул.

— Эта беда всегда висит над благородными людьми. Простолюдину в любое дерьмо вляпаться не зазорно...

Через несколько минут уже весь отряд сверкал начищенными доспехами. Граф Стерлинг подъехал к нам, широкий и нарядный, на шлеме пышный султан из двух десятков огромных раскрашенных перьев, забрало поднято, показывая горящие возбуждением глаза.

— Ваша светлость, — спросил он с ходу, — мы что, опасаемся нападения? Откуда?

— Нет, — ответил я, — попытаемся атаковать с ходу, пока там не приготовились к обороне.

Башня поднимается высокая, остроклювая, в смысле — крыша похожа на многократно увеличенный наконечник копья. Сейчас она горит на солнце ярко и празднично. Это привычно, но хуже, что башня идет не от земли, а вырастает из довольно просторного здания. Одноэтажное, правда, но все-таки внутри можно с комфортом разместить целый отряд.

Я сказал быстро:

— Даже если нас заметили, сигнал не сразу придет вниз... Все на ворота! Надо попробовать вышибить! Как можно быстрее!

Рыцари выстраивались в боевой клин, я наклонился к уху Зайчика и прошептал жарко:

— Постарайся выбить ворота. Если не получится, тоже не страшно. Если же выьем... я тебе не только скормлю все железо в башне, но и расцелую!

Бобик обиженно взвизгнул, я его потрепал по башке, мысленно пообещал тоже поцеловать, он такое чувствует, толкнул арбогастра коленом.

Мы догнали рыцарский отряд, передние зачем-то вы-

ставили перед собой копыя, наверное, для самоуспокоения. Я обошел сбоку в самый последний момент, пригнулся к шее Зайчика и покрепче вцепился в ремни.

Рыцари ударили в створки ворот копыями, глупо, древки разлетелись в щепки с сухим треском. Обломком меня больно стукнуло по голове, по плечам, кольнуло в бок, но таранный удар арбогастра сотряс ворота до основания, сверху посыпались камни, створки затрещали и распахнулись.

Бросив изломанные копыя, рыцари победно ворвались на конях в широкий холл. Стальные подковы высекают при каждом шаге искры, защитники выставили перед собой копыя, я слышал, как кто-то из наших вскрикнул, не успев отразить стальное острие, но мой меч уже рубил, крушил, а Зайчик повергал копытами...

Минуту спустя на галерее появились запоздавшие арбалетчики и дали дружный залп. Закричали раненые люди и кони. Арбалетчики поспешно пригнулись за барьером, торопливо натягивая тетивы, я соскочил с коня и бросился по боковому проходу наверх.

Когда я выметнулся на галерею, там оставалось только двое на ногах, остальные кто сидит, кто лежит, в каждом торчат по одной-две стреле, люди графа Стерлинга оказались умелыми стрелками.

Я замахнулся мечом, по лезвию звонко ударило и едва не выбило из рук, а снизу раздался вопль:

— Прекратить огонь! Там сэ́р Ричард!

Арбалетчики из числа защитников бросили оружие и пали на колени.

— Пощады, ваша светлость!

Я вытянул лезвие вперед.

— Клянитесь!

Они торопливо поцеловали конец меча, клятву про-
бормотали торопливо, но, вижу, искренне, выбор невелик, я велел резко:

— Спускайтесь вниз. Арбалеты не брать!

И сам унесся мимо и дальше, там узкий проход на башню. Ступеньки загремели под толстыми подошвами, я прикрылся щитом от удара сверху и на бегу спешно пронохивал, что там впереди. Далеко на самом верху гуляет ветер, в дико цветном кисло-шершавом мире только смазанные и сильно растянутые фигуры, даже не могу понять, сколько там человек.

Задыхаясь, что это со мной, выскочил наверх, двое хорошо вооруженных воинов тут же закрылись щитами и встали в боевую стойку. Мужик в одежде плотника и с топором в руке, напротив, отступил на шаг, еще там испуганная женщина в дорогом платье и высокий воин, которого я назвал бы рыцарем, если бы на той стороне могли быть рыцари.

— Бросить оружие! — заорал я.

Сердце колотится, как сумасшедшее, то ли от быстрого бега, то ли я и так взвинтил метаболизм, а дыхание обжигает горло. Двое воинов шагнули ко мне, но пока делали первый шаг, я сделал четыре: правый получил краем щита в лоб, а левый только выпучил глаза, когда лезвие моего меча скользнуло ювелирно точно над краем щита и рассекло горло под ремнем шлема.

— Бросить оружие! — повторил я оставшимся. — Я что, похож на хи-хи?

Оба воина тяжело грохнулись на пол. Их военачальник сжал люто челюсти и взял меч на изготовку. Женщина испуганно вскрикнула, нежная и трепетная, но этот дурак даже не понял, какой у него шанс спасти шкуру.

Я зыркнул на него почти с сочувствием. Как хорошо, даже эта продавшая наш мир сволочь не представляет, до какой низости упадет злодейство, когда такой же в будущем сразу догадается в данном случае привычно схватить женщину, закрыться ею и, приставив к ее горлу нож, потребовать отдать ему меч, амулет, а самому стать

на колени и склонить голову. А то, дескать, перережет ей горло.

Этот не додумался до такой простой вещи как раз только потому, что он тоже, как и все здесь, живет в рамках морали и мышления этой эпохи. Женщины и дети неприкосновенны, использовать их в качестве живого щита... нет, такое просто не придет в голову мужчине, а если даже попытаться вбить это в сознание, оно с негодованием отвергнет, потому что злодей — это не животное, а борьба Добра и Зла, что на самом деле всего лишь борьба лучшего с просто хорошим, что потом начинает именоваться Злом за то, что сопротивлялось и было побеждено.

Он наконец шагнул в мою сторону, лицо злое, в глазах ярость.

— На колени, раб!

— Ну вот наконец-то решился, — сказал я. — Скажи еще что-нибудь, дурак, чтоб я уж точно никакими угрызениями не мучился.

Он ринулся, как взбешенный бык, а мечом махал яростно и так быстро, что я даже отступил, потом отпрыгнул в сторону, ударил, он зашатался, и я нанес последний удар под кирасу, где непрочная кольчуга, и крепкая рука в состоянии пропороть ее острым клинком.

Женщина вскрикнула жалобно. На лестнице послышался топот, на площадку взбежали запыхавшиеся граф Гатер и барон Уроншид. Оба ахнули, почти споткнувшись о тела первых двух, один вообще в судорогах отполз к самим ступенькам.

Граф вскрикнул пафосно:

— Какая достойная победа!

— Это проигрывать надо достойно, — сообщил я, — а выигрывать можно как угодно... Эй ты! На колени.

Плотник отшвырнул топор и поспешно рухнул на колени.

— Ваша милость, я простой плотник! И топор у меня плотницкий...

Я вытянул руку с мечом и приставил острие к его груди.

— Ответствуй громко и ясно, как перед Господом.... Где фея?

Он вздрогнул.

— Ваша светлость! Фея сейчас не здесь. Была, но сейчас Ее Могущество изволит находиться в замке Черной Бронзы!

— Это где?

— Миль десять отсюда!.. Если прямо на восток!

Я покосился на бледного графа Гатера.

— Видите, дорогой сэръ Генрих?.. Какая-то у вас фея странная. Откуда у нее такие непонятные привычки? Они ж вроде порхают в лесах?.. Сэръ Гедвиг, сделайте одолжение, уведите отсюда даму.

Барон протянул руку трепещущей женщине.

— Прошу вас, леди.

Она, при всем ужасе на лице и в глазах, все же опустила пальцы на его подставленную руку весьма грациозно. Барон сделал шаг к лестнице, и пленница пошла с ним синхронно, настоящая женщина, понимает, что должна не только лежать молча, но и ходить так, чтобы мужчине никаких затруднений. И платье поднимать сама, как вот сейчас, когда по ступенькам вниз, так и вообще в этом лучшем из мужских миров.

Граф Гатер проводил их взглядом, вздохнул и передернул плечами.

— Не знаю, — ответил он, — что за леса в Сен-Мари, но в наших живут только эльфы. Да и то отыскать их не просто... А вот феи могут везде и всюду.

— Кто везде, — изрек я, — тому замок ни к чему... А ты, существо, вставай. Как ни странно, но твоя душа еще не черна... Почему?

Плотник дрожал так, что не мог ответить, граф окинул его оценивающим взглядом.

— Но повесить его стоит, думаю.

— Зачем?

— А так, — пояснил он деловито, — чтоб не грешил. На всякий случай.

Я покачал головой:

— Нет, мы должны быть демонстративно милостивы. Чутьочку напоказ. Думаю, у феи просто на все не хватает сил и времени. Легче гору перенести на другой конец света, чем такое упрямое существо, как человек, в чем-то переубедить и навязать ему другие ценности. Этот не принял Тьмы не потому, что понял ее пагубность, а как раз потому, что не понял. Не желает отступать от принципов, завещанных такими же неграмотными крестьянами, вот и все.

Граф сказал с сомнением:

— У крестьянина принципы?

Я отмахнулся:

— Да назовите, как хотите. Главное, теперь мы знаем наш следующий шаг. Надеюсь, он и последний.

Граф вздрогнул, посмотрел с укором.

— Ваша светлость...

— Что не так?

— Вы имели в виду последний шаг...

— Для наших противников, — заверил я. — А вы что подумали?

Он сказал сумрачно:

— Если нужно сказать глупость, я тут как тут.

Я махнул рукой плотнику.

— Ты свободен. Можешь подняться.

Он проговорил умоляюще:

— Я лучше постою так и тут, ладно? А спущусь потом, потом...

— Как знаешь, — ответил я милостиво, — граф, это чьи земли?

Глава 3

Мы спускались уже без спешки, граф начал рассказывать, что формально эти земли принадлежат Томасу Бабингтону Маколею, лорду почтенному, титулами не отягощенному вовсе, но человеку все равно уважаемому, однако сюда гораздо легче попадать из владений Джонатана Тиндаля, виконта Астийского, но и виконт сюда не пошлет никого из уважения к лорду благородному и достойному Маколею...

— Понял, — прервал я. — Вот из таких зерен и проклеиваются будущие разбойничьи империи. Из таких никому не нужных пустынных мест. А когда заметят, аттил уже остановить трудно...

Внизу на лестнице раздался дикий вопль, полный отчаяния и боли. Граф Гатер выругался и выхватил меч, я бросился вниз молча. Пролетом ниже прямо на ступеньках распростерт граф Стерлинг, живот в крови, сверху он похож на распластанную рыбу на столе хозяйственной кухарки. Обими руками вцепился в брюхо, откуда слышится шипение, бульканье, вместе с кровью вытекает густая слизь, обе ноги вывернуты под неестественным углом.

Барон Уроншид уже склонился над ним, бледный как смерть, вскрикивает с великим беспокойством:

— Доблестный сэръ Дэйв... ну скажите же... вы как?

Граф не ответил «ок», как я почему-то, ну вот почему-то ждал, а прорычал злобно:

— А ты как думаешь?

— Ага, — сказал барон виновато, — ну, я постараюсь вам помочь, в смысле...

— Ну-ну, — прохрипел Стерлинг, — сперва почешешь, а добыешь потом? Красавчик...

Барон выронил из рук меч и упал на колени перед мужественным графом.

— Все хорошо, — сказал он растерянно, — все в порядке, все в порядке. Скоро все будет хорошо...

Стерлинг прохрипел саркастически:

— Да-да, говори-говори... Так сразу и полегчало.

Я подбежал, наклонился и заботливо потрогал ему лоб.

— Ого, у вас жар!.. Наверное, вы простудились, граф. А барон Уроншид у нас таков, вы правы! Мне тоже всегда легче от его слов. В смысле на душе.

Стерлинг прислушался к себе, лицо стало удивленно-глуповатым, пошевелился, заранее скривившись в ожидании резкой боли, совсем изумился, даже глаза полезли на лоб.

— Сэр Гедвиг, — сказал он, — а ваша благородная мать точно леди Блаунширская?

Барон насупился и спросил с подозрением:

— А в чем дело?

— Да мне в самом деле полегчало, — сказал Стерлинг изумленно, — будто вы от знахарки Вельвы, а к леди Блаунширской вас подкинули... Вы точно не подкидыш?

Он медленно поднялся, все еще с изумлением прислушиваясь к себе, поворачивая руки так и этак, топал ногами.

— Еще одно слово, — сказал барон Уроншид с надменной угрозой, — и на этот раз уже не встанете, благородный граф!

Стерлинг спросил с подозрением:

— Так это вы меня шарахнули в спину? Или все-таки ваша очаровательная спутница?

— Граф, — воскликнул барон негодуя, — ваши шуточки переходят все границы!

— Какие границы, — пробормотал Стерлинг. — Я же был почти мертв, а вы меня вылечили!.. Барон, дайте я вас расцелую...

— А что еще?

Я сказал резко:

— Хватит! Куда делась женщина?

Барон виновато опустил голову, а Стерлинг ответил четко:

— Я поднимался к вам, вдруг помощь нужна, а на встречу идет барон с этой дамой... Но что-то в ней очень показалось не то, а меч уже был в моей руке... В общем, она все поняла, развернулась, ну прям вихрь! Я только успел увидеть, как столкнула барона по ступенькам. А мне, увы, повезло меньше... Хотя я ее пырнуть успел... Вон та кровь на стене, видите? Это ее.

Я угрюмо молчал, граф Гатер сказал сумрачно:

— Это не везение, доблестный друг, сами знаете. Вы же помните, ордосская ведьма весь отряд сэра Гревса испепелила огнем, но юного барона всего лишь захватила в плен... к счастью, через месяц он как-то сбежал.

— По его словам, — уточнил граф Стерлинг с намеком в голосе.

Барон насупился и первым выбежал в холл. Мы спустились степеннее, перед башней наши перевязывают своих раненых, чужих добили, с десятков пленных стоят на коленях в покорных позах и опустив головы, вдоль стены. Я сперва прошелся по своим раненым, затем оглядел очень придиричиво стражей башни. Пришлось просмотреть их трижды, но все чисты, в том смысле, что обычная сволочь. Тьмой и не пахнет, фее куда проще брать на службу наемников, чем вести пропаганду по перековыванию местных упрямцев в идейных бойцов Тьмы.

— Выясните, — велел я Гатеру, — что за люди. Если ленники, пусть живут, верность надо поощрять, даже если верны противнику. Если сброд, которому неважно, кому служить, лишь бы платили, развесьте в живописных позах для наглядности. Мол, еще не пришло время отделяться штрафом и выскальзывать под залог.

Рыцари с оруженосцами обшаривали здание и башню на предмет, что бы позаимствовать на память, я поглядывал на солнце, успеем ли до заката увидеть этот замок Черной Бронзы. Перед разбитыми вдрызг воротами на

полу груди оружия, двое оруженосцев лениво ковыряются, как куры на куче навоза, выискивая жемчужные зерна.

Справа и слева от ворот по большой каменной чаше, обе пустые, края оплетены паутиной, но тоже мертвой, пауки давно удрали в другие места, а то и края.

Граф Гатер устало опустился возле одной на глыбу, подозрительно похожую на место для сидения, даже углубление для зада очень уютно выдолблено или вырезано.

В чаше полыхнуло, взвился оранжевый язык огня. Я ощутил сухое тепло даже в двух шагах от чаши. Граф напрягся и явно хотел вскочить, но это могут истолковать, как испуг, и он с каменно спокойным лицом остался в той же фараонной позе: с ровной спиной и неподвижный, красиво глядя вдаль.

Из дверей башни выскочил барон Уроншид, за ним уже спокойнее вышло трое его баннерных рыцарей. Все ошалело уставились на внезапное пламя.

— С чего это? — пробормотал барон Уроншид и посмотрел на меня, как на специалиста по Вестготии.

— Первый раз так? — спросил я.

— Да...

— Хорошее предзнаменование, — сказал я голосом эксперта и благочестиво перекрестился. — Мы победим.

Кое-кто из рыцарей тоже перекрестился, весьма неумело, просто подражают сюзерену. Остальные не шелохнулись, им не нужны эти мелкие знаки, они общаются с Господом Богом напрямую, как заявляют гордо.

Граф спросил меня тихонько, чтобы никто не слышал:

— А это в самом деле доброе предзнаменование?.. А то я слышал...

Он замялся, а я сказал так же тихо:

— Граф, для отважных все предзнаменования в их пользу.

На его щеках проступила легкая краска стыда.

— Да-да, ваша светлость. Вы правы. Это во мне хрюкнула слабость. Но, как я понял... это не все?

Я вздохнул:

— Вы правы, граф. Все намного серьезнее. Нам предстоит, говоря простым языком, спасти мир. Потом это станет обыденным, мир придется спасать по сто раз на день, но пока такое случается раз в столетие...

Барон Уроншид охнул:

— И такое выпало именно нам?

— Точно, — подтвердил я и посмотрел на него подбадривающе, — здорово нам повезло?

На барона было жалко смотреть, он помялся, явно вспоминал женщину, что вел с башни сюда вниз, наконец прошептал:

— А что нам нужно сделать?

— Найти ту бабку, — сообщил я, — что дала герцогу Хорнельдону липовое бессмертие. Найти и прибить. Она старая, не жалко. Правда? Можно топор подвязать под плащом, чтобы меч не пачкать. Где сейчас обитает, знаем. Если плотник не соврал для украшения речи.

Вокруг меня мир замер, рыцари перестали двигаться и даже дышать. Я посмотрел удивленно, у всех глаза круглые, а краска медленно сползает с лиц.

— Что не так? — спросил я с удивлением.

Граф Гатер прокашлялся и просипел так трудно, словно его держат за горло:

— Это не бабка, ваша светлость. Это фея...

— А что, — поинтересовался я, — она все еще молодая?

— Феи не стареют, — выговорил он с трудом. — Фея... это фея!

— Молодую убивать жалко, — признался я. — А если еще и красивая... Хотя злые не могут, не должны быть красивыми! К тому же, если она против нас, то как может быть красивой?.. В общем, седлайте коней. Мы должны достичь этой Черной Бронзы и решить вопрос раз и навсегда. Как всегда делаем с этой гидрой. Раз и навсегда.

Их серьезные лица медленно каменели, даже граф Гатер, который казался мне достаточно беспечным, беспо-

койно двигался, поглядывал во все стороны, словно искал выход.

Барон Уроншид передернул плечами, голос его стал хриплым:

— Сражаться с феей?.. Это безумие!

— Мы живем в безумном мире, — напомнил я и сказал гордо: — Безумству храбрых поем мы песню. Вообще-то безумства может творить только умный, а дурак делает глупости.

Граф Гатер сказал сипло:

— Но сражаться с самой феей... Это же невозможно...

— Трудное, — сказал я, — это то, что можем сделать прям щас. Невозможное потребует немного больше времени. Ну, как раз доедем...

Барон Уроншид вскочил и сказал резко:

— Ваша светлость! Мы ехали с вами, даже не спросив, именно в земли Янтарной Капли!.. И все сделали, как вы хотели. Но дальше...

— Что вас останавливает? — спросил я строго.

Он стоял бледный, трясущийся, на лице неопишумый ужас, глаза остекленели. Мне даже показалось, он не соображает, что говорит и делает, когда он прохрипел сдавленным голосом:

— Это безумие... Я не пойду...

Он отвернулся и начал собирать вещи в мешок. На него оглядывались, граф Гатер болезненно поморщился, словно при остром радикулите, но превозмог себя и, к моему удивлению, сказал очень участливо:

— Сэр Гедвиг! Дабы никто в Альтенбаумбурге не усомнился в вашей доблести, скажите Марселю, что я вас послал с донесением. Передайте гарнизону, что успешно преследуем противника, а в данный момент подошвы наших сапог вбивают пыль в преддверии Земли Вечного Тумана. А отправил вас потому... потому что... ну, скажем, было пророчество, что лишь отряд в двенадцать человек...

или сколько нас?.. имеет шансы. Не больше и не меньше. Жребий вернуться пал на вас.

Барон побежал, не отвечая, к коням, вскочил на своего и галопом понесся прочь.

Я помалкивал, все слишком быстро и неожиданно, да и как-то не вяжется с обликом отважного барона. Рыцари помалкивают, лишь кто-то поморщился, махнул рукой.

Граф Гатер сказал с неловкостью:

— Ваша светлость... есть люди, что боятся колдунов просто панически. Барон — отважен, он не раз сходил с противниками посильнее его. Но не отступал, однако любое упоминание о магии ввергает его в дикий страх. Наверное, сглазили в детстве.

Я моментально сориентировался и ответил мирно:

— Дорогой граф, я и не подумал, что барон трусит. Есть люди, что могут выйти в одиночку против войска, но страшатся темноты. Есть мужчины, что страшатся пройти по болоту. Все женщины панически боятся мышей, пауков, милых летучих мышек... Так что вовсе не осуждаю барона. Напротив, сочувствую.

Он с облегчением перевел дыхание.

— Спасибо, ваша светлость!.. признаюсь, меня самого просто колотит от одной мысли, что идем против феи. Никто и никогда...

Виконт Ноэль Джонстоун, тоже бледный и взволнованный, выступил вперед и проговорил звонким юношеским голосом:

— Но мы идем, ваша светлость.

— Спасибо за доверие, — сказал я.

Он возразил гордо:

— Это наш долг!

— Долг, — сказал я с сочувствием, — это то, о чем думаешь с отвращением, делаешь с неохотой, но зато потом долго хвалишься! А у нас будет повод, граф. Обещаю!

Граф Гатер тяжело вздохнул и пробормотал:

— Долг — это то, чего в эту минуту не сделает никто, кроме вас. Так что надо ехать сейчас, чтобы успеть до ночи.

Я сказал натужно бодро:

— Тогда проверьте коней и — в путь! Пока наша стойкость еще не подверглась коррозии рассудка.

Оруженосцы и простые воины разошлись, граф Стерлинг задумчиво посмотрел в ту сторону, где скрылся из виду барон Уроншид. Лицо его потемнело и осунулось, он вздохнул тяжело и произнес надтреснутым голосом:

— Первый раз меня спасло чудо, которое явил барон Уроншид, исцелив полумертвого, благодаря чистоте сердца и непорочности деяний. Второй раз так не повезет... Фея просто-напросто уничтожит нас всех, ваша светлость. Я готов идти на любого противника, но фея... это не противник! Это стихия. Все равно, что пытаться остановить ливень, бурю или горную лавину. Простите, но участвовать в таком безумии я не буду.

Рыцари угрюмо помалкивали, я чувствовал, что многие отказались бы точно так же, однако ложная гордость молодости не позволит сказать то, что ясно и четко произнес граф Стерлинг, воин зрелый, опытный и, как говорится, в летах.

Я ответил вежливо:

— Граф, с моей стороны было бы безумием принуждать вас или кого-либо участвовать в этом опасном деянии.

Он поднялся, поклонился.

— Тогда я отбываю вслед за бароном.

Я молча наклонил голову, прощаясь, граф Гатер сказал громко:

— Я провожу тебя, мой старый друг!.. Ты вообще-то прав, у тебя жена и трое таких очаровательных детишек. Я просто счастлив, когда играю с ними. Тебе повезло, дружище!

Граф Стерлинг кивнул, двое его воинов торопливо сед-

дали ему коня. Граф Гатер отцепил от пояса флягу, взмахом длани подозвал своего оруженосца.

— Вилко, принеси два кубка! Да быстро!

Откуда они у него, мелькнуло у меня, однако оруженосец в самом деле принес два серебряных кубка изящной работы. Один Гатер сразу же сунул Стерлингу.

— Выпей, дорога трудная. Больше промочить горло будет негде!

Стерлинг поморщился.

— Ладно, только быстро.

Гатер налил ему и себе, быстро осушили, Стерлинг сунул было кубок обратно, однако Гатер вскрикнул:

— А за мое здоровье выпить не хочешь? Ты же знаешь, куда мы идем!

Стерлинг покосился в сторону рыцарей, все заняты своими разговорами, в его сторону не смотрят, сказал хмуро:

— Наливай, только быстрее.

Гатер налил, выпили, Стерлинг протянул кубок Гатеру, но тот сказал уверенно:

— Я был бы последней свиньей, если бы не выпил за твое!

Стерлинг, сцепив челюсти, подставил кубок. Гатер вылил остатки вина, как раз набралось на два полных кубка. Дальше я наблюдать не стал, вообще-то Гатер пользуется нечестными трюками, но это можно объяснить тем, что Стерлинг — ближайший друг, без него Гатеру будет скучно.

Глава 4

Когда мы отправились в путь, Стерлинг бодро восседал в седле своего злого и кусачего жеребца, хрипло орал вместе с Гатером военные песни, требовал подать ему Темную Фею, драконов и каких-то моррислов.

Солнце спряталось за вершинами высоких гор, но еще

не вечер, навстречу сорвался свежий ветер, в котором чувствуется влажность высокогорных водоемов. На перевале авангард опустил копья и ринулся в атаку, я не видел, что там у них происходит, а когда мы подросли с Бобиком, трое рыцарей вытаскивали копья из кабана размером с быка, клыки толщиной со слоновьи бивни.

Дважды нас обстреливали издали разбойники, хотя в открытый бой ввязываться не решались, однажды пришлось отбиваться от стаи крупных волков, сэр Гатер назвал их ликанами и сообщил, что они не терпят, когда кто-то проходит по их землям.

У меня лук разогрелся от частой стрельбы, а кожа на руке горит от ударов тетивы, но последние из уцелевших оборотней позорно бежали.

Гатер с облегчением перевел дух, но глаза блестят довольно, распорядился громко:

— Снять шкуры!.. Ценнее трофей в этих землях трудно придумать.

Я поинтересовался:

— Еще далеко до замка Черной Бронзы?

Он вытянул вперед руку.

— Вон ту гряду минуем и...

— Там бывали?

— Нет, но земли Янтарной Капли закончатся. Дальше трава уже как трава. И муравьи там муравьилят всяких жуков всюю.

Рыцари помогли конным ратникам сдирать шкуры, на амулеты отрезали лапы, вырывали зубы, я извелся в нетерпении. Наконец все вернулись в седла, выехали на дорогу, и тут за спиной послышался хруст, треск.

Все выхватили оружие и повернулись в ту сторону. Через кусты ломился некий зверь, сразу несколько копьеносцев выставили перед собой пики. Ветви раздвинулись, к нам выметнулся всадник на хрипящем в изнеможении коне, доспехи помяты, пышный султан сбит, плащ изо-

рван в клочья, волосы в засохшей крови, торчат, как гребень дракона.

Его шатало, а когда конь остановился, всадник упал на землю, перевернулся измученным лицом вверх.

Мы охнули в один голос, а барон Уроншид, упираясь руками в землю, прохрипел:

— Быстро же ходите...

Двое воинов соскочили с коней и подхватил его под руки. Барон поднялся, его раскачивало, как деревце на ветру, но мой изумленный взгляд встретил бестрепетно.

— Ваша светлость, — прошептал он громко, — я передумал. Я с вами, куда бы вы ни шли.

Граф Стерлинг уязвленно вскрикнул:

— Ты не сможешь!.. Тебя нужно добить и утопить в первом же болоте. Только выбрать, чтобы жаб побольше.

Барон ответил прерывающимся голосом:

— Это лучше, чем вернуться с придуманной для меня милостивой ложью. Я никогда потом не отмоюсь.

— Никто бы не знал, — заверил я, подъезжая к нему.

Он покачал головой.

— А я?

Граф Гатер понимающе ухмыльнулся, когда юный барон вздрогнул и начал прислушиваться к себе. Я убрал руку с его плеча и чуть подал коня в сторону. Барон подвигал плечами, морщась, но в глазах удивление, на плече и в районе ребер не зря же пятна засохшей крови на погнутых доспехах.

Я сказал буднично:

— Похоже, сэр Гедвиг тоже может ехать с нами, не слишком отставая. Так что поторопимся.

Трава все так же янтарно-желтая, глаза уже болят от слепящего света, что бьет под веки со всех сторон, даже снизу. Небо беспощадно-синее, ни облачка, что закрыло бы солнце. Воздух накаленный, но прозрачный, копыта сухо бьют в накаленную почву, тоже золотистого цвета, словно спрессованный до твердости камня золотой песок.

С холма видно, как далеко-далеко желтизна резко обрывается, там дальше роши, зеленая трава, там жизнь, а на этой стороне высится странное уступчатое сооружение рубинового цвета. Даже отсюда видно, что с одной стороны его высоко занесло песком, зато с другой воздушные вихри вымели песчинки до самой земли.

Бобик пробежал вперед и остановился, насторожив уши. Я придержал коня, дожидаясь остальных. В самом деле как будто сплошной рубин, которому руки гигантов придали странную, непонятную форму.

Простучали копыта, нас догнал граф Гатер и, резко подняв коня на дыбы, остановил его рядом с Зайчиком.

Я поинтересовался с беспокойством:

— Это что?

Граф пробормотал:

— Знать бы...

— Что-то мне подсказывает, — сказал я с напряжением в голосе, — это и есть тот самый замок Черной Бронзы.

Граф Гатер возразил неуверенно:

— Я бы не сказал, что это бронза. Хотя из меня кузнец такой же, как и музыкант.

Подъехали граф Стерлинг и барон Уроншид, оба смотрели со страхом, щеки сразу побледнели. Я подумал, что вообще-то их надо под благовидным предлогом отправить в арьергард.

— И не черное, — проговорил наконец граф Стерлинг. — Не черное, в понятном смысле. Я в цветах разбираюсь, у меня жена весь двор ими засадила.

Я смотрел на необычный замок во все глаза, и чем больше смотрел, тем тяжелее становилось на сердце. Нечто гнетущее наваливается, душит, напоминает, что смертному существу здесь вообще появляться не следовало бы.

— Странная форма, — заметил я как можно спокойнее. — На замок мало похоже.

— Возможно, — сказал граф Гатер, — перестроили за века? А в те старые дни это вот и было из Черной Бронзы?

Ваша светлость, старые имена живучи... Не только хозяева меняются, но и народы! А названия гор, рек, земель и ущелий как прилипли... Вы знаете, как в королевстве называют род графа Стерлинга?

Граф Стерлинг моментально вздулся, как рыба-ерш, со стуком опустил ладонь на рукоять меча.

— Граф!.. — произнес он грозно. — Я попрошу...

Гатер воскликнул виновато:

— Простите, дорогой друг!.. Я думал, что раз уже все на свете знают, то почему не просветить и нашего дорогого герцога. Надо хоть что-то веселое...

— Все может быть, — согласился я. — Был Черным, стал Пурпурным. Был из бронзы, сейчас из... вообще непонятно чего. Был крепостью, а теперь... Все просто! Настолько, что голова пухнет от мыслей, будто и не рыцарь.

— Какой дивный цвет, — сказал барон восторженно, — просто распустившаяся роза...

Замок сияет четко и одиноко среди желтого сверкающего песка. Не иначе, как страшная слава Темной Феи охраняет эти удаленные от караванных путей земли. Здесь близко цветущие рощи, зеленые долины, хозяйственный человек сразу бы перекопал все, настроил, огородил, взорвал торжественную тишину мычанием, бляньем, кудахтаньем, скрипом несмазанных колес...

— Не одежда красит человека, — пробормотал я. — И не квартира... Если человек черный, то... черный. Я имею в виду с черной совестью, черными мыслями и замыслами. Замок по человеку, а не человек по замку, как сказал Иисус.

— Он так и сказал? — спросил барон Уроншид.

— Примерно, — сказал я, — примерно. Мы не фарисеи, чтобы дословно. И юристов у нас нет. Это я так просто, без намека.

Граф Гатер все не отводил напряженного взгляда от дико сияющего радостными цветами дивного замка.

— Что будем делать? — спросил он.

— Атакуем, — ответил я не раздумывая. — Вы заметили, здесь даже птицы не поют! Я уверен, во всей этой долине не осталось ничего живого, даже муравьи ушли... Страх защищает лучше копий, сэра Гатера! Но человек, если он человек, способен преодолеть страх так же легко... ну, почти, почти, как и другие животные позывы. Нелегко животному вести себя не по-животному, но именно так получают люди и даже человеки.

Он спросил негромко:

— Хотите сказать, настоящая защита там слабая?

— Их защищает репутация, — объяснил я. — Я сам человек с недостаточно светлым прошлым и знаю, как это работает.

Барон Уроншид не отрывал взгляд от замка, лицо стало просветленным, будто увидел ангела.

— Как же все-таки красиво...

— И темные личности бывают очень яркими, — заверил я, — а цветы злыми и кусачими, если сэра Бодлер не соврал.

Он посмотрел вопросительно, но я смотрю твердо, по-мужски, каждое слово весомо. Когда не уверен в том, что говоришь, надо это утверждать, а это я умею.

Граф Гатер сказал с сомнением:

— В прошлый раз нам удалось с наскоку. Но там не было феи...

Я с самым высокомерным видом вскинул брови и осведомился:

— Что?

— А если она... что-то предпримет?

Я пожал плечами.

— Обидеть меня может не только фея, а каждый... кто не понимает, как это рискованно.

Рыцари возбужденно переговариваются, проверяют оружие, доспехи, ремни. Я подумал, что попроси помощи, и кто-нибудь обязательно протянет тебе руку. Правда, зачастую с характерной комбинацией пальцев. Но мы

не в демократии, а в этом мире, когда сильный просит, он все равно приказывает. Сэр Стерлинг поскрипел, но ответил, что да, сочтет за честь идти со своими людьми в арьергарде, чтобы успеть хотя бы по разу разрядить арбалеты. И барона Уроншида будет держать при себе, чтобы в случае чего успеть дать отпор.

— Вот и отлично, — сказал я властно. — Все готовы?

Граф Гатер спросил быстро:

— Как будем штурмовать?

— Просто и честно, — сообщил я. — По-мужски. В прошлый раз тактика выбивания ворот сработала, чего нам еще?.. Мы что, будем умничать или как?

Он пробормотал опасливо:

— Да, но здесь, как я уже напоминал, фея...

— Думаю, — сказал я, — ей все равно, толстые или нет ворота. Ее сила в чем-то другом.

— Да уж, — сказал он несчастным голосом. — Атакуем? А то меня дрожь берет... Как-то не по себе. Наверное, та рыба на постоялом дворе была несвежей.

— Точно, — подтвердил я. — И запах у нее какой-то вообще рыбий.

Граф Гатер, виконт Ноэль Джонстоун, барон Альфред Бриджстоун и другие герои всячески протискиваются конями в голову клина, все страшатся оказаться позади, вдруг да что другие подумают.

Возникла некоторая нервная суматоха. Я задержал дыхание, пытаюсь унять бешено стучащее сердце.

— Уничтожим врага!.. — сказал я громко и резко. — Никого не щадить!

Рыцари пустили коней в галоп, земля здесь плотная, копыта стучат, как по камню. Я надеялся, что не выдохнутся раньше, чем ударим в ворота, мчимся по открытой местности, а с вершины центральной башни нас можно увидеть издалека.

Грохот копыт нарастал, я вырвался вперед, стараясь, чтоб не слишком, вход может быть только с той стороны,

откуда ветер вымел песок, а вообще-то мог вымести не сам по себе, а по приказу...

Сердце трепыхнулась радостно: ворота самые настоящие, деревянные, хоть и с железными полосами, скрепляющими доски. У феи на все житейские мелочи не хватает то ли сил, то ли времени, а может, и желания.

Я обернулся к скачущим позади рыцарям, сквозь прозеи забрал вижу полные решительности глаза.

— Никого не щадить!.. Действовать быстро!.. Героям — награды!

Грохот копыт нарастал, я нарочито придержал арбогастра, пока справа и слева не начали обгонять, затем послал его вперед, сам собрался и, сцепив зубы, ухватился за ремни.

Зайчик всей массой ударился в створки ворот. Они распахнулись с треском, вовнутрь влетели разгоряченные рыцари на взмыленных конях, полное впечатление, что мы выбили все разом.

Зал огромен, во всю ширь здания, стены в зловещем черном металле, с широких крюков спускаются до самого пола ярко-красные полосы ткани, а с двух сторон наверх ведут широкие каменные лестницы.

Послышался крик, топот, справа и слева к нам сбегают вооруженные люди, доспехов нет, некоторые в кольчугах, большинство вообще в кожаных латах, в руках у кого мечи, у кого короткие копья.

Я соскочил с седла прямо на лестницу. Навстречу ринулся, размахивая широким пугающим мечом, настоящий великан. Я уклонился и с разворота полоснул, не глядя, лезвием по тому месту, где должна быть шея. Красиво снести голову не удалось, но кровь из рассеченной артерии ударила тугой струей, и гигант опрокинулся на соратников, зажимая ладонью рану.

— Быстрее! — прокричал я. — Пока колдуны не опомнились!

Наверху из-за поворота появилась красивая женщина с прекрасным и злым лицом, одета вызывающе, на лице удивление пополам с омерзением.

— Убейте этих... — крикнула она отвратительным голосом. — Всех!

Ее воины бежали сверху и прыгали по ступенькам, как горошины из прорвавшегося мешка. Я даже отступил под бешеным напором, а она спустилась ниже и наблюдала со злым интересом за кровавой бойней.

Я прокричал:

— Кто бы ты ни была... сдавайся!..

Она зло расхохоталась.

— Червяк!.. Оно еще и говорит... Убейте его!

Я рубил настолько бешено и быстро, что вокруг меня вырос вал тел. Я начал подниматься выше, пока не оказался с нею на одной ступеньке, она все с той же гадливостью смотрела на меня и взмахом руки вызывала все новые отряды.

Руки мои начали наливаться свинцом, а она, которая приказала убить меня, стоит почти рядом и хладнокровно смотрит, как ее воины выбегают по двое-трое и набрасываются на чужака. Я бил, рубил, толкал, сбивал с ног, швырял о стену, раздавал зуботычины кулаком и рукоятью меча, а она все покрикивала и взмахом руки направляла на меня все новых и новых слуг.

Озлившись, я с размаха ударил ее рукоятью меча по лицу.

— Заткнись, дрянь!

Мгновенно все остановилось. Воины, что бросались на меня с бешеным рвением, замерли и смотрели выпученными глазами то на меня, то на свою повелительницу.

Она отшатнулась, из разбитого носа хлынула кровь.

— Ты... ты... посмел...

Она прошептала эти слова в таком непонимании, словно хрустальный небосвод затрещал и рухнул, а сейчас с неба падают боги в красиво развевающихся одеждах.

Я сказал злобно:

— Могу и добавить!.. Хочешь?

Она суетливо отступила, что совсем не вяжется с ее полными величия и важности жестами и поступью, полными императорской, даже небесной надменности.

— Ты... ты не человек!

Я ощутил себя на острие взглядов моих рыцарей, эти тоже в смятении, сказал громко и убедительно:

— Ты взяла на себя роль воина? Уважаю твой выбор. Я тоже за равноправие полов. Но раз командуешь, как мужчина, то и отвечай, как мужчина! Нефиг стоять и любоваться. К тому же вешают не простых воинов, а организаторов. Намек поняла, красotka?

Она вскрикнула:

— Ты... не посмеешь!

— Я демократ, — отрезал я. — Да здравствует подлинное равноправие! Сэр Генрих, схватить эту... и повесить, как... преступницу.

Граф Гатер крикнул мне в спину сожалеюще:

— Слишком хороша. У меня есть другой вариант...

Я оглянулся на его расплывающуюся в скабресной улыбке морду, махнул рукой.

— Хорошо. Солдатам тоже надо что-то дать такое, чтобы вспоминали и рассказывали.

Он взмахом руки послал вперед своих воинов, а я помчался вверх. Навстречу то и дело попадают кто с оружием, а кто без, я бил всех без жалости, а лестница здесь хоть и широкая, но без перил...

Сэр Гатер, весь забрызганный кровью, лихо соскочил с седла прямо на первую ступеньку.

— Ваша светлость, я с вами!

Я резко обернулся.

— Нет! Оставайтесь здесь!

Он прокричал с недоумением:

— Разве мой меч будет лишним?

— Меч никогда не бывает лишним, — крикнул я, — если против меча. Но там, боюсь, ждет что-то похуже...

— Но как же вы...

— Я скоро вернусь, — пообещал я.

Торопясь, я споткнулся, едва не вывихнув ступню, но, не показывая вида, что ужасно больно, торопливо понесся вверх по спиральной лестнице.

Глава 5

Красные стены просвечивают, как янтарь, я даже успевал видеть застывшие внутри диковинные существа, вряд ли были такие даже в триасе или мезозое, солнечные лучи одну стену превратили в сверкающий пожар, а другая — сплошные темно-багровые угли в ожидании ветерка...

На верхней площадке сразу четверо старинного вида воинов синхронно выступили из ниш и двинулись на меня, размахивая древним оружием.

— Пошли прочь, — прорычал я. — Прошло время, когда я страшился вас, морды немытые...

Они двигались механически, я без труда прорвался, срубив двоих, а когда уцелевшие повернулись за мной, снес им головы без всякой жалости, это же не люди, а что-то неживое.

Все-таки запыхался, прямо передо мною выросла громадная дверь. Надо бы отдышаться, но чувство опасности подсказало, что промедление весьма и зело.

Конечно, свинство открывать двери ногами, но после того, как неизящно распахнули ворота, все можно, я влетел вслед за хлопнувшими о стенки створками и моментально огляделся, держа меч перед собой.

Уже не зал, просторная комната, никаких пошлых колб и реторт или тиглей, это не лаборатория заурядной колдуньи, пусть даже могучей, а апартаменты Королевы

Темного Мира, как я ее назвал про себя, чтобы добавить себе важности.

Ее мощь ощутима в каждой детали отделки комнаты, от роскошного трона с барельефной спинкой до украшенных темным золотом стен, где прямоугольные накладки перемежаются с затейливыми узорами.

Меня передернуло, вот уж не думал, что простую геометрию можно сделать такой отвратительной и навевающей мерзкое чувство.

На троне, положив руки на широкие подлокотники, сидит в напряженной позе женщина в высокой короне, из-под которой на спину падают длинные красные, как закат, волосы. Темно-багровое платье с небольшим вырезом, на плечи наброшено нечто вроде плаща.

Корона массивная, с очень длинными и неприятно острыми зубцами, я подумал невольно, что такой коронной можно даже драться, цепь рубинов размером с фасолины идет по ободку, корона красно-черная, а блеск ее напоминает антрацит на сколах.

Жемчужины на платье Темной Феи посажены так плотно одна к одной, что она кажется одетой в прекрасную дорогую кольчугу, светящуюся, блистающую и непробиваемую. На груди изящная золотая цепочка, но медальон отвратителен: жуткая перекошенная злобой морда рогатого чудовища с длинными оскаленными зубами. При виде таких мутантов у меня сразу возникает протест: ну не может рогатое животное быть плотоядным хищником!

Перед нею в воздухе дрожит, раздираемый звездными силами, прозрачный синий шар. В нем сверкают искры, быстро-быстро возникают странные образы, обретают плоть, моментально стареют и рассыпаются в пыль, по лицу Темной Феи пробегает судорога недовольства, и снова под ее интенсивным взглядом творится высокая магия...

Она чуть наклонила голову и, не оставляя без внимания колдовской шар, посмотрела искоса и исподлобья в мою сторону, не удостоив даже поворотом головы.

Лицо действительно темное, хотя изысканно нордического типа, очень тонкий изящный нос, аристократически запавшие щеки. Крупные глаза я назвал бы прекрасными, если бы не злоба в них и что-то подлое, неприятное, гадкое.

Я сделал шаг вперед и сказал торопливо:

— Ваша Мощь! Простите за вторжение... Дикий край, теряю манеры... Ваш гарнизон сдался на милость победителя, что вообще-то разумно, предлагаю и вам... Фу-у-ух, как же высоко обитаете!..

Ее щека дернулась, словно по ней проползла муха, и Темная Фея сгоняет ее, как конь слепня.

— Смертный, — произнесла она неверяще, — ты это всерьез?

— Я очень серьезный, — ответил я церемонно и с превеликим чувством достоинства. — Вообще-то мог бы и не говорить, что я воплощение всех добродетелей и на мою милость вполне можно положиться. Это, думаю, и так издали видно. Особенно такой ослепительно прекрасной женщине... хотя я и не барон Гедвиг, есть у нас один особенный, но все же обещаю быть.... не слишком.

Колдовской шар померк, внутри звездное сияние не угасло, но всякие чудеса в нем исчезли. Темная Фея наконец-то повернула голову в мою сторону.

— Несчастный, — проговорила она холодно, — да ты хоть понимаешь, почему ты еще жив?

— Вы в меня влюбились, — предположил я. — Угадал?

Она посмотрела на меня так, что я ощутил себя голым на Северном полюсе.

— Ты жив потому, — произнесла она ледяным голосом, — что ты уже наш.

— Я вообще-то больше свой, — уточнил я.

— Кто только свой, — пояснила она, — тот наш.

— Я вообще-то не только, — возразил я. — Я сказал «больше». А так вообще-то я и сын Отечества. В разумных пределах.

Она не двинула даже бровью, когда произнесла жестко:

— Тебя не уйти от того, что уже в тебе. Ты — наш.

— Даже сейчас? — поинтересовался я. — Когда я побил, там внизу, ваших стражей и вообще челядь?

Она отмахнулась:

— Всего лишь человеки. Их не жаль.

Я вздохнул с облегчением:

— Ну и хорошо. Мне тоже таких не жаль, скажу честно, хотя в таком обычно не признаются. Все до свинячьего писка страшимся упреков в недостаточной гуманности. Ваша Мошь, вы чуточку недовольны из-за своего крестника, но он первый начал! Я только использовал свое конституционное право на защиту. Надеюсь, этот пустячок не помешает нам вести переговоры в сугубо деловой конструктивной обстановке к взаимной пользе. Я предлагаю вам вытянуть руки вперед, мне надо их связать, так принято. Это даже красиво, уверяю вас, и очень женственно. Вас объявим пленницей, а там святая инквизиция милостиво рассмотрит ваше дело. Уверяю, у нас очень справедливый суд! И совсем не горячий огонь...

Она поднялась, прекрасная и величественная, как олицетворение мирового Зла.

— Я никогда не понимал, — пожаловался я, — почему наибольшее зло мы видим не в чудовищах, пусть самых отвратительных, а именно в безупречно прекрасных женщинах? Вы прекрасны, Ваша Темная Мошь! Прекраснее вас нет на свете особи другого пола, вида, рода и, может быть, даже класса...

Настолько прекрасна, добавил про себя, и настолько безупречна, что просто отвратительно и ужасающе.

Не слушая, она рассматривала меня со злым удовлетворением.

— Я даже сейчас все еще хотела бы тебя использовать...

— Ваша Мощь, — поспешно вскрикнул я, — хоть сейчас!.. Хотя я и малость вспотел...

— Но ты слишком много причинил вреда, — закончила она. — Очень много. Не здесь, там.

— Разве много? — удивился я. — Обижаете, Ваша Мощь! Я вообще-то еще и не начинал как следует...

— И не начнешь, — сказала она. — Ты все еще думаешь, что сам пришел? И что сможешь что-то...

— Не сам, — согласился я, — меня конь привез. Всего один вопрос: сможете ли назвать причину, по которой я бы вас отпустил? Скажу заранее, как уже говорил там внизу только что, я считаю женщин такими же людьми, как и мужчин, со всеми правами и обязанностями. А это значит, никаких скидок на слабый и все такое пол.

Она расхохоталась.

— Какой наглец!.. Такие просто редкость. Но ты не учел одну вещь...

— Какую? — спросил я.

Она выпрямилась, надменная и прекрасная, взглянула с особенным холодным высокомерием.

— Я не колдунья, — произнесла она, — которых ты мог убивать одним щелчком. Не волшебница и не чародейка, это все мелочь...

— А кто вы?

Его губы изогнулись в жестокой усмешке.

— Я — фея. Это значит, я вообще не человек... Ты это не учел.

Она вытянула в мою сторону руки. Воздух вокруг нее заблестел сильнее, а кисти рук, к моему ужасу, стали накаляться, словно железо в горне на раскаленных углях, побагровели, покраснели. Я напрягся и обреченно ощутил, что моя заш. в самом деле может оказаться не совсем пригодной.

Все тело мое сковало холодом, я пытался дернуться, но не получилось, и неизвестно, как долго продлится это странное оцепенение...

В спину толкнула волна упругого воздуха. Едва слышно прошелестели крылья. Донесся приближающийся женский крик, в котором столько безнадежной мольбы и отчаяния:

— Нет!.. Сестра, не делай этого!

Иллариана пролетела мимо с такой скоростью, что упала на колени, ударившись о каменный пол. Крылья исчезли, когда она стала их складывать на спине.

Я не успел охнуть, как она вскочила и загородила меня своим хрупким телом. Темная Фея всмотрелась в нее, медленно опустила руки. На искаженном злобой лице проступило нечто вроде удивления.

— Этого, — произнесла она изменившимся голосом, — не может быть... Просто не может...

— Это я! — вскрикнула Иллариана. — Ты не могла меня забыть... совсем.

Темная Фея покачала головой.

— Но ты же... Тебя схватили менгры! Они не могли тебя оставить в живых! Они убивали нас всегда...

Иллариана сделала шаг вперед, протянула руки.

— Они сделали хуже, — сказала она жарко и в то же время умоляюще, — чем убили. Зная, как страшимся воды, привязали к железной глыбе и сбросили в океане в самом глубоком месте. Ты не представляешь, какая там темнота и как там ужасно!.. Меня вытащил оттуда этот благородный рыцарь, которого ты хочешь убить.

Темная Фея сказала резко:

— Не поверю! Ни один человек не может опуститься на океанское дно!

Иллариана сказала быстро:

— Здесь гремели войны, ты знаешь. На месте гор возникли озера, а на месте озер — горы. Самое глубокое перестало быть глубоким и вообще придвинулось к берегу. Астроанна, это я, твоя сестра!

Темная Фея покачала головой:

— Уже нет. Я давно отыскала, как отомстить лунному народу. Они погибли такой страшной смертью, что душа моя ликовала!.. И я ощутила вкус жизни, вкус побед, вкус власти!

Иллариана вскрикнула жалобно:

— Что ты говоришь?

— Ты слышала, — ответила Темная Фея жестоко. — Забирай это... существо. Я переступила через себя и пощадил его, раз уж оно тебе помогло. Но пусть скроется от меня и страшится моего гнева. Попадется на глаза второй раз... умрет. Страшно.

Она улыбалась жестоко, во всем облике такая ненависть, злоба, похоть, что я содрогнулся, будто вишу на одной руке над пропастью.

Иллариана попятилась, взяла меня за руку. Оцепенение начало покидать мое тело.

— Уходим, — сказал я тихо. — Это уже не сестра тебе.

Она вскрикнула жалобно:

— Сестра!

Темная Фея искривила рот в жестокой гримасе.

— Смертный прав. Я ощутила сладость власти, сладость темных сил, я порвала с нашим племенем жалких мечтателей. Меня зовут Темной Феей, потому что я, да — Темная!.. И силы мои темные, настоящие, разрушительные, сладостные... Уходите! Уходите оба. Иначе я уничтожу вас обоих... Уходите, пока я вас щажу.

Я буркнул:

— Ага, расплачусь от счастья.

Ее лицо вздрагивало и кривилось, руки дергались, злая улыбка превратилась в чудовищную гримасу, а в уголке рта показалась пена.

Я ухватил Иллариану за руку, сжал крепко и потащил прочь. Иллариана жалобно плакала, а вдогонку звучал крепнувший хохот Темной Феи.

Когда мы были уже на середине лестницы, далеко наверху взметнулось черное пламя, раздался грохот.

Иллариана пыталась остановиться, упиралась, я безжалостно тащил из башни.

Она вскрикнула потерянно:

— Ей там плохо!

— Она счастлива, — возразил я. — Думаешь, хорошо только хорошим людям?.. Злодеи еще как бывают счастливы!

Граф Гатер, Стерлинг и барон Уроншид ахнули в один голос, когда дверь распахнулась и мы с Илларианой выбежали в солнечный мир. Волосы Илларианы рассыпались и крупнолоконно выются следом за нею роскошными волнами. Она и мне показалась настолько прекрасной, что когда обалдевший барон, сам не зная, что делает, преклонил колено, я даже не удивился.

Граф Гатер едва-едва выдавил:

— Вы сказали... что скоро вернетесь...

— Но не сказали, — добавил граф Стерлинг, — что не одни...

Гатер сказал с мукой:

— Это же сэр Ричард!.. Почему я послушался и не пошел с ним?.. Я же солиднее и вообще...

Барон спросил с восторгом, глядя на Иллариану снизу вверх, как на Пречистую Деву:

— Это и есть... фея?

— Да, — ответил я, взглянул на Иллариану и поправил себя: — Только не та, а ее сестра. Младшая.

— Младшая всегда красивее, — сказал граф Стерлинг с видом знатока-лошадника.

Гатер сказал ему, не отрывая восхищенного взгляда от опечаленной и смутившейся Илларианы:

— Юноша совсем не разбирается в женщинах.

— А кто в них разбирается, — ответил тот.

— Но это же светлая фея!

— Да все они... гм... до поры до времени.

Бобик ринулся навстречу, вместе вернулись к Зайчику.

Тот раздувал тревожно ноздри, бил в землю копытом и потряхивал гривой.

Я забросил Иллариану в седло, рыцари заворуженно смотрят не на меня, а на женщину.

— Возвращаемся! — прокричал я. — И быстро.

Стерлинг сказал бодро:

— А мы тут только начали по праву победителей...

— Кто не успел, — сказал я, — тот опе... опоздал. Темная Фея может выглянуть в окно! Вдруг не понравится, что увидит?

Рыцари посерьезнели, метнулись к коням. Связанная предводительница охраны осталась посреди двора обнаженная и распятая на земле. Она свирепо сверкала глазами нам вдогонку, но рот умело заткнут кляпом, руки и ноги привязаны к вбитым в землю колышкам.

Граф Стерлинг лихо вскочил на коня и крикнул:

— Не скучай, красавица! Родится мальчик — назови Вестготом.

Граф Гатер, торопясь, уже погнал своих подальше от красного, словно раскаленное в огне железо, замка. Иллариана вздрагивала за моей спиной, прижималась, спросила невпопад, хотя я видел, что ее мысли заняты другим:

— Почему Вестготом?

— Чтоб никому не было обидно, — пояснил я. — Иллариана, как ты решилась?

Она вздрогнула, ее тонкие руки обхватили меня, она прошептала на ухо в полном отчаянии:

— Я просто сошла с ума...

— Я тоже, — признался я. — Тебя не было, я почти свихнулся. Чем бы себя ни занимал — ты всегда перед глазами. А ночами я тебе доказывал, что я все-таки не то чудовище, которое ты во мне видишь.

Зеленая долина неслась навстречу и бросалась под копыта, исчезая сзади, а впереди уже небольшой лес, справа ровная пустая котловина, словно оттиск исполинского котла, слева далекий неровный вал гор, а дорога даже не

виляет, в страхе мчится по прямой, только бы поскорее выметнуться из этого заколдованного места...

Я остановился, пропуская мимо наш рыцарский отряд, за которым двигаются тяжеловооруженные всадники. Доспехи у этих попроще, а вместо длинных копий длинные мечи грубойковки, увесистые топоры, молоты, шестоперы.

На металле пурпурный отблеск жаркого южного заката, лица суровые, глаза смотрят вперед, никто не ропщет, что в такую жару приходится нести на плечах тяжесть стальных доспехов. Едут гордо, с достоинством, по посадке не отличишь от лордов. Это элита любого войска, в которой куется пополнение рыцарству, когда не по родовитости, а за подвиги и воинскую доблесть.

Кстати, надо будет подумать о системе наград, эти люди были уверены, что идут за мной за смерть. Такая верность должна поощряться и материально...

Я подал знак одному, он с готовностью придержал коня и отодвинулся вместе с ним в сторону.

— Тебя как зовут?

— Джон, ваша светлость. Просто Джон.

— Слушай меня, просто Джон. Вы уже заслужили награды. Скажешь всем своим, что в Гандерсгейме вас ждут земли и титулы. Пусть не думают, что все будет поделено только между знатными лордами!

Его глаза вспыхнули, до чего же люблю этих откровенных людей, у которых все на лицах всегда написано крупными и, главное, печатными буквами.

— Ваша светлость!

— Так и скажи, — проговорил я державно. — У нас впереди еще долгая дорога на пути чести и славы.

Он уловил мой милостивый кивок и пустил коня вскачь, догоняя своих. Я сделал вид, что осматриваюсь, хотя что тут осматриваться, но не показывать же всем, что останавливался ради разговора с простым воином, потом

галопом пронесся вдоль растянувшейся колонны и догнал едущих впереди графа Гатера и барона Уроншида.

— Мы вроде бы возвращаемся другой дорогой?

— Ничуть, — заверил граф Гатер. — Просто срезали небольшой угол. Там река в это время года почти пересыхает, пройдем пусть не посуху, но стремяна не замочим.

— Хорошо, — одобрил я. — Ночевать все равно придется под открытым небом.

Он всмотрелся, вытянул вперед руку.

— Не думаю. Видите?

Глава 6

Среди зеленой невысокой травы высятся три дерева с поистине необъятными стволами. Даже нижние ветви, что идут параллельно земле на сотню ярдов, толщиной со столетние сосны. Вблизи ни кустика, даже трава пугливо разбежалась во все стороны и там прижалась к земле, а вокруг стволов так вообще голо, если не считать коричнево-серого ковра от ссыпающейся чешуи стволов.

Когда подъехали ближе, граф Гатер сказал довольноно:

— И ручеек все так же. Не спрятался, мошенник.

Судя по множеству выложенных белым песком дорожек, ручеек в самом деле не раз пытался убраться поглубже, но корни всякий раз отыскивали и снова выводили на самый верх.

Рыцари соскакивали на землю, оруженосцы и воины принялись расседлывать, кто-то взялся собирать хворост для костра, а я отвел Зайчика в сторону, снял Иллариану с седла и долго не хотел опускать на землю, такое странное тянущее чувство, будто в самом деле отрываю от себя часть души.

Рыцари понимающе переглянулись, когда мы ушли в сторону от походного лагеря. Высокие зеленые ветви кустов заговорщицки сомкнулись за нашими спинами.

Иллириана поглядывала на меня искоса, на лицо набежала тень, наконец произнесла грустно:

— Мне надо вернуться...

Я охнул:

— Что? Я помру без тебя!

Она сказала поспешно:

— Я прилечу к тебе в замок. Обязательно. В тот же день, когда вернешься в свою каменную крепость.

— Завтра? — спросил я.

Она кивнула:

— Завтра.

— Обещаешь?

Она засмеялась.

— Клянусь! У меня нет причин тебя обманывать.

Я сказал потерянно:

— Я знаю, тебя не удержать. Да я и не стану. Я слишком сильно, просто безумно тебя люблю.

Она остановилась, прямо взглянула мне снизу вверх в лицо. Я привлек ее к себе, она с готовностью прижалась всем телом, замерла на долгое мгновение, даже дыхание задержала, во что-то вслушиваясь, вчувствуясь, наконец с тяжелым вздохом отстранилась, и я видел, что делает это очень неохотно.

— Надо, — произнесла она кротко. — У меня тоже есть долг перед своим племенем. Ночь пройдет быстро!.. А днем мы снова будем вместе. Как говорят люди: все имеет свой закат, только ночь заканчивается рассветом.

— Я не засну.

Она сказала совсем ласково:

— Тогда думай о своем герцогстве. Ты — герцог, помнишь?

— Герцогство, — сказал я невесело, — чудесная вещь, но этот титул не может согреть в холодную ночь.

— Холодную?

— Я замерзаю без тебя, — признался я. — Мое сердце застывает. Я не живу без тебя, я просто существую.

— Я приду завтра, — сказала она раздельно и почти сердито.

— Постараюсь не умереть до завтра, — пообещал я.

Она отступила на пару шагов, я смотрел во все глаза, взмахнула руками, я замер, но так и не успел увидеть это дивное мгновение, когда человек превращается в птицу, все-таки у нее как-то по другому принципу.

Только что она смотрела на меня любящими глазами, а в следующее мгновение дивная птица в розовом оперении с силой оттолкнулась от земли, мощный удар крыльев о воздух бросил ее стрелой высоко в темно-фиолетовое небо, где уже выступили первые звезды.

Гатер отдыхал, сидя на большом белом валуне, когда я вернулся в одиночестве. Бобик с разбега набежал на него с кабаном в пасти и положил ему на колени. Граф от неожиданности завалился навзничь, рыцари ржали, как кони, помогая ему подняться.

Гатер сказал сердито:

— Зверь и то уважает, а вы что? Он же мне принес!.. И этих гусей!.. И рыбу. И даже оленя... А вы даже кабана с меня не снимете...

— И снимем, — заверил барон Уроншид, — и выпотрошим. До чего же хороша дичь! Он же не хватает, что попало! Всегда молоденьких, жирненьких...

Бобик помахал хвостом и унесся, ободренный всеобщим вниманием. Дичь принялись разделявать, деловито готовить к обжарке, а я отошел к Зайчику, он подбирал с земли крупные камни и с удовольствием грыз их, как кусочки сахара.

— Позволь, — сказал я тихонько, — побеспокою...

Он смотрел понимающе, а я снова влез в доспехи, закинул на спину лук и опоясался мечом. Подумал, добавил на пояс увесистый кинжал, пригодится.

За спиной слышались крадущиеся шаги, но я не стал оборачиваться, узнаю походку графа Гатера.

— Чего-то опасаетесь, — спросил он тихонько, — ваша светлость?

Я обернулся и посмотрел на него надменно, выпятил нижнюю челюсть.

— Граф! Я попрошу вас...

Он сказал поспешно:

— Простите, хорошо подвешенный язык всегда чешется и всегда спешит. Я имею в виду, нам тоже... быть к чему-то готовыми?

Я отмахнулся:

— Просто причуда. В доспехах легче думается.

— А-а-а, — сказал он понимающе, — о сражениях мыслите!

Я удивился:

— А о чем еще может мыслить рыцарь и вообще мужчина? Только о сражениях, а еще о женщинах. Но сперва о сражениях, а о женщинах — потом. Если сможет.

Он посмотрел по сторонам.

— Собираетесь, — спросил он шепотом, — уйти на битву с ночными демонами?

Я ответил так же тихо:

— Вы проникательны, граф.

— Позвольте вас сопровождать?

— Если бы это от меня зависело, — ответил я совершенно искренне, — я бы взял с собой весь отряд!

Он с досадой стукнул кулаком себя в бок.

— Как жаль...

— А как мне жаль, — ответил я, — но, увы...

Он помялся, спросил совсем уж шепотом:

— А сестра феи... она как? И где?

— Навестит своих, — объяснил я, но сердце болезненно сжалось, — и вернется.

Он сказал торопливо, в лицо мне старался не смотреть:

— Это хорошо, да. Родных надо навещать! Уважение к старшим должно быть, а то мы всегда гнем свое.

— Идите к костру, — посоветовал я. — Есть битвы, которые каждый из нас должен выстоять в одиночку.

— Друг познается в беде, — сказал он с великим уважением, — герой — в битве.

Я продолжил про себя: честный — в уплате долга, жена — в бедности, родственники — в невзгодах и ощутил, что даже в такие минуты, когда всего трясет в ожидании большой трепки в Темном Мире, остаюсь герцогом, сюзереном, что думает о подданных, вручивших мне ключи к своим судьбам.

Ночь начиналась с бледно-мутной луной и темными полосами туч на небе. Землю накрыл плотный туман, я уже чувствовал, как наш мир медленно перетекает в нечто потустороннее, вот-вот услышу плеск весла, а из тумана покажется острый нос ладьи Харона...

Ближе к полуночи луна покрупнела и очистилась, свет из холодного серебристого стал теплым желтым, заискрились вершины кустарника, а далекие горы странно полиловели.

Полночь миновала, я трясся еще пару часов, наконец начал чувствовать, что беда почему-то прошла, однако доспехи на всякий случай не снял, а меч из руки не выпустил.

Утром заспанный граф Гатер с беспокойством оглядел мои доспехи, радостно вскрикнул:

— Слава Богу! Вы даже не поцарапали доспехи!

— Я никуда и не ходил, — объяснил я.

Он спросил встревоженно:

— Что случилось? Враги разбежались?

— Увы, — ответил я, — похоже, проход в мир демонов открывается только в Альтенбаумбурге. Какая-то сволочь с этой стороны постаралась...

Он покачал головой, лицо стало огорченным.

— Как нехорошо!

— Просто свинство, — согласился я.

— Подумать только, — продолжил он с горячим сочувствием, — вам придется всякий раз возвращаться в Альтенбаумбург, чтобы всего лишь войти в мир демонов и так потешить свою беспримерную удаль! Да-а... Ну, ничего, сегодня же будем там. А ночью сможете отвести душу. И за эту пропущенную наверстаете.

— Спасибо, граф, — сказал я с чувством, — за теплые слова.

Он оглянулся, крикнул:

— Керин, Джон!.. раздуйте костер. После завтрака сразу в путь!.. К обеду мы должны быть в Альтенбаумбурге.

Рыцари один за другим отваливались от импровизированного стола, сыто урчали и взрыкивали, в глазах острое сожаление, что приходится оставлять еще столько всего. Кабана сожрали, как и половину оленя, но вон два жареных гуся, несколько рыбин, в том числе таких диковинных, что все приходили на них посмотреть, и никто не сумел сказать, что это.

Я первым пошел к своему коню, оруженосцы шумно затапывали костер и собирали в сумки жареное мясо. Бобик вертелся в суматохе, успевая побывать одновременно везде, пугал коней, обнюхивал мешки и совал морду в сумки.

Выехали с песней, я все время вспоминал Иллариану и глупо улыбался, отвечал невпопад. Гатер время от времени отставал и следил, как идет отряд, не слишком ли растягивается, подвергая опасности обороноспособность, Бобик носился широкими кругами и с азартом ловил все достаточно крупное и брыкающееся. Рыцари ржали, когда он всякий раз совал Гатеру, однако быстро помогали тому избавиться от добычи, распределяя на своих седлах.

Я заметил приближающееся в нашу сторону желтое облачко, но не придал значения, однако Гатер и Стерлинг

посоветовались, встревожились. Гатер догнал меня и поехал рядом, поглядывая искоса и с вопросом в глазах.

Ветерок дунул сбоку, в пыльном облаке грозно заблестали искры на металле доспехов. Довольно большой отряд конных воинов идет галопом наперерез, впереди рыцарь со штандартом в руках, за ним на крупном черном коне скачет всадник в дорогих доспехах, по всему видно — вожак.

Граф пробормотал с неудовольствием:

— Ну вот еще этого недостает...

— Вы их знаете? — спросил я.

Он кивнул.

— Эти земли формально принадлежат Джеймсу Гарфильду Недоверчивому. Хотя здесь никто никогда не селился, видите сами, какая здесь местность...

Я пробормотал:

— Ну да, когда интересуют только пашни да пастбища, все верно, но вдруг тут залежи нефти... И что, этот Джеймс Гарфильд может задать нам трепку?

Он пожал плечами:

— Я сомневаюсь, чтобы в Вестготии такой отыскался среди известных мне рыцарей... про неизвестных умолчим, но этот барон Гарфильд один из двенадцати сыновей графа Девенорта, а тот, в свою очередь, в родстве с большинством наиболее могущественных родов королевства. Они весьма дружны, всегда один за другого горой, ссориться с ними себе дороже...

К нам вскачь приблизился барон Уроншид, конь встал, как вкопанный. А барон прокричал возбужденно:

— К нам мчится барон Гарфильд!

— Видим, — ответил граф ворчливо. — Не слепые.

— Что будем делать?

Граф кивнул в мою сторону:

— Что его светлость решит, то и будем.

Я внимательно всматривался в приближающийся отряд, что уже перешел на рысь, а потом на шаг. Рядом со

знаменосцем красиво и спесиво едет массивный высокий рыцарь в доспехах, за спиной плащ, что укрывает сзади конскую спину, сам конь в попоне шахматной расцветки, этот стиль давно здесь вышел из моды.

— Джеймс Гарфильд Недоверчивый, — пробормотал я. — Почему такое прозвище?

— А он никому не доверяет, — объяснил граф Гатер. — Вздорный человек. И больно драчливый. Хотя, надо признать, поединщик он один из лучших в королевстве.

Я сказал медленно:

— Единственный апостол, который не заслуживал, чтобы ему представили доказательства существования Божьего, был святой Фома, но получил их он один. Так что не будем пренебрегать примерами из Святого Писания. Если этот Джеймс хочет увериться, что ж, надо, чтоб уверовал...

Гатер сказал обеспокоенно:

— Ваша светлость, но он...

— ...лучший поединщик, — прервал я нетерпеливо, — Господи, до чего же мир одинаков!

— Вы собираетесь с ним помериться силой? — спросил он с опасливым восторгом.

Я сказал хмуро:

— Знаю-знаю, победу над герцогом Хорнельдоном приписывают особому мечу, а не мне, такому замечательному! Что ж, тот меч, как и доспехи, сейчас в мозолистых руках оружейника. Так что никакой магии, никакого чародейства.

Рыцарь с баннером остановился, вперед выехал молодой рыцарь со штандартом, словно здесь не отряд, а целое войско, рядом с ним по-королевски держится на огромном черном коне, почти таком же, как мой арбогастр, тот самый крупный рыцарь в полных доспехах, который сразу привлек мое внимание. Меч справа, топор слева, за спиной красиво развевается легкий плащ, на коне от головы

и до репицы хвоста попона, на лбу укреплен металлический рог.

Я рассматривал его внимательно, все верно, я не ошибся, все признаки показывают, что передо мной рыцарь, как бы сказать точнее, старой формации. Даже то, что рядом с ним штандарт, а не баннер, говорит о глубоком почтении к старым правилам.

Зайчик уловил мое желание приблизиться, пошел, красиво и гордо выкидывая ноги. Я остановил, когда между нами осталось всего два конских корпуса.

— Приветствую вас, — сказал я вежливо. — Что такого стряслось, любезный сэра, что вы загородили мне и моему отряду дорогу?

Он прорычал гневно:

— А почему, не спросясь, по моей земле, любезный сэра?

Граф Гатер шепнул торопливо:

— Никто никогда у него не спрашивал. Все всегда ездили и ездят...

Я ответил еще вежливее:

— Сэра, как я понял, вы хотите скрестить со мной оружие?

Он чуть опешил, слишком я быстро перехожу к сути, пропуская большие куски обязательного разговора, сказал все так же громко, но чуть менее напористо:

— Я вообще-то сказал о моей земле, которую топчете копытами ваших поганых коней, где только и нашли таких уродов! Но если вы так уж сильно...

Я прервал:

— Хватит. Доставайте меч. А то болтаете, как служанка. У них научились трепаться попусту?

Он взревел страшным голосом, с лязгом опустил забрало и выхватил меч. Я пустил Зайчика шагом навстречу, а тот уже понесся на меня, пугающе огромный и с длинной полосой сверкающей стали в руке.

Сердце бьется часто, кровь вздула мышцы и обострила реакции. Я ощутил, как все замедляется, барон Гарфильд

приближается и приближается с поднятым мечом, а я уже прикинул, как приму удар на щит чуть под углом, чтобы лезвие соскользнуло, никого не задев, а сам всажу острие в живот...

В последний момент, подставив щит, я качнулся в сторону противника, кони задели друг друга боками, а я с силой ударил рукоятью меча в забрало.

Конь пронесся дальше, барона отбросило на круп. Он некоторое время пытался выровняться, но лопнула подпруга под его немалым весом, тяжело рухнул и дважды перевернулся.

Я остановил Зайчика, неспешно развернулся в обратную сторону, уверенный, что барон лежит недвижимо, раскинув руки, а из промятого забрала сочится кровь, однако барон вскочил достаточно живо, меч и щит в руках.

— Бой!.. — закричал он бешено. — Я не признаю поражения!

Я крикнул так же громко:

— Барон, вы не виноваты, что лопнули ремни!.. Конечно же, это простая случайность...

Он хмуро смотрел, как я соскочил с коня и двинулся к нему навстречу. Демонстрируя уважение, я прикрывался щитом, а меч держал вытянутым вперед.

— Бой! — сказал я. — Все на равных. Сначала.

Он взревел что-то нечленораздельное, бросился вперед и обрушил град ударов. Я старательно подставлял щит под тем или иным углом, и тяжелый меч соскальзывал, как с ледяной горки. Барон всякий раз проваливался, я мог бы ударить в спину или дать под зад, но я терпеливо вел поединок, пока чутье не подсказало, что кираса барона не случайно поблескивает синеватыми искорками, это же сигнал о ее повышенной прочности...

Я дал оттеснить себя к моему коню, отшвырнул меч и схватил боевой молот. Мои рыцари ахнули, барон зло хотнул:

— Что вам даст это оружие...

Я с силой ударил его в грудь. Послышался хрустящий треск, словно лопнула толстая льдина. Барона отшвырнуло на два шага, он рухнул спиной на землю, начал подниматься, болезненно морщась, и тут все увидели, что стальная кираса раскололась на крупные куски. Один осколок выпал, когда барон сумел подняться, остальные держатся чудом.

Барон, не веря глазам, щупал грудь, и еще один кусок стали с острыми краями оказался в его булатной рукавице.

Я устало опустил молот.

— Сэр Джеймс, — сказал я с предельным уважением, — неблагородно с моей стороны пользоваться промахом вашего оружейника!.. Усиливая прочность панциря, он сделал его чересчур хрупким.

Он прорычал:

— Я повешу эту сволочь...

Я прервал:

— Просто вернитесь, пусть вам заменят панцирь. Или пошлите слугу за другой кирасой. Не беспокойтесь, я по дождю.

Он несколько мгновений смотрел на меня бешеными глазами, затем со злостью бросил меч мне под ноги, ухитрившись даже это проделать красиво и размашисто.

— Черта с два!.. Я побежден, сэр Ричард! Не вашей силой, этого я никогда не признаю, но вашим благородством.

Я сказал благожелательно:

— Я много слышал о вас хорошего.

Он удивился:

— Правда? Наверное, с кем-то перепутали.

Я не двигался, а он приблизился, опустился на одно колено и, глядя мне в лицо, сказал кратко:

— Вы мой сюзерен, ваша светлость! Обязуюсь хранить верность и защищать ваши интересы, как свои.

— А я клянусь защищать ваши интересы, — ответил я, — как свои. Встаньте, сэ́р Джеймс. Я подтверждаю ваше право на владение землями, которые находятся под вашей благородной рукой рыцаря, что чтит старые традиции. Возвращайтесь и управляйте ими так же мудро, как делали раньше. Сожалею, что не могу навестить вас сейчас и воспользоваться вашим гостеприимством, но у моего отряда еще долгий путь.

Он поднялся с колен, распрямил спину и взглянул мне в глаза.

— Сэ́р, скажу честно, несмотря на поражение, я счастлив, что у нас появился лорд, чтущий старые обычаи ведения поединков!

Я ответил благосклонной улыбкой, мне подвели Зайчика, я вскочил в седло и поднес пальцы к виску.

— Еще увидимся, сэ́р Джеймс!

Глава 7

Граф Гатер сказал ревниво:

— Уж очень хороший способ он нашел, чтобы принести вассальную присягу! Такого наверняка не забудете.

Я удивленно спросил:

— Что, он это нарочно?

Граф покачал головой.

— Нарочно выехал наперерез, это точно. Обычно не обращает внимания, когда здесь ездят из других земель. Явно же старался нас перехватить и затеять ссору.

— Зачем?

Он ухмыльнулся:

— Испытать вас на прочность. Он уважает только тех, кто сильнее. Вздорный человек.

— Теперь это неважно, — сказал я. — Главное, что он...

Я поперхнулся, по земле пробежала стремительная легкая тень. Большая птица с розовым опереньем красиво

скользнула над нами, резко снизилась и опустилась впереди за покрытыми пылью придорожными кустами.

— Простите, граф, — сказал я.

Он не успел слова сказать, я уже унесся, пригнувшись к роскошной конской гриве. Меня опередил Бобик, черной стрелой вломился в кусты, там поднялась пыль, спустя мгновение вышла смеющаяся Иллариана, а счастливый Бобик прыгал вокруг нее, как козленок, взвизгивал и лизал ей руки.

Я на ходу подхватил ее и поднял в седло. Она счастливо прижалась ко мне, я замер, вслушиваясь в сладкий стук ее сердца, впитывая ее жаркое дыхание.

За спиной простучали копыта, зазвучали мужские голоса. Я наконец поднял голову, граф Гатер смотрит с гордостью, словно это он добыл сказочную женщину.

— Поздравляю, ваша светлость, — сказал он с чувством.

— Спасибо, граф.

Иллариана поглубже спрятала лицо на моей груди, и граф деликатно придержал коня.

— Спасибо, — прошептал я.

— За что? — так же тихо спросила она.

— Что не стала ждать, — объяснил я, — когда прибуду в Альтенбаумбург.

В полдень проехали через реку по странному мосту со старинными бронзовыми драконами у входа с той и другой стороны. Перила тоже украшены затейливой резьбой и мелкими барельефами, в то же время мост переброшен через довольно широкое водное пространство без единой опоры.

Я покосился на лица Гатера и других рыцарей, все едут веселые, безмятежные, над такими вопросами головы не ломают. Этот мост всегда таким был, так в чем вопрос?

Солнце отражается от воды и острыми лучами бьет снизу даже под опущенные веки. В землях Дасселя, что

уже мои личные владения, обогнали длинную вереницу ослов, мулов и верблюдов, все тяжело нагружены овощами, фруктами, связками сыра, кувшинами с молоком, битой птицей.

Я обратил внимание, что почти не встречаю телег, тем нужны дороги, а вот так на четвероногих перевозить грузы проще...

— Куда везете?

Один из возчиков поспешно сорвал шляпу и поклонился.

— В Альтенбаумбург, благородный господин!

Вдали показались крыши моей крепости-города, рыцари еще больше взбодрились, едут с песнями, гордые и довольные. Граф Стерлинг и барон Уроншид, что совсем было смирились с доблестной гибелью при взятии замка Черной Бронзы, ликуют так, что их голоса слышно и на облаках, где вообще-то должны следить с одобрением за подвигами во славу.

Граф Гатер делает вид, что все так и задумано. Сэр Ричард подчинил своей ужасной власти целое королевство Сен-Мари, где тоже наверняка было всякое, так с чего должен потерпеть поражение при захвате отдельного замка?

Я помалкивал, может быть, тут не знают, что король Ричард Львиное Сердце, герой крестовых походов, погиб при осаде мелкого замка на своей же территории, а другой герой-крестоносец, император Барбаросса, вообще утонул при переправе через мелкую речушку, у которой и названия вообще-то до тех времен не было...

То, что мы уехали, оставив в захваченном замке Темную Фею, все поняли как вмешательство Илларианы. Добрая фея не дала неистовому сэру Ричарду, воину Господа, убить ее родную сестру, но все равно замок захвачен, а гарнизон истреблен, так что главная цель выполнена.

Ворота Альтенбаумбурга распахнули перед нами заходя, на стены успели взбежать трубачи, и когда мы проезжали под аркой ворот, загремели серебряные фанфары.

Я улыбался и важно воздымал длань ладонью вперед и с сомкнутыми пальцами, нельзя ни растопыривать, ни слишком плотно сгибать, все замечается и как-то истолковывается в этом мире.

Иллариана поглядывает испуганно, но тоже заставляет себя улыбаться. Ей кричали «ура», отовсюду выбегают посмотреть именно на нее, хотя еще не понимают, кто она, просто ее необычная дикая красота нетронутого цветка ошеломляет даже женщин.

Марсель подбежал побледневший, с темными кругами под глазами, лично ухватил арбогастра под уздцы.

— Ваша светлость?

— Как видишь, — ответил я. — Что еще?

— Господи, — произнес он, — как вы... сумели?

— Вернуться? — спросил я.

Он не отрывал взгляда от Илларианы.

— Да, вернуться... Если бы просто вернуться!

Я кивнул в сторону спешивающихся важно рыцарей, преисполненных заслуженной спеси и благородного чванства:

— Они расскажут.

Иллариана подалась в мои руки, я нежно снял ее и, не опуская на землю, понес в донжон. Она слабо сопротивлялась, я понимал, что поступаю глупо, но не мог заставить себя разомкнуть пальцы, хотя все смотрят с веселым недоумением.

На втором этаже двое слуг бежали передо мной и распахивали двери, разумная предосторожность, я могу переусердствовать с пинками. Наконец показались мои покои, я ускорил шаг, наконец за нами мягко захлопнулись створки дверей.

Я отнес Иллариану к самому уютному креслу и усадил на сиденье, как щенка.

— Благородный муж, — сказал я, — привязанный к домашнему уюту, не достоин зваться таковым, как говорят

наши правила. Но теперь я вижу, что составители правил ошиблись... Одно исключение я уже отыскал!

Она слабо улыбнулась, а я в порыве вдохновения лез из шкуры, создавая самые изысканные яства, необычные здесь, невиданные, нежнейшие, наполнял чары и чаши соками и коктейлями, вином и даже шампанским, в заключение сотворил блюдца с мороженым всех видов, после чего в изнеможении откинулся на спинку кресла.

Она так и осталась в кресле, устроившись с ногами на сиденье, маленькая и беззащитная в этом огромном и почти всегда враждебном мире, улыбалась застенчиво и чуть испуганно, словно это я силой захватил ее и держу здесь.

— Ты в безопасности, — сказал я и понял, что повторяю это в который раз. — Не только стены крепости, но и сердце мое — защита. Никто не посмеет тебя обидеть...

Она улыбнулась одними глазами.

— Опасность грозит тебе, — напомнила она мягко, — а ты хочешь защищать меня.

— Хочу, — признался я. — Больше всего на свете. Как же может, оказывается, быть счастливым человек, который может брать под защиту любимых!

Она покачала головой.

— Ты все еще не понимаешь?.. Ты беззащитнее всех на свете!.. Ты был на волосок от гибели. Тебя не спасло бы умение превращаться... или любые другие. У тебя есть защита от магии, я уже знаю. Чувствую. Но нет ее от феи.... Мы древнее самой древней магии. Но мы живем в страхе и печали, а ты как будто не видишь, что каждый день на краю пропасти.

— Все человечество там гуляет, — ответил я беспечно. — Его и топили, и жгли... ничего нас не берет, куда там тараканам! Потому и беремся защищать всех и от всего. От избытка здоровья и силы. Сейчас я стою на ушах... хоть и сижу, от счастья, что могу защищать тебя. Расскажи о себе больше!.. Тогда ты скрытничала...

— Я не скрытничала!

— Скрытничала, — обвинил я. — Слушай, зачем я все наготовил? Хотя бы из вежливости!

— Да, конечно, — произнесла она, — ты очень неприятный...

Я с замиранием сердца смотрел, как деликатно берет она в обе руки чашу, подносит ко рту и, смешно оттопырив верхнюю губу, с такой осторожностью пробует незнакомый напиток; словно тот вот-вот укусит или клюнет.

— Просто сказочно, — проговорила она с некоторой грустью. — Странно, мы ушли намного дальше вас, но... зачем-то настолько упростили жизнь... что потерялись все краски.

— Может быть, не упрощение, — предположил я. — Когда все мысли о том, как бы выжить вообще...

— С тех времен прошло, — ответила она, — очень много... Даже не могу сказать, сколько. Но мы, как мне кажется, только теряли. Почему? Не понимаю. Совсем недавно мои сородичи смотрели на вас с пренебрежением, но сейчас начинают смутно чувствовать, что вы приобрели, а мы потеряли намного больше, чем обрели...

Я осторожно поднялся, чтобы не мешать ей смаковать вина и напитки, обошел кресло и нежно коснулся губами душистых волос, тончайших, как самый легкий шелк, прорылся грубой мордой сквозь эту сладкую копну и чуть-чуть коснулся темечка.

Иллариана слегка дернулась, но я дышу сверху тепло и заботливо, расслабилась, с детским удивлением берет тончайшие ломтики сыра, открывает ротик и так же осторожно кладет их на язык. По тому, как закрывает глаза и прислушивается, догадываюсь, что сыр плавится, а она старается в полной мере ощутить и понять его необычность.

Потом, после мороженого, она рассказывала о прошлом своего народа, или, точнее, расы, но все еще неохотно, что-то там нехорошее, хотя я еще не уловил, чего нужно стыдиться, но я из мира, когда уже ничего не сты-

дятся, потому подталкивал нетерпеливо, уговаривал вспоминать все детали, что, как и почему, откуда и зачем, а я буду стараться складывать из кусочков.

В общем, если верно понял смутные объяснения, еще до Великих Войн Магов они уже отделились от общего вида людей. Сперва как группа единомышленников, потом народ, нация, затем постепенно отодвигались все дальше, используя как магию и колдовство, так и науку, если я правильно истолковал ее слова. Человечество постоянно дралось по принципу все против всех, а они жили по своей философии, что входила во все сферы жизни, и в конце концов перестали причинять вред даже диким животным. От остальных племен и народов старались держаться в стороне. Те их тоже не жаловали, считая выродками, так что постепенно стали практически незримыми для всех, кроме друг друга.

Преображаться в птиц они изначально... как я понял, хоть и не поверил, раньше умели почти все, хотя мало кто делал. Летать на своих крыльях тяжело и долго, были другие способы, что намного проще и надежнее. Тысячи лет проходили, человечество то уничтожало себя в войнах, то возрождалось из уцелевших в глубоких пещерах и снова начинало трясти горами и перекраивать континенты, а они жили мирно и счастливо, пока... пока не начали замечать, что их становится все меньше.

— Вас что, — спросил я с тревогой, — начали отстреливать? Как гусей? Охотиться на вас?

Она покачала головой.

— Ты же знаешь, мы чувствуем, где опасно, потому никогда туда не полетим.

Маленькая и трепетная, она выглядела такой беззащитной, что я взвыл, судорожно прижал ее к груди и обхватил руками, защищая от всего мира.

— Неужели от вашего прошлого только тени?

Она ответила тихохонько:

— Говорят, в Оранжевых Горах собрано все, чтобы воз-

родить нашу расу... или возвысить любую другую. Но туда почти невозможно добраться... А еще...

— Что?

Она прошептала мне в грудь:

— Никто и не хочет. Мы угасаем. Клятва вождю держит нас в этом мире, но все-таки уходим. Мой брат был самым молодым, живучим, поддерживал нас, ободрял, водил по безопасным дорогам. Мы жили в благополучии и ждали... но однажды в него попал камень, упавший с неба! Раскаленный докрасна, угодил прямо в голову. Дырка получилась, кулак пролезет... Умер на месте. Так что и вечная жизнь... не вечная.

— Вы что же, — спросил я осторожно, — не размножаетесь?

Она покачала головой.

— Зачем при вечной жизни? Но когда погиб брат, все как-то сразу ощутили, что все равно уязвимы. Снова начали говорить про Оранжевые Горы, там решение, но... поговорили и перестали вспоминать.

Я сказал бодро:

— Ты чего? Как-нибудь и туда заглянем. Смотри веселым сусликом, а не печальным хомячком! Кстати, где эти Оранжевые Горы?

Она прошептала, засыпая:

— Уже забыто...

Я перенес ее в постель, сам лег осторожно рядом, замирая при каждом движении, стараясь даже не дышать. Она спала, положив голову мне на грудь, обхватив рукой за туловище, а ногу закинув на меня так, что почти залезла целиком. Сердце мое тукает тихонько, старается не разбудить ее, щемит от нежности, даже дышать стараюсь тише. Спи, отсыпайся, чистый и трепетный ребенок, которого так долго обижали, что не знаю просто, как ей все возместить, как сделать так, чтобы улыбалась весело, а не печально, чтобы навсегда исчез страх из ее взгляда.

Улыбнувшись, она что-то пробормотала тихо-тихо,

прижалась ко мне щекой крепче. Я осторожно гладил ее волосы, трогал изящно вырезанные остроконечные уши.

Не понимаю, хоть убей, почему у эльфов уши торчком, да еще заостренные. Они же изначально лесные существа, у них уши должны быть широкие и в стороны, как у коров. А у них, как у коней. У коней потому, что от опасности спасаются бегом, потому должны издали и вовремя учуять опасность. У коров другой способ защиты: быки образуют круг рогами наружу, самки и телята внутри. Поэтому у коров уши в стороны, они должны распознавать оттенки близких шумов: что опасно, а что нет.

Живи эльфы в степях, у них бы уши стремились вверх, чем выше — тем лучше, но лесные... гм... ничего не понимаю.

Хотя, конечно, что-то я разумничался. Правитель должен жить нуждами подданных, а подданным по фигу, у кого какие уши и угол лицевого черепа. А то, внимательно разглядывая звезды, можно не заметить яму под ногами. Просто мозг крупного государственного деятеля работает в любых обстоятельствах. Вообще настоящий мужчина работает, даже когда просто смотрит в окно или вот так лежит, а ненастоящий и на службе непонятно чем занимается.

Она проснулась моментально, как чуткий зверек. Я ощутил это по напряжению ее тела, как только она поняла, что находится не там, где ее племя, однако сразу же расслабилась, улыбнулась, пробормотала сонно:

— Ты так и не сомкнул глаз...

— Я спал, — заверил я.

— Не ври, — уличила она. — Я знаю, когда мне врут.

— Ах так, — сказал я, — за это я грызану тебя за бочок... Давай его сюда!

— Не дам, — твердо заявила она.

Я возмутился:

— Ты нарушаешь мои права!

— А ты сатрап и угнетун... Нет, угнетист... угнетатель, во!

— Точно, — согласился я, сгреб ее в охапку и, несмотря на отчаянное сопротивление, грызнул за сладкий бочок, а она визжала, отбивалась и орала, что помрет от щекотки и что вообще ей страшно.

— Почему? — спросил я.

— Ты плотоядный, — обвинила она.

— Все правильно, — заверил я. — Как плотоядное, имею полное право кусать травоядных!

Она возмутилась:

— А я при чем? Я не травоядное!

— Ого, — сказал я с интересом, — а какое?

Она подумала, пожала плечиками.

— Ягодное... фруктозное... но не траво... придумаешь же такое невкусное слово!

— Ягоды и я журу, — заверил я. — Как и хрюкты. А ты что, совсем и никогда не ешь мясо?

Она поморщилась.

— Вообще-то никогда. Хотя помню, как-то, еще в детстве, когда несколько поколений бежали и скрывались от истребления, приходилось есть все на пути... Траву, жуков, гусениц, даже мышей... Один раз ели зайца, бедное животное... До сих пор не могу забыть, как его убивали.

Она вздрогнула и спряталась у меня на груди поглубже и закрыла глаза. Я нежно баюкал в объятиях, легонько прикасался губами к ее макушке, вытягивал шею, чтобы дотронуться до оттопыренного уха.

— Все будет хорошо, — заверил я. — Никто и никогда больше не посмеет тебя обидеть.

Она медленно закрыла глаза. Длинные чудные ресницы, эффектно загнутые на концах, слегка вздрогнули, когда я наклонился и поцеловал в щеку. На губах проступила слабая улыбка.

— Как хорошо, — произнесла она, не поднимая век. — Какое непонятное чувство покоя и счастья... Никогда такое не испытывала... Во всяком случае, не могу вспомнить. Хотя у нас с тобой все так глупо и нелогично...

— Разве?

— А ты так не считаешь?

— Нет.

— Но ты смертный, — объяснила она обстоятельно, — ты поссорился с моей сестрой, а это... даже не знаю, это смертельно опасно... Только и надежда, что ради меня она не станет...

Я промолчал, Темная Фея уже наверняка пожалела, отпустив нас. Я еще тогда ощутил, что вот-вот передумает, и поспешил уйти, но Иллариане не скажешь, чиста и невинна даже в мыслях, как рыбка в горном ручье.

Глава 8

Еще с первого дня моего появления в Альтенбаумбурге пошла по нему, а затем и по его окрестностям грозная и причудливая слава о новом герцоге, что каким-то образом сумел убить неуязвимого Хорнельдона, любимца древней феи.

Могучий вожак во главе стаи всегда важен, но особенно здесь, в землях Дасселя, а также Маркгрефлерланда и в Монферратских владениях. Уже давно бы побывал и там, надо проверить, показаться и утвердиться, если бы не постоянная тревога, которую довольно успешно скрываю за улыбками и шуточками.

А сегодня после нашего приезда вся эта необъятная крепость гудит возбужденными голосами, и хотя я со страхом жду полуночи, однако невольно слушаю восторженные разговоры челяди, что их хозяин пошел войной на фею, покорил ее, но убивать не стал, а в знак ее подчинения забрал себе в жены ее младшую сестру. Конечно же, куда более прекрасную, а как же!

Всем льстит, что у них такой могущественный хозяин, тень его мощи падает и на них, можно свысока посмотри-

вать на соседей, это у нас в крови, мы же люди, а не эльфы какие-то непонятные.

За остаток дня я объехал с графом Гатером и бароном Уроншидом еще раз свои ближайшие владения. На мой взгляд, работы непочатый край, все запущено, дикая отсталость даже в сравнении с Сен-Мари. Насколько же приятнее и понятнее была жизнь, когда пребывал беспечным простым рыцарем!

Хапанье новых земель и титулов соблазнительно, но теперь вижу, насколько чревато. С каждой ступенькой больше обязанностей, и чем выше, тем груз тяжелее. Ни один король не может жениться по любви, и даже герцогу нужно выбирать с осторожностью, но из меня пока что больше пародия на герцога, к тому же Иллариана не простолюдника...

Хуже другое, сейчас вот должен вести войска на Гандерсгейм, а я даже не представляю, что там и как там. А вдруг варвары снова сумели сплотиться и дать отпор?

Я подумал с раскаянием и некоторой тревогой, что леди Бабетта знает обо мне больше, чем я сам. Она в последнюю нашу встречу усомнилась, что лично поведу войска в Гандерсгейм, а ведь я был твердо уверен, что да, вернусь как раз в момент, когда выступят из Брабанта, приму поздравления и поеду впереди на черном коне в сверкающих доспехах.

Но она... нет, скорее всего, это некто поумнее ее или помудрее просчитал все мои поступки и сделал далеко идущий вывод. Увы, совершенно верный. Это значит, не такой уж я и загадочный принц.

Иллариана настолько стесняется всеобщего обожения, что готова носить паранджу. Сегодня, чтобы не привлекать лишнего внимания, выскользнула тихой мышкой из моих покоев, долго поднималась на самую высокую башню.

Я не мог не сопровождать, а когда она заметно устала,

подхватил ее на руки. Она пицала и отбрыкивалась, но я понес, время от времени нацеловывая в щеку.

— Как ты можешь, — прошептала она в испуге, — я тяжелая!

— Да, конечно, — согласился я. — Как слон. Даже как два слона.

— Бесстыжий!.. Но все равно... еще и разговариваешь...

— Я бы тебя всю жизнь не спускал с рук, — сообщил я. — Не дрыгай задними лапками, а то стены развалишь.

— Правда?

— Ты же видишь, они всего лишь из камней.

Я вынес ее наверх, почти не запыхался, хотя сердце стучит часто-часто, но это всегда в присутствии Илларианы. Она высвободилась, по-детски стыдливо поцеловала в щеку и тихохонько отступила.

— Не смотри...

— Не буду, — пообещал я.

— Но ты смотришь, — обвинила она.

— Не могу отвести глаз, — признался я. — Просто не знаю, что со мной. Совсем дурак. И не стыжусь.

— Ты в мире людей, — произнесла она грустно, — но ты еще больше одинок, чем я.

— Грустно быть исключением, — признался я. — Но еще грустнее быть как все.

Она смотрела озадаченно, потом покачала головой.

— Я не знаю, что хуже. И не знаю, что лучше.

— Вместе пойдем, — пообещал я.

Она взмахнула руками, я продолжал смотреть во все глаза, но снова не заметил момент превращения человека в пернатое. Только что передо мной стояла большеглазая Иллариана, а в следующее мгновение крупная красивая птица оттолкнулась от пола, растопырила в небе широкие крылья и, сделав круг над башней, пошла почти вертикально в синюю высь.

Надо бы возвращаться с вершушки башни вниз в крепость, дел невпроворот, но я, как влюбленный дурак, кем вообще-то и являюсь, сам знаю, остался ждать, только посматривал с высоты на свои владения и прикидывал, как лучше перестроить хозяйство, но мысли то и дело возвращались к Иллариане.

Мир любит чудеса и героев. Я не встретил серьезного сопротивления ни в Альтенбаумбурге, ни за его пределами, но хорошо понимаю, что стоит мне оступиться... Это местные лорды могут делать сколько угодно ошибок, они на месте, родовитые, их подпирает клан, родня будет поддерживать и тогда, когда наделают глупостей или вообще потерпят поражение.

Меня же поддерживают до тех пор, пока из моих рук сыплются титулы, пожалования земель, награды, щедрые трофеи при дележе добычи. По дороге из замка Черной Бронзы я наиболее отличившихся одарил землями в Гандерсгейме, а виконту Ноэлю Джонстоуну пожаловал титул барона и пообещал большой надел земли с тремя-четырьмя деревнями как минимум.

Это вызвало восторг у остальных, а сам Ноэль чуть не расплакался от счастья, здесь единственный способ продвинуться в титуле — дожидаться смерти родственника, от которого титул может перейти к тебе. Но если ты младший сын, то и таких шансов нет...

Сейчас мне верны больше, чем королю, потому что король — это стабильность, а я — обещание великих перемен, при которых все получают быстро и много.

Жизнь никогда не бывает справедливой, мелькнула мысль. Для большинства из нас так оно, пожалуй, и лучше. Гандерсгейм в самом деле нужно покорить и привести в лоно христианства. А то, что многие на этом нагреют руки, многие погибнут с той и другой стороны... что ж, покажите мне другие пути!

Солнце перешло на западную половину неба и медленно начало сдвигаться вниз. Пышно взбитые, как ажурная

мыльная пена, облака стыдливо порозовели, замедлили движение, потом вообще остановились над горизонтом.

Я ждал с замиранием сердца, мысль о переустройстве мира постоянно прерывалась тревогой: как она там, не обидел ли кто, и дыхание учащалось, а кулаки сжимались, как только я представлял, что ей нужна помощь.

В небе птицы появлялись часто, я следил взглядом за каждой, вдруг Иллариана прибудет в ином облике, но когда далеко-далеко блеснула розовая искорка, подобно солнечному лучу на морской раковине, сердце мое радостно екнуло.

Птица приближалась стремительно, снизилась сразу, не делая кругов. Я раскинул руки, она сразу ринулась мне в объятия. Я готовился ухватить птицу, но на грудь мне упала запыхавшаяся Иллариана.

— Как же ты... быстро, — только и выдохнул я.

— Быстро вернулась?

— Нет, ты отсутствовала целую вечность, — возразил я обвиняющее. — Мне завидно, как сразу в человека? Невероятно.

— У нас была долгая практика, — ответила она с легким смехом. — От этого зависели жизни. Кто не успевал...

Ее лицо помрачнело, она закусила губу, заново переживая гибель миллионов сородичей, что не умели так быстро уходить от опасности и потому... отсеивались.

— Это все позади, — сказал я горячо и прижал ее к груди. — Нужно жить будущим.

— Ты очень хороший, — произнесла она тихо. — Ты замечательный. Я чувствую, как ты хочешь помочь...

— Я и помогу!

Она вздохнула.

— Как? Это не крепость захватить.

Я сказал с наигранной обидчивостью:

— Я умею захватывать не только крепости! И не только... захватывать. Все получится, Иллариана. Я для тебя мир переверну!

Мы на открытой площадке, легкий ветерок играет ее золотыми волосами, но Иллариана зябко поежилась, как мне кажется, совсем не от ветра.

— Ты меня пугаешь... Вообще ты чудовище! Что ты со мной делаешь?.. Только чуть отдалилась от тебя и уже тоскую!.. Ты злой и сильный маг, да?

— Любовь, — сказал я тупенько, — и есть магия. Так что я, да, маг.

— Мы будем жить счастливо, — пообещала она с жаром, — и умрем, как говорят у вас, в один день!.. Или будем жить вечно и никогда не умрем!.. Или проживем тысячи лет, а если наскучит — умрем в один день. Все будет, как ты хочешь.

Я поцеловал ее в макушку и прижал к груди.

— Все будет, как хочешь ты.

— Правда?

— Ну конечно.

— Тогда будем жить вечно.

— Будем, — согласился я совершенно серьезно, — столько дел... Даже вечности не хватит, чтобы все переделать! А почему твои сородичи всегда в сторонке? Я не кусаюсь, хоть и плотоядный. Меня могли бы не опасаться.

Она посмотрела мимо меня в уже темнеющее небо, вздохнула так тяжело, что у меня кольнуло в груди.

— Боятся. Жизнь приучила, что выживают только те, кто боится и всего избегает.

Я пробормотал:

— Ну, вообще-то есть и другой путь...

Она прижалась ко мне, крепко-крепко обхватив руками, такими нежными и тонкими, спрятала лицо на груди.

— Если бы ты знал, — прошептала она, — как я иногда тебя боюсь!.. Именно за этот ваш другой путь. И почему я, дура такая, тебя безумно люблю?

Я подхватил ее на руки и пошел вниз, стараясь не задевать ее ногами близкие стены башни.

На выходе все еще яркое солнце, бьет в глаза прямо от

горизонта, в небе ни облачка. Челядь и охранники смотрят со стыдливими улыбками, а у рыцарей рожи расплываются в полном довольстве.

Навстречу поспешил граф Гатер, закричал ликующе:

— Прибыл гонец! Отряд воинов, что я вызвал, уже в трех днях пути! Там тридцать рыцарей и двести тяжело-вооруженных всадников!

Я не дал брыкающейся Иллариане вырваться, прижал к себе и ответил патетически:

— Прекрасно! Как только придут, все сможем отправиться в Сен-Мари и вторгнуться в Гандерсгейм! А свои дела в Альтенбаумбурге постараюсь завершить за это время.

— Слава Богу, — сказал граф Гатер патетически.

Иллариана спрятала лицо на моей груди, словно так вот граф и другие не увидят ее на моих руках. Под их одобрительные улыбки я занес ее в донжон и не выпускал из рук, пока перед нами не распахнули двери в мои покои.

— Вот мы и снова дома, — сказал я и бережно усадил ее в кресло. — Это твой дом, твоя крепость. И никто не посмеет тебя обидеть! Здесь все готовы умереть, но защитить тебя.

Она судорожно вздохнула.

— Вот это и необычно... Мои этого не могут понять. Нас никто никогда не защищал, только убивали.

— Лучшая защита, — сказал я бодро, — наступление. А сдачу надо давать заранее! Чтоб уважали. В этом мире позицию можно утвердить только силой.

— А убеждением?

— Убеждения, — сказал я с уважением, — самая страшная сила! Всесокрушающая. Убеждения не признают никаких доводов, противоречий, переговоров... К счастью, убеждения у нас тоже есть.

Она вздрогнула, жалко улыбнулась и сделала движение ринуться ко мне и спрятаться на груди, но застеснялась и

осталась в кресле, только сжалась и подтянула зябко задние лапки.

Слуги быстро расставили по столу посуду, неслышно исчезли. Уже как-то знают, что я могу и сам наполнять тарелки. Подсматривают, наверное.

Иллариана слабо улыбнулась.

— Снова будешь меня кормить?

— Точно, — ответил я лихо. — Как еще выразить свою любовь и заботу? Только так, ах-ах, оно ест, ест!..

— Хорошо, — согласилась она неожиданно, — я в самом деле не удержусь. У тебя здесь столько необычного, волшебного... А что это?

Она смотрела поверх стола и пока еще пустых бокалов, там на свободном кресле тяжело свисает со спинки мой пояс, как и вообще вся одежда. Слуги быстро усвоили мою барскую причуду разбрасывать одежду там, где снял, и передвигать не смеют, вдруг это нечто ритуальное.

— Что у тебя там?

— Пояс, — ответил я.

— А в поясе?.. Я чувствую.

Я пожал плечами.

— Да много чего в кармашках. Начиная от монет и заканчивая... А-а, ты, наверное, о Камне Яшмовой Молнии?

Она проговорила тихохонько:

— Я не знаю, как его называете вы, но это очень опасная вещь. К счастью, ими могли управлять только те, Первые.

— А что о них знаешь ты? — спросил я с любопытством. — Признаюсь, мне он достался достаточно легко. И вроде бы обхожусь без этой штуки. Я вообще по жадности нахватал, как запасливая ворона, столько всего, что и не успел разобраться даже с частью, как все снова отобрали. Ты же знаешь, это жизнь...

— Вообще-то нет, — ответила она. Я взглянул удивлен-

но. Она пояснила: — У нас всегда была своя жизнь. А какая она вообще для других... Но это хорошо, что не знаешь, как раскрыть этот опасный Камень. Только Первые могли высвободить запертую в нем силу. Как, не знаю... Но если вдруг как-то сумеешь это сделать... этот Камень, как вы его называете, сожжет весь мир!

Я обнял ее и чмокнул в лоб.

— Не страшись, малышка. Теперь это просто трофей. Для музея. Тебе больше мяса или сыру?

Она покачала головой, не давая себя сбить, взгляд ее стал очень серьезным.

— В пророчестве сказано, что любой, кто прибегнет к мощи Камня Яшмовой Молнии, будет проклят навеки и навсегда изгнан из этого мира! Уделом его будут самые ужасные муки в аду. Умоляю тебя, избавься от него!

— Как?

— Брось в самое глубокое море, — предложила она.

— Ты же знаешь, — напомнил я, — и моря пересыхают.

Она сказала жалобно:

— Это случится через эоны!.. И если эту вещь тогда найдут в толще донных отложений, те люди сумеют, может быть, с ним поступить разумнее...

Я смотрел на нее с любовью и нежностью.

— Дорогая, ну что за разговоры о судьбах человечества? Давай начнем с этих восхитительных хрюктов, а потом постепенно доберемся и до рыбы... это еще не мясо, но уже и не вегетарианство...

Она потрясла головой.

— Ты чего стараешься меня раскормить? Летать все равно смогу и толстая.

— Мысли такой не было, — заверил я. — А ночью можешь?

— Есть?

— Летать.

Она поежилась.

— Могу, но очень не люблю. Ночью темно и страшно.

— Ладно, — сказал я, — тогда в ночные полеты не приглашаю. Ради тебя я и ночь превратил бы в день, хотя в ночи есть своя прелесть.

Она зябко передернула плечами.

— Ночью мы беспомощны. И спим так, что не разбудить.

— Летаргия? — предположил я. — Ночное оцепенение, как у шмелей? Как вы еще и уцелели...

— Теперь не все впадают, — объяснила она. — Мы уже давно разработали защитную магию. Один-два не спят, сторожат. И сумеют разбудить, если придет беда.

— Вечное бегство, — определил я, — не есть гуд. Бегущий рано или поздно проиграет по всем статьям. Но мы с тобой что-нить придумаем. У нас времени на все хватит... Скажи, а как те Первые пользовались этим Яшмовым Камнем?

— Я не знаю, — произнесла она робко, — как это делалось и что вообще может Камень Яшмовой Молнии... но знаю, что в умелых руках он может кормить целый мир... хотя не представляю, как это... и что в неумелых может сжечь целый мир. Из живого останутся только травы и пчелы. Да еще леса... Все остальное сгинет. Даже конские табуны, олени стада...

— Нет там оленьих стад, — — сказал я трезво, — разве что улитки и слизняки размером со слонов... И пусть вседохнет. Главное, муравьи уцелеют.

Она сказала удивленно:

— Я не говорила про муравьев!

— Это неважно, — сказал я. — Муравьи в любом случае уцелеют. Они умные.

Она воскликнула возмущенно:

— Как ты можешь о таком шутить? Погибнет целый мир!

Я согласился:

— Это нехорошо!

— Это нельзя, — поправила она.

— Нельзя, — снова согласился я. — Но если очень надо, то... можно.

Она чуть улыбнулась, принимая за шутку, но я смотрел серьезно, и в ее глазах промелькнул страх.

— Что вы за... люди?

— Конкурентоспособные, — объяснил я мирно. — Выживаемые. Сперва нас били все звери, теперь мы... У вас с этим как?

Она сказала печально:

— Наш Просветленный напрасно взял с нас клятву о выживании любой ценой. Он сам позже все понял... и умер, хотя считается, что он погиб. Мы живем, потому что поклялись, но в наших душах нет жизни!.. Мы слишком устали. Видимо, народы тоже рождаются, взрослеют, живут и состариваются, после чего умирают, если их еще раньше не уничтожают более молодые и полные жизни соседи. А мы даже не народ, а отдельная раса!

Я подумал, покачал головой:

— В целом верно, но я знаю исключения. Есть горстка народов, что идут через века и тысячелетия, почти не меняясь, а вокруг мельтешат всякие разные, создают королевства, империи, после чего все рушится, а потом это все создают уже другие народности и нации, а они все идут и идут... Так что будьте таким же исключением!

— А сможем ли, — спросила она слабым голосом. — Думаю, мы уже опоздали.

— Всегда можно разжечь пассионарность, — убеждал я. — Например, пустить слух, что только вам предначертано спасти мир! А без вас все рухнет. Это лучше, чем просто жить, чтобы выжить. Нам жизнь не так уж и дорога, если приходится платить высокую цену, а вот ради человечества можно и постараться, потерпеть, помучиться.

Глава 9

Она слабо и печально улыбалась. Я прижал ее к груди и баюкал, как ребенка, закрывая от жестокостей этого мира, спасая, уберегая, пряча и страстно жалея, что не могу разорвать себе грудную клетку и сунуть это трепетное существо туда, чтобы жила в тепле и счастье, и я бы наслаждался тем, что она в безопасности.

— Спасибо, — шепнула она.

— За что? — спросил я.

— За твои... слова, — прошептала она, поправила себя тут же: — За твои... чувства.

— Ты можешь их читать?

Она мягко улыбнулась, пощекотала ресницами мне грудь.

— Это нетрудно. Мы потому и выжили, что внимательно вслушивались, прежде чем сделать шаг. Я понимаю, для вас это трусость... позорная трусость...

— Нет-нет, — горячо заверил я. — Выполнить клятву такой ценой — это подвиг.

— Ну... если честно, мы все-таки думали не о клятве, а о выживании. О самой клятве... иногда. Когда совсем уж бывало плохо.

— А бывало часто?

— Все время, — ответила она серьезно.

— А сейчас?

Она улыбнулась светло и счастливо.

— Я даже не могла представить себе такое счастье. И так страшусь, что это может оборваться!

Я потряс головой.

— Нет. Никогда. И ни за что. Я тебя люблю просто безумно. А ты заранее можешь ощутить опасность... так что нам ничто не угрожает. Я тоже могу, но ты — лучше. Сейчас наконец-то пришел наш час... Место для счастья — здесь. Тебе нужны какие-то обряды, чтобы скрепить наш союз?

Она прошептала:

— Только ты. Если обряды нужны, то твои. Как скажешь...

— Любовь, — сказал я жарко, — единственный священник. Время для счастья — сейчас. Я теперь знаю, что единственный верный способ стать счастливым — сделать счастливой свою любимую!

Я поцеловал, усадил ее в кресло, со вздохом поднялся. Она жалобно и пугливо смотрела на меня большими печальными глазами.

— Я на минутку, — пообещал я. — А ты поспи пока. Ты сегодня набегалась... Налеталась, в смысле.

Кажется, я совсем теряю голову и совсем не жалею. В приемной куча народа, все ждут новых указаний или подтверждения старых правил, во дворе ржание коней и незнакомые голоса, это прибыли новые лорды, а я только вышел из комнаты, где тихохонько сопит в кресле, подергивая лапками, мое сокровище, и уже всеми фибрами тянусь обратно. Да так, что делаю нечеловеческие усилия, будто ломлюсь через незримые стены, чтобы выйти в общий зал.

Навстречу бросился новый управитель, Артур Шницлер, собранный, всегда настороженный, с недоверчивыми глазами, он показался мне смахивающим на трудоголика, знаю такую породу, потому и определил его на замену Кемпбеллу.

Шницлер чист, я просмотрел его внимательно, эдакий хозяйственник, которому любая идеология абсолютно неинтересна.

Сейчас он поклонился и уставился на меня немигающими глазами.

— Ваша светлость...

— Говори, — сказал я нетерпеливо.

Он сказал торопливо:

— Есть вариант, как лучше упорядочить доставку продовольствия в Альтенбаумбург...

Я буркнул:

— Ну и?..

Он ответил с почтительным поклоном:

— Не желаете ли одобрить или отвергнуть?

Я оглядел его с головы до ног с некоторым подозрением. Да что они, мелькнула злая мысль, сговорились все? Когда вся эта мелочевка осточертела хуже горькой редьки, всегда наваливается все это, когда совсем некогда...

Другую мысль, что это совсем не мелочевка, я тут же придушил, нельзя отвлекаться, какой из меня политик, если буду вот так... Разве что районного масштаба, а я-то понимаю, что и королевством могу рулить не хуже других. Насчет лучше, еще не знаю, могу наломать дров, но силы из меня прут, а что дури много, так ее у всех хватает, и моя дурь рядом с другими дурами совсем даже мудрость...

— Послушай, Артур, — проговорил я медленно, — если сам не решишь такую мелочь, то что вообще можешь?

Он сказал виновато:

— Но его светлость покойный герцог такие вопросы изволил решать лично...

— Покойному больше делать нечего было, — изрек я. — С моим появлением все повышены в... положении.

— Ох, ваша светлость!

— Что, не нравится?

— Я так не сказал, ваша светлость...

— Ты вот, — сказал я, — будешь решать то, что решал герцог, а я буду решать вопросы мироздания.

Он рискнул раздвинуть губы в улыбке.

— Как Господь Бог?

— Точно, — одобрил я. — Он создал нас себе в помощь!.. И пока управляет вселенной, нам поручил ее крохотный уголок — Землю. Так что давай не трусь. Ты здесь уже двадцать лет, должен знать, что и когда. И как кому.

Он снова поклонился.

— Да вроде бы знаю, ваша светлость. Но...

— Ответственность страшит? — сказал я понимающе. — Тогда подумай, каково мне?

Он отступил и удалился, но в дверях оглянулся и взглянул на меня уже совсем другими глазами. Неужели думал, что быть герцогом — это только пить, жрать да служанок таскать в постель? Думаю, даже у Хорнельдона был не такой уж разгульный образ жизни, как думают наивные.

Я разговаривал, решал какие-то вопросы, отдавал приказания, мне казалось, что прошла масса времени, хотя за окнами все тот же ясный летний вечер, когда солнце давно скрылось за краем земли, а на земле еще странный таинственный свет...

Когда я вбежал в комнату, Иллариана все так же сидит в кресле, жалобная и сиротливая. При моем появлении вскочила и бросилась мне на шею.

— Наконец-то! Я уже соскучилась.

— Я тоже, — признался я.

Она обхватила меня руками, прижалась так крепко, словно старалась втиснуться в меня.

— Тебе надо возвращаться, — произнесла она со вздохом. — У вас там война, а ты примчался сюда! Зачем?

— Хотел на себя посмотреть издали.

Она мягко улыбнулась, принимая шутку, но в глазах осталось вопросительное выражение.

Я переспросил:

— Вернуться во Флорендж? К королю Херлуфу?

Она покачала головой:

— Ты же знаешь, о чем я. Вернуться к своим людям в Сен-Мари. Ты сам говорил, они уже перешли границу того... Гандерсгейма, так? Первые отряды вступили, по твоим же словам, в бой. Или скоро вступят. Без тебя, хотя все еще ждут.

Я ощутил укол совести, но тут же отмахнулся.

— По сути дела, если совсем уж трезво, я там не очень-то и нужен. Грамотно вести войну мои полководцы умеют лучше меня. Доблестный Макс прекрасно опробовал так-

тику защиты от вражеской конницы, он ее обязательно усовершенствует и будет применять все чаще и ширше. Граф Ришар не забудет во всех городах строить крепкие ворота и оставлять гарнизоны для защиты. Другой стратегии и не нужно.

Она сказала так же невесело:

— Но ты должен быть там.

— Почему?

— Ты — знамя, — объяснила она. — Когда тебя видят, все сражаются лучше. Идут за тобой.

— Ерунда, — ответил я польщенно. — Пусть привыкают обходиться без стимуляторов. Иди ко мне, лебедушка!.. Или ты журавлик?

Она мягко улыбнулась.

— Ни то, ни другое. Я...

Как ни вслушивался, но некоторые словечки долунных людей все-таки за пределами расшифровки. Наверное, из-за того, что они уже не совсем люди.

— Драгоценнейший осколочек древнего мира, — сказал я. — Драгоценнейший... Я постараюсь тебя сохранить, лапушка. И никакому Темному Миру до тебя в моем замке не дотянуться.

Она вздрогнула.

— Не говори так. Они медленные, но упорные. И всегда добиваются своего. Видишь, уже и в твой замок пробил брешь...

Я натужно улыбнулся, хотя внутри нарастает холод, за окном недобро блистают холодные звезды, серебрятся инеем вершинки деревьев. Полночь приближается и приближается, ничем не остановить. Приближается гораздо быстрее, чем мне бы хотелось.

— Тогда, — сказал я с мужеством отчаяния, — придется прибегнуть к самым крайним формам цензуры.

Она переспросила удивленно:

— К чему-чему? Это как?

— Вычеркнуть лишнее, — объяснил я. — В смысле перебить их всех.

Она мягко улыбнулась.

— Во-первых, не получится.

— Почему?

— Там целый мир!

Я двинул плечами.

— Миры тоже гибнут.

Она покачала головой.

— Лучше подумай, как закрыть ту щель. Сюда уже проникло несколько мерзких тварей. А будет хуже.

— Закрыть щель? — перепросил я. — Хорошее решение. Обычно так и делают. Да-да, я такое сотни раз видел... в своем срединном. Там эти порталы со всех сторон. Их закрывают-открывают-закрывают... С той стороны открывают, с этой закрывают... и так без конца. Нравится, видимо. Сам процесс нравится, а результат им не важен. Увы, я не они, я человек окончательных решений. А в этом случае ты мне сама подсказала...

Она в удивлении даже отстранилась.

— Я?

— Да, мое счастье, — сказал я. — Камень Яшмовой Молнии!.. Говоришь, нужно всего лишь сказать некое волшебное слово? Какое?

Она замедленно покачала головой. Лицо ее побледнело, в глазах мелькнул страх.

— Я не знаю, как это делается. Но все равно...

— Что?

— Неужели ты сможешь?

— Без всяких угрызений совести, — заверил я. — Даже если они там все в Красной книге. Мир пока несовершенен, идеальных решений нет. Господь сжег Содом и Гоморру, хотя там были и отдельно взятые праведники! А еще раньше все человечество притопил оптом... Об этом нам сообщил не только потому, чтобы его гнева боялись, как мыши кота, но и чтоб сами в случае чего... По-

нимаешь? Мы же по его образу и подобию! Если надо прижечь язву — то раскали железо погорячее! Даже если язва с целый мир. У меня есть ориентиры, с кого поступать правильно... кстати, а что «во-вторых»?

Она покачала головой:

— Я тебе не верю. Ты не сможешь так поступить. Это и есть во-вторых. Во-вторых, им надо просто не дать вредить другим мирам.

Я сказал угрюмо:

— Об этом и говорю. Лучше всего помогает усекновение головы. Можно утопить или побить камнями. Но мы больше предпочитаем очищение души огнем. Да и красиво... Все мы любим смотреть в костер! А особенно когда оттуда несет вкусным запахом мяса... Родовая память, однако. Силен в каждом из нас пещерный человек, силен!

Она вздрогнула и стала такой маленькой, что я схватил ее на руки, прибаюкал, и она тут же уснула, как обиженный, а затем обласканный ребенок.

На лице отражается такое умиротворение, такой покой, что даже не знаю. Наверное, впервые за все тысячелетия, когда даже во сне страшились, что вот-вот придет кто-то ужасный и сожрет целиком с косточками.

И чтобы сон ее всегда был спокойным, надо обезопасить себя от Темного Мира как можно надежнее. Каменные шары для создания портала все равно когда-то восстановят, какими бы медленными существа Темного Мира ни были.

Она мирно спит рядышком, теплая и тоненькая, голову пристроила на моем плече. Уже знаю, во сне постепенно переползет мне на грудь, охватит обеими руками и закинет на живот ногу, попробуй вырваться! Так чувствует себя надежнее, защищеннее, что, конечно же, льстит и наполняет меня гордостью, все мы созданы в первую очередь для защиты женщин, для их безопасности и беспечного чирикания.

Очень осторожно я высвободился, полночь уже вот-

вот, простолюдины беспечно спят в теплых постелях жен и любовниц, предоставив думать об их благополучии и безопасности благородному сословию господ.

В зале, примыкающем к моей спальне, пусто, но из следующего доносятся шаги ночного стража.

Я торопливо опоясался захваченным из покоев мечом, уже умею делать быстрее и красившее тех, кто учился этому с детства, забросил за спину лук, застегнул пояс и, надменно вздернув подбородок, пошел к выходу.

Если чутье не подводит, то и этой ночью меня перебросит в Темный Мир, я же в Альтенбаумберге. Может быть, в самом деле в Вестготии натворил что-то такое, из-за чего Темный Мир злорадно открыл мне дорогу в ад? Голова уже трещит, как спелый арбуз, от догадок одна другой нелепее, не хочется думать, что я какими-то поступками сам незаметно подвел себя к той опасной черте, когда всего один шаг перебрасывает на другую сторону.

Скорее всего, мне так хочется думать, Темный Мир старается пробиваться всюду, но здесь с этой стороны долбитя Темная Фея, стенка сперва истончилась, затем появилась узенькая щель, куда меня и втягивает всякий раз в полночь, когда их власть особенно сильна. Правда, других не тронула, но те в самом деле слишком уж чистые и бесхитростные души...

Победа, да и вообще успешная война практически невозможна без пятой колонны. Темная Фея сумела уловить в свои сети самых отъявленных преступников. Одни помогают здесь, а наиболее отпетых переправила туда.

Но здешние не могут попасть туда, а попавшие не могут выйти обратно. И только я, как Агасфер, шатаюсь между мирами.

Один из заспанных слуг подобострастно выбежал на встречу.

— Ваша светлость...

Я отмахнулся:

— Иди спи.

— Как скажете, ваша светлость, — сказал он обрадованно и торопливо исчез.

Я ругнулся запоздало на себя, такого умного и быстро на решения, а герцогу нужно думать над каждым словом, даже брякнутым вот так вскользь. Возможно, его приставили всю ночь воду носить из колодца на пятый этаж, а я, ничтоже сумняшеся, сменил приоритеты.

В холле горят свечи, светло и радостно, часовые лишь проводили меня взглядами.

Арбогастр мирно жует гальку, насыпанную в ясли вперемешку с овсом. Хруст такой, будто неспешно работает камнедробилка, уши подрагивают, то ли от удовольствия, то ли прислушивается, что и где происходит в мире.

— Лапушка, — сказал я тихо, — предлагаю опасное приключение... Скорее всего ничего не получится... но почему не рискнуть?

Он подбадривающе фыркнул. Я оседлал его, вывел во двор и посмотрел на запад. Как ни оттягивай неприятный момент, но полночь наступила, как мне кажется, а я, если верить архангелу, с каждым днем становлюсь темнее, так что либо начну уходить в Темный Мир уже с вечера, либо вообще не смогу оттуда вернуться...

Во двор вышел граф Гатер, на лице крайнее удивление.

— Ваша светлость, куда вы на ночь глядя?

— Не закудыкивайте дорогу, благородный граф, — ответил я. — Просто хочу проверить, как это седло держится.

Он покачал головой.

— А разве вы не в нем прибыли?

— Как можно? — возразил я с достоинством. — Это было бы очень непатриотично по отношению к местной промышленности. С другой стороны, я должен сам оценить их работу. Если плохо, выгоню из шорников, пусть идут лес рубить. Там если и придавит деревом — не жалко.

Он засмеялся:

— Да, конечно.

Из темноты выметнулся Бобик, мне показался вдвое крупнее обычного, из пасти прорывается сдавленный рык, шерсть торчком, глаза стали кроваво-красными.

— Учуял? — спросил я. — Не могу, мой славный... Там придется убивать, что значит — лишать жизни. А это не есть хорошо. Хотя... гм... с другой стороны, тех существ не обязательно рассматривать как людей. Но тебе не пройти через этот непонятный Барьер Миров. Хотя, конечно, можно рискнуть... Нет, не могу! Нельзя в темные дела людей вмешивать невинные души зверей...

Граф Гатер спросил быстро:

— Ваша светлость... о чем вы?

Я ответил с неловкостью:

— Увы, граф, на этот раз взять вас с собой не смогу. Хотя и очень хотелось бы. Надо завершить то, что мы начали здесь. Или хотя бы попытаться.

— Но мы же разрушили... Врата Ада?

— На этой стороне, — пояснил я. — Только на этой.

— Господи!

Я развел руками.

— Надо, дорогой граф.

Он вскрикнул:

— Я пойду с вами!

Откуда-то появился граф Стерлинг, по крайней мере я услышал его истончившийся голос:

— А я? Обязательно...

Глава 10

Небо расколосось с гневным грохотом. Они застыли, и весь мир застыл, время остановилось, а у меня перед лицом замерла в полете красивая ночная бабочка, толстая и мохнатая.

На землю пал широкий луч слепящего света, вышел Михаил, крылья за спиной встопорщены, готовые к взлету, а сам он быстро шагнул вперед и вытянул перед собой руку ладонью вперед.

— Остановись!

Я натянул повод, Бобик оскалил зубы и злобно зарычал. Глаза стали багровыми, шерсть поднялась, я с беспокойством увидел, как под гладкой шерстью впервые вздулись рельефные мускулы. Даже когти удлиннились, и когда провел лапой по твердой, как камень, земле, там заскрежетало и остались глубокие царапины.

— Придержи пса, — сказал Михаил бесстрастно. — Иначе придержу его сам...

— Бобик, — сказал я строго, — сидеть!.. Вот так. Это невкусное, понял?.. Я слушаю тебя, Михаил.

Михаил коротко усмехнулся:

— Как гордо... Последний, кто со мной так говорил, был Сатана.

— На что намекаешь? — спросил я. — Или запугиваешь?.. Мелковато, Михаил.

Он покачал головой.

— Зачем запугивать? Ты сам прекрасно понимаешь, моя мощь безмерна. Могу поднять вон ту гору... или весь хребет одним пальцем и обрушить на тебя. От такого у тебя нет защиты, не так ли?

Я сказал с вызовом:

— Очень хочется?

Он ответил ровно:

— При чем здесь я?

— Вот именно, — сказал я зло. — Хочется, вижу. Весь кипишь, хотя и фараонишь. Сильный не стал бы похвастаться своими возможностями. А ты мелковат!

Злость расшатывает меня внутри, понимаю же, что с таким нельзя задираться, а вот удержаться не могу. Если получил оплеуху, даю сдачи, а пьяный дурак передо мной или светлый ангел — все равно.

Он вперил в меня сверкающий взор, я ощутил жар, но не отвел взгляда.

— И все-таки помни, смертный, — сказал он с нажимом, — свое место. И не забывай, твои возможности... невелики.

Я сказал зло:

— Побольше твоих! Подумаешь, горный хребет поднять... Ты это сделаешь, если тебе так велит Творец! А сам по себе не сдвинешь и волосок на усике муравья. Мне же позволения не требуется, ты это помнишь?

— Помню, — ответил он сухо, мне почудилось в его голосе сильнейшее раздражение, — потому не останавливаю. Но зато напоминаю и... запрещаю туда идти!

— Почему?

Он стиснул челюсти, я с удивлением увидел, как заиграли под огненной кожей тугие желваки.

— Потому что Господь, — сказал он с нажимом, — создал и тот мир! Они и его создания!

— Это я уже слышал.

— И потому Господь, — сказал он еще раздраженнее, — не желает, чтобы тому миру повредили!..

Я спросило мрачно:

— Почему?

— Потому что тот мир, — сказал он зло, — тоже хорош! У него свои законы, свои ценности, свои обычаи, свои дороги. Он отделился от этого, не погиб и... продолжает развиваться.

Я вскрикнул:

— Существа из того мира уже вторгались в наш!.. Сколько уничтожено скота, сколько убито ими невинных людей?

Он сказал сухо:

— Семьдесят две коровы, триста четырнадцать овец, двести семнадцать собак, восемьдесят три свиньи, двадцать мужчин, три женщины и восьмеро детей...

— Вот видишь! — сказал я. — Или для тебя это только

статистика?.. Не-е-е-ет, для меня это люди. Мои люди. И никакой иномирной твари я не позволю нападать на людей, даже будь она занесена в Красную книгу!..

Свет от его фигуры полыхнул так ярко, что я некоторое время видел только ослепительное сияние, лишь через минуту сумел увидеть человеческие очертания с растопыренными крыльями.

Голос Михаила прогремел мощно и обрекающее:

— А знаешь ли ты, если переступишь черту Света и Тьмы и на этот раз, то уже не будет возврата? Ты останешься там навсегда!

Я признался с дрожью в голосе:

— Честно говоря, не знал.

— Ты хоть понял, почему всякий раз Границу пересекаешь с меньшими усилиями?

Я покачал головой:

— Нет.

— В тебе все меньше света, — произнес он с печалью. — Перейдешь сейчас — погаснут последние остатки. И ты навсегда останешься там. В Темном Мире. Он станет твоим навеки.

Я пробормотал растерянно:

— Этого я не знал.

— Потому я и открыл тебе, что тебя ждет.

Он говорил почти с сочувствием, хотя так и могло быть, он же видит мое искажившееся лицо, это тот миг, когда я не могу скрывать свои мысли и чувства, а мне сейчас очень хреново, я хотел бы оставаться хорошим и творить добрые дела, но так, чтобы не прищемить и пальчик и чтоб не испачкать даже туфли, сейчас же что-то сразу расхотелось приносить человечеству такую жертву.

После тяжелой паузы я пробормотал раздавленно:

— В конце концов, сколько бы их сюда ни проникло... все равно перебьют. Лорды спохватятся, соберут армии, дадут два-три кровопролитных сражения. Вся эта нечисть все равно отступит...

Он кивнул, голос прозвучал уже доброжелательно:

— Ты прав. Кроме того, ты же помнишь, Господь завещал вам не только справедливость, но и милосердие! А ты замыслил просто ужасную вещь. Ужасную.

Я опустил голову, сердце стучит отчаянно, в груди появилась и начала нарастать боль.

— Ты прав, — прошептал я. — Милосердия в мире должно быть больше. С каждым годом, с каждым веком... Нравы должны смягчаться, и когда-то насилие вообще исчезнет из мира...

Свет вспыхнул ярко, будто передо мной взорвалась сверхновая, ввысь взметнулся рассыпающийся искры факел чистого огня, донесся удаляющийся голос:

— Ты принял верное решение, человек!.. Господь будет доволен.

Я проводил его взглядом, огляделся, граф Гатер все в той же позе с полуоткрытым ртом и поднятой рукой, у графа Стерлинга весело-глупое выражение лица...

Они медленно зашевелились, бабочка часто-часто замахала крыльями и умчалась, даже не заметив, что время застывало. Я сжал челюсти и сказал себе люто, что ненавижу, я гад, я всех порву, напьюсь свежей крови, мне надо в тот мир, потому что я такой же темный, злой и весь пропитан ненавистью...

Сбоку тревожно зарычал Бобик, арбогастр беспокойно переступил с ноги на ногу.

Я сказал хриплым от ненависти голосом:

— Я свой!.. Только я тоже из ада... Сейчас...

Граф Стерлинг договорил:

— ...пойду с вами! Обязательно пойду! Иначе это будет...

Холодная волна возникла из ниоткуда, обрушилась призрачной тяжестью и тотчас же исчезла. Я ощутил облегчение, но смутно удивился, на этот раз нет ледящего холода в момент перехода, как во что-то чужое и враждеб-

ное. Это может значить только одно: Темный Мир уже признает меня своим.

Я рухнул с небольшой высоты, не удержался на ногах и брякнулся мордой в сырую холодную землю. Я один, один-одинешенек в этом мире, но, странно, ощутил облегчение.

— Как хорошо, — прошептал я вслух, — что вы, мои милые, остались там. С моей стороны нечестно тащить вас в мир, из которого уже не вернусь...

В небе грозно клубятся черно-багровые тучи, словно там град, ливень и пепел сотни вулканов. Никогда я не видел столь грозного зрелища, мороз не только по коже, но и леденит мозг в костях, замораживает суставы.

Я поднялся, сделал несколько шагов, приноравливая зрение и чувства к скудному освещению этого мира, передо мной выросла темная стена, блестящая от толстого слоя постоянно стекающей сверху слизи. К счастью, эта мерзость не расползается по земле, а так же неспешно и непонятно просачивается сквозь твердую землю.

В десятке шагов от меня прокрадывается некий зверь размером с волка. Я тихохонько обнажил меч, эта тварь чересчур близко. Зверь резко повернул голову в мою сторону, глаза дико блеснули.

Я приглашающе выставил меч острием вперед. Зверь глухо заворчал, шерсть вздыбилась на загривке, он стал крупнее и выше, а огонь в глазах разгорался ярче.

— Давай, — сказал я. — Посмотрим, кто волк, а кто овца.

Он смотрел неотрывно, затем шерсть опустилась, он изогнул шею, как бы подставляя мне горло, скульнул и пошел прочь на полусогнутых.

Ужасающе огромная луна заняла полнеба, справа вторая, зловеще багровая, будто вырванное из груди живое сердце, а у самого горизонта поднимается та самая огромная и чудовищно пугающая, сейчас похожа на всплывающий айсберг.

— Три луны, — сказал я вздрагивающим голосом. — Хорошее предзнаменование... Нам любое — хорошее.

В темноте завывли хриплые звериные голоса, я нервно повел плечами. Дикая тоска, отчаяние, лютая злоба ко всему и всем — чем не ад, где оставь надежду всяк входящий...

Я шумно раздвинул грудную клетку, захватывая широко раскрытым ртом воздух. Тьма не исчезла, но вот широкие гранитные плиты уходят из-под ног и тянутся вдаль и вдаль, а там поднимаются огромные, как Хребты, стены. Странное ощущение, словно попал в тот же чудовищный замок, что и в прошлый раз, но теперь он еще больше и громаднее.

Представляю, мелькнула мысль, что подумают мои доблестные графы Гатер и Стерлинг, когда их сюзерен опять исчез так странно и непостижимо. Ладно, только бы не решили, что ночь взяла меня навеки. Сразу же начнется дележ роскошного пирога... Хотя что мне от этого? Если нет шансов на возвращение, то не придется все восстанавливать и заново наклонять почуявших свободу лордов... Я делаю все, чтобы чудесное существо, мирно спящее в моей постели, отныне было в безопасности. Видимо, я недостаточно паладин, я не готов отдать жизнь за отечество, но вот отдаю за любимую женщину.

Вдали послышались скрежещущие звуки, я торопливо направился в тень, напомнил себе, что здесь я не герцог, надо быть ниже травы, тише воды.

Из темноты выдвинулся громадный ящер, тяжелый и почти приплюснутый к земле. Пузом волочится по камням, все четыре лапы так уродливо изогнуты, что кажется, будто под монстром их восемь.

Прошел наискось, я долго слышал его хриплое насадное дыхание. Хвост тащится следом совершенно неживой, скребет жесткой чешуей камни, ни разу не вильнул даже на поворотах.

Как только он исчез из виду, я начал перебегать с места на место, стараясь не выскакивать на залитые лунным

светом открытые места. Впереди и сбоку все та же блестящая от слизи стена, пока не вижу даже намека на ход наверх.

Я подумал, что Бобик бы здесь быстро все отыскал. У него наверняка чутье на опасность еще лучше, чем у меня, но все-таки хорошо, что их не взял. Они не животные, они друзья, а друзей нельзя брать в такие места, если они не осознают, куда идут.

Двигаться в темноте перебежками утомительно, я быстро устал, чего от себя никак не ожидал, пошел совсем медленно, хватая широко раскрытым ртом нечистый воздух.

От усталости проснулось раздражение, я прошипел зло:

— А какого хрена? Хватит прятаться. Мы их к себе не звали!.. Пусть не обижаются, я пришел!.. Кто не спрятался...

Сверху посыпались камешки, я отшатнулся в сторону, а когда мимо что-то свистнуло, обдав щеку холодом, быстро взглянул наверх. Из расщелины выдвинулась рослая женщина-змея, зеленая и в чешуе, в руках лук.

Она раздраженно шипела и торопливо вытаскивала из расшитого колчана вторую стрелу.

— С ума сошла? — крикнул я. — А если бы в глаз?

Она наложила стрелу, резко оттянула тетиву до уха. Лук Арианта уже в моих руках, я сам выдернул стрелу из колчана, не отрывая взгляда от зеленой красавицы.

Щелчок, я снова качнулся вбок, стрела ударила за спиной в камни, я видел только зеленые искры, стрела исчезла, рассыпавшись мелкими холодными кристаллами камня.

Я крикнул:

— Теперь я!

Моя стрела ударила ее под левую грудь и вошла по самое оперение, так что если смотреть издали, там расцвел скромный такой цветок из перьев.

Лук выпал из ее ослабевших рук, она ухватилась за

стрелу. На лице медленно проступило неопишемое изумление.

— Ты... — прохрипела она, изо рта тонкой темной струйкой потекла кровь, — ты... кто?

Я ответил зло:

— Сперва стреляем, потом спрашиваем?.. Это по-нашему! Но ты не учла, красotka...

— Че... го?

— Я тоже такой, — отрезал я.

— Но кто... ты?

— Вообще-то я хомо сапиенс прямоходящий, — объяснил я. — А еще птица без перьев... но, думаю, тебе это уже не совсем интересно.

Она рухнула на пол, я услышал слабое:

— Тогда ты... тот самый...

Я наострил уши, всегда интересно, что там обо мне, но она дернулась и застыла, вытягиваясь во весь рост, почти красивая, если бы не змеиное туловище от пояса, как-то не люблю змей, лучше бы ящерица...

— Ну да, — сказал я, за победителем должно оставаться последнее слово, — я тот самый, ага...

Она молчала, уверенная, что последнее слово сказала все-таки она, раз уже не слышит, что там вякаю я, но все-таки последнее за мною, хотя какой-то оттенок незавершенности есть, есть.

Я осмотрел ее, на груди нечто вроде медальона на цепочке из белого металла. В ладони медальон показался тяжеловат для своего размера, я дернул с силой, но цепочка выдержала.

Озлившись, дернул сильнее, но только чуть не оторвал себе пальцы. Мелькнула мысль, раз уж непременно хочу взять этот трофей, то надо просто срезать голову, но рискнул повозиться с замочком, вскоре шелкнуло, как будто ждало прикосновения моих пальцев, тонкая цепочка выскользнула из зажима.

— То-то, — сказал я.

Глава 11

Над головой громко фыркнуло, но рассмотреть промелькнувшую тень я не успел, исчезла, оставив струю неприятного запаха. На всякий случай я держу наготове лук, меч выдернуть всегда успею, рукоять то и дело старается угодливо влезть в ладонь. Вещи, как верные собаки, стараются быть полезными.

Темные блестящие слизью скалы раздвинулись, я сделал еще несколько шагов, сжался, в животе стало тяжело и холодно. Дальше простор, а в глубине высится исполинская пирамида, кричаще красная, в этом мрачном темном мире я впервые увидел цвет, да еще такой яркий, вызывающий...

Пирамида блестит, словно высечена целиком из драгоценного камня. По размерам так эта побольше, чем Хеопсова, намного больше, и совсем новенькая, вон в ее сторону двигается огромная колонна каких-то существ...

Я присмотрелся, люди, если это люди, идут по пятеро в ряд, с боков на ездовых ящиках иногда проезжают стражи, раз уж в их руках длинные копыя...

Голова закружилась от попыток рассмотреть поближе, пришлось присесть за грудой камней. При большом увеличении изображение начинает скакать так, что сразу же появляется головная боль.

Я смотрел, смотрел, и все больше холода и чувства отращения заползало в сердце. Нечто подобное существовало и в моем мире. Когда Кортес ступил на южный материк, он был шокирован культом вампиризма и каннибализма в империи ацтеков. Тысячи и тысячи жертв постоянно умерщвлялись на вершине пирамид, после чего их мясо расчленилось тут же и раздавалось для пожирания всем собравшимся. Кровь лилась рекой, но ее тоже собирали для весьма прозаических целей.

Холод все сильнее проникал в мое тело, а отвращение вызвало легкий приступ тошноты. Вон там слева к пира-

миде двигается еще колонна. Вершина широкая, плоская, там с десятков разделочных плит, все поставлено на поток: ни одного лишнего движения, расчленяют быстро и умело, внутренности складывают в тазы, тут же уносят и ставят взамен пустые. Тела расчленяют со знанием дела, разделяя по признакам и качеству мяса...

Кровь нарочито пускают широкими струями, это явно ритуальное, но одновременно и захватывающе красивое зрелище, когда огромнейшая пирамида купается в крови!

Внизу, правда, попадает в каменные желоба, дальше уходит в подземные резервуары.

— Прагматики, — сказал я с отвращением. — Похороны — бесцельная трата самого вкусного на свете мяса!.. Похоже, животных вообще не разводят. Или для самых бедных...

Стало чуть легче, когда понял, что расчленяют не только людей, но и уже совсем переродившихся или начинающих перерождаться: у многих толстые хвосты, как у ящеров, у других вытянутые вперед головы, будто крокодилы на задних лапах, почти у всех деформированные фигуры...

Нет, у нас было хуже: ацтеки расчленяли все-таки людей, соотечественников, даже не пленных... Нет, никакие иноземные твари не переплюнут в жестокой изощренности человека! Нам есть чем гордиться.

Я отступил, огляделся. К пирамиде идти глупо, не буду же спасать этих уродов, пусть пожирают сами себя, не жалко. А вот местный бы центр, дворец, храм...

Слева выступает из темного клубящегося тумана высокая каменная стена, блестящая то ли от росы, то ли от слизи. Пробежать придется через открытое и очень ярко освещенное пространство. Обязательно заметят, а мне бы лучше, чтоб как можно позже...

Хорошо, мелькнула мысль, что не смог взять своих зверей. Я человек, мне и ползком не стыдно, а они — звери гордые...

Хотя, если честно, все-таки стыдно, что все-таки пы-

тался взять в этот страшный мир. Так одиноко здесь и пронизывающе жутко, что как-то забываешь, что у них тоже есть свои маленькие права.

Войдя в личину исчезника, я пробежал как можно тише, стараясь, чтобы под ногами не хрустело, а шпоры не задевали камешки.

Впереди послышался сухой треск, с большого валуна прыгнул некто и встал на залитой лунным светом дорожке. Высокий, широкий в плечах человек вышел навстречу и остановился в горделивой позе, загородив дорогу. В грязных лохмотьях, торчащих из-под помятой стальной кирасы, широкополой шляпе, сапоги высокие, с остатками шпор, где потеряны зубчатые колесики. Выглядит жутковато, однако я не заметил в нем привычной для обитателей этого мира согнутости. А еще за плечами небольшой треугольный щит, такие используют обычно конные рыцари.

Жуткий лунный свет держит лицо в тени, я напряг зрение, рассматривая в полумраке блестящие злые глаза, орлиный нос, плотно стиснутые губы. Нижняя челюсть, как у лошади, два шрама на подбородке, еще один — на щеке, да и бровь рассечена пополам так глубоко, что глаз уцелел чудом.

Он стоял, широко расставив ноги, левая рука привычно дернулась кверху. Знакомое движение, так щеголи поддегивают манжеты перед тем, как обнажить меч, однако у этого руки от локтей голые.

— Стой, смертный, — провозгласил он подчеркнуто нагло, — и пади на колени, чтобы я срубил тебе голову без твоего жалкого трепыхания.

Я подумал с дрожью в теле, что мое исчезничество здесь ничего не значит, видят все, как облупленного. С усилием вернулся в обычный вид, и снова неизвестный, казалось, не заметил никакой перемены.

— А ты кто? — спросил я.

Он сказал гордо:

— Я — Леопольд фон Ранке, самый великий грешник на свете!.. Я убивал невинных, насиловал, клятвопреступничал, лгал и предавал. Не было преступления, которое я бы не совершил!.. Но тебя зарублю просто, без затей.

— Почему? — спросил я.

Он посмотрел с некоторым интересом.

— А ты заслуживаешь большего? Четверования хотя бы? пыток?

— Еще бы, — ответил я. — Сэр Леопольд, а вы нефть на сторону продавали?

Он поперхнулся, переспросил:

— А... как это?

— Даже не знаете? — спросил я. — Ну, сэр Леопольд, вы сама невинность. Вы вообще-то злодействовали с какой целью?

Он спросил оскорбленно:

— Я что, торговец?.. Я человек из благородного сословия!.. Преступление нуждается лишь в предлоге. А дальше одни преступления открывают путь другим. Всякое преступление безрасчетно!

Я кивнул:

— Вы правы. Никакое преступление не может иметь законного основания. Да и не должно. Однако известно, что только слабые совершают преступления. Сильному и счастливому они не нужны. У вас какая слабость?

Он злобно оскалил зубы.

— Слабость убивать тех, кто мне перечит!

Я вскинул руку, останавливая его на полпути.

— Стоп-стоп, сэр Леопольд. Вы говорите о себе как о невероятном бунтаре, ниспровергателе основ, нравственности, законности и всего-всего мироздания, но что-то вы показались мне сейчас каким-то смиренным послушником. Даже, я бы сказал, но боюсь вас оскорбить, робкой овцой...

Он взревел оскорбленно:

— Я?.. Объяснитесь, сэр, до того, как я вас разрублю на куски и буду пожирать ваше сырое мясо!

— Всякое преступление вульгарно, — объяснил я, — точно так же, как всякая вульгарность — преступление. Но я бы пошел дальше... Почему вы, такой великий бунтарь, вдруг смирились и стали кроткой послушной овечкой?

Он проскрежетал зубами:

— Я?

— Вы, — подтвердил я и, не ожидая разъяренного вопля, пояснил: — Почему не бунтуете и здесь?

Он крикнул яростно:

— Вы совсем одурели?.. Мы в аду!.. Здесь отбываем наказания за прошлую жизнь!

Я покачал головой, постарался смотреть высокомерно и с безгловым состраданием.

— А я вот не сдался. Там я бунтовал, осквернял, буду и здесь. Только теперь уже против здешних устоев и местной нравственности! Даже супротив самой Темной Феи... чтоб она издохла, тварь поганая!

Он застыл, глаза выпучились, как у кальмара. Я упер руки в бока и нагло расхохотался.

— Вы... — проговорил он осевшим голосом, — это о... Темной Фее?

Я сказал победно:

— Что, поджилки затряслись? То-то. Так что молчите о том, какой вы великий преступник.

Захохотав еще громче, я отвернулся и пошел бодро в сторону далекой крепости. Минут через десять за спиной послышался топот догоняющих ног.

Я не стал оглядываться, если все рассчитал верно, этот великий злодей в спину не ударит, потому что...

Он догнал, прокричал счастливо:

— Сэр! Вы подали гениальнейшую идею!..

Я сказал высокомерно:

— Да? Ну тогда за дело. Я иду в Темный Замок, чтобы

разнести там все вдрызг, наплевать на их святыни и вообще... ну вы понимаете, обгадить. Сурово, по-мужски. И все это, ха-ха, во имя Господа!

Он сказал с восторгом:

— Да-да, вы сказали великолепно, доблестный и учтивейший сэръ!.. Во имя Господа, вот что здешнего дьявола взбесит больше всего!.. Во имя Господа и всех святых!

Он сорвал с головы шляпу и на ходу ухитрился раскланяться со мной галантнейшим образом, что наверняка является здесь явным вызовом порядкам и установкам Темного Мира.

Лицо его сияло, глаза горят, как звезды, он забежал чуть вперед, чтобы видеть мое лицо, и воскликнул ликующе:

— Вы прям, как ангел небесный!.. Ха-ха, так им!.. Ангел, ангел! Я терзался здесь всеми муками от собственной бесцельности, а вы снова дали смысл моей жизни!.. Я могу опять совершать преступления, но теперь не стану размениваться на мелочи!.. Ха-ха, я буду соблюдать все десять заповедей, я ни в чем не нарушу Кодекс Рыцаря, я буду защищать слабых и сирых, я буду терпелив и вежлив...

Я сказал одобрительно:

— Вы прекрасно все поняли, доблестный сэръ Леопольд! Никто так не радуется дьявола, как нарушитель всех христианских заповедей, но ничто так не разъярит, если прямо в его темном царстве начать их исполнять и вести себя ему назло честно и праведно!

Он сказал жадно:

— Эх, еще бы молитвы вспомнить... Я бы все время читал! Пусть тут от злости переворачиваются. У дьявола будет несварение желудка, а то и вовсе желчь разольется.

— Я напомню, — сказал я и, наткнувшись на его удивленный взгляд, пояснил: — У меня абсолютная память. Могу повторить, к примеру, все, что вы мне сказали, не

пропустив ни слова. Потому и молитвы помню. Стоило мне хоть раз где-то услышать...

— Буду весьма признателен, — заверил он. — И вообще... Я — Леопольд фон Ранке, клянусь пойти с вами, сэр, и умереть с вами.

Я возразил:

— Почему обязательно умереть?

— Мы все здесь прокляты, — ответил он хвастливо. — Здесь ад, хотя я не видел душ умерших. Но это ад. И возврата из него нет. Мы прокляты, навечно прокляты за свои страшные и невообразимо ужасные преступления!

Я покачал головой.

— Мы не знаем границ милосердия Господа. После смерти нам предстоит ответить на два вопроса. Злой ангел спрашивает: «Как он жил?», Иисус спрашивает: «Как он умер?» После чего берет ваше раскаяние... если оно, конечно, искреннее, сэр Леопольд, и погашает им все грехи, записанные на вашем высоком челе.

Он криво улыбнулся.

— Что-то моя жизнь показала, что в мире нет ни милосердия, ни справедливости.

— Ни чести? — спросил я.

Он помялся.

— Вообще-то и чести нет.

— А что есть?

— Не знаю, — ответил он зло. — Дурь какая-то.

— И вы готовы отдать жизнь за эту дурь?

Он недовольно буркнул:

— Так я ж и сам дурак!

— Я тоже, — сообщил я. — Можете идти со мной. Но теперь вы хотите досадить хозяевам этого мира, верно? Значит, держись так, словно для вас в мире нет ничего дороже рыцарской чести, благородства и воинской взаимопомощи!

Он выкрикнул:

— Сэр! Вы не поверите, но сейчас я в самом деле чувствую, что в этом что-то есть... во всем этом рыцарском. И мне притворяться не надо. Я пойду впереди вас и с песней отдам жизнь во имя Господа. Ха-ха, во имя Господа, против которого я столько грешил! Во имя Господа!.. Аллилуйя!..

— Аминь, — согласился я, но спросил с подозрением: — А что за внезапное рвение отдать жизнь? Все-таки лучше, когда жизнь отдают наши противники.

Он развел руками.

— Главное условие, чтобы умереть красиво. А теперь еще и с хвалой в адрес Господа. Или святой Девы Марии.

— А-а-а, — протянул я, — это важно, чтобы красиво. Очень. Хотя я предпочитаю красиво победить.

— Сэр, — воскликнул он воспламененно, — вы вдохнули в меня жизнь! Как мне в голову не пришло, что грешить можно и здесь? Вы же прокляты, как и я?

Я ответил с учтивым поклоном:

— Как вы угадали?

Он хохотнул:

— Еще и шутите? Но вы не смирились, стараетесь хотя бы лягнуть дьявола, что тащит вас в ад!.. Простите, сэр, я не расслышал вашего благороднейшего имени...

— Сэр Ричард, — назвал я. — Герцог, майордом, маркграф и все такое, но думаю, здесь это уже неважно.

Он хохотнул:

— Вы правы, сэр Ричард.

Я вложил меч в ножны, дальше надо цепляться за выступы обеими руками, ухватился за камень и, взобравшись на небольшую площадку, отыскал местечко, где можно карабкаться дальше.

Сэр Леопольд, несмотря на желание идти впереди, пыхтит сзади, но чутье, предупреждающее об опасности, молчит.

Глава 12

Они выступили прямо из стены, медленные и знакомо покачивающиеся. Мне показалось, что даже зеленые, хотя в полутьме все цвета не цвета, а серое черт-те что. Одинаковые, как солдаты мертвой армии, они пошли широким полукругом, охватывая нас с боков.

Леопольд оглянулся, сзади тоже появились такие же синюшно-призрачные, раскрыл рот, чтобы грязно выругаться, видно по жуткой роже, но заулыбался и сказал елеяно:

— Во имя Господа!.. Сколько же этих милых существ!.. Ну прямо ангелочки, мать их... Им бы только арфы, вот бы запели...

Я пробормотал:

— А это идея.

Он с лязгом вытащил меч и встал в боевую стойку.

— Какая?

Я пошарил по шее, пока не зацепил пальцем тонкую цепочку, крестик то и дело упрямо застревает под доспехом и не желает вылезать в таком месте, но я вытащил и сжал в ладони.

— Господи, помоги нам, недостойным твоей милости, но все-таки... твоим воинам!

Леопольд злобно оскалил зубы.

— Как же!.. Поможет! Мне он помог там, когда меня взяли в плен и пытали два месяца? Что на мне только не пробовали!.. Я тогда охрип от крика...

От крестика в ладонь пошло успокаивающее тепло. Я выставил его перед собой и прокричал громко:

— Да святится Имя Твое!.. Да будет Царствие Твое!.. Да бегут от лица твоего всякие твари...

Синие фигуры остановились, сзади напирают, но передние, как ощутил даже пораженный Леопольд, уперлись в некую незримую черту, пытаются пройти, скользят

по невидимой стене, шупают ее руками, а сзади напирают все новые зомби.

Я решился, осторожно пошел вперед, готовый в любой момент отпрыгнуть и ухватиться за меч.

— Лаудетор Езус Кростос!.. Да воскреснет Бог!...

Синие фигуры застыли, сзади продолжали напирать. Я с омерзением видел, как сливаются в одну отвратительно липкую, блестящую от слизи массу.

— Лаудетор Езус Кростос!.. — выкрикнул за мной воодушевленный Леопольд.

Синие существа начали укорачиваться, начиная с ног. Под ними медленно и как-то нерешительно пошла расплываться широкая лужа густой отвратительной слизи.

Леопольд оглянулся, охнул, там твари продержались чуть дольше, однако тоже опускаются в темно-синюю грязную лужу.

— Если нас не затопит, — сказал он с натужным весельем, — то влипнем, как мухи в патоку.

— Подсохнет, — сказал я, — само отвалится. Да и вообще... вон какие щели в полу!

Темная слизь, не добравшись до наших ног, тяжело переваливалась через края и продавливалась вниз. В одном месте, правда, щель оказалась узковата, часть этой мерзости потекла вверх.

Мы отступали, но сзади такая же широкая лужа придвигающейся дряни. Леопольд начал спрашивать нервно насчет молитвы супротив слизи, я с сожалением сообщил, что святые отцы этой хрени не предусмотрели.

— Ура, — сказал он торопливо, — будь их хоть на пару штук больше...

— И что?

— Нас бы достало...

Слизь прижималась к полу, собирая грязь, пыль и мелкие щепки, тяжело проваливалась в щели. Леопольд громко вздохнул и демонстративно перекрестился.

На полу проступил узор каменных плит, удивитель-

но чистый, с четким рисунком и затейливым орнаментом.

— Вперед, — сказал я бодро. — Надерем всем задницы!

— Надерем всем задницы, — повторил Леопольд медленно. — Странное выражение, но что-то в нем есть... содомское, да?

— Мы же грешники, — бодро напомнил я, — но вы правы, сэр Леопольд, здесь лучше всем гадам насрать святыми молитвами. Так что с именем Господа!

— И во славу Его! — прокричал он весело.

— Вот именно, — одобрил я веско. — Вперед и вперед, как гордые бараны, все сокрушим и всех нагнем!

Он захохотал:

— Напролом? Мне такое нравится! Ведите, сэр.

— Да уж заведу, не обрадуетесь, благородный сэр.

Он все оглядывался, я спросил настороженно:

— Что стряслось?

Он пробормотал:

— А где кости?

— Что за кости? — рывкнул я.

— От трупов, — пояснил он. — Мясо растаяло, а костей должна остаться большая куча.

Я сказал с отвращением:

— Материалист... Это мир с другими законами. Правда, выборочно.

Мы говорили натужно бодрыми голосами, громко смеялись, но голоса наши гасли, растворялись, а везде эта страшная тишина, жуткое ощущение брошенности, одиночества и вечной тоски. Вокруг гнилой туман, но когда появляются просветы, я вижу такие жуткие руины, оплавленные в некоем древнем огне, что невольно на ум приходят строки: «И дождем пролил Господь огонь и серу, ниспроверг города сии, и всю окрестность их, и всех жителей, и все произрастания земли...»

Инстинкт предупредил меня об опасности сверху, я

сперва отпрыгнул в сторону и одновременно выхватил меч, а Леопольд быстро посмотрел по сторонам.

— Где? Не вижу...

— Воздух! — крикнул я.

Ощутил облегчение, опасность еще далеко, да и всего лишь из низких туч вынырнула очень крупная гарпия, резко идет в нашу сторону, снижаясь точно и нацеленно.

Он потянул носом, поморщился.

— Могли бы и не предупреждать. Здесь все равно так воняет, что я бы не услышал.

— Ложись! — заорал я.

Он упал, гарпия пронеслась над ним. Кончики острых когтей звонко чиркнули по металлической спине. Леопольд перекатился в сторону, вскочил с мечом в руке, злой и взъерошенный.

— Что у вас за шуточки, сэр?

— Я же предупредил...

— Могли бы сказать хотя бы «небо»!

— На небе ангелы, — напомнил я кротко.

Он перекрестился и пошевелил губами. Гарпия быстро вернулась, но Леопольд уже настороже, легко уклонился. Она поднялась выше, мы пошли дальше, поглядывая на нее, отвязалась от нас или нет, должна же понять, что мы на добычу смахиваем мало, однако она время от времени делала быстрые круги над Леопольдом, иногда резко проваливалась, будто атаковала. Он закрывался щитом и выставлял острие меча, но она легко проносилась над его головой и заходила на новый круг.

— Чего она ко мне? — прокричал он расстроено. — Вот вы, сэр, куда представительнее...

— Любовь зла, — сказал я.

Он посмотрел волком.

— Что вы хотите сказать, любезный сэр?

— Она вас знает, — сообщил я. — Помните, кого вы обесчестили за последний период времени?

Он пожал плечами:

— Да разве упомнишь...

Гарпия с шипением пронеслась над головами, но на этот раз резко опустила когтистую лапу и царапнула Леопольда по плечу.

Он взвыл, кровь брызнула сразу из трех глубоких царапин.

— Вспоминайте, — посоветовал я.

Он огрызнулся:

— А что-то изменит? Вон она какая стала!

— Во что превращаются обманутые женщины, — произнес я с горечью.

Он с трудом удержался на ногах, когда она на лету ухватилась за щит обеими когтистыми лапищами. Гарпия унеслась, ударив его крыльями по голове, ремни щита выдержали, хотя она едва не вырвала вместе с ним всю руку.

Я снял с плеча лук, Леопольд со стоном ухватился за плечо.

— Сволочь, у меня тут что-то хрустнуло!

— Крепкая, — сказал я уважительно. — У вас хороший вкус. А меня в последнее время что-то на мелких больше тянет.

— Вы кому, — прокричал он хрипло, — сочувствуете, сэр?

Я начал натягивать тетиву, достал стрелы.

— Спокойно, сэр Леопольд. Я на вашей стороне, я же мужчина! Если добром не отвязывается, то могу и помочь, если вы не очень против, конечно...

— Конечно, я не против! — закричал он. Гарпия налетела с шумом крыльев и диким криком, ухитрилась ударить в щит всем корпусом, но увернулась от острия меча. Леопольд упал, перекатился через голову и прокричал, вскакивая на ноги: — С чего бы я против?

— Да кто вас знает, — пробормотал я. — Ваши прошлые отношения для меня, как говорится среди умных, тайна сие великая есть... Как тайна природы. Или загадка Атлантиды...

Гарпия набрала высоту и пошла в крутое пике. Я отпустил тетиву, гарпия уже распахнула страшную пасть. Я поспешно отпрыгнул в сторону, а стальное острие ударило в открытый рот и высунулось из затылка. Крылья бессильно распахнулись, тварь свалилась на Леопольда бесформенным мешком плоти, а он мстительно истыкал ее мечом.

— Вот так все и заканчивается, — сказал я печально. — Но все равно я в любовь верю!.. Пойдемте, сэр Леопольд.

Он захромал следом, злой и взъерошенный, пару раз оглянулся на распростертую гарпию. Она в самом деле, к моему удивлению, превратилась в женщину, но отсюда не рассмотреть, хороша ли, да и сэр Леопольд перестал оглядываться, сторбился и пошел быстрее.

Сверху покатались камни, с дикими криками в нашу сторону бросились с дюжину человек, Леопольд заорал и ринулся навстречу. Они накинулись на него, грозные, как они думают, огромные, злые, во мне пошло бешено колотиться сердце, в голову ударила горячая волна ярости. И эти скоты считают себя всюду хозяевами жизни, нагибают всех, насилуют женщин, издеваются над мирными жителями, гадят и оскверняют...

Ярость разорвала бы меня вдрызг, если бы стоял на месте, но сейчас эти скоты едва успевают замечать, как я двигаюсь, и всякий раз слышен хруст суставов, треск костей, сдавленные вскрики. Некоторое время я бил хоть и зло, но не убивал, затем злость все поднималась и поднималась, я успел подумать с испугом, что это со мной, но черно-красная волна накрыла с головой.

Я помнил смутно, что рычал и дрался, как дикий зверь, а когда пришел в себя, вокруг все устлано трупами, а Леопольд, забрызганный кровью, смотрит на меня с почтительным страхом.

— Сэр, — произнес он, — как вы лютеете в схватке!.. Даже завидно. Хотя опасно драться так безрассудно.

Я дышал надсадно, в груди хрипит и клокочет, голова

раскалилась, как чугунок на огне, а когда заговорил, голос дрожал и прерывался, как у спрыгнувшего с коня на полном скаку:

— Есть упоение в бою... и бездны мрачной на краю. Хотя, конечно, это дурость, когда вот так... Поспешим, сэр!

— Я не отстану, — заверил он.

Навстречу бросился и побежал под нами огромный вымощенным камнем двор с нелепо сдвинутыми стенами, у кого-то больная фантазия, остатки колонн, руины, чувствуется свирепая дикость древних строений, полустертые следы исполинских сражений, выщербленные камни...

Мы промчались по краю этого двора, везде хаос, руины, проваленные стены, откуда злобно торчат многочисленные кости, словно туда сбрасывали трупы людей и животных вперемешку.

Леопольд лишь мазнул безучастным взглядом по каменным колоссам, стертых непогодой настолько, что превратились почти в столбы. Я смотрел внимательнее, но все равно едва отыскивал остатки рук и голов. Остатки фундамента тянутся на милю, из щелей торчит черная трава, вся в злых колючках. Почуввав нас, потянулась всеми стеблями. Я опасливо шарахнулся в сторону, хотя у меня ноги закованы в стальные пластины так плотно, что муравей не протиснется.

Под подошвами снова зачавкало, а когда пришлось спуститься в болото и пробираться между каменными обломками, я снова ощутил непереносимую вонь и жуткий смрад.

Леопольд держался лучше, привык, но, когда долго выкарабкивались по крутому склону наверх, прохрипел замученным голосом:

— И ради чего я на все это иду?

— Ради безопасности человечества, — отрезал я и сам ощутил значимость момента. — Всего!

Он ответил сипло:

— А-а-а-а, надо же...

Мы перевалили через каменную гряду, всю из горючего сланца, что за мир такой странный, впереди наискось пошла мрачная стена, испещренная норками, которые я по ассоциации назвал ласточкиными норами.

Леопольд кивнул в ее сторону.

— До Черной Крепости рукой подать. Вон она... за туманом, прямо на краю обрыва. Но сперва надо к этим заглянуть...

— Мы не туристы, — отрезал я.

Он не понял, что я сказал, просипел устало:

— Здесь могут подсказать путь покороче...

— Кто?

Он хмыкнул:

— Те, кого в этом мире больше всего.

Стена приблизилась, я с отвращением понял, что это никакие не норы, а ниши, куда вставлены человеческие черепа. Кладбище, как я понимаю. Мясо сожрали, кости раздробили ради костного мозга, только пустые черепушки, откуда все выскоблили, сложены неутешными родственниками. Или же родственники и сожрали.

Леопольд быстро шел вдоль рядов, я едва поспеивал, наконец он резко остановился возле одного настолько свежего, что уцелели ушные хрящи и перегородка носа.

— Вот! Он подскажет.

— Да? — спросил я с сомнением.

Не отвечая, он взял череп в ладони. Мне показалось, что кости слегка затрещали. Леопольд пристально смотрел в пустые глазницы, чуть тряхнул череп.

— Дорник, — проговорил он, — это я, Леопольд. Ты последние месяцы был в охране дворца!

Череп не шелохнулся, даже нижняя челюсть с пугающе длинными из-за отсутствия десен зубами не сдвинулась, однако вокруг него появился не то дымок, не то пар, голос прозвучал глухо и протяжно, как я и ожидал:

— Был...

— Угадал, — сказал Леопольд с удовлетворением. — А то я думал, куда мой старый приятель делся... Ты знаешь, как туда пройти?

— Знаю...

— Скажи, — попросил Леопольд. — Тебе сейчас все равно.

Голос, что исходил со стороны черепа, но не из него, произнес равнодушно:

— Ты прав.

— Так скажи!

— Ты прав, — напомнил голос. — Мне все равно.

Я ощутил, что ничего не получится, но Леопольд сказал рассерженно:

— Тогда сейчас вытащу тебя оттуда и закопаю в песок поглубже!.. И никто с тобой не поговорит, ты вообще ничего там не увидишь!

Голос сказал быстро:

— Леопольд, не дури. Войти можно только со стороны Ущелья Бездны, а это, как понимаешь, невозможно. Но все равно там такие стены, что вам не взобраться, а ворота не выбить никакими силами. Уже молчу о драконах, ограх, банши, каменных големах и огненных элементалях, что охраняют двор Черной Крепости!

Леопольд сказал задумчиво:

— Я так и думал. Все-таки дворец Императора всех миров...

Голос сказал злорадно:

— Я не сказал, что еще внутри!

— Так скажи, — пригласил Леопольд.

Череп проговорил неохотно:

— Никто не знает. Ни я, ни кто-то из стражи не заходил вовнутрь. Там своя стража. Особая.

Леопольд присвистнул, не говоря ни слова, поставил череп обратно и повернулся ко мне. Лицо стало мрачным.

— Что он сказал? — спросил я. — Ничего не понял!

Он буркнул:

— Ущелье Бездны можно увидеть и отсюда, но что за элементарии... нет, таких тварей я не видел. Похоже, Дорник прав. Нам в Черную Крепость не пройти.

— А если надо? — спросил я.

— Не пройти.

— А если надо очень? — поинтересовался я.

Он подумал, ухмыльнулся.

— Мы можем красиво сложить головы в такой попытке... Так?

— Могут быть варианты, — сказал я.

— Ого! В самом деле?

Глава 13

Я подумал еще, сердце колотится в предчувствии, что вот наступают мои последние минуты, как гадко и противно сосет под ложечкой, я ж совсем не из героического мира, но, увы, я в нем...

Он смотрел внимательно и в ожидании, я перевел дыхание, сердце колотится и шемит, сказал как можно тверже:

— Сделаем попытку. Думаю, самые главные силы все-таки охраняют вход в саму крепость. И — двор. А во дворце больше парадная гвардия. Для красоты и внушительности. Оставайтесь здесь, доблестный сэр. Как только увидите что-то... гм... необычное, тут же бросайтесь к этой чертовой Крепости!

— С именем Господа, — напомнил он елейно и со вкусом перекрестился. — Хорошо, сэр Ричард. Вы человек придумчивый. Уверен, мои грехи рядом с вашими совсем мышинные...

— Гм, — сказал я скромно, — на Страшном суде сравним. В общем... я пошел, пошел...

Он сказал быстро:

— Но Черная Крепость на той стороне ущелья! Эту пропасть не одолеть, там по дну мчится, как стадо крас-

ных быков, огненная лава! А в ней ревут жуткие твари ада. Их ничем не убить...

Я сказал властно:

— Я не прошу вас бросаться в пропасть. Но если она исчезнет вдруг... Вы все поняли, верно?

Он торопливо кивнул, хотя вид обалделый.

— Да, конечно...

— Будьте готовы, — сказал я и, повернувшись в сторону Черной Крепости, сейчас скрытой туманом, побежал со всех ног.

Леопольд устало сел на камень, а передо мной вырос крутой косогор, я торопливо взбежал наверх, бегом перевалил через гребень из черных блестящих камней, похожих на шипы дракона. Спуск оказался еще круче, я поскользнулся и покатился вниз, дважды больно ударился о камни, в голове загудело.

Перевязь меча зацепилась за выступ камня, я ухватился руками и ногами, повисел так, стараясь поскорее прийти в себя, но вместо этого сказал себе с бешенством отчаяния, что должен сделать это сейчас, немедленно...

Да, вот я, темный и вообще сволочь, жажду превратиться в такого зверя, чтобы сладострастно рушить все, даже скалы, чтобы меня боялись, а я — никого, чтобы мог ухватить даже того так напугавшего меня тираннозавра и чтобы от него остались переломанные кости в жалкой окровавленной шкурке...

В черепе больно стрельнуло, я услышал сухой шелчок, словно переломилась лобная кость. Остро кольнуло прямо в мозг, перед глазами кровавая пелена, а в голове грохот, будто проворачиваются огромные жернова.

Треск стал сильнее, я взвыл от боли, не узнавая своего голоса, хотел сказать, что не хочу, передумал, просто усталился, но мысли спутались, я с ужасом понял, что в самом деле превращаюсь в нечто такое, о чем даже не помышлял, и это нечто уже подавило меня, мой разум, мои жизненные цели...

В теле дикий жар, я раскрыл рот, чувствуя, как это не просто, перед глазами красная пелена истончилась, далеко внизу каменный котлован, я глуповато стою в нем, как в тазу...

Голова повернулась с трудом, я узнавал и не узнавал эти места, вроде бы знакомые, но какие-то ненастоящие...

Туман не исчез, но теперь я настолько возвышался над ним, что он толстым одеялом стелется не выше моих колен, а вон там чернеет громада крепости, что сейчас показалась искусно выполненным игрушечным домиком.

Она отделена от меня узким ущельем, высокие башни вздымаются в небо и задевают тучи. Мою голову тучи тоже почти задевают, теперь я слышу сухой шорох и шелест, в этихдвигающихся над головой массах совершенно нет воды, а только раскаленный песок...

Я оглядел себя, даже не удивился, что я больше похож на каменную гору. В таком виде, смутно помню, вышел из океана некий неуязвимый ящер. Ящерицы не могут чувствовать удивления, даже крупные.

Я повернулся и пошел к Черной Крепости. Не знаю зачем, но я должен ее уничтожить... Нет, войти в нее... Или все-таки уничтожить...

Под лапами треск, целые скалы под моим весом либо рассыпаются в пыль, либо продавливаются в почву. Передвигаюсь, как мне кажется, медленно, когда с каждым шагом крепость приближается рывками, и вскоре я подошел совсем близко, между нами только это ущелье.

На дне течет, прихотливо изгибаясь между отвесными стенами, огненный ручеек. Я огляделся, взревел и начал рушить скалы, сваливая их в ущелье.

Снизу доносился плеск, всякий раз по мне проходила волна жара, я ревел и с усиленным рвением ломал скалы, обрушивал целые горы, пока огненный ручей не скрылся под сброшенными массами камня, а затем я бросал еще и еще, пока края ущелья не сравнялись.

С довольным рыком я перешел на ту сторону, на стенах крепости что-то пищат, на голову посыпался горячий песок и мелкие камешки. Я отыскал взглядом ворота, рыкнул и ударил передней лапой. Ворота затрещали. Я ударил второй раз, затрещали громче.

Взревев в ярости, я бросился всей массой. Стена содрогнулась, сверху посыпались кричащие и вопящие существа. Я глухо ревел и бросался на стену, так надо, хотя и не понимаю, зачем, бил в нее лапами, грудью, всем телом, наконец треск стал оглушительным. Каменная стена выгнулась и начала рушиться вовнутрь, рассыпаясь на тысячи камешков.

Вместе с глыбами во двор влетели и ворота, такие крохотные, что пролезла бы разве что одна моя лапа. Я довольно взревел и шагнул во двор.

С двух сторон на меня бросились дракончик, размером мне до колена, и массивный огр, этот повыше, почти до пояса.

Огр прорычал, как я понимаю, но я услышал только тоненький писк:

— Ты кто?.. Ты чего пришел?

Я проревел:

— Будем разговаривать или драться?

Он не понял моего рева, да я и сам не расслышал ни одного знакомого звука. Мои лапы ухватили дракона, сжали. Он лопнул, как наполненный теплой водой кожаный бурдюк, упавший с вершины скалы. Я отшвырнул его выдавленную шкуру с переломанными костями и стал хватать огра.

Тот отпрыгивал и бил меня дубиной, но я не чувствовал ни боли, ни вообще прикосновения, слишком уж толстая на мне чешуя. Выскакивали еще какие-то мелкие, я не обращал на них внимания, все ловил огра, как юркую мышь, и давил попутно остальных.

Огр ухитрился что-то опрокинуть мне под все четыре лапы. Я неуклюже погнался за ним и рухнул, больно уда-

рившись мордой. Со всех сторон слышались ликующие вопли. Я с трудом перекатился с боку на бок, пытаюсь встать, подо мной хрустело, словно сухая солома, зато крики быстро затихли.

По колену трижды ударили, я от неожиданности качнулся. Это почему-то так разъярило, что я широко развел громадные лапы, и они утонули в темноте. Огр с писклявым ревом набежал и снова занес дубину над головой. Я как можно быстрее повел обе ладони навстречу одна другой. Они все ускоряли движение, а когда с силой сомкнулись, раздался влажный хлопок. Мне показалось, что я раздавил сырое яйцо, и, отбросив вялую тушку, зачем-то вытер ладони.

Жажда убивать, крушить и ломать захлестнула с головой, ноги меня сами понесли через двор ко входу в черное блестящее в лунном свете здание.

Навстречу высыпала огромная толпа монстров, драконов, троллей, невысказанных чудовищ, что вовсе не казались мне чудовищами, но я жаждал убивать и потому уничтожал их сладострастно, с наслаждением, слушая хруст костей, хлопанье раздавливаемых тел.

Жидкость текла по моим передним лапам, но когда стало совсем скользко, я опустил на все четыре, так куда удобнее и правильнее, внизу хлопает, это так приятно. Я лег брюхом и слегка проволочся, взламывая своей чешуей каменную шелуху двора, уложенную мелкими камешками плотно одна к другой.

Здание выглядит игрушечным домиком, для меня маловато. С довольным ревом я обнаружил внизу дверь, и хотя могу попробовать ломиться и через стену, но что-то подсказало, что надо выбить это вот...

Я ударил всего один раз, ворота вылетели с треском. Мои глаза все чаще затуманивались, я начинал видеть совсем не то, что передо мной, потом все пропадало, затем начинало снова, и всякий раз болит голова и все сильнее бьется сердце.

За моей спиной двор покрыт, как раздавленными тараканами, плоскими телами защитников, все в липких лужах. Я намерился ломиться через слишком узкий для меня проход в крепость, крушить все там, но чудовищная битва измотала так, что от слабости начала угасать ярость, и вдруг остро кольнуло воспоминание о чем-то, ради чего я пришел...

...но ради чего?

Я взревел еще и еще, голова трещит, неспособная мыслить, мелькнул дикий образ меня в теле мелкого двуногого, я даже не засмеялся от такой глупости...

...если я и был когда-то таким, теперь никогда и ни за что не вернусь в жалкое слабое тельце, если сейчас я размером с гору, но гораздо несокрушимей.

Мне почудился тихий голос, что назвал меня каким-то именем, я ничего не понял, но перед глазами на полмира встал призрачный образ существа, именуемого женщиной... ее зовут...

Я взревел в раздражении, как же ее зовут...

И не оставляло ощущение, что нужно все-таки узнать, что она такое, как будто нечто важное потеряю, если забуду...

Я ревнул уже тише, подошел к самому краю отвесной горы и застыл там, сосредоточившись на том, что вот на одно мгновение превращусь в это мелкое и жалкое существо, чтобы вспомнить это нечто важное, а потом снова в нынешнее великолепное тело, и больше никогда его не покину, и больше никогда отсюда не уйду.

Камни грохочут, сваливаясь в пропасть, но после минуты или более полнейшего беспамятства я начал чувствовать, что я, Ричард Длинные Руки, только что был чем-то вообще небывалым, что могло совершиться только в Темном Мире, я разнес ворота и перебил самых могучих защитников...

...и надо поскорее этим воспользоваться. Крупнозернистый песок и камни продолжали сыпаться с меня в

ущелье, там просело после того, как я перебрался по устроенному для себя мосту, и теперь снова ущелье заполнилось, но я все равно выкарабкался с великим трудом, в голове все еще рев и гул, перед глазами плывет, кружится и двигается вверх-вниз.

Я помотал головой, надо поскорее прийти в себя. Издали донесся крик, я повернулся и рассмотрел, как в проем на месте ворот вбежал запыхавшийся Леопольд.

Он споткнулся с разбегу, ухватился за уцелевшую часть стены и очумело уставился на великанскую грудку камней.

Я крикнул сверху:

— Молодец, сэр Леопольд!.. Вы точно вовремя!

Он задрал голову, отыскивая меня взглядом.

— Сэр Ричард? Вы здесь?

— Как видите!

— А где гора-зверь? Я как увидел его издали... чуть не того... почти испугался, можно сказать.

Я сказал бодро:

— А я его убил. За ненадобностью.

Он спросил, заикаясь и с вытаращенными, как у рака, глазами:

— К-к-как... это?

— Мавр сделал свое дело, — объяснил я, — мавр может уходить. Быстрее в донжон, наша цель там!

Он удивился:

— У нас еще и цель есть? Скажите еще, и в жизни...

Я не отвечал, берег дыхание, он грузно топает следом, лезвие его меча уже не блестит, по самую рукоять испачканное кровью. Одежда тоже в крови, а на кирасе прибавилось глубоких зарубок, царапин и внушительных вмятин.

Посреди пустого холла, похожего на гигантский склеп, грозно высится на толстом бархате огромный череп размером с домик. Из пустых глазниц вылезают тысячи крупных жуков, поднимают надкрылья, расправляя тон-

чайшие крылышки, и с тяжелым надсадным гудением разлетаются во все стороны.

Леопольд схватился за сердце.

— Да чтоб тебя... Прости, Господи, за грубое слово! Чего этот дьявол не подскажет такому замечательному христианину, как я, пусть он сам сидит на горячей сковороде!

Я отмахнулся.

— Жуки...

— Но это чертовы жуки!

Я пожал на ходу плечами.

— Вряд ли они понимают разницу между добром и злом.

— Вообще-то да, — согласился он. — Я и людей таких знаю. Совсем как эти жуки, ничего не понимают!

В углу холла масса черепов обычного размера, мы крались осторожно, но быстро, и когда я открыл следующую дверь, едва успел отпрыгнуть от хлынувшей под ноги лавины сухих, покрытых пылью черепов.

— Что тут за уроды? — крикнул Леопольд. — Я сам урод, но тут вообще уж и не знаю кто...

Мы отступали позорно до двери в следующий зал, Леопольд успел ее захлопнуть перед настигающим потоком, слышно было, как сухие черепа стучат с той стороны все выше и выше.

В этой комнате вдоль стен на широких полках черепа выстроены красивыми рядами. Отборные, крупные, многие обрамлены в серебро и золото, украшены драгоценными камнями, то ли почитаемые враги, то ли родственники, я даже в человеческой психике не совсем авиценна, а тут вовсе почти нечеловеки...

Леопольд ухватился за один стеллаж, с нечеловеческим усилием оторвал его от стены и потащил на себя. Тот затрещал и начал крениться, Леопольд в последний момент успел прыгнуть в сторону, а на пол со свистящим шелестом рушились эти ценнейшие раритеты, разбивались

вдребезги, по каменному полу катились, сверкая огоньками разного цвета, драгоценные камешки.

— Не останавливаемся, — сказал я нетерпеливо.

— Не утерпел, — признался он. — Когда можно навредить, как удержаться честному человеку?

Он сочно захохотал, глаза блестят, морда довольно по-розовела.

— Вы абсолютно правы, — сказал я учтиво, — благороднейший сэр Леопольд!.. Но я предлагаю пока оставить эти недостойные мелочи. Потом, может быть.

— Да-да, вы совершенно правы, сэр Ричард. Вернемся и все здесь разнесем взрывом...

Совсем близко прозвучал низкий рев, такой мощный, будто прорывал сам зал. Стена напротив затрещала и выгнулась, как парус на ветру. Леопольд ругнулся и отпрыгнул, выставив меч.

Меня и так рвет изнутри ускоренный метаболизм, я сцепил зубы и молча уговаривал себя держаться на этом уровне, иначе просто не знаю, никогда так не рисковал, но сейчас уже можно, только чуть позже...

Раздался треск, грохот. Камни вывалились в нашу сторону, в нишу просунулась морда огра. Он нажал сильнее, камни выворачивало из гнезд и рушило в наш зал. Я увидел со страхом, что это чудовище полностью заковано в доспехи, даже огромные ноги в латных сапогах старинного вида, с шипами и отростками, но огр ставит ноги широко друг от друга, длинные шипы ничуть не мешают.

Он увидел нас и взревел громче. Маленькие глазки блеснули злобной радостью.

— Какой он, — прошептал Леопольд почтительно, — крупноватый...

— Значит, — сказал я, — убежать будет быстро.

Он попятился, не отрывая взгляда от чудовища, огр с глухим ревом вышибал торчащие из стены камни, мешающие протиснуться к нам, те вылетали с такой силой, что докатывались нам под ноги.

— Вы сюда пришли, — спросил он, — потому, что оптимист?

— Да, — подтвердил я. — Как оптимист, я верю в счастливый конец света... И даже постараюсь его устроить!

Он ухмыльнулся еще шире.

— Тогда мы в самом деле два сапога — пара. Я тоже оптимист, потому что пессимист — это человек, который плачется в жипон, а оптимист предпочитает плакаться в декольте... Итак, нападаем?

Глава 14

Вид у него достаточно безрассудный, я думал, только я такой, люблю, чтоб все сразу, а думает пусть лошадь, у нее голова больше, к тому же вегетарианка, но сказал быстро:

— Нам вот так не справиться...

— Правда? — спросил он с интересом. — Вот это приключение!

Я буркнул:

— Для кого-то это приключение, но я... сам приключение.

Стрелы ушли одна за другой, все нашли цель, однако огр выломал последние камни, что мешали протиснуться к нам, с раздраженным ревом сделал шаг, последние глыбы обрушились на пол.

Он двинулся к нам, сильно косолапя и раздвигая лапы. Я стрелял и стрелял, но он двигался, как носорог, которого жалят мелкие осы.

Когда он был в трех шагах, я отбросил лук и выхватил меч, но запоздал: огр с непривычной для его размеров скоростью выбросил вперед длинную лапу. Я вскрикнул от боли, когда он ухватил меня за плечо, подгрел ближе и цапнул уже двумя.

Доспехи затрещали на мне, как сухие щепочки. Сквозь

грохот крови в ушах я услышал крик Леопольда, хватка чуть ослабла, огр развернулся, одна рука ушла в сторону...

Я с силой вонзил меч в узкую щель между кирасой и цельным шлемом. Огр дернулся, я нажал изо всех сил. Его пальцы разжались, я упал с высоты на пол, больно ударился и поспешно отполз, чувствуя себя беспомощным без меча.

Надо мной раздался дикий рев, огра раскачивает из стороны в сторону. Он ухватился обеими лапами за мой меч и потащил из себя, взрывая при каждом усилии. Горячая кровь хлынула густой и широкой струей.

Я не поверил глазам, он все-таки вытащил меч, но тут же выронил и ухватился за горло. Я поспешно ухватил свой клинок и перекатился вместе с ним подальше к самой стене.

— Спасибо... сам бы я хрен вытащил...

Леопольд, весь в собственной крови, лежит в трех шагах. Руки разбросаны бессильно, одна вывернута неестественно, другая сломана так, что обломок кости прорвал плоть и торчит наружу. Ноги в жутких ранах от когтей огра.

Я поспешил к нему, поглядывая и на огра.

— Сэр Леопольд, с вами все в порядке?.. Тьфу, вот привязалось... Сэр Леопольд...

За спиной прогремел жуткий предсмертный крик, весь дворец трянуло, а упавший огр перевернулся на спину и слабо скреб когтями каменный пол.

Леопольд еще дышит, в глазах выражение острой боли, но даже сейчас все еще помнит, что ничто дьявола не раздражает больше, чем благородство и хорошие манеры, увидел меня и с усилием заставил губы раздвинуться в светлой и почти ангельской улыбке.

— Во имя Господа, мы завалили это создание дьявола... Радуйся, Пречистая Дева...

Голос его почти не дрожал от боли, хотя представляю, как ему сейчас с обнаженными нервами и открытым пе-

реломом руки, когда зазубренная кость торчит, прорвав плоть, а костный мозг сочится вязкими каплями.

— Да, — ответил я торопливо, — и еще... дадим...

— Конечно...

— Держитесь, сэр... Мы еще не закончили.

Мои ладони коснулись его лица, но я не чувствовал знакомого холодка, когда спасаешь тяжелораненого. Леопольд начал бледнеть, губы посинели, а щеки запали.

— Не вздумайте, — крикнул я, — сэр Леопольд, вы все еще нужны этому миру! Да и я еще вами попользуюсь, какое может быть вранье между благородными людьми?

Он с усилием скривил губы в подобии улыбки. Я опустил ладонь на шею и крепко прижал, другой схватил за лоб, ничего не происходит, я сказал себе злобно и с нажимом: ну давай, лечи, не трусь, не отступай! Да, это подлая тварь, это худший из преступников, но он помогает мне, а это значит, часть грехов искупил, так давай же, давай, давай!..

Холод начал нарастать в ладонях, стал нестерпимым, медленно пополз до локтей. Леопольд дышит тяжело, с хрипами, лицо серое, я закрыл глаза и сосредоточился, хотя лютый холод проморозил даже кости, поднялся к плечам, а дальше болезненно заломило ключицы, словно вот-вот переломятся, как сахарные палочки.

Лютая стужа вошла в грудь, больно кольнуло в сердце. Там сперва в ужасе затрепыхалось, затем я с обреченностью ощутил, как начало застывать, сокращаться все медленнее и слабее. Кровь остыла, по венам течет медленно, вот-вот остановится, под черепом началась дикая боль.

Я взвыл, да пошли вы все, не сдамся, мы такими сотворены, у нас великая миссия, мы не должны, мы все равно, мы такие, вселенная смотрит...

Холод некоторое время держался на одном уровне, я хрипел в полуобморочном состоянии, уговаривая себя не сдаваться, затем острая боль стала невыносимой.

Острые ножи начали кромсать изнутри каждый мой

нерв, я взвыл и прохрипел вслух, что я — паладин, и куда бы ни влез сдуру или по великому уму, в рай или в ад, я — паладин! И пусть здесь другие законы природы, но сильные приносят свои правила и заставляют даже реки течь в гору или эту чертову гору идти к пророку...

Я чувствовал, что уже умираю сам, однако стужа из груди вроде бы начала уползать, как старая недовольная ящерица с большими лапами, а боль медленно ушла, оставив слабость и пустоту.

Я ощутил себя выжатым, как мокрая тряпка, жадно хватал воздух широкого открытым ртом и уговаривал себя не терять сознание.

Леопольд глупо икнул, я в бессилии сполз по стене и уронил голову на грудь.

— Это... чего? — слышался рядом его потрясенный голос. — Это как? Я это чего?

— А вот так, — ответил я хрипло. — Не пытайся увильнуть... Нам еще идти и идти... и получать по рогам...

Он осторожно пощупал темя, на лице изумление стало совсем патетическим.

— Но я же... цел!

— На все воля Господа, — ответил я строго.

Он тут же ошетинился, сказал злобно:

— Разве не его волей попал сюда?

— Значит, — сообщил я, — у Него была цель насчет вас, доблестный сэръ Леопольд.

— Это... как?

— Ваша миссия еще не окончена.

Он почесал голову.

— Правда?

— Ну да, — объяснил я важно, — раз не дает пока помереть. А помрете, значит — уже не нужны. Выполнили Его задумку.

Он покачал головой:

— Дивные твои дела, Господи... Но ладно, как только прибудут, я пойму, что сделал... нечто нужное. Хоть и не-

понятное. Кстати, почему я к вам на «вы», а к Богу на «ты»?

Я с трудом поднялся, ноги все еще трясутся.

— Сэр Леопольд, мне как-то не совсем до богословских вопросов!

— Простите, сэр, — сказал он виновато. — Просто как-то вот пришло. Я никогда о Боге не думал, что и понятно, потому раньше такое не приходило в голову.

— Я о нем думал, — утешил я, — но такое тоже не приходило. Даже в голову.

Он поднялся легко, однако стоял, как вкопанный, и некоторое время подозрительно ощупывал себя и даже пару раз подпрыгнул, будто хотел попробовать себя еще и в полете.

— Странно, — сказал он задумчиво.

— Что? — спросил я.

— Нас все еще не остановили! А мы уже в самом что ни есть сердце Черной Крепости...

— Думаю, — возразил я угрюмо, — до сердца еще далеко. Да и непонятно, что это вообще за крепость... У местных своя логика, человеку не уразуметь. Ладно, готовы?

— Ведите, сэр!

Я поспешил быстрым шагом между огромными глыбами. Гороподобный огр даже лежа выглядит внушительно, пришлось обходить долго, через вытянутые ноги не перешагнуть.

На темный пол то и дело падают лунные блики, то ли в крыше дыра, то ли такие архитектурные изыски, Леопольд идет так близко, что почти оттоптал мне шпоры.

— Не сюда, — сказал он наконец.

— Вы уверены?

— Не совсем, — признался он, — но я пробыл в этом аду дольше вас, что-то начинаю улавливать...

— Хорошо, ведете вы. В центр, где сидит главный паук!

Он предупредил трезво:

— Здешний может сидеть не в центре. Хотя... ладно, давайте сюда.

Стена повела нас к маячившему вдали входу, но когда мы приблизились, он оказался даже не до пояса, а по колено. Мы переглянулись, Леопольд сказал хмуро:

— Такое бывает...

— Обман зрения?

— То ли зрения, — ответил он неохотно, — то ли в самом деле бывает то больше, то меньше... Тут все по-другому. Я несколько раз видел, как дождь идет из земли в небо... Рыбы посуху переходили из реки в реку...

— Ищем дальше, — прервал я. — Боюсь, скоро даже при их медлительности обнаружат, что охрану мы уже положили. И тогда придут такие, что запросимся к маме.

Стена тянулась, выгибалась странно и противоестественно, иногда даже наклонялась козырьком, мы шли, устранные неведомым, пока я не увидел впереди темный вход.

Оба удвоили бдительность, на той стороне оказался не соседний зал, а ступеньки, ведущие круто вверх.

Я сказал одобрительно:

— Сэр Леопольд, вы привели нас в хорошие места. И поводили тут изрядно. Скоро я буду знать все навозные кучи в этой крепости. Теперь давайте посмотрим на их мир сверху...

Он спорить не стал, я слышал за спиной грохот его сапог и тяжелое дыхание. Я сам хрипел и сипел, воздух здесь влажный и смрадный, пахнет гнилыми водорослями и несвежей рыбой.

Навстречу бежали, резво прыгая через две ступеньки, блестящие, будто только что из воды, мелкие существа, мне до пояса. Я парочку пришиб на всякий случай, а потом долго слушал сзади бурчание Леопольда, которому пришлось добивать остальных.

Подошвы то и дело скользят, ступеньки неровные, выщербленные, а еще и политы некой гадостью. Я сосредото-

точился, чтобы не упасть. Так поднимались несколько этажей, пока я с сильно бьющимся сердцем не увидел выход на стену, хотя ступеньки маняще повели дальше на самый верх башни.

Леопольд прокричал за спиной:

— Вы уверены, что нас на стене не заметят?

Я ответил бодро:

— Мой опыт показывает, что умирают обычно другие.

Он хохотнул:

— Мой тоже...

— У нас много общего, — сообщил я.

— Да, сэръ Ричард, — согласился он. — Мы оба все еще живые. Что мы ищем на стене?

— Да вот смотрю, как одним зайцем сразу всех убить...

Снизу раздался грохот, стена вздрогнула. По двору пронеслись два стремительных темных тела, настолько быстрых, что я не успел рассмотреть в полутьме, что за звери.

С разгона они врезались в другую стену, я охнул, а Леопольд выругался. Стена толстая, из умело и очень плотно уложенных каменных глыб, но они вылетели, как после удара исполинской палицы, а в дыру ворвались, как теперь успеваю рассмотреть, два черных медведя, если это все-таки медведи.

Первый великолепен во всей своей мощи: мех густой и плотный, как у крота, под ним вздутые мышцы, выглядят крепче стали, если уж так со стеной, горящие адским огнем глаза, огонь и дым из широких ноздрей, белые зубы в огромной пасти...

Второй медведь или медведица выглядит еще страшнее, глаза горят тем же огнем, в распахнутой пасти чудовищно длинные и острые зубы, а сама глотка напоминает вход в ад.

Леопольд содрогнулся, его рука поднялась и как будто сама совершила давно забытое крестное знамение.

Я сказал одобрительно:

— Чаще пользуйтесь, сэр Леопольд!

— Но...

— Это помогает, — заверил я. — Хоть и не всегда так, как ждем. А эти два демона нас здесь не достанут... может быть...

Он поторопил:

— Да стреляйте же!

— Не под руку...

Я резко оттянул тетиву со стрелой и тут же отпустил, впившись взглядом в морду большего медведя. Острие ударило точно в единственное незащищенное место в черепе из толстой кости, прямо под нависающую налобную кость.

Медведь взревел, остановился и начал хватать лапами древко. Второй прыгнул на скалу и с неожиданным проворством полез к нам, вонзая когти в камень, словно в мягкое дерево.

— Ну и тварь, — процедил Леопольд.

Он взял в обе руки меч и занес над головой. Медведь поднимался быстро, но едва его круглая башка поднялась над краем, тяжелый меч обрушился со всей силой прямо по темени. Моя стрела ударила снова точно в глаз и погрузилась почти до середины.

Медведь взревел так, что задрожал воздух, скала под нами и весь мир. Он тоже ухватился передними лапами за морду, дурак. Мы с облегчением перевели дух, когда черное тело понеслось вниз. Оттуда к нам донесся глухой удар. Первый медведь уже лежит на боку и слабо дергает всеми четырьмя лапами.

— Что, — сказал Леопольд хриплым голосом, — хочется снять шкуру?

Я, не отвечая, смотрел вдоль стены, там за волнами грязно-серого тумана просматривается исполинская башня, вершина уходит в небеса, вся массивная и величественная, точно не сторожевая...

— Сэр Леопольд, — сказал я, — это наша цель... как мне кажется. Я побегу вовнутрь, а вы постарайтесь никого не пустить следом.

Он спросил встревоженно:

— А там внутри?

— Надеюсь, — сказал я, — там не слишком много охраны. А то и вовсе не будет. Особо могущественные люди или нелюди не нуждаются в слугах вообще.

— Ого!

— Все делает магия, — пояснил я. — Надеюсь, застану главного паука в гордом одиночестве.

Он покачал головой.

— Сэр Ричард... вы уж чересчур... Как-то знаете ли... Можно вас спросить?

— Спрашивайте, — ответил я любезно. — Но ответ не обещаю.

Он вздохнул:

— Тогда не буду и спрашивать. Иначе, если не ответите, вынужден буду вызвать на дуэль, а сейчас не совсем то время.

— Главное, — повторил я настойчиво, — не пропускайте никого. А теперь... пошли!

Мы пробежали по гребню стены, я с ходу ворвался в башню, голова закружилась от странных запахов, а все чувства завопили радостно, что вот наконец-то я попал в то сказочное место, где буду счастлив, где мое место, никаких забот и тревог...

— Выбирая себе счастье, — произнес мягкий женский голос внутри меня, — не отбирай его у других...

Я с усилием заставил ноги переступать со ступеньки на ступеньку. Ты права, Иллариана... Иллариана... я знаю радость слаще...

Поднимаясь все выше, прошел два этажа, и хотя ступеньки приглашающе поблескивают в полутьме, я остановился, увидев широкий ход в причудливо обставленный деревьями и блестящими камнями зал.

Изнутри повеяло приятным запахом, сердце стучит чаще, я быстро огляделся, явной опасности не видно, задержал дыхание и бросился туда.

Глава 15

В зале вспыхнул неприятный зеленый свет, поплыли странные струи, словно сию на морском дне, далекие стены мучительно изогнулись, дрогнули и с облегчением встали на место, а в зале появилась... Темная Фея.

У меня отвисла нижняя челюсть, я охнул, затем торопливо поклонился и даже помахал рукой над сапогом.

— Ваша Мощь... Вот уж не ожидал увидеть вас и здесь!

Темная Фея приближалась с той рассчитанной медленностью движений, с какой змея вздымает голову перед застывшей в ужасе лягушкой, взгляд обрекающ, лицо смертельно-бледное, во взгляде злое исступление.

От нее полыхнули черные молнии, воздух наэлектризован, ощутимо подул ветер. Глаза стали огромными и обрекающими, в них такое холодное бешенство, что все заготовленные слова вылетели из головы, будто под ударом широкой лопасти.

— Ты посмел, — произнесла она страшным голосом.

Я жалко пролепетал:

— Ваша Мощь... я пришел с миром... Как хорошо, что вы здесь, а не там... Нет, это плохо, но я эгоист, мне с вами общаться приятнее, чем с тираннозавром...

Она прошипела люто:

— У нас не может быть мира! Ты убил юного Хорнелдона...

— Ничего себе юного, — возразил я поспешно. — Он уже одной ногой был в гробу по старости.

Она вытянула в мою сторону руку. Указательный палец начал накаляться, побагровел, раскалился докрасна, а затем вся кисть стала вишневого цвета.

— А еще ты очень сильно замедлил...

— Я вообще-то, — сказал я осторожно, — надеялся остановить как бы совсем. Нет смысла нам убивать друг друга. Вы настолько красивая женщина, что я просто не представляю...

Она сказала злобно:

— Меня не остановить!.. Пусть корона властелина пока остается без владельца, но все равно ее хозяин когда-то придет. Просто я потороплю его, сломав стену между мирами.

Холод прошел по моей спине, я смотрел на руку, жар уже охватил ее до локтя, это хорошо, что у волшебников заклинания срабатывают медленнее, чем удар меча, но зато это сокрушает любые или почти любые преграды...

— Ваша Мощь! — взмолился я. — Видит это темное небо, я всегда стараюсь решить миром и даже подружиться с противниками! В войне смысла нет, а есть одни руины и разрушения. Давайте...

Она сжала пальцы в кулак, вокруг него заискрилось пламя, затем сделала движение, которое я ждал: коротким толчком послала этот огненный шар в меня.

Я скакнул в сторону, за спиной страшно зашипело. Не оглядываясь, я догадался, что в каменной стене прожжена огромная дыра, через которую пройдет всадник на коне.

— Ваша Мощь! — вскрикнул я. — Мы же с вами родственники! Иллариана у меня, я о ней забочусь!.. И никому не дам обидеть...

Ее лицо перекошилось ненавистью.

— Есть только я, — отрезала она. — Их народ потерял право на жизнь!

— Но это и ваш народ...

— Нет, — отрезала она. — Теперь у меня другой народ. И другой мир. И теперь я повелеваю всеми...

Второй шар метнулся из ее ладони уже вдвое крупнее, а пронесся с такой скоростью, что я едва успел отстраниться.

Ее лицо перекосилось в бешенстве.

— Ты все равно умрешь!

— Я это часто слышал, — сказал я.

— Но не от меня...

Обе ее руки раскалились, жар перетек на плечи, на этот раз она метнула огненный шар двумя руками. Огромный, он налетел, как выброс из недр солнца, я ждал и был наготове, метаболизм на пределе, однако страшный жар сжег мне кожу на правой стороне лица, и, похоже, я останусь без уха...

Она злобно захохотала:

— Я еще не видела таких быстрых!.. Но все равно тебе не уйти...

Я оглянулся, двери за моей спиной захлопнулись, а в петли засова сам по себе с жутким скрипом вдвинулся толстенный железный прут. Четвертый шар она лепила одно мгновение, иначе мне пришлось бы совсем худо, вокруг нее уже огонь, лицо полыхает, багровый жар воспламенил шею, поджег ключицы и медленно сползает вниз. Огонь швырнула достаточно небрежно, что-то задумала еще более страшное, я отлетел в сторону, огонь опалил локоть и поджег рукав.

Я сбил огонь с проклятиями, свирепым движением сдернул с плеча лук. Она издевательски захохотала:

— Нет еще такого оружия на свете...

— Твой дурак уверял тоже, — прорычал я и, быстро наложив стрелу, моментально оттянул тетиву до уха и отпустил толстое древко. — Во имя Господа!

Темная Фея даже не пыталась увернуться или защититься, хохотала, глядя на меня победно и насмешливо.

Стрела ударила в середину груди, что еще осталась не во власти багрового огня, превращающего ее тело в непонятно что. Сочно хрустнула пробитая кость. Темная Фея дернулась, вскрикнула пронзительно и страшно. Глаза ее от мучительной боли стали еще огромнее, огненное лицо перекосилось в судороге.

Я убрал лук и, выхватив меч, медленно пошел к ней, держа клинок наготове. Огонь вокруг нее медленно пошел на спад, раскаленные до оранжевости руки вернулись к вишневому цвету, плечи потемнели вовсе, но все еще сильнейший жар заставил меня остановиться и прикрыть лицо ладонью.

Темная Фея опустила голову, непонимающе глядя на белое оперение. Я ждал, она повернулась ко мне спиной, между лопаток торчит не просто окровавленный наконечник, но и кончик стрелы в ладонь длиной. Я смотрел настороженно, она сделала шаг к креслу, колени подломились, но успела повернуться и со стоном рухнула на сиденье, оказавшись лицом ко мне.

Острие моего меча почти коснулось ее горла, но рука не послушалась, колдовство ни при чем, все-таки очень трудно вот так вонзить острую сталь в женщину, пусть даже пытавшуюся тебя убить.

Ее лицо дергалось от боли, в прекрасных глазах страх и дикое изумление, зрачки расширились, как в темноте.

— Как же больно... — услышал я хриплый шепот.

— Прочувствуй, — посоветовал я без всякого милосердия, — а то другим только, да?..

Она спросила, мучительно морща рот:

— Как?.. как ты сумел? Что за... колдовство...

— Другие времена, — отрубил я, — другие песни.

— Что... за... песни...

— Новые, — сказал я победно. — Аллилуйя!.. Не слышала, язычница? Твое счастье.

Она опустила взгляд на острый металл, что почти касался ее кожи, снова подняла на меня, в зрачках что-то изменилось, а губы слабо шепнули:

— Ты не должен...

— Убить? — договорил я. — Еще как! Обязан. У меня и мандат есть.

— От... кого...

— От церкви, — объяснил я.

— Что за...

— А церкви вручил сам Творец, — объяснил я. — Так что я нечто вроде эволюции.

Она затихла, рука неуверенными движениями поднялась, пальцы ухватились за стрелу и с мучительным усилием потащили из тела. Кровь хлынула ручьем, Темная Фея тихо стонала, лицо из темного снова стало белым. Я начал чувствовать жалость, ну не должны мужчины с женщинами сходиться в противоборстве, но молча прикрикнул на себя и коснулся острием меча ее горла.

— Оставь, — голос мой прозвучал достаточно твердо, — это не я говорю, это говорит прогресс. А я его проводник.

Она продолжала тащить из тела стрелу, я чувствовал нарастающую угрозу, но все не мог заставить себя сделать небольшое усилие и воткнуть острую сталь в нежное женское горло.

— Прекрати! — сказал я громче. — Последний раз говорю!

Она прошептала:

— Ты убил... всех?

— В крепости?

— Да...

— Вряд ли, — ответил я. — Кому-то убежать удалось.

— Не понимаю... — проговорила она.

Кожа на ее груди вокруг древка стрелы вздулась, я понял, что там уперся наконечник, сопротивляется, однако Темная Фея сделала усилие, дернула, громко вскрикнула от боли, но окровавленная стрела оказалась в ее дрожащей от напряжения руке.

Кровь из раны хлынула широкой струей. Я все еще не мог заставить себя добить раненую, а она опустила веки, ресницы длинные и загнутые, ну и зараза, прошептала нечто и снова открыла глаза, все так же подернутые болью.

Кровь продолжала вытекать толчками, Темная Фея опустила взгляд и смотрела в недоумении и страхе. Снова прошептала заклинание, однако рана не закрылась, а кровь продолжала выплескиваться упругими толчками.

Ее бледнеющие губы прошептали:

— Не понимаю... что у тебя за оружие?

— А что, — спросил я, — у тебя от любого заклятия?.. Или хотя бы лечение?

Она шепнула:

— От любого...

— Но не от оружия нового мира, — сказал я резко, злой на себя за слабость. — Значит, со святостью еще не сталкивалась!

Ее лицо уже стало белым как мел, однако она не сводила изумленного и уstraшенного взгляда с моего лица. Ее мир рушится, рассыпается вдребезги, а причину так и не знает, для сильного человека такое хуже смерти.

Я медленно опустил меч, на лице Темной Феи проступила бледная улыбка. В чем-то победила, у меня не хватило духу убить, глядя ей в глаза. Я чуть наклонил голову, признавая ее правоту.

Она прошептала слабо:

— Только унеси отсюда то, что у тебя в поясе...

— Почему?

— Это слишком... — прошептала она.

— Что слишком?

Она склонила голову на грудь, дыхание идет слабое, с хрипами. Я ухватил ее за плечо и потряс.

— Что слишком?

Она прошептала едва слышно:

— Это... тебя... убьет...

— Только меня?

Кровь некрасиво хлынула у нее изо рта, струйка потекла с подбородка на грудь.

— И тебя... тоже... Береги мою сестру...

— Ага, — сказал я. — Но я принес. И ничего не случилось. Думаю, и не случится.

Она возразила слабо, в голосе звучало отчаяние:

— Не заходи в королевский зал... Не подходи к трону и не бери черную корону...

Я стиснул челюсти.

— Мне разрешения не требуется, — ответил я враждебно. — Я человек! Все миры Господь создал для нас. И потому хожу, где хочу. Как хозяин вселенной.

Она сумела улыбнуться, словно я пошутил, веки опустились, бросив тень ресниц на щеки, лицо медленно застыло. Я хотел было пощупать пульс, а вдруг прикидывается, но ее скулы начали темнеть еще больше, одежда разом потеряла цвет. Через пару мгновений живая плоть Темной Феи начала застывать, я не сводил с нее глаз и потрясенно понимал, что она превращается в дерево.

Через минуту я уже стоял перед изящной скульптурой в королевском кресле. Руки Темной Феи слегка просели и вросли в подлокотники, роскошный плащ слился с высокой спинкой.

Я отступил на шаг и с облегчением сунул меч в ножны. Трус поганый, просто повезло. А если бы сумела залечить рану от стрелы? Воткнул бы меч в ее нежное горло?

Я постарался не думать о таком, вот залечила бы, тогда бы и стало видно. А сейчас нечего рассуждать, я рыцарь, а не интеллигент гребаный, мне подавай упоение в бою и одну, но пламенную страсть.

Глава 16

Внизу услышал крики, звон оружия, а когда понесся, сломя голову, вскоре донеслось и хриплое дыхание Леопольда. Он медленно отступал, выдерживая натиск целой стаи вурдалаков, плечи покрыты мелкими порезами и царапинами, кровь течет, однако меч рубит безостановочно.

Я с разбега врезался в лохматые тела, срубил троих и увидел, что Леопольд вообще-то положил почти всех, внизу в лужах крови разбросали лапы десятки этих тварей.

Он поднял голову, глядя на меня снизу вверх, дышит так бурно, что не может выговорить слова, по лицу пот уже не струится, а катится крупными градинами.

— Спасибо, сэр Леопольд, — сказал я с горячей благодарностью. — Без вашей помощи они не дали бы мне там...

Он прохрипел:

— А вы?

— Все успешно, — заверил я.

Он устало оперся на меч, провел грязной ладонью по лицу.

— Нашли?

— Да, — ответил я коротко. — Теперь завершающий штришок... Нам нужно прорубиться вон в то здание. Чувствую, там еще та охрана!.. Но если сумеем, то мы, можно сказать, сделали все и даже больше... Рубите всех с именем нашего милостивейшего Господа. Он в таких случаях помогает, если не спит.

Он кивнул, быстро восстанавливая дыхание.

— А что там?

— Нужно прорубиться к трону, — сообщил я.

Он в удивлении вскинул брови.

— Зачем?

— Плюнем на сиденье, — объяснил я. — Мы ведь великие бунтари! Разве для нас это не важно?

— Ну да...

— Вот и попинаем дьявола в его же дворце, — заявил я. — Готовы?

— Приказывайте, сэр!

Я повернулся в сторону стены грязного тумана, только что был как густой кисель, но появились проплешины, можно иногда рассмотреть приземистое, как прижавшийся к земле черный паук, здание.

Леопольд уставился на меня расширенными глазами.

— Может быть, вам призвать демонов?

Я изумился:

— Каких демонов?

Он покачал головой.

— Думаете, я не догадался? Вы же призывали то чудовище, что размером было почти с крепость!

Я сказал сожалеющим голосом:

— Вы же знаете, такие могучие амулеты всегда одноразовые.

— А других? Помельче?

Он смотрел с надеждой, даже его бунтарский дух начал испаряться в таком жестоком приключении, а я подумал, что в самом деле бы рискнуть... увы, слишком силен в нас зверь, я же почти остался в нем навеки, только воспоминание об Иллариане позволило с великим трудом вернуться... да и то я обманул себя тем, что только на минутку, а потом снова в это могучее тело.

— Увы, — ответил я, — только мы. Но разве мы не демоны?

Он с усилием растянул губы в невеселой усмешке:

— Вы правы. Куда всем демонам ада до человека!

Здание медленно, но неуклонно наполнялось зловещим шорохом. Донеслись раскаты грома, совсем не карликовые, в отличие от молний за окнами, даже пол заметно подрагивает, словно бушует подземная гроза прямо под ногами.

Толстые стены зияют зловещими брешами, я увидел, как быстро пронесся и нырнул в низкие тучи блистающий молодой чешуей дракон, очень яркий и стремительный, почему-то мелькнула мысль, что тот, которого смертельно ранил Бернард, один из моих предков, я же наследник Валленштейнов, мог явиться отсюда.

Леопольд бежит рядом усталый, но с просветленным лицом, шепчет хвалу Создателю.

Мы ворвались в последний, как мне подсказывает чутье, зал, и сразу же навстречу хлынула масса вооруженных людей. Я был впереди, и меня позорно сбили с ног, а пока я барахтался на полу, оглушенный, мимо с диким воплем пробежал Леопольд.

Лицо перекошено, меч рассыпает искры, яростно вломился в ряды темных фигур, за ним сразу осталась широкая полоса. На него бросались иступленно, то и дело доставали пиками, палками, булавами, Леопольд оскорбленно орал и рубил во все стороны, не забывая выкрикивать «Во имя Господа!» и «Славься!», а также «Аминь» и «Аллилуйя».

Я рубился хоть и зло, но только по необходимости, а так прорывался, если мог избежать схваток, к дальней стене зала. Там, на возвышении, к которому ведут пять широких ступеней, надменно и злобно вздымается величественный черный трон с высокой спинкой. В нее врезана чудовищная морда зверя, а наверху растопырила крылья черная гарпия из блестящего металла, гримасничающая и с оскаленной пастью.

Трон еще величественнее и громаднее, чем я видел во сне, но на сиденье в самом деле надменно и гордо покоится черная корона, вся в драгоценностях, источающих зловещий свет тьмы. Не опалы, не агаты, эти камни больше похожи на черные бриллианты чистейшей тьмы, но я с жутким холодом в сердце чувствую, что это и не камни вовсе...

Я свалил еще двух, совсем близко слышатся яростные крики Леопольда и звон его меча. Он с таким энтузиазмом призывает на помощь святых ангелов, словно уже схватил их за хвосты и сладострастно бьет ими о колонны и стены.

Трон попытались заслонить двое, громадного роста, на толстых, как у слонов, ногах, сзади с таким усилием упираются в пол массивными хвостами, что вздуваются плиты.

Я взревел в последнем усилии:

— Мир народам, земля — человеку!

По мне били тяжелыми булавами, я уклонялся, принимал удары на щит, давая соскальзывать под углом, сам отмахивался мечом и ломился к черному трону.

Издали, словно из другого мира, прозвучал вопль:

— Не подпускайте его к короне!.. Остановить любой ценой...

Это мне знакомо, мелькнула мысль. Любой ценой... Чувствуется, что и этот мир сотворил Господь, Михаил не врал. Те же императивы. Любой ценой, потерь не считать... пленных не брать...

Опрокинутые полулюди визжали и хватали за ноги. Я отшвырнул пинками, перепрыгнул, подошвы скользят по ступенькам, залитым кровью.

Корона блистает грозно, как диковинный алмаз, занесенный на землю из глубин вселенной. Я резко ухватил, злой и раскаленный дикой схваткой. От пальцев по руке стрельнул острый, но странно приятный холод. По телу прошла судорога, изогнула дугой, все жилы напряглись, вот-вот лопнут, но мой жар пересилил, напряжение спало, я ощутил невероятную тяжесть короны, будто поднимаю горный хребет, и в то же время странное ощущение в пальцах, словно эта вещь легче перышка.

Леопольд вертелся, как вьюн, рубился бешено, но теперь вбегающие в зал со всех сторон чудовища остановились, застыли и медленно начали пятиться, опуская оружие.

Леопольд воткнул меч в горло ближайшего противника, оглянулся, с головы до ног настолько забрызганный кровью, что выглядит вынырнувшим из бассейна с кровью.

— Я думал, — прокричал он, задыхаясь, — здесь и закончим!

— Мы и закончили, — ответил я. — Все, уходим!

Он посмотрел по сторонам, мы в широком кругу из закованных в сталь чудовищ, в двери протискиваются все новые и новые, прибежавшие издалека.

— Назад так легко не проломиться.

— Мы и сюда не совсем легко, — пробормотал я. — Но вот она, та самая чертова корона...

Он посмотрел на нее с восторгом в блестящих глазах.

— Это из-за нее такая резня?

— А как иначе? — ответил я. — Любая резня из-за корон и женщин. А если уж совсем дураки, то из-за женщин и корон.

Он не отрывал взгляда от короны.

— Ну... надевайте, сэр!

Я покачал головой:

— Нет.

— Почему? — спросил он. — Нужна церемония? Смотрите, они все смотрят. И ждут. Как только наденете, вам станут повиноваться все эти жуткие твари!

— Уверены? — спросил я с сомнением.

— Абсолютно, — заверил он. — Разве вы сами не видите?

Он смотрел с восторгом, я сам ощутил сильнейшее желание все-таки натянуть корону на голову, даже руки дернулись, но снова всплыло лицо Илларианы, я как наяву услышал ее молящий голос и с огромным трудом ухватил свое «я» за горло и придушил слегка, а потом еще и протоптал ногами, чтобы не лезло под руку.

— И кем я тогда стану?

Он спросил жадно:

— Разве важно? Зато сможете повелевать всем этим миром! Смотрите, все эти ждут!

Я посмотрел на чудовищ, среди них и люди, почти не изменившиеся, что значит, переступившие грань недавно, но все больше таких тварей, что даже огры перед ними красавцы. В двери едва протискиваются громадные монстры, одной массой задавят, а еще там за стенами наверняка остались совсем уж гиганты, для которых вход узковат...

— Нет, — сказал я с усилием. — Для моей головы эта штука маловата.

Леопольд захохотал:

— Что? Корона Властелина всего Темного Мира?

— А что? — спросил я. — Разве это много?

Его глаза сузились, когда я с невероятными усилиями, борясь с самым сильным противником на свете, самим собой, сунул ее в заплечный мешок и торопливо, пока не передумал, перебросил его на спину.

— Станный вы человек, сэр Ричард...

— Чем страннее, — ответил я, — тем для Господа лучше. Он одинаковых не очень любит. Он и нас делал поштучно.

Он подчеркнуто благочестиво перекрестился и сказал громко:

— Во славу Господа!

— Аминь, — сказал я. — В самом деле аминь.

Он настороженно смотрел, как я отстегнул кармашек на поясе и вытащил блестящий острыми искрами камень.

— Что это?

— Самое великое богохульство, — пообещал я горько. — Если я все понимаю правильно.

В детстве в своем далеком срединном я всегда с замиранием сердца смотрел, как герой, окруженный врагами, бросается с горящим факелом в пороховой погреб, и спрашивал себя в смятении: а сумел бы я вот так? Или направить горящий баггер на плотное войско противника?

И сейчас не знаю, если честно. Но если вместе с собой уничтожить целую звездную цивилизацию, что намерена истребить все человечество, то да, потому что человечество — это я сам. Пусть меня не будет, но я буду в нем...

Камень Яшмовой Молнии лег на то место, что занимала черная корона, плотно и уверенно. Я с замиранием сердца ждал, чуть подсказывает, что именно так нужно сделать, но чуть легко и сбросит, ему что, а так вообще-то должны быть некие ключевые слова, движения, надо что-то сделать...

Леопольд тоже смотрел с ожиданием, а у его ног ране-

ный зомби судорожно задвигался, начал отползать от нас. Еще несколько оглушенных или недобитых пытались подняться, в их движениях такой ужас, чего я никак не ждал от живых мертвецов.

Плотная стена монстров, что окружили нас, дрогнула и подалась назад. В их движениях ощутился животный ужас, нерассуждающий страх, что выгоняет из нор даже муравьев и заставляет их бежать от места, где вот-вот взорвется вулкан.

В дверях началась давка, все стремятся вырваться из зала как можно быстрее, словно здесь сейчас произойдет нечто ужасное.

— Чего это они? — спросил сэра Леопольд.

— Что-то чувю, — предположил я.

Леопольд быстро посмотрел на них, на меня.

— Что-то будет еще?

— Похоже, — сказал я. — Животные чувю лучше нас.

— Тогда надо и нам?

— И как можно быстрее, — сказал я.

Камень медленно покраснел, вокруг него заструился воздух, затем раскалился до оранжевости, однако сиденье оставалось таким же черным.

Монстры выли, некоторые вслепую стучались головами в стену, но остальные удирали молча, слышен только скрип костяной брони, скрежет, хруст и хриплое дыхание сотен крупных зверей.

Трон, черный, как сама смерть, поглощает блеск Камня, а тот медленно, но неуклонно разбухает в размерах. От него пошел сухой жар, из оранжевого стал ослепительно белым, наконец, заблестал так, словно превратился в осколок солнца.

Я отворачивался, пяясь, не в силах смотреть на неистовый блеск, затем повернулся и ринулся к ближайшему выходу, врезался в спины ближайших монстров. Мы вскочили вместе, дальше нас гнал нерассуждающий страх,

пока я не переломил в себе тварь и не заставил остановиться.

Леопольд споткнулся, грохнулся с хриплым криком и шумно скатился вниз по ступенькам. Монстры убегают в панике, но он посмотрел на меня и с трудом уперся обеими ногами в землю. По его лицу я понял, что тоже пришлось побороться, но зато теперь гордо вскинул голову и красиво бросил ладонь на рукоять меча.

За спиной послышался мощный сухой треск, словно лопнула перегретая гора. Раздалось злое шипение, прозвучали частые щелчки, как если бы мелкие осколки ударили по стенам. Снова треснуло, уже громче, затем мир тряхнул настоящий оглушительный треск, будто лопнула туго натянутая земная кора.

Леопольд тяжело дышал, лицо дикое, оглянулся, охнул. Крыша здания провалилась, изнутри ударил ослепляющий свет, словно само солнце вдруг начало подниматься прямо из коронного зала.

Стены задрожали, в окнах от страшного жара скрючились и сгорели, как сухие прутики, металлические решетки, а следом начали плавиться сами камни.

— Господи! — в ужасе воскликнул Леопольд. — Да что происходит?

— Темный Мир собирался идти за шерстью! — ответил я зло.

— И что?

— Пусть узнает, как быть стриженным!

Глава 17

Здание закачалось, стены медленно начали разваливаться на части. Из щелей ударил во все стороны дикий обжигающий свет. Раскаленный добела Камень стал размером со всю крепость и продолжает увеличиваться, заливая мир всежигающим огнем.

Леопольд ухватился обеими руками за ворот, рванул, стараясь поймать широко раскрытым ртом глоток воздуха.

— Что... все сгорит?

Я пробормотал:

— Я же говорил, выжжем светом истинной веры... А что может быть истиннее... Надеюсь, пощадит невинных... ну там камни, горы, железные руды, горючие сланцы, залежи нефти...

Леопольд закрывался ладонями от ослепительного блеска, что постоянно усиливается, наконец отвернулся и принялся тереть глаза кулаками. По лицу мутные струйки пота побежали в два ручья.

— Сэр Ричард, — прохрипел он. — Сейчас бы коня... Здесь все сгорит... Спасайтесь...

— Сгорит, — согласился я. — Только сейчас начинаю понимать, что говорила Темная Фея. Тугодум я местами.

— Вы с нею пообщались?

— Успел...

— И как она?

— Как женщина?

Он одобрительно хохотнул, лицо стало красным, пошло мелкими волдырями, затем вздулись крупные, на глазах начали лопаться, обнажая красную плоть.

— И все-таки... постарайтесь...

Он упал на землю, лицо покрылось потом, что моментально испарился, скоро от самого великого грешника на свете останется высохший труп, а потом жаркий ветер сдует серую горстку пепла.

— Некуда бежать, — ответил я трезво.

— Почему?

— Мир сгорит, — прохрипел я.

— Весь?

— Дотла. От края и до края.

От дикой жары мутилось в голове. Я упал на колени, но даже под плотно зажмуренными веками видел, как из Янтарного Камня вырастает дикое яростное солнце.

— Тогда... мы... показали... им...

— Да, — прохрипел я.

Он схватился за горло.

— Прощайте, сэр Ричард... Мы им дали!.. Господи, в руки твои передаю душу свою...

Мир вспыхнул огненно-белым, меня разметало на мириады частей, но последней мыслью было как сожаление, что не увижу Илларианы, так и счастливое чувство, что спас ее от этих тварей. Ради любимой женщины почему не сжечь всего лишь мир?

...Потоки ледяной воды не просто пригнули мою голову, а вжали в землю с такой силой, что я ощутил на губах вкус глины. Гневно прогрохотал гром, я поднял лицо и ужаснулся: никогда не видел такого буйства, такого бешеного накала и ярости в небе: молнии сверкают, накладываясь одна на другую, все небо горит безумным пламенем, трясется и роняет пылающие камни.

Сквозь быстро редющую пелену дождя проступили очертания огромного черного коня и такого же черного пса, оба подбежали и встали передо мной с покорно опущенными головами, как провинившиеся вассалы перед сюзереном.

От грохота раскалывается голова, дождь усилился еще и тут же ушел широкой полосой, вбивая пыль, однако черное небо осталось таким же гневным и чужим. От тяжелых ударов по ту сторону туч земля не содрогается, а трясется, как испуганная мышь.

Зайчик подошел ближе и посопел сочувствующе над ухом, а Бобик лизнул меня в лицо, но как-то неуверенно, к чему-то принюхиваясь и прислушиваясь.

За дождем открылись непонятные очертания, я потрясенно угадывал знакомые горы, в разрывах туч медленно проступили звезды. Я сообразил наконец, что это не мои глаза видят лучше, просто граница между мирами исчезает, уже исчезла...

Свежий воздух заполнил легкие. Пальцы погрузились

в мокрый песок, но это чистейший песок, блестящие частицы кварца, никакой слизи. В ноздри бьет аромат ночных цветов, пронеслась милая летучая мышь, такая теплая и лохматая...

Рядом что-то хрипит и скребется. Я скосил глаза вниз и в сторону, там Леопольд копошится, стонет и старается то ли сесть, то ли перевернуться на спину, но падает лицом в мокрую землю.

— Что за...

— Не чертыхайтесь, сэр Леопольд, — напомнил я.

Он прохрипел:

— Неужели никому моя душа не нужна?

— Время не пришло, — сказал я грубо, как и положено мужчине. — Вставайте, сэр. Надо служить Отечеству дальше. И глубже.

Он принял мою руку, ноги его трясутся еще больше, чем мои, кое-как воздел себя на задние конечности, весь мокрый, но не жалкий, хотя и в лохмотьях. Лицо потрясенно-изумленное, огляделся дико.

— Сэр, — произнес он упавшим голосом, — это... мы где?

— Похоже, — сказал я неуверенно, — Господь не принял наши души, потому что... кто везет, того и нагружают, сэр Леопольд! В общем, нам дан второй шанс. Наверное. Может быть. Господь бывает иногда добр. Или просто снисходителен.

— К нам?

— Остальные не лучше, — отрезал я. — Или вас обманывают их постные рожи святош? Так что, возможно, мы видим в отношении себя бесконечное милосердие Господа! В действии. Он всегда прощает, ибо не знаете, дураки, что творите... но я не так милосерден, я не прощаю! Так что будете искупать, ясно?

Он ошарашенно кивнул:

— Да, но...

— Всю жизнь!.. — сказал я уже тверже, сюзерен должен

быстрее других приходите в себя и брать на себя руководство. — Вы — единственный, кто побывал на той стороне и сумел вернуться.

Его глаза округлились.

— А вы, сэр Ричард...

— Ричард Длинные Руки, — произнес я значительно.

Он смотрел почтительно, но с непониманием, я подошадовал, что пропал весь эффект, спросил раздраженно:

— Вы сколько там были?

Он пробормотал:

— Лет сто... но мне показалось — тысячу.

— Сто, — ответил я с уважением, — ну тогда да, совсем ничего. Что один день для ленивого слона. В общем, идите, сэр, в этом новом старом мире для вас и... не грешите.

Он воскликнул с пламенной верой в голосе:

— Да ни за что!.. Да никогда!.. Да провалиться мне...

— Стоп-стоп, — прервал я строго, — а то в самом деле рухнете до самого ада. Не зарекайтесь!.. Бог простит мелкие грешки. Главное, с прямой дороги не сходить, а некоторые зигзуги... Я имею в виду, у всякого святого есть прошлое, у всякого грешника — будущее. Намек ясен?.. Ладно, идите, а то я уже нравоучать стал... Сам не терплю, когда меня нравоучают, а тут... как отец народа.

Он ухмыльнулся, отсалютовал, лицо на глазах преобразается, светлеет, плечи распрямились.

— Спасибо, сэр...

— Сэр Ричард, — напомнил я. — Вообще-то Ричарды есть, наверное, на свете еще, но Длиннорукие среди них — вряд ли.

— Запомню.

— И молчите о нашем приключении, — предупредил я. — Возьмите другое имя, живите... иначе. Я вас знал недолго, но все-таки не хотел бы увидеть вас на костре.

Он кивнул, поклонился, я некоторое время смотрел, как он уходит быстрой походкой, а потом и вовсе побежал, словно за ним еще маячит страшная тень Темного Мира.

— А мы, — сказал я арбогастру и Адскому Псу, — возвращаемся... Как хорошо, что вы, такие умницы, прибежали за мной! Господи, я в самом деле не верил, что у нас получится! Я же, подумать только, жертвовал собой, надо же, дурак какой...

В темном звездном небе вспыхнул оранжевый огонь. Я не успел моргнуть, как столб яркого света уперся в землю, из сияния картинно выступил Михаил, ладонь левой руки на груди в районе сердца, очень символический жест, вторая держит обнаженный оранжевый меч, раскаленный так, что от него сыплются искры.

Крылья на этот раз угрожающе вздыблены, солнце блещет на золотых перьях и стреляет яркими лучиками во все стороны.

Бобик зарычал, а Зайчик злобно оскалил зубы и поволчьи прижал уши.

Михаил проговорил ровным голосом:

— Тихо-тихо... Вам я ничего не сделаю.

Я сказал гордо:

— Я тебя понял, Михаил. Да, я очень сожалею о том, что сделал... но не раскаиваюсь. И снова бы сделал. Даже зная, что не вернусь, как ты предсказывал.

Он покачал головой:

— Хочешь сказать, что вернулся?

Я поинтересовался с настороженностью:

— А что, мне это чудится?

Он произнес сухо:

— Ты в этом мире только потому, что того... больше нет. И граница между ними исчезла. Уничтожив тот мир, ты просто оказался в этом. Там не осталось даже гор, там испепелился даже... пепел. Там исчезло все, включая пространство и время, потому ты и выпал сюда.

Я переспросил:

— Даже все полезные ископаемые сгорели?.. И никакие рудники там не поставит, да?

Он сказал гневно:

— О чем ты, неразумное? Ты уничтожил жизнь, самое ценное, что есть во вселенной! Ты уничтожил разум, а с ним нужно было вести переговоры, добиваться взаимопонимания, пойти на некоторые уступки, отыскать консенсус...

Я проговорил сквозь зубы:

— Где-то я это уже слышал. И уже тогда хотел бить кому-то морду. Да, очень хотел, помню.

Он покачал головой:

— Там своя культура, своя мораль, своя этика...

Я стиснул кулаки. Правозащитники меня никогда не простят, да я и не собираюсь перед ними каяться. Да, я поднял дерзновенную лапу на целый мир, начисто вырубил миллионы... наверное, видов, уничтожил, ах-ах, самотытные культуры, но я не политкорректник, а человек, для которого Господь Бог сотворил вселенную и которую передал ему в пользование. Теперь я сам решаю, какие деревья в этом саду растить, а какие выкорчевывать.

Отныне вся вселенная должна подстраиваться под вкусы и взгляды человека.

— Человек, — сказал я с надменностью рыцаря, — мера всех вещей! Что не на пользу хомо сапиенсу — уничтожить. Что ему во вред — уничтожить сразу же и без занесения в Красные книги!

Он вскричал гневно:

— Ты понимаешь, что говоришь, дикарь?

— Весь мир дик, — отрезал я. — Когда-то... да, верю, милосердие одержит верх над справедливостью. Но не в этом жестоком и пока еще не обтесанном, как горный алмаз, мире. Да, я убил всех, виноватых и невиноватых. Но все виноваты, потому что одни собирались нас пожрать, а другие не останавливали!.. И никакие переговоры вести с такими не буду. Наш Господь сказал: не мир принес я, но острый меч! Вот у меня мой меч... У тебя он тоже, кстати, но твой заржавел, а мой продолжает творить жестокие, но весьма, я бы сказал, богоугодные дела.

Он в отчаянии закрыл на мгновение лицо крыльями, а когда убрал их, в глазах вместо скорби сверкала ярость.

— Но ты сжег в том мире и людей!

— Грешников, — отпарировал я.

— Грешники тоже люди! — сказал он гневно.

Я нагло ухмыльнулся.

— Господь сжег Содом и Гоморру за меньшие грехи!

А напомнить, что в тех городах жили и отдельно взятые праведники?

Он потемнел, в ясных глазах отразилась мука.

— Не ссылайся на Господа, — сказал он. — Ты не Господь.

— Я по его образу и подобию, — напомнил я. — Может быть, слышал? Величайшая твердость и есть величайшее милосердие.

Он покачал головой:

— Я предлагал испепелить тебя еще вчера стрелой праведного гнева, когда ты хотел войти в тот мир!

Я бестрепетно взглянул в его грозное лицо.

— Догадываюсь. Тогда почему я... здесь? Почему я вообще ем?

Желваки заиграли на его лице, такие четкие, словно он искрошил зубы в бессильной надежде испепелить меня дотла.

— Самоубийство, — процедил он, — тягчайший грех. Однако Господь превыше всего ценит самопожертвование. Его сын Иисус отдал жизнь за людей...

— Ага...

Он взглянул на меня так, словно мечтал сжечь взглядом.

— Ты не Христос, но даже самый малый случай самопожертвования не проходит незамеченным. Господь на мое предложение... смолчал. Я понял, что нельзя карать невинного той же мерой, как и свершившего злодеяние. Тогда я предложил сжечь небесным огнем и ввергнуть на

вечные муки в ад... уже по возвращении. После твоего преступного деяния.

Ужас стиснул мое сердце, я с трудом разлепил замерзшие губы.

— Да?

— Господь скорбит, — произнес он строго и, как мне показалось, злорадно. — Очень скорбит. Ты уничтожил созданный им мир.

Я пробормотал:

— Господь однажды показал нам пример, уничтожив наш и дав спастись одному Ною с семьей... Потом он показал, я тебе уже говорил, как можно прижигать отдельные язвочки на теле человечества.

Михаил вскрикнул в ужасе:

— Так то Господь!.. Твоя гордыня выше, чем у Сатаны!

— Господь создал этот мир, — напомнил я, — и поручил его нам. И отныне отвечаем за него мы. Даже не Господь.

Он напомнил резко:

— Но Темный Мир людям не поручал!

— Да, — согласился я, — но я лишь реализую право на защиту! И защитился, как завещал нам Творец.

Он спросил ровным голосом, но я услышал в нем горестное недоумение:

— Что остановило Господа? Не знаю. Может быть, твоя странность, когда ты сперва был готов отдать жизнь за ничтожнейшего из людей? Или потом, когда ты решил отдать ее за спасение мира?

Я удивился:

— Правда, что ли?

— А с чего ты вдруг отнесся так милосердно к павшему? — спросил он в упор. — К грешнику? Тебе сострадание вообще не свойственно.

— Тебе откуда знать? — ответил я дерзко. — Я спас одного человека и уничтожил всего лишь мир! Но если человек — целая вселенная, то ноль-ноль?

— Софист, — сказал он с отвращением. — Мы оба зна-

ем, что это не равные величины. Но Господь почему-то принял во внимание...

— Господь не бухгалтер, — отрезал я. — Он не считает так, чтобы тебе или нам было понятно. У него своя логика. Намного более сложная. И возможно, именно этим поступком я заслужил... снисхождение. Хотя, возможно, чем-то иным. Ты так и не понял, Михаил, почему я все еще цел?

Он покачал головой:

— Пути Господни неисповедимы.

— Кое-что исповедимо, — возразил я. — Я не сделал того, что Господь велел... но сделал то, что нужно. Господь знает, я действовал правильно, хоть и жестоко. Мы живем в суровом мире, Михаил! А ты ждал увидеть арфу в моих руках?

Сияние вокруг него медленно угасало, как вечерний свет уходит при наступлении ночи. Я видел в его больших чистых глазах полнейшее непонимание.

— Ладно, — произнес он, — Господь ничего не сказал. Ни-че-го. Ни хорошего, ни плохого. Так что твое возвращение не значит прощения. Я буду наблюдать за тобой лично!

— Польщен, — сказал я сухо. — В туалет за мной ходить будешь всегда или через раз?

Он скорбно вздохнул и начал медленно подниматься в небо, так и не вернувшись в столб первозданного света.

Руки мои трясутся, словно всю ночь курей крал, я хлопал арбогастра по шее.

— В Альтенбаумбург!

Адский Пес, уже превратившись в веселого дурашливого Бобика, ринулся вперед огромными прыжками.

Сердце мое, разогревшись, стучит сильно и мощно. Утреннее солнце поднялось над краем земли, золотой луч, как стремительный ручеек, побежал мне под ноги.

И только от седельного мешка почему-то тянет смертельным холодом.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть I

Глава 1	5
Глава 2	16
Глава 3	25
Глава 4	34
Глава 5	49
Глава 6	58
Глава 7	66
Глава 8	75
Глава 9	84
Глава 10	94
Глава 11	104
Глава 12	114
Глава 13	124
Глава 14	134
Глава 15	142
Глава 16	151

Часть II

Глава 1	161
Глава 2	171
Глава 3	182
Глава 4	190
Глава 5	200
Глава 6	211
Глава 7	221

Глава 8	231
Глава 9	239
Глава 10	249
Глава 11	260
Глава 12	270
Глава 13	282
Глава 14	290
Глава 15	306
Глава 16	314

Часть III

Глава 1	321
Глава 2	329
Глава 3	340
Глава 4	348
Глава 5	358
Глава 6	368
Глава 7	379
Глава 8	389
Глава 9	400
Глава 10	409
Глава 11	418
Глава 12	426
Глава 13	435
Глава 14	444
Глава 15	453
Глава 16	459
Глава 17	467

Литературно-художественное издание

БАЛЛАДЫ О РИЧАРДЕ ДЛИННЫЕ РУКИ

Гай Юлий Орловский

РИЧАРД ДЛИННЫЕ РУКИ — ГЕРЦОГ

Ответственный редактор *Д. Малкин*

Редактор *Е. Тагирова*

Художественный редактор *А. Стариков*

Технический редактор *Н. Носова*

Компьютерная верстка *А. Щербакова*

Корректор *Э. Казанцева*

ООО «Издательство «Эксмо»

127299, Москва, ул. Клары Цеткин, д. 18/5. Тел. 411-68-86, 956-39-21.

Home page: www.eksmo.ru E-mail: info@eksmo.ru

Подписано в печать 13.07.2010.

Формат 84×108 1/32. Гарнитура «Таймс».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 25,2.

Тираж 40 000 экз. Заказ № 4002476.

Отпечатано в ОАО «Нижполиграф»

603006, Нижний Новгород, ул. Варварская, 32.

ISBN 978-5-699-44060-3

9 785699 440603 >

Оптовая торговля книгами «Эксмо»:

ООО «ТД «Эксмо». 142700, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное,
Белокаменное ш., д. 1, многоканальный тел. 411-50-74.
E-mail: reception@eksmo-sale.ru

**По вопросам приобретения книг «Эксмо»
зарубежными оптовыми покупателями обращаться в ООО «Дип покет»**
E-mail: foreignseller@eksmo-sale.ru

International Sales:

International wholesale customers should contact «Deep Pocket» Pvt. Ltd. for their orders.
foreignseller@eksmo-sale.ru

**По вопросам заказа книг корпоративным клиентам,
в том числе в специальном оформлении,
обращаться по тел. 411-68-59 доб. 2115, 2117, 2118.**
E-mail: vipzakaz@eksmo.ru

**Оптовая торговля бумажно-беловыми
и канцелярскими товарами для школы и офиса «Канц-Эксмо»:**

Компания «Канц-Эксмо»: 142702, Московская обл., Ленинский р-н, г. Видное-2,
Белокаменное ш., д. 1, а/я 5. Тел./факс +7 (495) 745-28-87 (многоканальный).
e-mail: kanc@eksmo-sale.ru, сайт: www.kanc-eksmo.ru

Полный ассортимент книг издательства «Эксмо» для оптовых покупателей:

В Санкт-Петербурге: ООО СЗКО, пр-т Обуховской Обороны, д. 84Е.
Тел. (812) 365-46-03/04.

В Нижнем Новгороде: ООО ТД «Эксмо НН», ул. Маршала Воронова, д. 3.
Тел. (8312) 72-36-70.

В Казани: ООО «НКП Казань», ул. Фрезерная, д. 5. Тел. (843) 570-40-45/46.
В Ростове-на-Дону: ООО «РДЦ-Ростов», пр. Стачки, 243А.

Тел. (863) 220-19-34.

В Самаре: ООО «РДЦ-Самара», пр-т Кирова, д. 75/1, литера «Е».
Тел. (846) 269-66-70.

В Екатеринбурге: ООО «РДЦ-Екатеринбург», ул. Прибалтийская, д. 24а.
Тел. (343) 378-49-45.

В Киеве: ООО «РДЦ Эксмо-Украина», ул. Луговая, д. 9.
Тел./факс: (044) 501-91-19.

Во Львове: ТП ООО «Эксмо-Запад», ул. Бузкова, д. 2.
Тел./факс (032) 245-00-19.

В Симферополе: ООО «Эксмо-Крым», ул. Киевская, д. 153.
Тел./факс (0652) 22-90-03, 54-32-99.

В Казахстане: ТОО «РДЦ-Алматы», ул. Домбровского, д. 3а.
Тел./факс (727) 251-59-90/91. gm.eksmo_almaty@arna.kz

Мелкооптовая торговля книгами «Эксмо» и канцтоварами «Канц-Эксмо»:
127254, Москва, ул. Добролюбова, д. 2. Тел. (495) 780-58-34.

Полный ассортимент продукции издательства «Эксмо»:

В Москве в сети магазинов «Новый книжный»:

Центральный магазин — Москва, Сухареvская пл., 12. Тел. 937-85-81.

Волгоградский пр-т, д. 78, тел. 177-22-11; ул. Братиславская, д. 12. Тел. 346-99-95.

Информация о магазинах «Новый книжный» по тел. 780-58-81.

В Санкт-Петербурге в сети магазинов «Буквоед»:

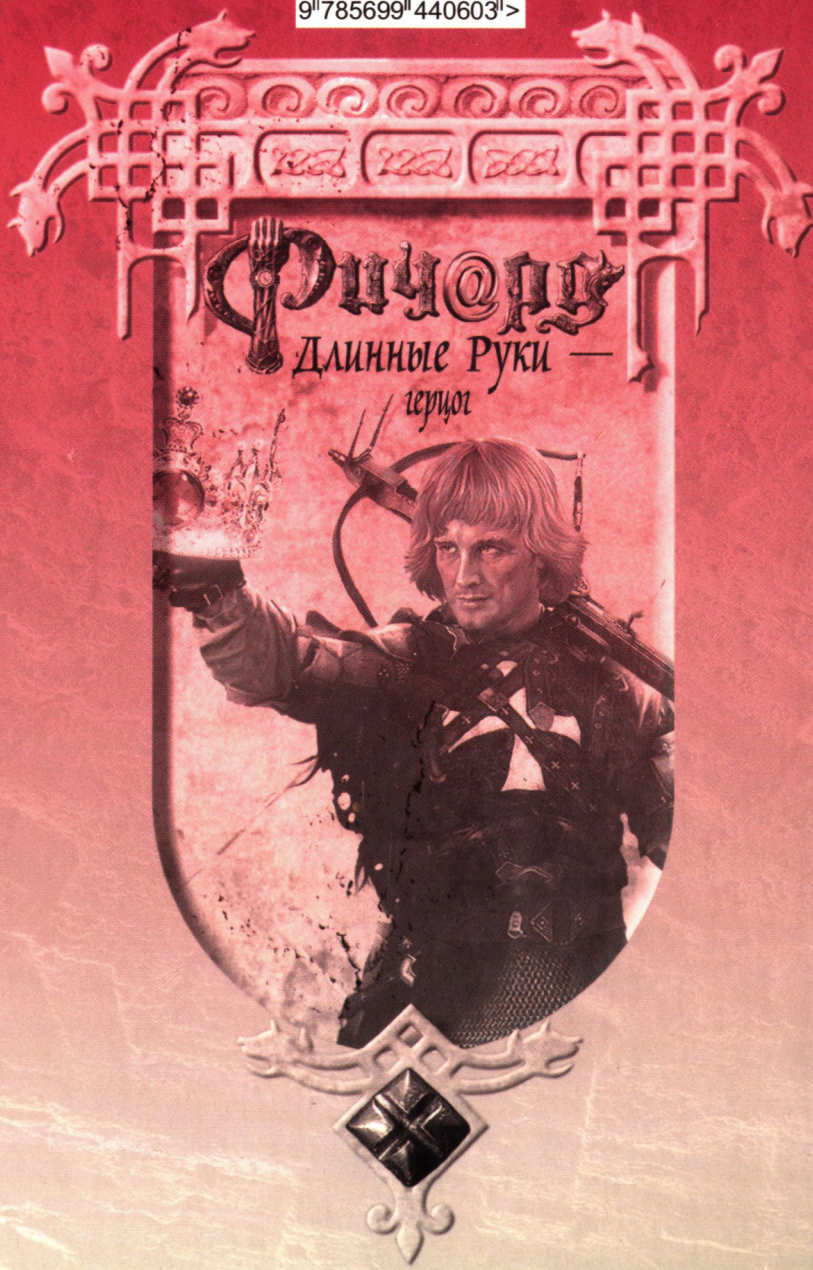
«Магазин на Невском», д. 13. Тел. (812) 310-22-44.

**По вопросам размещения рекламы в книгах издательства «Эксмо»
обращаться в рекламный отдел. Тел. 411-68-74.**

ISBN 978-5-699-44060-3

9 785699 440603 >

Ричард

Длинные Руки —

герцог